

ВЕСТНИК
ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

ИСТОРИЯ

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF HISTORY

Научный журнал

2017

№ 47

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере
массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия
(свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-29498 от 27 сентября 2007 г.).

Международный стандартный номер сериального издания (ISSN 1998-8613).
Подписной индекс 44014 в объединённом каталоге «Пресса России».
Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, входящих
в международные реферативные базы данных и системы цитирования,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук»,
Высшей аттестационной комиссии.

**РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ НАУЧНОГО ЖУРНАЛА
«ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА. ИСТОРИЯ»**

Галажинский Эдуард Владимирович, д-р психол. наук, проф., ректор Томского государственного университета; **Дацишен Владимир Григорьевич**, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой всеобщей истории Сибирского федерального университета (Красноярск); **Иванова Наталья Анатольевна**, д-р ист. наук, главный научный сотрудник Института Российской истории РАН (Москва); **Кирюшин Юрий Федорович**, д-р ист. наук, проф., президент Алтайского гос. университета (Барнаул); **Красильников Сергей Александрович**, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой отечественной истории Новосибирского государственного университета; **Лузянин Сергей Геннадиевич**, д-р ист. наук, проф., зам. директора Института Дальнего Востока РАН; **Мерлин Од**, д-р политической истории, проф. Свободного университета Брюсселя (Бельгия); **Саква Ричард**, PhD, проф. Кентского университета (г. Кентербери, Соединенное королевство Великобритании и Северной Ирландии); **Функ Дмитрий Анатольевич**, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой этнологии Московского государственного университета; **Ермекбай Жарас Акишевич**, д-р ист. наук, проф. кафедры социально-гуманитарных дисциплин Казахстанского филиала МГУ (Астана); **Суляк Сергей Георгиевич**, канд. ист. наук, гл. ред. международного исторического журнала «Русин», президент общественной организации «Русь» (Молдавия)

**РЕДАКЦИЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА. ИСТОРИЯ»**

Зиновьев Василий Павлович, главный редактор, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой отечественной истории, декан исторического факультета; **Румянцев Петр Петрович**, ответственный секретарь, канд. ист. наук, доцент; **Фоминых Сергей Фёдорович**, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой современной отечественной истории; **Харусь Ольга Анатольевна**, д-р ист. наук, проф.; **Шиловский Михаил Викторович**, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой истории России Новосибирского государственного университета

**EDITORIAL COUNCIL OF THE
“JOURNAL OF TOMSK STATE UNIVERSITY.
HISTORY”**

Galazhinsky Eduard V., Dr. of Psychology, Professor, Rector of Tomsk State University; **Datsyshen Vladimir G.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of World History, Siberian Federal University (Krasnoyarsk); **Ivanova Natalia A.**, Dr. of History, Senior Researcher, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow); **Kiryushin Yuriy F.**, Dr. of History, Professor, President of Altai State University (Barnaul); **Krasilnikov Sergey A.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Russian History, Novosibirsk State University; **Luzyanin Sergey G.**, Dr. of History, Professor, Deputy Director, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences; **Merlin Aude**, PhD (History), Professor of the Free University of Brussels (Belgium); **Sakwa Richard**, PhD (History), Professor of the University of Kent at Canterbury (Great Britain); **Funk Dmitry A.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Ethnology of Moscow State University; **Ermekbay Zharas A.** Dr. of History, Professor of Department of social and humanitarian disciplines of Kazakhstan Moscow State University branch (Astana); **Sulyak Sergey Georgiyevich**, PhD of History, editor-in-chief of the international historical magazine «Rusin», president of public organization «Rus'» (Moldova)

**EDITORIAL BOARD OF THE
“JOURNAL OF TOMSK STATE UNIVERSITY.
HISTORY”**

Zinoviev Vasily P., Editor-in-Chief, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Russian History, Dean of the Faculty of History; **Rumyantsev Peter P.**, Executive Editor, PhD (History), Associate Professor of the Department of Russian History; **Fominykh Sergey F.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Modern Russian History; **Kharus Olga A.**, Dr. of History, Professor of the Faculty of History; **Shilovsky Mikhail V.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Russian History, Novosibirsk State University

Журнал включен в базу данных Emerging Sources Citation Index в Web of Science Core Collection.
Журнал включен в базу данных Russian Science Citation Index на Web of Science.

The Journal is included in the Emerging Sources Citation Index in the Web of Science Core Collection.
The Journal is included in the Russian Science Citation Index and put on the Web of Science.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

Манькова И.Л. Возникновение монастырей в Сибири в XVII в.: проблемы датировки и численности	5
Петриков К.А. «Императорское общество»: проблема взаимоотношений Екатерины II и Вольного экономического общества в «Трудах Вольного экономического общества»	15
Архангельская Л.В. Женское начальное образование в школах Духовного ведомства Пермской губернии во второй половине XIX – начале XX в.	24
Смокотин С.В. Православная церковь и крестьянство в Томской губернии в XIX – начале XX в.	34
Румянцев П.П., Чернов А.К. Томское горное управление: состав и функции	41
Кириллов А.К., Панова А.Е. «Душа» против «состояния»: неявный смысл крестьянских налоговых раскладок в России начала XX в. (на материалах Богородской и Семилужной волостей Томского уезда)	48
Петин Д.И. Эмиссия денежных суррогатов советской властью в Кяхте летом 1918 г.	59
Тарасов О.А., Васильева С.А. Дело о «симуляции расстрела попов» в Рязанском губернском концентрационном лагере принудительных работ осенью 1919 г.	65
Перова М.А. Законодательное регулирование системы образования в Советской России 1917–1930-х гг. и его влияние на становление уклада советской школы (на материалах Курганского и Шадринского округов)	69
Потапова Н.А. «Харбинская» операция НКВД СССР 1937–1938 гг. в Алтайском крае	75
Андреев С.Н. Агротехника совхозов Сибири во второй половине 1940-х – начале 1950-х гг.	81
Баканов С.А., Попов А.А. Как шахтеры стали «аристократами»: социальные эффекты развития угледобычи в СССР и Польше (1945–1970-е гг.)	87

ПРОБЛЕМЫ ВСЕМИРНОЙ ИСТОРИИ

Строгетский В.М. К интерпретации текста Фукидида о причинах и поводе Пелопоннесской войны	97
Наумов Н.Н. Сигизмунд Люксембургский и имперская аристократия на первом этапе Гуситских войн: Фридрих IV Веттин, маркграф Мейсенский	102

ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ, ЭТНОГРАФИИ И СОЦИАЛЬНОЙ АНТРОПОЛОГИИ

Водясов Е.В., Зайцева О.В. Что может рассказать археологу железный шлак?	107
Войтович Н.М. Народные представления украинцев Карпат о связи домашнего скота с персонажами «низшей» мифологии	116
Скиперских А.В. История российской провинции в мемориальной культуре: политическое конструирование	121

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ И МЕТОДОЛОГИИ ИСТОРИИ

Синегубов С.Н., Шилов С.П. Российские издания 1914–1917 гг. о Германии: политика и аналитика	128
Мариненко Я.С., Мучник В.М., Хазанов О.В. Казус Pussy Riot как отражение процесса архаизации российского общественного сознания	135

CONTENTS

PROBLEMS OF HISTORY OF RUSSIA

Mankova I.L. The Monasteries' Springing Up in Siberia in the XVIIth Century: the Problem of Their Date and Their Number	5
Petrikov K.A. «Imperial Society»: relationship between Catherine II and the Free Economic Society in the «Trudy»	15
Arhangelskaya L.V. Women elementary education at schools in the Perm province department of religious affairs in the latter half of the XIX th – early XX th centuries	24
Smokotin S.V. The Orthodox Church and the peasantry in the Tomsk province in the XIX th – early XX th century	34
Rumyantsev P.P., Chernov A.K. Tomsk Mountain Management: structure and functions	41
Kirillov A.K., Panova A.Ye. "Souls" Versus "Means": Implicit Meanings of the Peasants' Tax Distribution Acts at the Early XXth century Russia (on the Materials of the Bogorodskaya and Semiluzhnaya Counties, Tomsk District)	48
Petin D.I. Emission of money surrogates by Soviet authorities in Kiakhta in summer 1918	59
Tarasov O.A., Vasileva S.A. The affair of «simulation of the priests' execution» in the Ryazan Provincial Concentration camp in the fall of 1919	65
Perova M.A. Legislative regulation of an education system in the Soviet Russia 1917 – the 1930th and his influence on the Soviet school (on materials of Kurgan and Shadrinsk districts)	69
Potapova N.A. «Harbinian» operation of the NKVD of the USSR in 1937–1938 in the Altai territory	75
Andreenkov S.N. Agrocultural technology of state farms of Siberia in the second half of 1940s – early 1950s.	81
Bakanov S.A., Popov A.A. How the Miners Became „Aristocrats”. Social Effects of Coal mining in the USSR and Poland (1945–1970s)	87

PROBLEMS OF WORLD HISTORY

Strogetsky V.M. To the interpretation of the Thucydides text on the reasons and occasion of the Peloponnesian war	97
Naumov N.N. Sigismund of Luxemburg and the aristocracy of the Holy Roman Empire on the first stage of the Hussite wars: Frederick IV of Wettin, margrave of Meißen	102

PROBLEMS OF ARCHEOLOGY, ETHNOGRAPHY AND SOCIAL ANTHROPOLOGY

Vodyasov E.V., Zaitceva O.V. What can iron slag tell an archaeologist?	107
Voitovych N.M. Traditional beliefs held by the Ukrainians who lived in the Carpathians concerning the link between livestock and characters of "lower" mythology	116
Skiperskikh A.V. History of the Russian province in the memorial culture: political construction	121

PROBLEMS OF HISTORIOGRAPHY SOURCE STUDY AND METHODOLOGY OF HISTORY

Sinegubov S.N., Shilov S.P. The Russian periodicals of 1914–1917 about Germany: politics and research	128
Marinenko Y.S., Muchnik V.M., Khazanov O.V. The case of Pussy Riot as a reflection of the process of archaization of Russian public consciousness	135

РЕЦЕНЗИИ И НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Бойко В.П. Рецензия : Комлева Е.В. Из наследия красноярских купцов Ларионовых. Вып. 1 : письма конца XVIII – первой трети XIX в. Новосибирск : Академиздат, 2016. 324 с.	138
Гончарова Т.А., Чёрная М.П. Рецензия : Кучинский А. Сибирь: 400 лет польской диаспоры. Ссылки, мученичество и заслуги поляков в освоении Сибири. Исторические очерки. Антология. М. : МИК, 2015. 736 с.	140
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	142

REVIEWS AND SCIENTIFIC LIFE

Boyko V.P. Review : Komleva E.V. From the legacy of Krasnoyarsk merchants Larionovs. Issue. 1: letters from the end of the XVIIIth – the first third of the XIXth century. Novosibirsk : Akademizdat, 2016. 324 p.	138
Goncharova T.A., Chernaya M.P. Review : Kutchinsky A. Siberia: 400 Years of the Polish Diaspora. Exiles, Martyrdom the Merits of the Poles in the Development of Siberia. Historical Essays. Anthology. Moscow, 2015. 736 p.	140
INFORMATION ABOUT THE AUTHORS	142

ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

УДК 94 (571) “16”
DOI: 10.17223/19988613/47/1

И.Л. Манькова

ВОЗНИКНОВЕНИЕ МОНАСТЫРЕЙ В СИБИРИ В XVII в.: ПРОБЛЕМЫ ДАТИРОВКИ И ЧИСЛЕННОСТИ

Поставлена проблема определения критериев для датировки основания сибирских монастырей в XVII в., показано разнообразие существующих подходов, уточнены даты и обстоятельства возникновения некоторых обителей. Для выявления общих тенденций развития монашеской традиции в Сибири XVII в. предложена систематизация «сценариев» создания монастырей. Выявляя инициаторов процесса, автор выделяет три варианта: основание монастыря монашествующими лицами, по инициативе мирян и Тобольского архиерейского дома. Рассмотрена проблема определения количества сибирских монастырей в XVII в. Расхождения в этом показателе объяснены отсутствием единой методики подсчетов.

Ключевые слова: колонизация Сибири; история Русской православной церкви; монашество; монастыри.

Православные монастыри сыграли заметную роль в истории освоения Сибири. Их появление свидетельствовало о распространении и укоренении религиозных традиций русских новопоселенцев; монастырские вотчины стали активными участниками хозяйственного освоения новой территории. Эта сторона деятельности сибирских монастырей основательно исследована отечественными историками [1–7 и др.]. На наш взгляд, одним из сложных вопросов в изучении истории сибирских монастырей является проблема датировки их основания. Во многих случаях трудности связаны с отсутствием надежных документальных свидетельств, а также разнообразием подходов в выборе «точки отсчета» истории монастыря.

В современной историографии существуют как общепринятые даты основания многих обителей, так и разночтения в определении времени возникновения одного и того же монастыря. В частности, это прослеживается при сравнении дат основания монастырей Восточной Сибири в монографиях Л.П. Шорохова «Корпоративно-вотчинное землевладение и монастырские крестьяне в Сибири в XVII–XVIII вв.» (Красноярск, 1983) и А.В. Дулова, А.П. Санникова «Православная церковь в Восточной Сибири в XVII – начале XX веков. Ч. 1» (Иркутск, 2006). Так, появление Туруханского Троицкого мужского монастыря красноярский историк датирует 1660 г., а иркутские исследователи – 1657 г., дата возникновения Енисейской Рождественской женской обители в первой книге – 1664 г., во второй – 1623 г. и т.д. [6. С. 25; 8].

Вместе с тем нуждаются в корректировке и некоторые общепринятые даты. Так, считается, что Тобольский Знаменский монастырь ведет свое начало от Зосимосавватиевской пустыни, якобы существовавшей еще до 1596 г. на противоположном от города берегу Тобола [9. С. 70–71]¹. На этом основании его называют древнейшим в Сибири. Дата «1596 г.» взята из царской

грамоты тобольскому воеводе И. Хилкову 1662 г., опубликованной в «Дополнениях к Актам историческим» [10. С. 262–266]. В ней упоминается вклад в этот монастырь Максима Юрлова, сына атамана пеших казаков Третьяка Юрлова, якобы сделанный в 7104 (1595/96) г. Сегодня уверенно можно говорить, что при публикации документа была допущена ошибка в воспроизведении даты вклада. В фонде Сибирского приказа (РГАДА) сохранилась переписная книга вотчины Знаменского монастыря 1641 г., которая и цитируется в опубликованной грамоте. Она начинается со «скаски» архимандрита Варлаама, поданной в тобольскую съезжую избу 11 сентября 1641 г. В этом документе старцы перечислили все свои земельные приобретения, полученные от частных лиц с 1613/14 по 1641 г. В том числе указано, что «в 144 году Максим Евтихеев тобольского атамана Третьяка Юрлова сын дал в Знаменской монастырь по благословению отца своего деревню свою вверх по Иртышу реке над Сосновым озером со всеми хоромы и с пашенною землею и со всеми угодья, чем отец ево Третьяк владел и з закладною роспашью, что отцу ево заложил юртовской захребетной татарин Усамет Усенов...» [12. Оп. 1. Д. 151. Л. 9–10]. Нет никаких сомнений, что это тот самый вклад, который упомянут в опубликованной грамоте 1662 г. К «скаске» архимандрита Варлаама были приложены копии с вкладных записей. Вкладная Максима Евтихеева Юрлова датирована «144 г. 17 декабря» [Там же. Л. 16]. Таким образом, в источнике дата «144 г.» указана дважды. Следовательно, вклад был сделан не в 1595/96 г., а в 1635 г.

Тобольский Знаменский монастырь был построен в 1624 г. по решению братии, проживавшей до этого в Успенской обители [13. С. 82]. Согласно «Книге записной», последняя была построена в 1609/10 г. по просьбе жителей города [14. С. 143]. Не исключено, что в это время недалеко от Тобольска находилась пустынь и по

завершению строительства ее насельники перешли в городской монастырь, но нет никаких оснований считать, что она существовала с XVI в.

В истории Томска XVII в. было три мужских монастыря – Успенский, Алексеевский и Усть-Киргизская Богородицкая пустынь. В литературе можно встретить несколько версий последовательности их возникновения. Так, развивая версию Г. Миллера, Д.Н. Беликов предположил, что Успенская обитель появилась в 1621–1622 гг., но в начале 1630-х гг. она прекратила свое существование. «Очень возможно, – писал историк, – что Усть-Киргизский монастырь возник из опустевшего Успенского». На рубеже 1650–1660-х гг. монахи-пустынники построили Алексеевский монастырь в городе [15. С. 1–3, 9]. На сайте Томского Алексеевского монастыря сообщается, что обитель ведет свое начало от Усть-Киргизской пустыни, основанной в 1605 г., а Успенский монастырь вообще не упоминается [16]. Если первая версия хотя бы частично подкреплена документами, то вторая гипотеза пока не имеет документального подтверждения.

Судя по окладным книгам Томска за 1629/30 г. и 1630/31 г., Успенская обитель перестала действовать в 1630 г., игумена Феодосия перевели в Троицкий собор, а в Успенской церкви стал служить бывший троицкий священник Андрей Данилов [17. С. 54, 91–92, 100, 101].

Очевидно, на этом монашеская традиция в Томске прервалась. Ее возрождение началось не в виде городского монастыря, а пустыни. Согласно документам из фонда Тобольской духовной консистории, опубликованным Д.Н. Беликовым, в XVIII в. монахи Алексеевского монастыря считали, что их обитель сначала находилась в устье реки Киргизки, а в конце 1650-х – начале 1660-х гг. была перенесена в Томск [15. С. 206]. В ответе на запрос Г. Миллера в 1740 г. архимандрит Лаврентий указал, что «при Томском городе монастырь Алексеевский построен в прошлом 151 (1642/43. – *И.М.*) году, по благословенной грамоте Великого Господина, Преосвященнейшего Корнилия, Митрополита Сибирского и Тобольского, и тое грамоту, в прошлом 704 (1704. – *И.М.*), покрали из церкви неведомые воры... а строили тот монастырь братскими трудами на заемные у Томских градских людей деньги» [18. С. 315]. Вероятно, здесь идет речь об Усть-Киргизской обители. Преемственная связь Усть-Киргизской Богородицкой пустыни и Алексеевского монастыря прослеживается по документам, хотя и XVIII в. История же Успенской обители является отдельным эпизодом городской жизни начала XVII в.²

Из публикации в публикацию повторяется, что Кузнецкий Христорождественский мужской монастырь был основан в 1648 г. по благословию сибирского архиепископа Герасима при царе Алексее Михайловиче [6. С. 24; 19. С. 97]. Однако сведений о том, как это произошло, не приводится. Д.Н. Беликов указал, что эта дата появилась в связи с предположением Г. Миллера [15. С. 192]. В «Истории Сибири» он отме-

тил, что «вследствие недостатка известий не может быть точно указан год основания Рождественского монастыря, находившегося в двух-трех верстах от Кузнецка, на восточном берегу реки Томи». Ученый предположил, что это могло произойти в 1640–1650-е гг. [20. С. 106]. В статье из Тобольских епархиальных ведомостей, посвященной сибирскому архиепископу Герасиму, при указании 1648 г. как года основания Кузнецкой обители имеется ссылка на некую «Сибирскую летопись» [21. С. 378]. Вероятно, речь идет о Черепановской летописи, хорошо известной авторам епархиального издания³. Это летописное сообщение нуждается в проверке по другим источникам.

Необходимо уточнить и фигурирующую в историографии дату основания Селенгинского Троицкого монастыря. Как известно, по решению церковного Собора 1680 г. 12 монахов во главе с игуменом Темниковского Сретенского монастыря Феодосием были отправлены за Байкал на реку Селенгу «для призыву и крещения в православную христианскую веру иноземцев, и строити монастырь во имя Живоначальных Троицы» [22. С. 101]. Добравшись до места назначения участники миссии основали Селенгинский Троицкий монастырь. А.В. Дулов и А.П. Санников уверенно пишут о том, что он основан в мае 1681 г. [8]. Л.П. Шорохов, ссылаясь на изыскания Г. Миллера по материалам из Иркутской провинциальной канцелярии, указал, что «Троицкий Селенгинский монастырь построен государственною казною в 1683 году по указу великого государя». Однако в его сводной таблице «Возникновение сибирских монастырей» стоит дата основания этого монастыря – 1681 г. [6. С. 27, 33]. В статье «Даурская духовная миссия» (Православная энциклопедия) А.Д. Жалсаарев, реконструируя хронологию событий, исходил из того, что миссия добралась до Тобольска в мае 1680 г. По его предположению, в Забайкалье она прибыла весной 1681 г. и «сразу же ее члены приступили к устройству Селенгинского во имя Св. Троицы монастыря» [23. С. 217]. Между тем опубликованная в «Актах исторических» благословенная грамота сибирского митрополита Павла игумену Феодосию на строительство монастыря датирована 13 мая 1681 г. [22. С. 101–102]. Получается, что в литературе датой основания Селенгинского монастыря считается дата получения благословенной грамоты, а не факт непосредственного строительства монастыря на реке Селенге.

В монографии А.В. Дулова и А.П. Санникова можно выделить несколько подходов к выбору событий, с которых ведется отсчет истории того или иного монастыря: это обращение к властям местных жителей с просьбой создать монастырь (Якутский Спасский мужской), образование скита (Туруханский Троицкий мужской, Кетская пустынь), благословение сибирского архиепископа или митрополита (Енисейский Рождественский женский, Иркутский Вознесенский мужской, Нерчинский Успенский мужской), назначение строителя (Киренский Троицкий мужской), строительство монастыр-

ского комплекса (Иркутский Знаменский женский), первое земельное пожалование (Братская Спасская пустынь) [8]. Такое разнообразие «точек отсчета» можно объяснить тем, что, во-первых, во многих случаях это уже устоявшаяся историографическая традиция, во-вторых, крайне сложно выделить единый принцип датирования основания монастырей, возникших в XVII в., поскольку в то время не существовало строгой регламентации процедуры создания обители. Остается открытым вопрос, что считать датой основания: появление скита монаха-отшельника или образование поселения рядом с ним, организацию монашеской общины при приходской церкви или строительство монастырского комплекса для нее, благословение на строительство монастыря епархиального начальства, назначение первого строителя или игумена? А может быть, ориентироваться на представления современников о том, является ли конкретное религиозное объединение монастырем?

Возникновение монашеской общины практически не фиксируется в источниках. Далеко не всегда с самого начала она называлась монастырем. Так, в дозорной книге Тобольска 1624 г. около расположенных рядом приходских церквей во имя Николая Чудотворца и Рождества Богородицы отмечены 13 келий, в которых проживала 21 монахиня, но они не названы монастырем [12. Оп. 1. Д. 3. Л. 61]. В историографии появление женского монастыря в Тобольске связывается со временем поселения монахинь в Успенском монастыре [9. С. 20–21]. В данном случае решающее значение для восприятия современниками монашеской общины как монастыря имело определенное территориальное устройство, а именно обособленность от мирского пространства с помощью ограды, наличие своей (монастырской) церкви, построек бытового назначения.

В то же время в Тюмени у женской монашеской общины «своя территория» появилась только в 1658/59 г., когда был построен Алексеевский монастырь [9. Оп. 3. Д. 1050. Л. 366]. До этого многие годы монахини объединялись вокруг приходской Ильинской церкви, не все из них жили рядом с храмом, однако в документах регулярно фигурировал женский Ильинский монастырь во главе с игуменьей [24. Оп. 2. Д. 18. Л. 2 об.]. Очевидно, в этом случае имело значение объединение монахинь под руководством настоятельницы.

Эти примеры показывают, что для XVII в. трудно выделить универсальный критерий для выбора «точки отсчета» начала монастырей, необходимо рассматривать каждый конкретный случай. Мы объединили известные и уточненные нами даты возникновения сибирских монастырей и указали события, по которым они определены (таблица). Не исключено, что со временем исследователи найдут новые источники и наши данные будут скорректированы.

Хотя выделить единый критерий для выбора начальной точки отсчета монастырских историй практически невозможно, определенная систематизация возможна, исходя из задач конкретного исследователя.

Для выявления общих тенденций развития монашеской традиции в Сибири XVII в. мы попытаемся это сделать, определяя инициатора создания обители. В таком случае «отправной точкой» истории монастыря может быть начало его деятельности, она может считаться и датой основания обители.

По сохранившимся сведениям прослеживаются три пути возникновения монастырей. Первый – по инициативе монаха. Если он собирался строить монастырь в городе, то сначала обращался к местной светской администрации за разрешением и к церковным властям за благословением. Так, в Верхотурье монастырь был создан иеромонахом Ионой Пошехонцем по обету на средства казны и мирян. Сохранилась переписка Ионы с московскими властями о завершении строительства монастырского храма во имя Николая Чудотворца и страстотерпцев Бориса и Глеба в 1604 г. Эта дата и считается временем основания монастыря [25. С. 59; 26. С. 9–11]. В Тюмени Преображенский мужской монастырь был построен в 1615/16 г. старцем Нифонтом из Казани на средства мирян [27. С. 312]. В 1639 г. в 13 верстах от Красноярского острога на реке Березовке старец Герасим основал Введенский мужской монастырь на земле красноярского атамана М. Кольцова, которую он получил за службу и передал под строительство будущей обители [20. С. 106].

Местные сообщества поддерживали начинания старцев вкладами и пожертвованиями, активно участвовали в жизни и благоустройстве монастырей. На имя царя подавались коллективные ходатайства о нуждах обителей. Так, Тобольский Успенский монастырь получил первые земельные пожалования от государства в 1612 г. после челобитной строителя Логина с братией и вкладчиков – казачьего атамана Ивана Дурыни «с товарищи». Служилые люди просили наделить обитель земельными угодьями «для их старости за их службы и за раны, где б при смертном часу головы свои приклонить» [28. С. 122]. Мотивация участия сибиряков в создании обителей отражала общерусские христианские традиции «проводить последние годы жизни в монастыре» [29. С. 168]. Первопоселенцами в городах были служилые люди, присланные в Сибирь на военную службу без семей, большинство из них имели весьма скромное обеспечение, их жизнь часто подвергалась опасности. Для старых, больных, одиноких ветеранов государственной службы монастыри становились пристанищем, где можно было провести остаток жизни.

Вне городов монастыри начались как пустыни и скиты. На основании документов XVI–XVII вв. по истории монашества Приуралья Е.В. Кустова выделяет три варианта применения понятия «пустынь»: уединенное место проживания монаха-отшельника, небольшой монастырь негородского типа и вотчина сравнительно крупного монастыря [30. С. 145]. На сибирских материалах прослеживаются аналогичные случаи использования термина «пустынь». Однако, на наш взгляд, формулировка последнего варианта применения слова «пустынь» нуждается в уточ-

нении. Скорее речь может идти не о монастырской вотчине в целом, а об одном из типов поселений на территории, принадлежавшей монастырю, но находившейся на значительном расстоянии. Так, Якутский Спасский мона-

стырь владел землями в Северном Прибайкалье и на Дальнем Востоке. Проблему управления дальними камчатскими вотчинами он решил путем организации Успенской пустыни в начале XVIII в. [8].

Основание монастырей в Сибири в XVII в.

Название	Дата основания	Датирующее событие
Верхотурский Николаевский мужской	1604 г.	Завершение строительства монастырской церкви
Тобольский Успенский (с 1624 г. Знаменский) мужской	До 1609/10 г.	Существование монашеской общины до строительства монастыря в городе
Тюменский Преображенский (Троицкий) мужской	1615/16 г.	Строительство монастыря
Тагильский Рождественский (Преображенский) мужской ¹	До 1621 г.	Существование монастыря до назначения игумена архиепископом Киприаном
Туринский Покровский (с 1679/80 г. Николаевский) мужской	До 1621 г.	Существование монастыря до назначения игумена архиепископом Киприаном
Березовский Воскресенский мужской	До 1621 г.	Существование монастыря до назначения игумена архиепископом Киприаном
Невьянский Богоявленский мужской	1621 г.	Благословение архиепископа Киприана на строительство монастыря
Верхотурский Покровский женский	1621 г.	Благословение архиепископа Киприана на строительство монастыря
Томский Успенский мужской ²	1621 г.	Назначение игумена
Енисейский Христорождественский женский	1623 г.	Благословение архиепископа Киприана на строительство монастыря
Тюменский Ильинский (с 1658/59 г. Алексеевский, затем Успенский) женский	До 1624 г.	Существование монастыря до составления дозорной книги 1624 г.
Тарский Спасский мужской	До февр. 1624 г.	Существование монастыря до составления дозорной книги 1624 г.
Тарский Пятницкий женский ³	До 1624 г.	Существование монастыря до составления дозорной книги 1624 г.
Тобольский Успенский (позднее Рождественский) женский	1625 г.	Переселение монахинь в монастырский комплекс
Усть-Киргизский Богородицкий (позднее Томский Богородице-Алексеевский) мужской	До 1656 г.	Упоминание в челобитной кузнецкого пешего казака Кондратия Ерофеева как существующего
Красноярский Введенский мужской	1639 г.	Строительство монастыря
Енисейский Спасский мужской	1642 г.	Благословенная грамота архиепископа Герасима
Далматовский Успенский мужской	1644 г.	Возникновение скита монаха Далмата
Кузнецкий Христорождественский мужской	1648 г. (?)	?
Рафайловский Троицкий мужской	1651 г.	Возникновение пустыни старца Рафаила
Междугорский Ивановский мужской	1653 г.	Благословение архиепископа Симеона на строительство монастыря
Кондинский Троицкий мужской	1653 г.	Благословение архиепископа Симеона и царский указ от 20.10. 1653
Туруханский Троицкий мужской	1660 г.	Возникновение скита монахов Тихона и Дионисия
Якутский Спасский мужской	После июня 1664 г.	Челобитная жителей Якутска о благословении на строительство монастырской церкви
Усть-Киренский Троицкий мужской	До 1665 г.	Возникновение пустыни старца Гермогена
Братская Спасская мужская пустынь	Между 1664 и 1668 г.	Благословение митрополита Корнилия на строительство монастыря
Иркутский Вознесенский мужской	1672 г.	Благословение митрополита Корнилия на строительство монастыря
Томский Рождественский женский	1671 г.	Строительство монастыря казачьим головой З. Литосовым
Албазинский Спасский мужской ⁴	1671 г.	Заложен старцем Гермогоном
Лосиноборский Преображенский (Кетская пустынь)	Начало 1670-х гг.	Возникновение пустыни
Туринский Покровский женский	1679/80 г.	Отдельное поселение женской общины
Далматовский Введенский женский	1680 г.	Строительство монастыря
Селенгинский Троицкий мужской	После мая 1681 г.	Поселение монахов
Посольский Преображенский мужской (до 1700 г. Николаевская пустынь)	1680-е гг.	Организация поселения Селенгинского Троицкого монастыря
Иркутский Знаменский женский	1689	Назначение строителя
Кашиновишерская Спасская пустынь	Конец XVII в. (?)	?

¹ Прекратил существование после 1624 г.

² Существовал до 1630 г.

³ Существовал до 1627 г.

⁴ Существовал до 1689 г.

Скиты основывали старцы, стремившиеся к уединению от мира. Отшельничество и аскетизм были для них средствами духовного совершенствования. Через некоторое время к ним приходили монахи и миряне. Они строили церковь и кельи, в результате появлялась пустынь. Затем подавались челобитные на отведение земель и промысловых угодий. Царским указом новая пустынь наделялась землей для прокормления братии. Таким путем возникли Далматовский Успенский (старец Далмат), Рафайловский Троицкий (старец Рафаил), Туруханский Троицкий (старцы Тихон и Дионисий), Иркутский Вознесенский (старец Герасим), Лосиноборский Спасо-Преображенский (Кетская пустынь, строитель неизвестен) монастыри. Подробные истории появления известны лишь у двух из них.

Среди монахов Далматовского и Туруханского монастырей были грамотные, склонные к писательскому творчеству люди, которые оставили для потомков сочинения об основателях этих обителей. Они написаны с ориентацией на каноны житийной литературы, создавались для прославления иноческого подвига «начальных» старцев и, возможно, с целью их канонизации. Так, в Туруханском Троицком монастыре появилось сочинение «О поставлении и о начале обители святых Троицы в Туруханских пределах при устии реки, зовомыя Тунгуски» [31. С. 331–354]. По мнению С.В. Бахрушина и Е.К. Ромодановской, это своеобразное житие старца Тихона было составлено кем-то из близких ему монахов [Там же; 32. С. 284–285]. Автор сочинения создал образ основателя монастыря как духовного наставника «соиночествующих». «Ученицы его» уговорили старца принять чин священства, чтобы иметь попечение «о собранном малом стаде и о святой церкви» [20. С. 469–470]. Аскетический образ жизни Тихона («постничество», ношение вериг) являл собой пример истинного христианского монашества.

В Далматовском Успенском монастыре в начале XVIII в. также было написано сочинение о возникновении обители, названное нами «Известие об основании Далматовского монастыря, составленное архимандритом Исааком» [33. С. 184–186]. Оно могло стать основой для написания жития основателя монастыря Далмата (в миру Дмитрия Ивановича Мокринского). В XVII в. Успенская обитель стала известным духовным центром Зауралья и Западной Сибири. Это произошло в первую очередь благодаря авторитету старца Далмата.

Второй вариант развития событий – это возникновение монастыря по инициативе мирян. Так, в 1663 г. жители Илимского острога и ближайшей сельской округи, «приезжие торговые и промышленные, и гулящие всяких чинов люди» обратились с челобитной к воеводе Д. Обухову за разрешением «в Ылимском уезде на великой реке Лене, на усть Киренги у Никольского погосту по обещанию их построить вновь Троецкой монастырь» [34. С. 99–102]. В 1662/63 г. жители Якутского острога «по обещанию и по вере своей» приняли

решение построить Спасский монастырь. Они выбрали строителем служилого человека Ивана Афанасьева и делегировали его в Тобольск к архиепископу Симеону за благословением, антимином и для посвящения Ивана в черные священники [35. С. 297].

Очевидно, трудными жизненными обстоятельствами объясняется стремление новокрещенных остяков создать монастырь на территории бывшего Кондинского княжества. На рубеже XVI–XVII вв. кондинские князья Алачевы приняли российское подданство и крестились. В их резиденции – Кодском городке – были построены Троицкая и Зосимо-Савватиевская церкви, но их прихожанами были лишь княжеская семья и приближенные. Потомки князя Алача не смогли до конца отказаться от верований предков и были уличены в нарушениях православных норм [36. С. 11]. В 1643 г. Кондинское княжество упразднили, городок вместе с церквями опустел. В 1653 г. остяки 14 ясачных волостей бывшего княжества подали челобитную на имя царя. Они сожалели о том, что в Кодском городке была утрачена православная вера, и просили царя разрешить, чтобы «на том месте, где церкви Божии стоят, быть... монастырю и чернецем» [12. Оп. 3. Д. 400. Л. 154–154 об.]. Просьбу остяков поддержал сибирский архиепископ Симеон⁴. Около заброшенных церквей в бывшем Кодском городке возникла небольшая монашеская община. В челобитной 1683 г. о царских пожалованиях в связи со строительством церкви на монастырской Исетской заимке старцы писали, что «прибегают в тот монастырь ясашные остяки за старостью, которые ясак платить не могут, и они де крестят их в православную христианскую веру и во иноческий чин постригают Христа ради и душевного их спасения как и протчую братью, потому что тот монастырь построен по их остяцкому челобитью» [12. Оп. 3. Д. 1058. Л. 73].

Третий путь возникновения обителей – это основание монастырей по инициативе сибирских и тобольских архиепископов. Так, Г. Миллер считал, что «со всею вероятностью следует приписать архиепископу Киприану» основание Спасского монастыря в Таре и Успенской обители в Томске [27. С. 83]. При этом историк заметил, что за отсутствием данных невозможно определить, как это произошло. Опубликованные копийные книги Тобольского архиерейского дома XVII в. позволяют говорить о том, что в Таре Спасская церковь, ставшая впоследствии монастырской, была построена жителями города еще до прибытия Киприана в Сибирь [37. С. 175]. Место для нее было выбрано за городом, как правило, таким образом размещали монастыри. Не исключено, что жители Тары изначально планировали, что она станет монастырской. Согласно царскому распоряжению, Киприан послал в Тару игумена Исаю, ставшего первым настоятелем Спасского монастыря [38. Стб. 461]. На наш взгляд, эти весьма лаконичные сведения все-таки свидетельствуют о том, что появление монастыря в Таре скорее связано с инициативой жителей города, чем с

волей первого сибирского архиепископа. Его основание можно датировать периодом не ранее сентября 1621 г. – не позднее февраля 1624 г.⁵

Об Успенском монастыре в Томске с уверенностью можно сказать лишь то, что он появился при первом сибирском владыке. В одной из отписок в Москву 1621 г. Киприан перечислил монастыри, существовавшие до создания Сибирской епархии. По имевшимся у него сведениям, к 1621 г. обители были в Верхотурье, Тюмени, Березове, Туринске и Тобольске [37. С. 177–178]. В свое время Г. Миллер нашел отписку сибирского архиепископа Макария томским воеводам О. Хлопову и И. Нарматскому от 10 июля 1625 г., в которой он сообщал о поставлении в Томский Успенский монастырь игумена Феодосия вместо игумена Евстратия, давал распоряжения о проведении переписи монастырского имущества и наведении порядка [27. С. 375–376]. В документах о событиях в Березове и Коде начала XVII в. встречается имя черного священника Евстратия (Еустратия)⁶. Скорее всего, именно этого человека архиепископ Киприан направил в Томск создавать монастырь.

В самом начале XVII в. Евстратий был послан из Березова в Кодский городок служить в Троицкой церкви, построенной православными родственниками кондинского князя Ичигея Алачева. В 1607 и 1609 гг. Березовский уезд охватили антирусские восстания остяков, что привело к упадку церковной жизни в Коде. В 1609 г. игумен Евстратий подал челобитную, в которой писал, что «ему де туто быть не у чего, приходу де никакого нет», а в Березове у него оставались духовные дети. Царским указом от 27 февраля 1610 г. березовским воеводам предписывалось перевезти из Кодского острога иконы, книги и церковную утварь, а также игумена Евстратия, и «буде ему жить не у чего, и велели ему служить у церкви, где пригоже» [40. С. 189].

Вернувшись из Коды в 1610 г., игумен Евстратий, вероятно, основал в Березове монашескую общину при приходской Воскресенской церкви [Там же]⁷. В 1621 г. архиепископ Киприан «послал на Березов в Воскресенской в старой монастырь» игумена Тарасия, постриженника Коряжемского Николаевского монастыря (Сольвычеготский уезд) [37. С. 177]. Скорее всего, Тарасий принял управление Воскресенским монастырем от Евстратия, которого архиепископ Киприан направил в Томск создавать обитель.

По инициативе церковной власти возник Верхотурский Покровский женский монастырь. По крайней мере, таким образом представил ситуацию архиепископ Киприан в своем послании царю. Проезжая через Верхотурье в 1621 г., он обратил внимание на то, что там многие старицы, приняв постриг, продолжали жить «в миру». Посоветовавшись с воеводами и посадскими людьми, сибирский владыка распорядился построить «за острогом церковь во имя Покрова Пресвятыя Богородицы, а десяти старицам для прибежища велел поставить одну келью» [41. С. 407]. Верхотурский Покровский монастырь стал первой женской обителью в Сибири.

Архиепископ Киприан стал инициатором создания монастырей в районах крестьянского освоения. В 1621 г. он благословил старца Серапиона из Соловецкого монастыря, черного священника Верхотурского Николаевского монастыря Христофора и служебника старца Симеона строить храм Преображения Господня и соловецких чудотворцев Зосимы и Савватия «на пустом месте» на реке Нейве. Архиепископ выделил старцам 30 четвертей хлеба из своего жалованья и договорился с воеводами о том, что местные жители привезут лес для строительства церкви и келий [37. С. 177]. С этой Серапионовой пустыни начинался Невьянский Богоявленский монастырь.

Межугорский Ивановский монастырь был построен в 1653 г. по распоряжению архиепископа Симеона как загородная резиденция для сибирских архиереев в 8 верстах от Тобольска на месте села Ивановского [6. С. 24]. Судя по описанию 1683/84 г., монастырь также выполнял функции и хозяйственного поселения [42. С. 33].

Выше уже упоминалась история появления Селенгинского Троицкого монастыря. Игумен Феодосий с братией были направлены в Забайкалье по решению церковного Собора, указу царя Федора Алексеевича и патриарха Иоакима, но в Москве они не получили благословенной грамоты на строительство монастыря. Такой документ монахам дал глава Сибирской епархии, на территории которой им предстояло поселиться. Таким образом, и эта обитель возникла по инициативе церковных властей.

Далеко не все замыслы сибирских преосвященных по расширению сети монастырей воплотились в жизнь. Так, в 1621/1622 г. архиепископ Киприан послал в Табаринскую слободу (Пельымский уезд) к новой Преображенской церкви, построенной по обету местных жителей, тобольского черного попа Исакия с поручением освятить храм, служить четьиридешатницу и «монастырь заводити и братию собирати, а государской указ им будет чем питатца» [43. Оп. 2. Портфель 478. Ч. 2. Д. 6. Л. 2]. Однако в Пельымском уезде монастырь так и не появился. Это можно объяснить тем, что относительно недалеко находились Верхотурье и Туринск, где уже имелись обители.

В 1685 г. у митрополита Павла возникла идея построить женский монастырь на острове «за рекою Обью» недалеко от Кондинского Троицкого монастыря, куда будут ссылать «черниц и женок, вдов, которые объявлята в погрешении телеснем». Необходимость создания такого монастыря он объяснял тем, что «для подкрепления и в подначалство, где им быти и плакаться грехов своих вечно безисходно, в Тоболску держать их негде, в Успенском девичьем монастыре старицы скудны и бедны, и таковых черниц и вдов в подначалство отсылать некуды, по городам девичих монастырей нигде нет, а в которых городех монастыри и есть, и те велми скудны и самим тех монастырей старикам есть нечего, кормятца христовым именем» [12. Оп. 3. Д. 1058. Л. 366]. В Москве эта инициатива сибирского митрополита не нашла поддержки.

В Березове, Таре, Тюмени, Туринске и Тобольске первоначально монашествующие селились около приходских церквей, со временем для них строился монастырский комплекс. По древнерусской традиции монастыри возводились за пределами острога или на окраине посада около въездов в город, тем самым обеспечивая их сакральную защиту и уединение от мирской суеты монашествующих. В то же время известны случаи, когда определяющими в выборе места для монастыря были бытовые условия. Так, в Тобольске монахи решили построить новый Знаменский монастырь под горой на берегу Тобола, потому что им трудно было доставлять воду, дрова и строительный лес в Успенский монастырь, расположенный в нагорной части города [13. С. 83].

С вопросом о возникновении монастырей тесно связана проблема определения их численности. В современных работах указываются разные данные о количестве сибирских монастырей. Так, в атласе «Азиатская Россия. Сибирь» сообщается, что к концу XVII в. насчитывалось более 30 монастырей [44. С. 814]. В «Северной энциклопедии» отмечено, что «в XVII в. за Уралом было построено 37 монастырей (27 мужских и 10 женских)» [45]. В «Сибирской энциклопедии» приведены сведения из монографии Л.П. Шорохова, согласно которым в конце XVI–XVII в. на сибирских просторах возникло 36 монастырей [6. С. 33; 46]. Сегодня подсчетами Л.П. Шорохова пользуются многие исследователи. Однако, собирая воедино сведения обо всех сибирских монастырях, упоминаемых в источниках и литературе, красноярский историк не всегда проводил дополнительные изыскания. Поэтому неизбежно возникли неточности, а порой и путаница в отношении ряда обителей. Так, в таблице «Возникновение сибирских монастырей» присутствуют «Кондинский Троицкий мужской» монастырь (основан в 1657 г.) и «Кодская Троицкая мужская пустынь» (основана в XVII в.) [6. С. 32–33]. Сохранившиеся документы однозначно свидетельствуют о том, что это разные названия одного и того же монастыря. На наш взгляд, дальнейшая работа по корректировке статистики должна идти в двух направлениях: первое – уточнение данных об основании и периодах существования обителей, второе – определение методики подсчетов. Остановимся на последнем.

Как упоминалось выше, в Тобольске мужская монашеская община с 1609/10 по 1624 г. проживала в Успенском монастыре, затем перешла в новый Знаменский монастырь. Возникает вопрос: как учитывать в общей статистике эти монастыри, как один или два? Если рассматривать их как объекты ландшафта, то это два монастырских комплекса, однако если оценивать антропогенный фактор как доминирующий, то определяющим будет то обстоятельство, что они связаны жизнедеятельностью одной монашеской общины, т.е.

Знаменский монастырь стал преемником Успенского, следовательно, их необходимо учитывать как одну единицу. С 1625 г. в Успенской обители поселились старицы, т.е. другое монашеское сообщество, поэтому в общей статистике это уже будет самостоятельная единица учета. Эти примеры показывают, что при проведении подсчетов важна их методика.

На наш взгляд, непродуктивны подсчеты, сколько всего возникло монастырей за XVII в., потому что, например, в Березове, Туринске и Томске мужские монастыри появлялись, через некоторое время прекращали свое существование, потом в этих городах снова возникали мужские обители. В Березове и Туринске монахи вновь селились при бывших монастырских церквях. Хотя это была уже другая община, другой настоятель, но прежний монастырский комплекс. Очевидно, все-таки можно считать, что в Березове на протяжении XVII в. существовал один мужской монастырь. В Туринске события развивались так же, как в Тобольске. Мужская община переселилась из Покровского в новый Николаевский мужской монастырь, а в старой обители остались женщины.

По нашему мнению, при подсчетах следует фиксировать данные о количестве монастырей в начале и в конце определенного периода, тогда будет очевидна динамика процесса. Выбор периода зависит от тех задач, которые ставит перед собой исследователь. Так, при изучении деятельности Тобольского архиерейского дома для периодизации могут быть выбраны периоды пребывания на кафедре архиереев. Если необходимы итоги формирования православного ландшафта в результате русской колонизации Сибири, то, очевидно, важен количественный показатель конца XVII в. По нашим подсчетам, к концу XVII в. на территории Сибирской епархии, простиравшейся от Уральских гор до Тихого океана, действовало 24 мужских и 8 женских монастырей. Большинство из них располагалось в городах или на некотором расстоянии от них.

Закрепление русских на сибирских просторах начиналось со строительства городов-острогов, которые становились опорными базами распространения русского влияния. По мере земледельческого и промыслового освоения территории в удалении от городов стали появляться пустыни. Инициаторами создания обителей выступали монашествующие, местные сообщества и епархиальные власти. В монастыри людей приводили разные жизненные ситуации. Это мог быть духовный и нравственный выбор пути служения Богу через принятие монашеских обетов. Однако чаще человек принимал решение уйти в монастырь под давлением жизненных обстоятельств. На начальном этапе колонизации Сибири монастыри в первую очередь выполняли функции богаделен и сакральной защиты территории проживания православного населения. Этому во многом способствовали сложные условия жизни на осваиваемых землях.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ В XIX в. сомнения по этому поводу высказывал церковный историк священник А. Юрьевский [11].
- ² Л.П. Шорохов весьма путано изложил историю томских мужских монастырей, опираясь на публикации [6. С. 21].
- ³ Автор статьи также использовал «Книгу записную», она указана в ряде ссылок.
- ⁴ Л.П. Шорохов датировал основание Кондинского Троицкого монастыря 1657 г. [6. С. 25], однако сами насельники этой обители вели ее начало с челобитной 1653 г. Царский указ об основании монастыря и его обеспечении был подписан 20 октября 1653 г. [39. Оп. 4. Д. 16. Л. 268–268 об.].
- ⁵ В феврале 1624 г. архиепископ Киприан покинул Тобольскую кафедру.
- ⁶ Иногда называл себя игуменом.
- ⁷ А.Т. Шашков считал, что Евстратий с монахами построили Воскресенский монастырь за острогом. Нам представляется маловероятным существование в маленьком городе в начале XVII в. двух (приходской и монастырской) церквей с одинаковым храмоименованием. Воскресенский монастырь был построен за городом в конце XVII в., когда за монашеской общиной прочно закрепилось название «Воскресенская».

ЛИТЕРАТУРА

1. Александров В.А. Русское население Сибири XVII–XVIII в. (Енисейский край). М., 1964. 304 с.
2. Громыко М.М. Западная Сибирь в XVIII в. Новосибирск, 1965. 268 с.
3. Емельянов Н.Ф. Поземельные отношения в Сибири при феодализме. Свердловск, 1990. 122 с.
4. Кондрашенков А.А. Крестьяне Зауралья в XVII–XVIII вв. Челябинск, 1966. Ч. 1. 176 с.
5. Преображенский А.А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI – начале XVIII в. М., 1972. 392 с.
6. Шорохов Л.П. Корпоративно-вотчинное землевладение и монастырские крестьяне в Сибири в XVII–XVIII вв. Красноярск, 1983. 164 с.
7. Шунков В.И. Очерки по истории земледелия Сибири. XVII в. М., 1956. 432 с.
8. Дулов А.В., Санников А.П. Православная церковь в Восточной Сибири в XVII – начале XX веков. Иркутск, 2006. Ч. 1. 294 с. URL: http://mion.isu.ru/filearchive/mion_publications/church, свободный (дата обращения: 12.12.2016).
9. Сулоцкий А.И. Сочинения : в 3 т. Тюмень, 2000. Т. 1 : О церковных древностях Сибири. 480 с.
10. Дополнения к Актам историческим, собранным и изданным Археографическою комиссиею. СПб., 1851. Т. 4. 426 с.
11. Юрьевский А., свящ. Зосимо-Савватиевский Тобольский монастырь // Тобольские епархиальные ведомости. 1904. № 5. неоф. отд. С. 76–84.
12. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 214 (Сибирский приказ).
13. Покровский Н.Н. Три документа по истории церкви в Сибири в XVII в. // Христианство и церковь в России феодального периода. Новосибирск, 1989. С. 77–86.
14. Книга записная // Полное собрание русских летописей. М., 1987. Т. 36 : Сибирские летописи, ч. 1 : Группа Есиповской летописи. С. 138–177.
15. Беликов Д.Н. Старинные монастыри Томского края. Томск, 1898. 211 с.
16. Сайт Богородице-Алексеевского монастыря, г. Томск. URL: http://tbam.ru/O_monastire/Istoriya_i_sovremennost (дата обращения: 01.11.2016).
17. Томск в XVII веке: документы и материалы. Приходные и Расходные книги Томского города 30-х гг. XVII в. / сост. В.А. Есипова. Томск, 2005. 184 с.
18. Материалы для истории Сибири // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1867. М., 1867. Кн. 2. С. 231–324.
19. Овчинников В.А. Православные монашеские обители на территории современной Кемеровской области в XVII – начале XXI века: традиции и современное состояние // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2010. Вып. 10. С. 97–105.
20. Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. III. М., 2005. 598 с.
21. Герасим архиепископ Сибирский и Тобольский // Тобольские епархиальные ведомости. 1887. № 19–20. Неоф. отд. С. 376–381.
22. Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1842. Т. 5. 576 с.
23. Жалсаараев А.Д. Даурская духовная миссия // Православная энциклопедия. М., 2006. Т. XIV : Даниил–Димитрий. С. 217–219.
24. Архив Санкт-Петербургского Института истории РАН. Ф. 187 (Тюменская приказная изба).
25. Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1836. Т. 2. 478 с.
26. Баранов В.С. Летопись Верхотурского Николаевского мужского общежительного монастыря (Екатеринбургской епархии) в связи с историческим сказанием о житии, чудотворениях и св. мощах св. праведного Симеона, Верхотурского чудотворца. Н. Новгород, 1910. 302 с.
27. Миллер Г.Ф. История Сибири. М., 2000. Т. II. 796 с.
28. Буцинский П.Н. Сочинения : в 2 т. Тюмень, 1999. Т. 1 : Заселение Сибири и быт первых ее насельников. 328 с.
29. Смолич И.К. Русское монашество. Возникновение, развитие, сущность. 988–1917. М., 1999. 608 с.
30. Кустова Е.В. Формирование монастырей в Пермском крае в XVI–XVII вв. // Вопросы истории. 2016. № 4. С. 143–159.
31. Бахрушин С.В. Легенда о Василии Мангазейском // Бахрушин С.В. Научные труды. М., 1955. Т. III, ч. 1. С. 331–354.
32. Ромодановская Е.К. Легенда о Василии Мангазейском и туруханская литературная традиция // Ромодановская Е.К. Сибирская литература в XVII в. (избранные труды). Новосибирск, 2002. С. 283–291.
33. Вкладные книги Далматовского Успенского монастыря (последняя четверть XVII – начало XVIII в.) : сб. док. / сост. И.Л. Манькова. Свердловск, 1992. 246 с.
34. Красноштанов Г.Б. Никифор Романов Черниговский : документальное повествование. Иркутск, 2008. URL: <http://www.istmira.ru/istoriya-grossii-knigi-skachat/10100-nikifor-romanov-chernigovskiy-dokumentalnoe-povestvovanie.html> (дата обращения: 04.11.2016).
35. Дополнения к Актам историческим, собранным и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1851. Т. 4. 446 с.
36. Книжные сокровища Югры: рукописные и старопечатные книги из собраний города Ханты-Мансийска / сост. С.А. Белобородов, Н.А. Мудрова, А.В. Полетаев, Е.А. Полетаева, И.В. Починская, А.Т. Шашков. Екатеринбург, 2003. 496 с.
37. Тобольский архиерейский дом в XVII веке / сост. Н.Н. Покровский, Е.К. Ромодановская. Новосибирск, 1994. 294 с.
38. Российская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею. СПб., 1884. Т. VIII. 618 с.
39. Санкт-Петербургский архив РАН. Ф. 21 (Портфели Миллера).
40. Шашков А.Т. К истории Воскресенского монастыря и церквей города Березова // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. 2004. № 33. С. 187–203.
41. Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1841. Т. 3. 524 с.
42. Вотчины Тобольского Софийского дома в XVII в. : сб. док. / сост. Н.А. Балюк. Тюмень, 2001. 88 с.
43. РГАДА. Ф. 199 (Портфели Миллера).

44. Азиатская Россия. Сибирь. Новосибирск ; Москва, 2007. 865 с.
 45. Монастыри // Северная энциклопедия. URL: http://www.emaproject.com/north_article.html?id=4309 (дата обращения: 01.09.2016).
 46. Покровский Н.Н. Монастыри Русской Православной церкви в Сибири // Сибирская энциклопедия. URL: <http://bsk.nios.ru/enciklopediya/monastyri-russkoy-pravoslavnoy-cerkvi-v-sibiri> (дата обращения: 28.06.2016).

Mankova Irina L. Institute of History and Archaeology of Ural Branch of the RAS (Ekaterinburg, Russia). E-mail: ilman.08@mail.ru

THE MONASTERIES' SPRINGING UP IN SIBERIA IN THE XVII CENTURY: THE PROBLEM OF THEIR DATE AND THEIR NUMBER.

Keywords: colonization of Siberia; history of Russian Orthodox Church; monkhood; monasteries.

The aim of the article is to define the criteria for the dating of the foundation and the number of monasteries that have appeared in Siberia in the XVII century. The objectives are to identify existing historiography approaches to determining of the dates of the foundation of the monasteries; on the basis of the documents to prove the new dating of the emergence of some monasteries; to systematize data on the monasteries' springing up in Siberia in the XVII century; to propose a methodology of the counting the number of the monasteries in Siberia in the XVII century. As a result of the research the author came to the following conclusions. In modern historiography there are both generally accepted dates of foundation of many monasteries and the contradictions in determination of the period of the foundation of the same monastery. In many cases the difficulties are caused by the lack of reliable documentary testimonies, as well as a choice of different events as a "starting point" of the history of a monastery. The way out of this situation could be the unification of the monasteries dating base on a one criteria, but it does not seem possible. Firstly because in the XVII century there were no strict regulations of the procedure for founding a monastery. The question, what to consider the date of foundation of the monastery is still open. Secondly, the source base contains some restrictions: in some cases, the necessary information lacks, in other instances, the variation occurs in the designation of similar events. The foundation of monastic community was not recorded in written sources. It was not always called a monastery from the time of its establishing. In some towns initially nuns settled near the parish churches and after some time monastic complex was built for them. In some cases a community was considered to be a monastery long before it moved there. It is possible to systemize the "ways" of foundation of monasteries according to their initiator. In this case the "starting point" of the history of the monastery could be the beginning of the initiator's activity to establish a monastery. We can mark out three variants. The first variant was according to the monk's initiative. If he was going to found a monastery in the city, he had to appeal to the local administration first and then to the church authorities for giving their blessing. Outside towns monasteries began as orthodox deserts of monads, who tried to isolate themselves from the world. After some time monks and common people joined them. They built churches and cells and as a result orthodox deserts appeared. The second variant was according to the local communities' initiative. The third variant was according to Siberian and Tobolsk archbishop's initiatives. The author illustrates the systematization with a great number of examples. On the base of documents the author makes the dates and circumstances of springing up of some monasteries more accurate. In modern works one can see different facts about the number of Siberian monasteries. In the author's opinion the correction of statistics should be done in two directions: 1) to make the dates of foundation and the period of existence of monasteries more accurate; 2) to determine the method of calculation. The author thinks that calculation of the number of monasteries that appeared during the XVII century is not productive because in some cities monasteries appeared, then they stopped their existence and later they appeared again. To understand the dynamics of the process it is necessary to mark out the facts about the number of monasteries both at the beginning and at the end of the defined period. The choice of the period depends on the tasks that the researcher sets. According to the author by the end of the XVII century on the territory of Siberian diocese there were 24 male and 8 female monasteries.

REFERENCES

1. Aleksandrov, V.A. (1964) *Russkoe naselenie Sibiri XVII–XVIII v. (Eniseyskiy kray)* [Russian population in Siberia of the 17th–18th centuries. (Yenisei region)]. Moscow: Nauka.
2. Gromyko, M.M. (1965) *Zapadnaya Sibir' v XVIII v.* [Western Siberia in the 18th century]. Novosibirsk: Nauka.
3. Emelyanov, N.F. (1990) *Pozemel'nye otnosheniya v Sibiri pri feodalizme* [Land relations in Siberia under feudalism]. Sverdlovsk: Sverdlovsk State Pedagogical Institute.
4. Kondrashenkov, A.A. (1966) *Krest'yane Zaural'ya v XVII–XVIII vv.* [Peasants of the Trans-Urals in the 17th–18th centuries]. Chelyabinsk: Yuzhno-Ural'skoe knizhnoe izdatel'stvo.
5. Preobrazhenskiy, A.A. (1972) *Ural i Zapadnaya Sibir' v kontse XVI – nachale XVIII v.* [Urals and Western Siberia in the late 16th – early 18th centuries]. Moscow: Nauka.
6. Shorokhov, L.P. (1983) *Korporativno-votchinnoe zemlevladienie i monastyrskie krest'yane v Sibiri v XVII–XVIII vv.* [Corporate-patrimonial landownership and monastic peasants in Siberia in the 17th–18th centuries]. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State University.
7. Shunkov, V.I. (1956) *Ocherki po istorii zemledeliya Sibiri. XVII v.* [Essays on the history of agriculture in Siberia. The 17th century]. Moscow: USSR Academy of Science.
8. Dulov, A.V., Sannikov, A.P. (2006) *Pravoslavnaya tserkov' v Vostochnoy Sibiri v XVII – nachale XX vekov* [Orthodox Church in Eastern Siberia in the 17th - early 20th centuries]. Irkutsk: Irkutsk State University. [Online] Available from: http://mion.isu.ru/filearchive/mion_publications/church. (Accessed: 12th December 2016).
9. Sulotskiy, A.I. (2000) *Sochineniya v 3 tomakh* [Works in 3 vols]. Vol. 1. Tyumen: Yu. Mandrika.
10. Grigorovich, I.I. et al. (eds) (1851a) *Dopolneniya k Aktam istoricheskimi, sobrannymi i izdannymi Arkheograficheskoyu komissieyu* [Additions to the Historical Acts collected and published by the Archeographic Commission]. Vol. 4. St. Petersburg: E. Prats.
11. Yurevskiy, A. (1904) *Zosimo-Savvatievskiy Tobol'skiy monastyr'* [Zosimo-Savvatievsky Tobolsk Monastery]. *Tobol'skie eparkhial'nye vedomosti*. 5. pp. 76–84.
12. The Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fund 214. (In Russian).
13. Pokrovskiy, N.N. (1989) *Tri dokumenta po istorii tserkvi v Sibiri v XVII v.* [Three documents on the history of the church in Siberia in the 17th century]. In: Pokrovskiy, N.N. (ed.) *Khristianstvo i tserkov' v Rossii feodal'nogo perioda (materialy)* [Christianity and the church in Feudal Russia]. Novosibirsk: Nauka. pp. 77–86.
14. Pokrovsky, N.N. & Romodanovskaya, E.K. (eds) (1987) *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 36 (1). Moscow: Nauka. pp. 138–177.
15. Belikov, D.N. (1898) *Starinnye monastyri Tomskogo kraja* [Ancient monasteries of Tomsk region]. Tomsk: P.I. Makushin.
16. *The Theotokos-Aleksiy Monastery in Tomsk*. (n.d.) Official website. [Online] Available from: http://tbam.ru/O_monastire/Istoriya_i_sovremennost. (Accessed: 1st November 2016).

17. Esipova, V.A. (2005) *Tomsk v XVII veke: dokumenty i materialy. Prikhodnye i Raskhodnye knigi Tomskogo goroda 30-kh gg. XVII v.* [Tomsk in the 17th century: Documents and materials. Account books of the city of Tomsk in the 1630-s]. Tomsk: Tomsk State University.
18. Anon. (1867) *Materialy dlya istorii Sibiri* [Materials for the history of Siberia]. In: Vodyansky, O.M. (ed.) *Chteniya v Imperatorskom obshchestve istorii i drevnostey rossiyskikh pri Moskovskom universitete* [Readings in the Imperial Society of Russian History and Antiquities at Moscow University]. Vol.2. pp. 231–324.
19. Ovchinnikov, V.A. (2010) Pravoslavnye monasheskije obiteli na territorii sovremennoy Kemerovskoy oblasti v XVII – nachale XXI veka: traditsii i sovremennoe sostoyaniye [Orthodox monasteries in the territory of modern Kemerovo region in the 17th – early 21st centuries: Traditions and the present state]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv.* 10. pp. 97–105.
20. Miller, G.F. (2005) *Istoriya Sibiri* [History of Siberia]. Vol. III. Moscow: Vostochnaya literatura.
21. Anon. (1887) Gerasim arkhiepiskop Sibirskiy i Tobol'skiy [Gerasim, Archbishop of Siberia and Tobolsk]. *Tobol'skie eparkhial'nye vedomosti.* 19–20. pp. 376–381.
22. Grigorovich, I.I. et al. (eds) (1842) *Akty istoricheskie, sobrannyya i izdannyya Arkheograficheskoyu komissieyu* [Historical Acts collected and published by the Archaeographic Commission]. Vol. 5. St. Petersburg: Tip. II-go Otdeleniya Sobstvennoy E.I.V. Kantselyarii.
23. Zhalsaraev, A.D. (2006) Daurskaya dukhovnaya missiya [The Daurian spiritual mission]. In: Patriarch of Moscow And All Russia Alexy II (ed.) *Pravoslavnaya entsiklopediya* [Orthodox Encyclopedia]. Vol. 14. Moscow: Pravoslavnaya entsiklopediya. pp. 217–219.
24. The Archives of the St. Petersburg Institute of History RAS. Fund 187. (In Russian).
25. Grigorovich, I.I. et al. (eds) (1842) *Akty istoricheskie, sobrannyya i izdannyya Arkheograficheskoyu komissieyu* [Historical Acts collected and published by the Archaeographic Commission]. Vol. 2. St. Petersburg: Tip. II-go Otdeleniya Sobstvennoy E.I.V. Kantselyarii.
26. Baranov, V.S. (1910) *Letopis' Verkhotur'skogo Nikolaevskogo muzhskogo obshchegzhitel'nogo monastyrya (Ekaterinburgskoy eparkhii) v svyazi s istoricheskimi skazaniyami o zhizni, chudotvoreniiakh i sv. moshchakh sv. pravednogo Simeona, Verkhotur'skogo chudotvortsy* [The Chronicle of the Verkhotur'sky Nikolaivsky Male Cenobitic Monastery (Ekaterinburg Diocese) in connection with the historical legend about the life, miracles and the relics of St. Righteous Simeon, Verkhotur miracle worker]. Nizhny Novgorod: I.M. Mashistov.
27. Miller, G.F. (2000) *Istoriya Sibiri* [History of Siberia]. Vol. 2. Moscow: Vostochnaya literatura.
28. Butsin'skiy, P.N. (1999) *Sochineniya v dvukh tomakh* [Works in two volumes]. Tyumen: Yu. Mandrika.
29. Smolich, I.K. (1999) *Russkoe monasthestvo. Vozniknoveniye, razvitiye, sushchnost'. 988–1917* [Russian monasticism. Appearance, development, essence. 988–1917]. Moscow: Pravoslavnaya entsiklopediya.
30. Kustova, E.V. (2016) Formirovaniye monastyrey v Permskom krae v XVI–XVII vv. [Formation of monasteries in Perm region in the 16th–17th centuries]. *Voprosy istorii.* 4. pp. 143–159.
31. Bakhrushin, S.V. (1955) *Nauchnyye trudy* [Research papers]. Vol. 3(1). Moscow: USSR Academy of Science. pp. 331–354.
32. Romodanovskaya, E.K. (2002) *Sibirskaya literatura v XVII v. (Izbrannyye trudy)* [Siberian literature in the 17th century. (Selected works)]. Novosibirsk: Nauka. pp. 283–291.
33. Baydin, V.I. & Pikhoya, R.G. (1992) *Vkladnye knigi Dalmatovskogo Uspenskogo monastyrya (poslednyaya chetvert' XVII – nachalo XVIII v.)* [The invoices of the Dalmatovsky Assumption Monastery (the late 17th – early 18th centuries)]. Sverdlovsk: USSR Academy of Sciences.
34. Krasnoshtanov, G.B. (2008) *Nikifor Romanov Chernigovskiy: dokumental'noye povestvovaniye* [Nikifor Romanov Chernigov: Documentary narration]. Irkutsk: Reprotsentr A1. [Online] Available from: <http://www.istmira.ru/istoriya-rossii-knigi-skachat/10100-nikifor-romanov-chernigovskiy-dokumentalnoe-povestvovanie.html>. (Accessed: 4th November 2016).
35. Grigorovich, I.I. et al. (eds) (1851b) *Dopolneniya k Akтам istoricheskimi, sobrannym i izdannym Arkheograficheskoyu komissieyu* [Additions to the Historical Acts collected and published by the Archeographic Commission]. Vol. 4. St. Petersburg: E. Prats.
36. Shashkov, A.T. (ed.) (2003) *Knizhnye sokrovishcha Yugry: Rukopisnye i staropechatnye knigi iz sobraniy goroda Khanty-Mansiyska* [Book treasures of Yugra: Hand-written and early printed books from the Khanty-Mansiysk collections]. Ekaterinburg: Volot.
37. Pokrovskiy, N.N. & Romodanovskaya, E.K. (1994) *Tobol'skiy arkhieyreyskiy dom v XVII vek* [Tobolsk Bishop's house in the 17th century]. Novosibirsk: Nauka.
38. Barsukov, A.P. et al. (eds) (1884) *Russkaya istoricheskaya biblioteka, izdavaemaya Arkheograficheskoyu komissieyu* [The Russian Historical Library published by the Archaeographic Commission]. Vol. 8. St. Petersburg: V.I. Golovin.
39. St. Petersburg Archive of the Russian Academy of Sciences. Fund 21. (In Russian).
40. Shashkov, A.T. (2004) K istorii Voskresenskogo monastyrya i tserkvey goroda Berezova [To the history of the Resurrection Monastery and the churches of the city of Berezov]. *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Gumanitarnyye nauki – Izvestia of the Ural Federal University. Series 2. Humanities and Arts.* 33. pp. 187–203.
41. Grigorovich, I.I. et al. (eds) (1841) *Akty istoricheskie, sobrannyya i izdannyya Arkheograficheskoyu komissieyu* [Historical Acts collected and published by the Archaeographic Commission]. Vol. 3. St. Petersburg: Tip. II-go Otdeleniya Sobstvennoy E.I.V. Kantselyarii.
42. Balyuk, N.A. (ed.) (2001) *Voitchiny Tobol'skogo Sofiyskogo doma v XVII v.* [The Tobolsk Sophia House in the 17th century]. Tyumen: Tyumen State University.
43. The Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fund 199. (In Russian).
44. Terskiy, P.A. (ed.) *Atlas Aziatskoy Rossii. Sibir'* [Asian Russia. Siberia]. Novosibirsk; Moscow: Feoriya.
45. Anon. (n.d.) *Monastyri* [Monasteries]. In: *Severnaya entsiklopediya* [Northern Encyclopedia]. [Online] Available from: http://www.emaproject.com/north_article.html?id=4309. (Accessed: 1st September 2016).
46. Pokrovskiy, N.N. (n.d.) *Monastyri Russkoy Pravoslavnoy tserkvi v Sibiri* [Monasteries of the Russian Orthodox Church in Siberia]. [Online] Available from: <http://bsk.nios.ru/enciklopediya/monastyri-russkoy-pravoslavnoy-cerkvi-v-sibiri>. (Accessed: 28th June 2016).

УДК 94(47).066
DOI: 10.17223/19988613/47/2

К.А. Петриков

«ИМПЕРАТОРСКОЕ ОБЩЕСТВО»: ПРОБЛЕМА ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ЕКАТЕРИНЫ II И ВОЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА В «ТРУДАХ ВОЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА»

Рассматривается проблема взаимоотношений между Вольным экономическим обществом (ВЭО) и Екатериной II на материале опубликованных текстов ВЭО. Базой для исследования стал комплекс текстов, опубликованных в «Трудах Вольного экономического общества» в период правления Екатерины II. В риторике ряда членов ВЭО нашли отражение распространенные во второй половине XVIII в. представления о роли монарха в политическом, культурном, экономическом развитии страны. В системе этих представлений самому ВЭО отводилась значимая роль посредника между обществом и верховной властью.

Ключевые слова: XVIII в.; Екатерина II; Вольное экономическое общество; Просвещение; общественное благо.

Вольное экономическое общество было основано в 1765 г. и стало первым легальным общественным учреждением в Российской империи. На протяжении правления Екатерины II ВЭО оставалось единственной общественной организацией, пользовавшейся высочайшим покровительством, чей устав был утвержден самим монархом.

В настоящей работе мы рассмотрим, каким образом и в каких риторических формах это взаимодействие отражалось в текстах авторов ВЭО, опубликованных в основном периодическом издании общества – «Трудах Вольного экономического общества» (далее – «Труды»). Существенной особенностью анализируемых текстов, которую необходимо учитывать, является то, что публиковавшиеся в «Трудах» статьи, как правило, были посвящены практическим вопросам. Упоминания императрицы в большинстве случаев носят характер редких риторических обращений, вкрапленных в специальные тексты экономической (в самом широком смысле этого слова) проблематики. Вместе с тем особый статус ВЭО как единственной легальной общественной организации в Российской империи, находящейся под покровительством императрицы, предопределяет интерес как к специфике этих взаимоотношений, так и к методам, с помощью которых эти отношения выстраивались. Отметим, что ВЭО в своей издательской политике было наделено правом самостоятельно цензурировать свои издания, в том числе и «Труды».

Нами было проанализировано содержание частей периодического издания ВЭО, выходивших в период с 1765 по 1796 г. За этот период ВЭО было выпущена 51 часть «Трудов». 30 частей вышли в период с 1765 по 1775 г. включительно. «Продолжение Трудов ВЭО» с меньшим количеством ежегодных выпусков издавалось с некоторыми перерывами с 1779 по 1794 г. «Новое продолжение Трудов ВЭО» начало выходить с 1795 г. и продолжилось и после смерти Екатерины II. Нами было рассмотрено содержание всех частей, вышедших в царствование Екатерины, и выявлены все фрагменты

текстов, в которых в том или ином аспекте упоминалась императрица. Отметим, что этот вопрос в существующей литературе не рассматривался специально. Тем не менее проблема взаимоотношений императрицы и ВЭО находилась и находится в исследовательском фокусе.

Первым обратил внимание на проблему взаимоотношений императрицы и ВЭО автор первой работы по его истории А.И. Ходнев. Он отметил, что Екатерина видела в экономическом обществе учреждение, которое «разработкою вопросов сельскохозяйственных и экономических должно было подготавливать все сословия государства к новым правительственным распоряжениям и преобразованиям», и проводила связь между учреждением ВЭО и началом работы над «Уложением» [1. С. 33–34] (Здесь и далее авторские орфография и пунктуация сохранены). Высочайшее покровительство позволяло ВЭО подчеркивать свою независимость от правительственных учреждений и даже игнорировать указ Сената [Там же]. А.И. Ходнев подчеркивает, что императрица хотела получить от ВЭО именно «совет науки», который бы дополнил «мнение депутатов русских» [Там же]. Активное участие ВЭО в решении принципиальных вопросов политики государства А.И. Ходнев объясняет вниманием к нему со стороны императрицы. Характерно, что после 1760-х гг. сотрудничество между экономическим обществом и правительством становится менее тесным.

В работах историков 1970–1980-х гг. учреждение и деятельность ВЭО рассматривались как составная часть политики просвещенного абсолютизма. В.А. Петрова в своем диссертационном исследовании [2] отмечала связь между проводимой Екатериной II в 1760-е гг. политикой просвещенного абсолютизма и высоким статусом ВЭО, который подтверждался тем, что многие представители политической и социальной элиты начала екатерининского правления, такие как Р.Л. Воронцов, Г.Г. Орлов, Г.Н. Теплов, И.Г. Чернышев, были его членами. Впоследствии, указывает В.А. Петрова, по мере охлаждения Екатерины к ее соб-

ственному просветительскому проекту, усугубленного бунтом в Москве в 1771 г. и крестьянской войной 1773–1775 гг., интерес к деятельности ВЭО падает, в результате чего представители элиты более не принимали столь деятельного участия в работе общества. Однако по мере выхода страны из социального и экономического кризиса в 1790-е гг. ВЭО вновь становится востребованным правящим классом, стремившимся реализовать своё классовое господство в условиях перехода к капитализму [3. С. 163]. В связи с этим А.Д. Степанский отмечал, что учреждение ВЭО в первую очередь было связано с политикой императрицы Екатерины II, пытавшейся в 1760–1770-х гг. заигрывать с просветительскими кругами как внутри страны, так и за рубежом [4. С. 87]. А.С. Туманова показывает, что создание ВЭО стало прецедентом и «впервые упорядочило отношения между государством и общественностью, установило главным условием его организованной работы лояльность власти и получение правительственного разрешения» [5. С. 143].

В англоязычной историографии вопрос о взаимоотношениях императрицы и общества, которому она покровительствовала, также неоднократно рассматривался. Джон Браун в одной из своих работ высказал предположение, что для большинства членов ВЭО сам факт их членства был лишь еще одним способом получить одобрение императрицы [6. С. 428]. Джозеф Брэдли отмечает личную заинтересованность императрицы в просветительской деятельности ВЭО. Несмотря на формально «вольный» статус, ВЭО было чрезвычайно зависимо от императрицы, поскольку именно Кабинет осуществлял его финансовую поддержку [7. С. 111–113]. К. Леки в своей работе указывает, что ВЭО, несмотря на свой декларируемый вольный статус, в действительности стало своеобразным «продолжением системы патронажа, свойственной для российской бюрократии», которая замыкалась, в конечном счете, на фигуре монарха [8. С. 379].

В отечественной историографии проблема описания и восприятия образа монарха в публичной культуре второй половины XVIII в. также рассмотрена достаточно подробно [9–13]. В работах последнего времени поднимаются проблемы развития политической коммуникации, формирования системы представлений о политическом и социальном устройстве, вопрос взаимоотношений дворянства и монархии [14, 15]. Одним из способов распространения этих представлений была в том числе и периодическая печать.

Первое публичное обращение к императрице фигурирует в устанавливающих документах ВЭО, в которых оно позиционирует себя в качестве общественной организации. В опубликованном в первой части «Трудов» и предшествующем Уставу «Плане Вольного экономического общества» было отмечено, что «Общество сие, основанное на добровольном соединении Членов, управляться будет само собою», и «в таком намерении они, учредя между собою, Общество к поощрению

Земледелия и Домостроительства, несомненно, надеются, что Ея Императорское Величество их труды без высочайшего Своего покровительства оставить не соизволит» [16. Без пагинации]. В письме от 12 октября 1765 г. основатели общества просят императрицу предоставить им право использовать императорский девиз и печать. В ответном письме Екатерина даровала Вольному обществу свое покровительство и удовлетворила их просьбу о предоставлении императорских символов. Императрица давала Обществу разрешение на использование «императорского герба» и «дозволила внутри оного поставить собственный Наш девиз, пчелы в улей мед приносящей, с надписью: *Полезное*» [17. Без пагинации]. Само письмо Екатерины впоследствии стало одной из главных «реликвий» Общества. На ежегодных торжественных собраниях, посвященных годовщине его основания, в присутствии полного собрания членов ВЭО члены читали вслух письмо Екатерины «о принятии Вольного Экономического Общества в Высочайшее покровительство» [18. С. 2]. Вскоре эта норма была закреплена в Уставе 1770 г. [19. С. 211].

В своей повседневной деятельности руководство ВЭО также демонстрировало внимание к связанным с императрицей датам. Так, золотую медаль победителю конкурса о вывозе зерна через порт Санкт-Петербурга должны были вручить «в первое собрание после торжественного дня Теизомениства Ея императорского величества» [20. С. 172]. В 13-й части от 1769 г. отмечается, что «Определение о награждении, как выше упомянуто, золотою медалию в 70 червонных, учинено будет в первом полном собрании Общества после 22 сентября 1770 г., яко дня высочайшей коронации Ея Императорского Величества все милостивейшей нашей Государыни и всещедрой Покровительницы Санктпетербургскаго Экономическаго Общества» [21. С. 122–123]. Отметим также, что первый экземпляр «Трудов» предназначался именно императрице. Почетная обязанность подношения его монарху, как правило, принадлежала президенту ВЭО, и именно в этой функции, по мнению К. Леки, во многом была заключена символическая значимость этой должности [22. С. 45]. На протяжении екатерининского правления место президента, как правило, занимали представители элиты государства, имевшие связи при дворе. В разное время на этом посту были Г.Г. Орлов, Г.Н. Теплов, И.И. Мелиссино, А.И. Бриль. В период 1789–1794 гг. президентом общества был граф Ф.А. Ангальт, «главный начальник» Сухопутного Шляхетского корпуса.

В публикуемых текстах ВЭО мы не найдем свидетельств внутренних дебатов, имевших место в собраниях ВЭО по ключевым вопросам редакционной политики, наиболее значимым из которых был вопрос о публикации работы Беарде. Мы не будем останавливаться на этом вопросе, который был поднят еще А.И. Ходневым [1. С. 20–34] и подробно проанализирован в работах последнего времени [22. С. 98–99].

Отказ от обсуждения вопросов политической и социальной проблематики, навязываемого обществу его покровительницей, альтернативой которому собрание ВЭО видело дискуссии по вопросам преимущественно практического характера, принципиально не повлиял на риторику текстов, публикуемых в «Трудах». Значительно позднее поступления в адрес ВЭО первого письма, подписанного «И.Е.» (конец 1765 г.), осенью 1766 г., новый секретарь немецкой экспедиции ВЭО статский советник Якоб Штелин в речи, посвященной своему вступлению в члены общества, провозглашает: «Екатерина Алексеевна новая Основательница всех в России благ, подала Сама первой случай к заведению сего полезного Общества. Проницательный Ея разум был уверен, сколько в России сокровищ не известными еще находятся, откровение коих только от попечения и остроты зависило. Любовь Ея к Отечеству желала уже давно ему лучшего употребления оных. Всемиловитвейшее Ея старание о блаженстве подданных Ея, с высоты престола снизошло даже до низшаго земледелия и справляемого домостроительства» [23. С. 189]. Вместе с тем упоминания об императорском покровительстве были достаточно редки именно в 1760-е – начале 1770-х гг. Так, они отсутствуют в 9 из 51 части (Труды. 1766. Ч. 3; 1768. Ч. 9; 1769. Ч. 11, 12; 1770. Ч. 14; 1772. Ч. 22; 1774. Ч. 26–28).

Во второй половине 1770-х гг. они становятся гораздо более частыми. В Предупреждении к 31-й части «Трудов» от 1779 г. ВЭО благодарит Екатерину: «Есть ли Вольное Экономическое общество было в состоянии по сие время издать в 30 частях трудов своих... то сие не иному чему приписать должно, как Высочайшему Покровительству Всеавгустейшия Нашей Монархини, и теми великими благодеяниями, коими сия истинная Мать Отечества с толиким милосердием чрез четырнадцать лет удостоить благоволила сие Общество» [24. С. 9]. Еще через десять лет в «Предупреждении» к 41-й части от 1790 г. панегирик повторяется в сходных выражениях, но теперь его автор подробно описывает, на что именно тратит свои средства Кабинет: «Высочайшему Покровительству Ея Императорскаго Величества, под которым Общество имеет счастье находиться, и приписывать и тем щедротам Всеавгустейшия Монархини, которым собрание наше в состоянии находится печатать свои сочинения, получать разные модели, награждать медалям как сочинителей, так и изобретателей, и доставлять дешевлею ценою книги любителям земледелия» [25. С. IX].

В двух сочинениях конца 1790-х и 1800-х гг. авторы провозглашают, что именно Екатерина была действительным учредителем общества, а не только лишь его покровительницей. Так, бывший губернатор Санкт-Петербурга Степан Ушаков в своей работе «О плодородии озимых» отмечает, что Общество было учреждено императрицей для «полезнейших разных родов изобретений» [26. С. 6]. В ответе Собрания Император-

ского Вольного экономического общества на письмо А.Г. Орлова вновь звучит мысль о том, что Общество было основано лично Екатериной [27. С. 266].

С середины 1780-х гг. члены ВЭО начинают использовать в отношении общества определение «императорское». Впервые обозначение «Императорское экономическое общество» встречается в «Трудах» в 1785 г. в 36-й части журнала [28. С. 95] и потом многократно используется как в опубликованных в «Трудах» письмах, адресованных европейским экономическим и научным обществам, так и в текстах, посвященных практическим вопросам. В тех случаях, когда речь шла о переписке с иностранными научными или экономическими обществами, используются и другие дополнительные определения, как, например, «Российское Императорское Экономическое Общество» в известии о его переписке с «Британским земледельческим обществом» [29. С. 402]. К 1795–1796 гг. определение «Императорское ВЭО» используется фактически повсеместно вместо более распространенного ранее «Вольное экономическое общество».

Отметим, что упоминание высочайшего покровительства служило свидетельством особого статуса ВЭО не только в глазах подданных Екатерины II, но и при контактах с европейскими экономическими и научными обществами. Еще в 1766 г. в речи, посвященной вступлению в ВЭО, статский советник Я. Штелин, сменивший Н. Лемана на посту немецкого секретаря общества, отмечает привилегированное положение ВЭО в сравнении с европейскими экономическими обществами: «...какой великолепной повод ко исполнению вашего старания подает вам почти неограниченное российское государство, и к какому восхищенному поощрению не побуждает сие Общество Всемиловитвейшее благоволение, щедротою преисполненное подкрепление, и высочайшей <...> Екатерины Второй. Преимущества, коими никакое другое Экономическое Общество в Европе похвалиться не может» [23. С. 188–189]. Действительно, для ряда экономических обществ, в частности в Великобритании, получение патронажа было значительной проблемой [30]. Тем не менее на титульных листах частей «Трудов» продолжает использоваться утвержденное Уставом название «Вольное экономическое общество». Корреспонденция, адресованная ВЭО, также отправляется именно «Вольному экономическому обществу в Санкт-Петербург» [31. С. 372]. Использование дополнительных указаний на особый статус ВЭО, видимо, оставалось частной, хотя и получившей распространение, инициативой его авторов.

Развитие публичной сферы в России XVIII в., одним из аспектов которого было распространение печатных изданий, подразумевало интенсификацию процесса политической коммуникации между подданными и монархом, который в то же время предполагал и воспитание нового общества. Б.А. Успенский и В.М. Живов в своей классической работе отметили, что еще в петровскую эпоху «панегирическая литература

переносится из дворца, где она была достоянием узкого придворного круга, на площадь и становится важнейшим элементом идеологического перевоспитания общества [9. С. 286], а литература «соединяется со зрелищем, задача которого – подчеркнуть неограниченный характер самодержавной власти» [Там же]. В.М. Живов также отмечал, что в мифологическом действе, которым, по его мнению, была вся идеология государства, принимала участие не только сама императрица, но и все те, кто был приближен ко двору [10. С. 667–668]. Г.В. Ибнеева считает, что одной из принципиальных задач, которые стремилась решить Екатерина, было выстраивание коммуникации с российским обществом. Целью этой коммуникации, по мнению исследователя, было не только объяснение подданным целей и намерений своего правительства, но и общественное воспитание [32. С. 24]. Р. Уортман предполагает, что Екатерина, не имевшая законных прав на российский престол, легитимизировала свое правление, указывая на совершенные ею деяния на благо России [12. С. 153].

Риторические декларации, представляющие императрицу в качестве примера для патриотически настроенных подданных, можно проследить в публикуемых в «Трудах» текстах с самого начала их издания. Панегирики, написанные членами ВЭО и представляющие императрицу в качестве Матери Отечества, движимой чувством любви к своей державе и её подданным, в своих риторических приемах, по сути, повторяют речь, произнесенную новгородским архиепископом Дмитрием при коронации Екатерины в 1763 г. [Там же. С. 160]. Так, в Уставе общества особо оговаривается, что «Вседражайшая наша Монархиня и Мать Отечества, полагая главнейшее Свое упражнение в изыскании всего того, что способствовать может благосостоянию верных Ея подданных, представляет неусыпным своим Трудом <...> которым подражать долг к Отечеству всякому истинному патриоту повелевает» [33. Без пагинации]. В этой риторике находят свое выражение новые представления дворян о характере политической власти в стране, и о «должном», выявленные в работе К.Д. Бугрова как способность монарха достигать общественного блага [34. С. 31].

Роман Воронцов в статье «О заведении запасного хлеба» пишет: «Я надеюсь, что дворянство и имеющие у себя в ведомстве крестьян, взирая на неусыпное попечение Ея Императорского Величества всемилостивейшей нашей Государыни, которая во все пределы Своея обширныя Империи простирая Высокомонарший свой взор, по великим Своим для пользы Отечества подъемным трудам, не оставляет призывать и на самые малые вещи и течения дел, устремляя разныя к благосостоянию нашему полезные учреждения» [35. С. 4].

Автор «Дружеских советов благородным сельским жителям», опубликованных в 1767 г., в сходной манере отмечает, что «Великая Екатерина Вторая, по неопытным щедротам снисходит с своего Императорского

престола, и касается освященными Своими руками до опытов в земледелии», и подчеркивает, что императрица заботится о благополучии не только высших слоев общества, но и всех прочих подданных: «От ныне умолкнет неистовая гордость, презирать в низости живущих поселян, когда Великая Екатерина сама признает важность их трудов... и колико они к благосостоянию своего любезнаго отечества споспешествуют. Не их ли руками сооружаются великолепные дома, и почти до облак возвышающиеся олтари?» [36. С. 15].

Отметим, что риторический призыв автора «Дружеских советов» обращен именно к «земледельцам» и подразумевает, что и они должны руководствоваться той же системой мотивации, что и дворяне, т.е. ожиданием признания монархом их добровольной и честной службы. Примечательно, что риторика автора «Дружеских советов» во многом совпадает с риторикой самой императрицы в XII и XIII главах «Наказа» в параграфах, посвященных земледелию, и с общим духом этого документа, подразумевавшего, пользуясь определением К.Д. Бугрова, что «монарх, выступая в качестве суперарбитра, будет практически для всех депутатов Комиссии единственной инстанцией, способной по достоинству оценить заслуги и воздать за них сторицей» [34. С. 31].

В Уставе ВЭО 1770 г. это подчеркивается еще раз: «Вседражайшая наша Монархиня и Мать Отечества, полагая главнейшее Свое упражнение во изыскании всего того, что способствовать может благосостоянию верных Ея подданных, представляет неусыпным своим трудом и попечением такие примеры, которым подражать долг к Отечеству всякому истинному Патриоту повелевает, Сии самые примеры подали повод к учреждению в Санктпетербурге Экономического Общества, коего Члены обязались соединенными силами обращать свои труды на разпространение в Отечестве полезных о земледелии и домостроительстве знаний» [19. С. 191].

В ответе на задачу Общества об «удобрении земли в Копорском уезде без сжигания кубышей», который занимает значительную часть 19-й части Трудов ВЭО за 1771 г., пастор Грасман, один из постоянных авторов ВЭО, отмечает такие качества императрицы, как «кротость» и «человеколюбие», которые «до самого последнего подданного простираются», и всякий из этих подданных, очевидно, в благодарность за милостивое отношение готов «исполнять всеми силами намерения всемилостивейшей своей Государыни» [37. С. 36].

Отметим, что и это обращение направлено, как следует из контекста, не членам ВЭО или настоящим читателям «Трудов», а вновь крестьянам. Подчеркнем, что в очередной раз проговаривается тот же тезис: в благодарность за выдающиеся человеческие качества императрицы подданные готовы исполнять её пожелания, направленные в конечном счете на достижение общего блага. Таким образом, труд крестьянина, как и служба дворянина, рассматривается как «добродетель»,

мотивированная публичным признанием и милостью государя» [15. С. 147].

Члены общества не устают возносить хвалу императрице и за ее покровительство просвещению, и внимание к насущным проблемам России. В ответе доктора Бахерахта на задачу о падеже рогатого скота в Санкт-Петербургской губернии, опубликованном в 21-й части «Трудов» от 1772 г., он отмечает, что основная причина заразных болезней животных кроется в неосторожности, нерадении и незнании, примером чего Бахерахт видит вспышку чумы в Москве в 1771 г.: «...во время бывшей в Москве заразительной болезни, которая по не знанию и небрежению вдруг усилилась, но превосходными распоряжениями нашей Премудрой Монархиня, толь же скоро истреблена во время вредного ея действия» [38. С. 7]. В 24-й части «Трудов» в статье о «Прибыточном роде хлеба» итальянец Иосиф Боногурий еще раз отмечает экстраординарность того, что императрица снизошла до проблем земледелия: «Тот государь, который снизоити благоволит до управления скипетродержавными руками земледельческого орудия, и хотя единожды в год с хлебопашцами беседующий, весьма увеличит пред другими государство свое» [39. С. 9].

В уже цитировавшейся выше работе Степан Ушаков, предваряя содержательную часть своего сочинения, обращается лично к императрице, провозглашает, что сподвигнуть его на полезную отечеству деятельность помог пример императрицы, и, прося её принять свой труд, обещает посвятить «прочую жизнь мою на изыскание и открытие других польз, в неизвестности по причине нерадения земледельцов доселе остававшихся, или, справедливее сказать, самих помещиков, которые особливо к тому все способы иметь могут» [26. С. 6]. В 31-й части за 1779 г. ассессор Алексей Репьев во вступительной речи отмечает, сколь много императрица сделала благодеяний для России, в том числе и покровительствуя экономическому обществу. Россия пользуется добытыми Екатериной победами в войнах и миром, и спокойствием, восстановленными ею внутри страны [40. С. 153]. Мотив мира, спокойствия и внутреннего благоденствия, охраняемых императрицей, был вновь подхвачен в 34-й части Трудов автором «Опытов поправления крестьянских жилищ»: «Она воспримет не токмо от потомков державы Ея должное благодарение из уст младенцев и седидами покрытых старцев; но и прочие племена воздадут Ей жертву хваления за спокойствие и внутреннее благоденствие» [41. С. 200]. Упоминания событий внешней политики едва ли характерны для «Трудов», однако в 37-й части за 1787 г. Данила Писчеков в работе о переочищении поваренной соли отметил, что соляным промыслом занимаются особенно усердно в южных областях России, чему способствует обилие соли. «Умножение сего действительного в России богатства от часу умножается, а особливо приобретением Таврической области, под счастливым владением Великия Облада-

тельница Екатерины II к изобилию и благосостоянию подданных» [42. С. 4].

В 1791 г., пользуясь щедрым финансированием Кабинета и желая распространить плохо продававшиеся «Труды», руководство ВЭО выделило средства на покупку для десяти городов Санкт-Петербургской губернии экономических сочинений: «По сношении с приказом Общественного призрения, отдаст он в градские училища, Всемилостивейшим Ея Императорского Величества о просвещении верноподданных своих промыслом устроенныя, дабы учителя в свободное время поощряли учеников своих такие полезные сочинения прочитывать...» [43. С. 86–87]. Кроме того, отмечалось, что сам факт наличия этих журналов в библиотеке училища будет «залогом почтения его к Вольному Экономическому Обществу, и глубочайшего благоговения ко Всемилостивейшей Монархине, Покровительнице онаго» [Там же. С. 87].

В риторике членов ВЭО использовались формулировки, сходные с теми, которые были выработаны еще на заре екатерининского правления. Р. Уортман отмечает, что пафос речи вице-канцлера Александра Голицына, посвященной вступлению Екатерины на престол, предполагал, что «подписанная ими (подданными. – К.П.) присяга обязала их жить и действовать так же самоотверженно, как и сама императрица» [12. С. 175]. В то же время стоит отметить, что в «Трудах» Екатерина почти не сравнивается с Петром и другими предшественниками, что было характерно для многих других текстов, составляющих собой пространство легитимации власти [14. С. 297].

Одним из аспектов развития системы представлений о монархии в XVIII в. в России было обожествление монарха, исследованное в классических работах Б.А. Успенского и В.М. Живова. В работе К.Д. Бугрова также отмечается «характерная для панегиристов манера говорить о монархии как о режиме движения к всеобщему благоденствию, основанная на трансцендентных качествах монарха» [34. С. 30]. Так, в своей речи по случаю вступления в ВЭО, опубликованной в первой части трудов, З.Г. Чернышев отмечает, что благодаря Екатерине Отечество может «присоединить к славе его военных триумфов и богатство его жатвы» [44. С. 175], а сама императрица «к Минервину щиту соединяет и Церерин серп» [Там же]. Отметим следующее: несмотря на то что Екатерина правила Россией только три года и ВЭО было учреждено менее года назад, «богатство жатвы» уже успело проявиться.

В работе «О приготовлении навоза» магистра Регенсбургера содержится любопытное определение Бога как «предводителя всех экономических обществ»: «О! сколь великое бы получил сей пленяющий вид приращение, естлиб еще к тому наибольший економ, предводитель всех экономических обществ, властитель властителей, всемогущий зиждитель, для славы России и для вечно незабвенной похвалы нашей Вседержавнейшей Государыни Екатерины Великой против врагов Ея

исторгнутые мечи преславным вечным миром, в серпы и плуги обратил, радость бы о том была всеобщая, она являлась бы в отдаленнейших местах пространной России; любовь, дружба, прилежание и усердие на всех полях и лугах являло бы неусыпное трудолюбие земледельцов...» [45. С. 170].

В 21-й части «Трудов» от 1772 г. в работе о прививании оспы отмечается и то, что первыми в Отечестве прививку от этой болезни сделали сама императрица и, «подражая ей», наследник престола. Это событие, по мнению автора статьи, отражало заботу Екатерины не только о народе Империи, но и о всем человечестве [46. С. 66]. Сюжет, связанный с оспопрививанием монаршей особы и наследника престола, появится на страницах Трудов еще несколько раз. В 25-й части «Трудов», вышедшей в 1773 г., Федор Пассек посвящает императрице панегирик, сравнивая Екатерину с античными героями: «Не надобно нам себя относить до баснословных времен, и не нужны нам примером ни Кодр, ни Курий <...> ни Селевк, ни Брут <...> всех превосходит в то наша Великая Монархиня. Она к сохранению жизни своих подданных несла свою собственную и дражайшего своего Наследника жизнь» [47. С. 78]. Затем следует риторический вопрос: «Которое Европейское государство то может нам показать?» Своими учреждениями, утверждает Ф. Пассек, Екатерина воздвигла себе «неразрушающийся монумент». В части 29-й от 1775 г. в работе «Определение земли на одно крестьянское тягло» П. Грасман еще раз напоминает читателям трудов ВЭО о жертве императрицы на благо своих подданных: «Обоготворенная подданными своими Екатерина отдает себя, и единого своего сына, пресветлейшего наследника престола, на жертву; дабы своим первым примером приведенному в ужас подданному подать наставление, сколь неустрашима сия прелюбезнейшая Монархиня, и сколь она готова не щадить и жизни своей, когда благоденствие Государства того востребует!» [48. С. 26]. Можно воспользоваться определением В.М. Живова и отметить «мифологический» характер образа Екатерины в этих текстах, на страницах которых императрица «вырастала в фигуру космического значения».

Риторика авторов ВЭО, обращенная к императрице, отражает как принятые в среде интеллектуалов того времени представления о сущности и задачах монархического правления, так и саму манеру говорить о них. В работах членов ВЭО подчеркиваются трансцендентные качества императрицы, благодеяния, которые она совершила для своей державы и своих подданных. В заботе о процветании России она покровительствует экономическому обществу и поощряет патриотическую и *полезную* деятельность его членов. Отблески славы, окружавшей самодержицу, падали и на её экономическое общество. В публикациях ВЭО имплицитно, а иногда и открыто подчеркивается необходимость просвещать и воспитывать российское общество. Когда Роман Воронцов рекомендовал помещикам брать при-

мер с императрицы и «призывать малые вещи», а Степан Ушаков обвинял их в том, что они предпринимают недостаточные усилия к «открытию пользы», трудно не увидеть в этой риторике одновременно и попытку поставить ВЭО в качестве своеобразного медиатора между российским обществом и императрицей. Учрежденное императрицей для разработки проблем земледелия и домостроительства ВЭО в своей риторике стремится предстать в качестве модели, в рамках которой возможно реализовать свои верноподданнические и патриотические намерения.

В работе Г.В. Ибнеевой отмечается, что в романе «Велизарий» Мармонтеля, одна глава из которого была переведена самой императрицей, подчеркивается идея о союзе монарха и народа [32. С. 26]. Вольное экономическое общество в своей риторике пыталось взять часть реализации этой идеи на себя, протянув мост между земледельцами, помещиками и монархом. Вместе с тем реальная деятельность ВЭО, отказывавшегося в 1766 г. и позднее от обсуждения фундаментальных проблем социально-экономического развития России, шла в разрез с позицией императрицы. Примечательно, что на протяжении второй половины XVIII в. реальная значимость и статус ВЭО в глазах правящей элиты постепенно снижались. Если в 1760-е гг. представители генералитета часто присутствовали на собраниях общества, активно участвовали в его деятельности, то к концу царствования их вклад становится мизерным [8. С. 373].

Отношения с верховной властью в середине 1790-х гг., несмотря на все более панегирическую риторику, также начали ухудшаться. В 1794 г. Екатерина прекратила финансировать издательскую деятельность ВЭО [49. С. 348]. В апреле 1795 г. в письме к барону Фридриху Мельхиору Гримму она в резкой форме раскритиковала ВЭО за то, что его издания плохо продавались, а объявляемые им конкурсы и задачи были названы ею бесполезными [8. С. 373]. Фокусировка ВЭО на практических вопросах, столь характерная для экономических обществ Европы в целом, в итоге вызвала раздражение его покровительницы, несмотря на то что и после 1760-х гг. она обращалась к ВЭО для перевода специальной литературы и консультаций по практическим вопросам хозяйственной деятельности.

В правление Павла I ВЭО, как и многие другие проекты Екатерины II, оказалось невостребованным новым правителем. Несмотря на все попытки, предпринятые членами ВЭО с целью заручиться поддержкой нового императора, Павел I так и остался глух к членам общества, из-за чего в конце XVIII в. президент-сановник П.Б. Пассек и вовсе перестал заниматься делами ВЭО [22. С. 121]. Между тем риторика ВЭО в отношении монарха осталась той же. Инерция была такова, что на страницах единственной вышедшей в правление Павла части «Трудов» от 1798 г. Общество по-прежнему именовалось некоторыми авторами «императорским», а секретарь общества Андрей Нартов в своей торжествен-

ной речи перед чрезвычайным собранием ВЭО в день рождения императора заявил, что «Священным Великия Екатерины глаголом восприяло оно (ВЭО. – К.П.) первое бытие свое; Ея щедротою оно утвердилось и укрепилось; Ея защитою и покровом оно возвысилось и распространилось, а Великий Павел даровал оному нынешнее его существование» [49. С. 375].

Вместе с тем такие элементы риторики авторов ВЭО во второй половине XVIII в., как обожествление

монарха, представления о достижении всеобщего благоденствия, уходят на рубеже веков вместе с той культурной традицией, на которой они были основаны [10. С. 674]. После восшествия на престол Александра I ВЭО было вновь даровано императорское покровительство и финансирование. Риторика лояльности, прочно вошедшая в лексикон авторов ВЭО с 1780-х гг., стала неперенным атрибутом риторики ВЭО и в первой половине XIX в.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ходнев А.И. История Императорского Вольного экономического общества с 1765 до 1865 года. СПб., 1865.
2. Петрова В.А. Вольное экономическое общество как проявление просвещенного абсолютизма : дис. ... канд. ист. наук. Л., 1980.
3. Петрова В.А. Иностранная корреспонденция Вольного экономического общества во второй половине XVIII в. // Из истории феодальной России. Статьи и очерки (к 70-летию со дня рождения проф. В.В. Мавродина). Л., 1978. С. 162–171.
4. Степанский А.Д. История научных учреждений и организаций дореволюционной России. М., 1987.
5. Туманова А.С. Общественные организации и русская публика в начале XX века. М., 2008.
6. Brown J.H. The Free Economic Society and the Nobility, 1765–96: Some Observations // Canadian-American Slavic Studies. 1980. Vol. 14, No 3. P. 427–435.
7. Брэдли Дж. Общественные организации в царской России: наука, патриотизм и гражданское общество. М., 2012.
8. Leckey C. Patronage and Public Culture in the Russian Free Economic Society, 1765–1796 // Slavic Review. 2005. Vol. 64, No. 2. P. 355–379.
9. Живов В.М., Успенский Б.А. Царь и Бог (семиотические аспекты сакрализации монарха в России) // Избранные труды. М., 1996. Т. 1: Семиотика истории. Семиотика культуры.
10. Живов В.М. Государственный миф в эпоху просвещения и его разрушение в конце XVIII века // Из истории русской культуры. 2-е изд. М., 2000. Т. IV : (XVIII – начало XIX века).
11. Кагарлицкий Ю.В. Сакрализация как прием: ресурсы убедительности и влияния имперского дискурса в России XVIII века // НЛО. 1999. № 38.
12. Уортман Р.С. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. М., 2002. Т. 1: От Петра Великого до смерти Николая I.
13. Польской С.В. Конституция и фундаментальные законы в русском политическом дискурсе XVIII века // «Понятия о России»: к исторической семантике имперского периода : в 2 т. / науч. ред.: А.И. Миллер, Д. Сдвижков, И. Ширле. М. : Новое лит. обозрение, 2012. Т. 1. С. 94–150.
14. Ибнеева Г.В. Коммуникативное пространство церемониала путешествий Екатерины II // Модернизация культуры: порядки и метаморфозы коммуникации : материалы Междунар. науч.-практ. конф. / под ред. С.В. Соловьевой, В.И. Ионесова, Л.М. Артамоновой. Самара, 2015. С. 296–301.
15. Бугров К.Д. «Камень, служащий основанием государству»: монархическая форма правления и особый статус дворянства в политической мысли России XVIII в. // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. 2015. № 4 (145). С. 143–156.
16. План // Труды Вольного Экономического Общества (далее – Труды). 1765. Ч. 1.
17. Письмо Ея Императорского Величества к Вольному Экономическому Обществу // Труды. 1765. Ч. 1.
18. О произошедшем 30 Октября 1770 года празднестве Вольного Экономического Общества // Труды. 1770. Ч. 16.
19. Устав Вольного Экономического Общества // Труды. 1771. Ч. 17.
20. Объявление // Труды. 1765. Ч. 1.
21. Задача // Труды. 1769. Ч. 13.
22. Leckey C. Patrons of Enlightenment. The Free Economic Society in Eighteenth-Century Russia // Canadian Slavonic Papers. 2012. September 1.
23. Речь Статского Советника Штелина при вступлении его в Вольное Экономическое Общество // Труды. 1766. Ч. 4.
24. Предупреждение // Труды. 1779. Ч. 31.
25. Предупреждение // Труды. 1790. Ч. 41.
26. Его Превосходительства Господина Сенатора и Кавалера Степана Федоровича Ушакова сочинение о плодородии озимого хлеба // Труды. 1773. Ч. 23.
27. Ответ на письмо Его Сиятельства Г. Генерала-Аншефа... Алексея Григорьевича Орлова Чесменского // Труды. 1793. Ч. 48.
28. О лутчем корме и присмотре коров // Труды. 1785. Ч. 36.
29. Продолжение известий 1793 года // Труды. 1795. Ч. 50.
30. Stapelbroek K., Marjanen J. Political Economy, Patriotism and the Rise of Societies // The Rise of Economic Societies in the Eighteenth Century / eds. by K. Stapelbroek, J. Marjanen. Palgrave Macmillan, 2012.
31. Объявление // Труды. 1796. Ч. 51.
32. Ибнеева Г.В. Общественное воспитание в политической практике Екатерины II: к истории перевода романа Ж.Ф. Мармонтеля «Великий» // Известия Иркутского государственного университета. Серия «История». 2014. Т. 9. С. 24–29.
33. Устав Вольного Экономического Общества // Труды. 1765. Ч. 1.
34. Бугров К.Д. «За добродетель воздаяние, а за беззаконие казнь»: проблемы функционирования правового политического языка в российской общественной мысли XVIII в. // Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Т. 8, № 3/2. С. 27–33.
35. О заведении запасного хлеба // Труды. 1766. Ч. 2.
36. Дружеские советы благородным сельским жителям... // Труды. 1767. Ч. 6.
37. Господина Пастора Грасмана сочинение на задачу о одобрении земли в Копорском уезде... // Труды. 1771. Ч. 19.
38. Господина Доктора Бахерахта сочинение на заданную для решения задачу о падеже рогатого скота // Труды. 1772. Ч. 21.
39. Способ к размножению нужнейшего и прибыточнейшего рода хлеба в Российской империи // Труды. 1773. Ч. 24.
40. Благодарительная к Обществу речь // Труды. 1779. Ч. 31.
41. Опыт поправления крестьянских жилищ // Труды. 1783. Ч. 34.
42. О новом способе перечищения поваренной соли // Труды. 1787. Ч. 37.
43. Произшествия Вольного Экономического Общества // Труды. 1791. Ч. 44.

44. Речь, говоренная в собрании при вступлении в Вольное Экономическое Общество... Захаром Григорьевичем Чернышевым // Труды. 1765. Ч. 1.
45. О приготовлении навоза // Труды. 1771. Ч. 18.
46. Его же Господина Бахерахта описание и наставление о прививании оспы // Труды. 1772. Ч. 21.
47. О прививании оспы // Труды. 1773. Ч. 25.
48. Определение земли на одно крестьянское тягло // Труды. 1775. Ч. 29.
49. Речь Его Превосходительства Андрея Андреевича Нартова о пользе минералогии в отношении к хлебопашеству // Труды. 1798. Ч. 52.

Petrikov Konstantin A. Moscow State University (Moscow, Russia). E-mail: konpetrk@gmail.com

«IMPERIAL SOCIETY»: RELATIONSHIP BETWEEN CATHERINE II AND THE FREE ECONOMIC SOCIETY IN THE «TRUDY».

Keywords: Catherine II; Free economic society; Enlightenment; common good; legitimacy.

In this article the author considers the interaction between Catherine II and the Free Economic Society (VEO), the first public organization in Russia through the prism of the texts published by various members and authors in its periodical “Trudy”. The content of 51 volumes of VEO periodical published from 1765 to 1796 was analyzed. The author expressly stipulates that though the content of “Trudy” articles was largely devoted to practical and economic issues and rhetorical appeal to the Empress was rather sporadic, the unique status of VEO being the only public organization in Russia, should be taken into account. It shared special relationships with the monarch, who for almost 30 years, financially supported VEO publication. Firstly the author examines the attitude of members of VEO to the Empress as the founder and patron of the society. It is noted in the first volume of “Trudy” that 15 founders of the Society asked the Empress to become its patron, to which she responded positively and gave the Society her characters: her personal coat of arms, seal and motto. In their official texts VEO members praised the Empress for her support as a patron. At the turn of the 70s–80s of the XVIII century in the rhetoric of members of the VEO drastically enhanced panegyric rhetoric. Society is often referred to as imperial (alongside with the more common and traditional ‘free’). And Catherine herself is now referred to by some authors like A.G. Orlov as the only true founder of the VEO. Secondly the author examines the problems linked with the development of public sphere in Russian Empire, one of the most crucial factors in which were printing and reading books, newspapers and periodicals. The authors of VEO rhetoric appeals meant to spread the idea of the monarch as a guarantor of achieving the common good and simultaneously an example to all of her subjects. It is also noteworthy that in the texts of VEO authors the rhetoric which celebrated the labour as a way to achieve monarchs recognition were applied not only to noblemen, but to the peasants too. In general this rhetoric derives from Catherine’s II Instruction (Nakaz). In the texts published in “Trudy” a special emphasis was given to the Empress’s intention to enlighten her subjects. In conclusion, the author notes that the VEO has sought to move closer to the Empress, sharing and translating the most important points of her program. VEO has sought to act as a mediator, an intermediary between the Empress and society. These efforts weren't supported by real progress in Empress’s point of view, since the sale of works remained low. Eventually Catherine has cooled to the VEO and stop financing its publishing activity.

REFERENCES

1. Khodnev, A.I. (1865) *Istoriya Imperatorskogo Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva s 1765 do 1865 goda* [The history of the Imperial Free Economic Society from 1765 to 1865]. St. Petersburg: Tip. t-va “Obshchestv. pol'za”.
2. Petrova, V.A. (1980) *Vol'noe ekonomicheskoe obshchestvo kak proyavlenie prosveshchennogo absolyutizma* [Free Economic Society as a manifestation of Enlightened Absolutism]. History Cand. Diss. Leningrad.
3. Petrova, V.A. (1978) *Inostrannaya korrespondentsiya Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva vo vtoroy polovine XVIII v.* [Foreign correspondence of the Free Economic Society in the second half of the 18th century]. In: Ezhov, V.A. (ed.) *Iz istorii feodal'noy Rossii. Stat'i i ocherki (k 70-letiyu so dnya rozhdeniya prof. V.V. Mavrodina)* [From the history of feudal Russia. Articles and essays (to the 70th anniversary of the birth of Professor V.V. Mavrodin)]. Leningrad: Leningrad State University. pp. 162–171.
4. Stepankiy, A.D. (1987) *Istoriya nauchnykh uchrezhdeniy i organizatsiy dorevolutsionnoy Rossii* [The history of scientific institutions and organizations of pre-revolutionary Russia]. Moscow: Moscow State Historical and Archival Institute.
5. Tumanova, A.S. (2008) *Obshchestvennye organizatsii i russkaya publika v nachale XX veka* [Public organizations and the Russian public in the early 20th century]. Moscow: Novyy khronograf.
6. Brown, J.H. (1980) The Free Economic Society and the Nobility, 1765–96: Some Observations. *Canadian-American Slavic Studies*. 14(3). pp. 427–435. DOI: 10.1163/221023980X00472b
7. Bradley, J. (2012) *Obshchestvennye organizatsii v tsarskoy Rossii: nauka, patriotizm i grazhdanskoe obshchestvo* [Public organizations in tsarist Russia: Science, patriotism and civil society]. Translated from English by M. Golybina. Moscow: Novyy khronograf.
8. Leckey, S. (2005) Patronage and Public Culture in the Russian Free Economic Society, 1765–1796. *Slavic Review*. 64(2). pp. 355–379. DOI: 10.2307/3649988
9. Zhivov, V.M. & Uspenskiy, B.A. (1996) *Tsar' i Bog (semioticheskie aspekty sakralizatsii monarkha v Rossii)* [Tsar and God (semiotic aspects of monarch sacralisation in Russia)]. In: Uspenskiy, B.A. *Izbrannye trudy* [Selected Works]. Vol. 1. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.
10. Zhivov, V.M. (2000) *Gosudarstvennyy mif v epokhu prosveshcheniya i ego razrushenie v kontse XVIII veka* [The state myth in the era of Enlightenment and its destruction in the late 18th century]. In: Lotman, Yu.M., Zhivov, V.M., Averintsev, S.S., Panchenko A.M. et al. *Iz istorii russkoy kul'tury* [From the history of Russian culture]. 2nd ed. Vol. 4. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.
11. Kagarlitskiy, Yu.V. (1999) *Sakralizatsiya kak priem: resursy ubeditel'nosti i vliyatel'nosti imperskogo diskursa v Rossii XVIII veka* [Sacralisation as reception: Resources of persuasiveness and influence of imperial discourse in Russia of the 18th century]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 38.
12. Wortman, R.S. (2002) *Stsenarii vlasti. Mify i tseremonii russkoy monarkhii* [Scenarios of power. Myths and ceremonies of the Russian monarchy]. Vol. 1. Translated from English by S.V. Zhitomirsky. Moscow: OGI.
13. Pol'skoy, S.V. (2012) *Konstitutsiya i fundamental'nye zakony v russkom politicheskom diskurse XVIII veka* [The Constitution and fundamental laws in Russian political discourse of the 18th century]. In: Miller, A.I. Sdvizhkov, D. & Shirle, I. (eds) *“Ponyatiya o Rossii”: K istoricheskoy semantike imperskogo perioda : v 2 t.* [Concepts of Russia: To the historical semantics of the imperial period: In 2 vols]. Vol. 1. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. pp. 94–150.
14. Ibneeva, G.V. (2015) *Kommunikativnoe prostranstvo tseremoniala puteshestviy Ekateriny II* [Communicative space of Catherine II's ceremonial travel]. In: Solovieva, S.V., Ionesov, V.I. & Artamonova, L.M. (eds) *Modernizatsiya kul'tury: poryadki i metamorfozy kommunikatsii* [Modernization of culture: Order and metamorphosis of communication]. Samara: Samara State Institute of Culture. pp. 296–301.
15. Bugrov, K.D. (2015) “The Cornerstone of the State”: Monarchical Form of Government and Nobility's Special Status in the Political Thought of 18th Century Russia. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 2, Gumanitarnye nauki – Izvestia of the Ural Federal University. Series 2. Humanities and Arts*. 4(145). pp. 143–156. (In Russian).

16. Anon. (1765a) Plan [Plan]. In: Nartov, A.A. (ed.) *Trudy Vol'nago Ekonomicheskago Obshchestva* [Proceedings of the Free Economic Society]. Part 1.
17. Anon. (1765b) Pis'mo Eya Imperatorskago Velichestva k Vol'nomu Ekonomicheskomu Obshchestvu [Letter from Her Imperial Majesty to the Free Economic Society]. In: Nartov, A.A. (ed.) *Trudy Vol'nago Ekonomicheskago Obshchestva* [Proceedings of the Free Economic Society]. Part 1.
18. Anon. (1770) O proizkhodivshem 30 Oktyabrya 1770 goda prazdnestve Vol'nago Ekonomicheskago Obshchestva [On the October 30, 1770 Festival of the Free Economic Society]. In: Nartov, A.A. (ed.) *Trudy Vol'nago Ekonomicheskago Obshchestva* [Proceedings of the Free Economic Society]. Part 16.
19. Anon. (1771a) Ustav Vol'nago Ekonomicheskago Obshchestva [Charter of the Voluntary Economic Society]. In: Nartov, A.A. (ed.) *Trudy Vol'nago Ekonomicheskago Obshchestva* [Proceedings of the Free Economic Society]. Part 17. pp. 190-213.
20. Anon. (1765c) Ob'yavlenie [Announcement]. In: Nartov, A.A. (ed.) *Trudy Vol'nago Ekonomicheskago Obshchestva* [Proceedings of the Free Economic Society]. Part 1.
21. Anon. (1769) Zadacha [Objectives]. In: Nartov, A.A. (ed.) *Trudy Vol'nago Ekonomicheskago Obshchestva* [Proceedings of the Free Economic Society]. Part 13.
22. Leckey, C. (2011) *Patrons of Enlightenment. The Free Economic Society in Eighteenth-Century Russia*. University of Delaware Press.
23. Stelin, J. (1766a) Rech' Statskago Sovetnika Shtelina pri vstuplenii ego v Vol'noe Ekonomicheskoe Obshchestvo [The speech of Councillor of State Shtelin upon his entry into the Free Economic Society]. In: Nartov, A.A. (ed.) *Trudy Vol'nago Ekonomicheskago Obshchestva* [Proceedings of the Free Economic Society]. Part 4. pp. 187-197.
24. Anon. (1779a) Predudedomlenie [Preface]. In: Nartov, A.A. (ed.) *Trudy Vol'nago Ekonomicheskago Obshchestva* [Proceedings of the Free Economic Society]. Part 31.
25. Anon. (1790) Predudedomlenie [Preface]. In: Nartov, A.A. (ed.) *Trudy Vol'nago Ekonomicheskago Obshchestva* [Proceedings of the Free Economic Society]. Part 41.
26. Ushakov, S.F. (1773) Ego Prevoskhoditel'stva Gospodina Senatora i Kavalera Stepana Fedorovicha Ushakova sochinenie o plodorodii ozimago khleba [His Excellency Mr. Senator and Chevalier Stepan Fedorovich Ushakov, an essay on winter cereals]. In: Nartov, A.A. (ed.) *Trudy Vol'nago Ekonomicheskago Obshchestva* [Proceedings of the Free Economic Society]. Part 23.
27. Anon. (1793a) Otvet na pis'mo Ego Siyatel'stva G. Generala-Anshefa... Alekseya Grigor'evicha Orlova Chesmenskago [Reply to the letter of His Excellency G. General-Anshef Alexei Grigorievich Orlova Chesmensky]. In: Nartov, A.A. (ed.) *Trudy Vol'nago Ekonomicheskago Obshchestva* [Proceedings of the Free Economic Society]. Part 48.
28. Anon. (1785) O lutchem korme i prismotre korov [About better feed and supervision of cows]. In: Nartov, A.A. (ed.) *Trudy Vol'nago Ekonomicheskago Obshchestva* [Proceedings of the Free Economic Society]. Part 36.
29. Anon. (1793b) Prodolzhenie izvestiy 1793 goda [Continuation of the news of 1793]. In: Nartov, A.A. (ed.) *Trudy Vol'nago Ekonomicheskago Obshchestva* [Proceedings of the Free Economic Society]. Part 50.
30. Stapelbroek, K. & Marjanen, J. (2012) Political Economy, Patriotism and the Rise of Societies. In: Stapelbroek, K. & Marjanen, J. (eds) *The Rise of Economic Societies in the Eighteenth Century*. London: Palgrave Macmillan. DOI: 10.1057/9781137265258
31. Anon. (1796) Ob'yavlenie [Announcement]. In: Nartov, A.A. (ed.) *Trudy Vol'nago Ekonomicheskago Obshchestva* [Proceedings of the Free Economic Society]. Part 51.
32. Ibneeva, G.V. (2014) Public Education in the Politics of Catherine II: On the history of translation of the novel "Bélisaire" by J.F. Marmontel. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. Istoriya – Izvestia of the Ural Federal University. Series History*. 9. pp. 24-29. (In Russian).
33. Anon. (1765d) Ustav Vol'nago Ekonomicheskago Obshchestva [Charter of the Free Economic Society]. In: Nartov, A.A. (ed.) *Trudy Vol'nago Ekonomicheskago Obshchestva* [Proceedings of the Free Economic Society]. Part 1.
34. Bugrov, K.D. (2016) "A reward for virtue, and a penance for iniquity": The problems of functioning of the legal political language in the 18th century Russian public thought. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl' – Historical and social-educational ideas*. 8(3/2). pp. 27-33. (In Russian). DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-3/2-27-33
35. Anon. (1766b) O zavedenii zapasnogo khleba [On spare bread]. In: Nartov, A.A. (ed.) *Trudy Vol'nago Ekonomicheskago Obshchestva* [Proceedings of the Free Economic Society]. Part 2.
36. Anon. (1767) Druzheskie sovery blagorodnym sel'skim zhitelyam . . . [Friendly advice to noble villagers . . .]. In: Nartov, A.A. (ed.) *Trudy Vol'nago Ekonomicheskago Obshchestva* [Proceedings of the Free Economic Society]. Part 6.
37. Grasman. (1771) Gospodina Pastora Grasmana sochinenie na zadachu o udobrenii zemli v Koporskom uезде . . . [Pastor Grasman's essay on fertilizing soil in Koporsky Uyezd . . .]. In: Nartov, A.A. (ed.) *Trudy Vol'nago Ekonomicheskago Obshchestva* [Proceedings of the Free Economic Society]. Part 19.
38. Bakherakht. (1772) Gospodina Doktora Bakherakhta sochinenie na zadannuyu dlya resheniya zadachu o padezhe rogatogo skota [Dr. Bacheracht's essay on distemper]. In: Nartov, A.A. (ed.) *Trudy Vol'nago Ekonomicheskago Obshchestva* [Proceedings of the Free Economic Society]. Part 21.
39. Anon. (1773) Sposob k razmnzheniyu nuzhneyshago i pribytochneyshago roda khleba v Rossiyskoy imperii [The reproduction of the most necessary and profitable bread in the Russian Empire]. In: Nartov, A.A. (ed.) *Trudy Vol'nago Ekonomicheskago Obshchestva* [Proceedings of the Free Economic Society]. Part 24.
40. Anon. (1779b) Blagodaritel'naya k Obshchestvu rech' [A word of gratitude to the Society]. In: *Trudy Vol'nago Ekonomicheskago Obshchestva* [Proceedings of the Free Economic Society]. Part 31.
41. Anon. (1783) Opyt popravleniya krest'yanskikh zhilishch [On improvement of peasant dwellings]. In: *Trudy Vol'nago Ekonomicheskago Obshchestva* [Proceedings of the Free Economic Society]. Part 34.
42. Anon. (1787) O novom sposobe perechishcheniya povarennoy soli [On a new method for purifying sodium chloride]. In: Nartov, A.A. (ed.) *Trudy Vol'nago Ekonomicheskago Obshchestva* [Proceedings of the Free Economic Society]. Part 37.
43. Anon. (1791) Proizshestviya Vol'nago Ekonomicheskago Obshchestva [Events of the Free Economic Society]. In: Nartov, A.A. (ed.) *Trudy Vol'nago Ekonomicheskago Obshchestva* [Proceedings of the Free Economic Society]. Part 44.
44. Chernyshev, Z.G. (1765e) Rech', govorenaya v sobranii pri vstuplenii v Vol'noe Ekonomicheskoe Obshchestvo... Zakharom Grigor'evichem Chernyshevym [Speech delivered by Zakhar Grigoryevich Chernyshev in the meeting when joining the Free Economic Society]. In: Nartov, A.A. (ed.) *Trudy Vol'nago Ekonomicheskago Obshchestva* [Proceedings of the Free Economic Society]. Part 1.
45. Anon. (1771b) O prigotovlenii navoza [On the preparation of manure]. In: Nartov, A.A. (ed.) *Trudy Vol'nago Ekonomicheskago Obshchestva* [Proceedings of the Free Economic Society]. Part 18.
46. Bakherakht. (1773) Ego zhe Gospodina Bakherakhta opisaniye i nastavleniye o privivanii ospy [Bacheracht's description and instruction about the vaccination of smallpox]. In: Nartov, A.A. (ed.) *Trudy Vol'nago Ekonomicheskago Obshchestva* [Proceedings of the Free Economic Society]. Part 21.
47. Anon. (1773) O privivanii ospy [On inoculation of smallpox]. In: Nartov, A.A. (ed.) *Trudy Vol'nago Ekonomicheskago Obshchestva* [Proceedings of the Free Economic Society]. Part 25.
48. Anon. (1775) Opredeleniye zemli na odno krest'yanskoe tyaglo [Land for one peasant tax]. In: Nartov, A.A. (ed.) *Trudy Vol'nago Ekonomicheskago Obshchestva* [Proceedings of the Free Economic Society]. Part 29.
49. Nartov, A.A. (1798) Rech' Ego Prevoskhoditel'stva Andrey Andreevicha Nartova o pol'ze mineralogii v otnoshenii k khlebopashstvu [His Excellency Andrei Andreevich Nartov on the benefits of mineralogy in relation to the cultivation of crops]. In: Nartov, A.A. (ed.) *Trudy Vol'nago Ekonomicheskago Obshchestva* [Proceedings of the Free Economic Society]. Part 52.

УДК 94+373

DOI: 10.17223/19988613/47/3

Л.В. Архангельская

ЖЕНСКОЕ НАЧАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ШКОЛАХ ДУХОВНОГО ВЕДОМСТВА ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

Акцентируется внимание на деятельности духовенства по распространению грамотности среди женского населения Пермской губернии во второй половине XIX – начала XX в. Рассматриваются основные типы учебных заведений, относящиеся к ведомству православного вероисповедания и их развитие в данном регионе. Делается вывод, что, несмотря на меры, принимаемые для привлечения девочек в церковные школы губернии, их количество в данных школах было незначительным.

Ключевые слова: женское образование; Пермская губерния; церковно-приходские школы; ученицы; начальные училища Духовного ведомства.

К начальным школам, куда со второй половины XIX в. был открыт доступ представительницам женского пола, относились школы, принадлежавшие духовному ведомству: церковно-приходские, воскресные и школы грамоты. Отношение общества к данным видам учебных заведений было неоднозначным на протяжении всего периода их существования. Открывающиеся с целью не столько обучения, сколько религиозного воспитания детей, «существующих среди скудной крестьянской среды и грубой обстановки» [1. С. 16–17], церковные школы встречали недовольство со стороны прогрессивной интеллигенции [2, 3].

На *Первом Всероссийском съезде по образованию женщин* было прямо заявлено, что «церковные школы – это стена, которая стала на пути народа к просвещению, и для того, чтобы народ стал просвещенным, необходимо ее разрушить» [4. С. 9]. Неудивительно, что эту же линию продолжила советская историография, безоговорочно выносящая церковным школам обвинительные приговоры [5, 6]. Современными авторами даются объективные оценки вклада православной церкви в начальное дореволюционное образование и роли церковных школ в системе просвещения [7–9]. В русле рассматриваемой проблемы заслуживают внимания диссертации, посвященные женскому образованию в России, где обращается внимание на данный тип школ [10, 11]. Обучение в школах духовного ведомства Пермской губернии без выделения гендерной составляющей рассматриваются в работах уральских исследователей А.В. Мангилевой, А.М. Сафроновой, У.С. Ефремовой [12–14]. Данная статья призвана восполнить этот пробел, взяв для иллюстрации Пермскую губернию как регион, в котором начальному образованию уделялось большое внимание общественности.

Становление школ духовного ведомства принято рассматривать начиная с издания *Правил о Церковно-приходских школах 1884 г.*, которые не только «не составляли какого-либо нового изобретения, а до 60-х гг. считались десятками тысяч и были уничтожены в угоду “народникам”» [15. С. 525–526]. Если к 1864 г. их

насчитывалось 22 305 с 427 165 учащимися, то ко времени опубликования *Правил* количество школ и учеников резко уменьшилось (в 5 и 4 раза соответственно) [16. С. 52]. В Пермской губернии, по данным директора народных училищ, к 1860 г. при православных и единоверческих церквях действовало 128 училищ, в которых обучались 1 495 представителей мужского и 510 – женского пола [17. С. 256]. И хотя в эти годы духовенство продолжает участвовать в создании новых школ, не все они относятся к ведомству православного вероисповедания. Например, Верхне-муллинская женская школа Пермского уезда (популярная среди местного населения благодаря неформальному подходу к процессу обучения), открытая как церковно-приходская, была принята в ведение пермской дирекции народных училищ [18. С. 604–608]. Ко времени разделения сфер влияния духовенства и светской власти в области народного образования при 20 монастырских и церковных школах остались только 212 девочек и 409 мальчиков [19. С. 92].

Возрождение церковно-приходских школ было связано с попытками правительства противостоять революционной пропаганде и «губительному процессу явного упадка среди православного народа благочестивых обычаев страны, добрых семейных ценностей и верностей уставам святой матери нашей церкви» [20. С. 291]. Надежды на обуздание этого процесса Св. Синод стал связывать с обучением девочек, которому решил придать «в высшей степени серьезное значение». «Дети-девочки – будущие матери семейств, и на них церковноприходская школа может вполне рассчитывать как на своих верных помощниц и союзниц в деле поддержания в народе нравственности и укрепления истин православной церкви», – писал журнал «Русская школа» [21. С. 343]. «На грамотности женщины-матери основывается образование народа; обучить и воспитать девочек – значит образовать школу в каждой семье; грамотная мать не допустит, чтобы ее дочь была неграмотною и не ученою», – аналогично отзывалась пермская церковная пресса [22. С. 333].

Причины для беспокойства за женскую грамотность у духовенства были более чем серьезные. Несмотря на значительное число открывающихся школ, уральские священники не могли не замечать «умственного убожества паствы» и отмечали, что в деле распространения грамотности «до сих пор мы стоим ниже многих иноверцев, особенно в отношении обучения женского пола» [22. С. 329–330]. За 10 лет, прошедших после издания *Правил*, из всего количества православных девочек школьного возраста (около 5 млн) в 12 970 церковных школах обучались 150 364 человек, или 17,4% от общего количества учащихся. В школах других ведомств обучались до 350 000 человек, т.е. 90% девочек в стране продолжали оставаться без обучения [23. С. 510]. Судя по статистическим данным, процент учащихся девочек в Пермской губернии был примерно такой же (18,4%) [24. С. 368–369]. Такое соотношение количества учащихся в пользу мальчиков было характерно для всех начальных школ страны. По этому поводу С.А. Рачинский, чьи сельские школы служили образцом для начальных церковных школ, писал: «При первом же взгляде на всякую нашу школу, в ней поражает отсутствие или малое количество девочек. Ясно, что наша школа делает лишь половину своего дела, а что другая, быть может, самая важная половина ускользает от нее. Отсутствие девочек объясняется теми же внешними условиями, которые затрудняют помещение в школу мальчиков. Девочки встречаются только из самых ближайших деревень. Никакого общего предубеждения против обучения девочек у крестьян не существует. Там, где возможно прилично устроить их в школе, их охотно отдают в учение» [25. С. 10].

Наибольшее количество девочек в школах духовного ведомства насчитывалось в церковно-приходских *смешанных одноклассных*. Если в подобных городских школах их число было сопоставимо с числом мальчиков, то в сельских мальчики преобладали. Подобный «перекосяк» в гендерном отношении наблюдался во всех сельских приходах Пермской губернии, что «являлось лишь отражением общего взгляда деревни на образование женщины как на роскошь, без которой женщина может и обойтись» [26. С. 107].

Существенным препятствием для девочек в смешанных школах всех ведомств являлись возрастные ограничения: им разрешалось учиться строго до 12 лет. «Это запрещение равняется как безусловное исключение девочек из школы, – указывал С.А. Рачинский. – Сообщить действительную грамотность крестьянке наша школа может только при явном нарушении закона. Поместить 8–9-летнюю девочку почти невозможно в школу, так как нет общежитий при них, а довести девочку до полной грамотности, поступающую в 10, 11 лет – запрещено» [25. С. 10–11]. Ограничение в возрасте для девочек при совместном обучении с мальчиками происходило, по словам того же педагога, от «пугливости министерства, которое ошибочно судит о последних по гимназистам и кадетам их возраста. <...>

Мальчики и девочки, проводящие в деревне без всякого надзора и без всякого вреда всю свою жизнь вместе, не повредят друг другу и в школе». Зато «заметное преимущество в развитии и ширине умственного кругозора на стороне мальчиков, перерастающее в весьма сильное неравенство между взрослыми крестьянами и крестьянками», могло сгладиться в детстве совместным обучением в школе. «Не полезно ли для самих мальчиков с раннего детства убедиться в том, что их сестры, их будущие жены не уступают им в умственных способностях?» – задавался вопросом Рачинский [Там же. С. 17–18].

Чтобы изменить данное положение, чрезвычайное собрание синодального училищного совета в 1898 г., признав «обучение женщины могучим средством для поднятия религиозно-нравственного уровня и распространения грамотности в народе», предложило епархиальным училищным советам следующие средства для привлечения девочек в школы: «1) усилить заботы об открытии отдельных церковно-приходских школ для девочек; 2) возложить на законоучителей женских школ обращать особое внимание при преподавании на святынях и на черты семейственности в жизни святых; 3) учебное дело поручать учительницам, а не учителям; 4) сделать в школах обязательным обучение рукоделию по программе, вырабатываемой местным епархиальным училищным советом» [27. Ф. 147. Оп. 1. Д. 394. Л. 1].

Подобная обеспокоенность духовного ведомства женским образованием стала восприниматься в обществе как уступка Министерства народного просвещения, чьи школы – земские и особенно министерские – отдавали предпочтение мальчикам [21. С. 343; 28. С. 71]. Епархиальные училищные советы Пермской губернии также призывали местное духовенство обращать внимание на открытие и увеличение женских школ с тем, чтобы школам этим оказалось предпочтение перед мужскими, открытие которых могло бы принять на себя земство: «Несмотря на незначительное число женских школ, не подлежит никакому сомнению польза, какую они могут оказать русскому народу в поднятии его религиозно-нравственной жизни. Для того же, чтобы еще больше расположить население к таким школам, было бы желательно ввести в этих школах курс рукоделия и огородничества. И просить родителей словом убеждения не отрывать детей от школьных занятий», – писали Пермские епархиальные ведомости [29. С. 157].

Уроки рукоделия, до этого времени проводившиеся только в немногих церковно-приходских школах, теперь стали вводиться в большинстве церковных школ. Часто учительницы или жены священнослужителей преподавали рукоделие бесплатно, по окончании всех уроков. Девочек обучали изготовлению чулок, детской обуви, ковриков, рукавичек, вязанию кружев, шитью платья, постельного белья, вышивке по канве и даже переплетному мастерству. Материалы для рукоделия

покупались на церковные средства или на средства школьных попечителей. Изготовленные ученицами вещи, как правило, продавались, а вырученные деньги шли на покупку нового материала. Эта мера по привлечению девочек оказалась весьма действенной, так как, по наблюдениям уездных инспекторов, родители с большим желанием отдавали своих дочерей в школы, где велись подобные уроки [30. С. 588].

Не всегда предложения Синода встречали поддержку у местного населения. Так, Пермский епархиальный училищный совет в 1899 г. постановил открыть в виде опыта женскую одноклассную церковно-приходскую школу в селе Цидва Чердынского уезда, где земское смешанное училище было переполнено учащимися (более 100 человек). Но в данном населенном пункте женская школа так и не была открыта из-за того, что цидвинское общество отказывалось дать для нее помещение [27. Ф. 147. Оп. 1. Д. 349. Л. 1]. Кроме того, к 1905 г. в земледельческих уездах губернии, таких как Ирбитский, Камышловский, Шадринский, продолжали существовать только смешанные школы (и земские, и церковные), отчего число девочек в них было ничтожно мало, что особенно замечалось в раскольнических селениях. Проводящий инспекцию школ епископ Екатеринбургский и Ирбитский Владимир был крайне недоволен, что ближайшим школьным начальством не обращалось внимания на этот недостаток [31. С. 113].

Успешнее развивались женские школы, открытые по инициативе частных лиц или церковных попечителей. Иллюстрацией этому может служить Кунгурская Успенская школа, которую построила и содержала вдова почетного гражданина города Анна Ивановна Кузнецова, проживающая в Москве [32. Ф. 535. Оп. 1. Д. 14. Л. 63]. Первоначально открытое как школа грамоты на 30–40 человек, учебное заведение приняло в первый год только 12 учениц. Первой учительницей с жалованием 15 руб. в месяц была назначена дочь местного казначея, окончившая Екатеринбургскую женскую гимназию. Через два года, в 1901 г., учениц стало больше 60, и школа грамоты преобразуется в одноклассную церковно-приходскую с рукодельным отделением [27. Ф. 147. Оп. 1. Д. 343. Л. 13, 16]. Она помещалась в отдельном двухэтажном здании, состоящем из учительской, библиотеки, чайной для учениц, комнат учительницы и помощницы, и была достаточно обеспечена классной мебелью, школьными принадлежностями и учебниками, которые выдавались девочкам на 3 года [Там же. Д. 324. Л. 4, 23]. На содержание школы выделялось до 2 500 руб. в год, деньги выдавались также на устройство праздников и награды учительницам к Пасхе и Новому году. В 1910 г., после включения в школьную сеть, школа стала получать еще и пособие для учителей от казны в размере 1 170 руб. [Там же. Л. 78 об., 96–97]. Преподавание здесь, как и во всех церковно-приходских школах, велось по программам, разработанным Синодом, и включало в себя Закон Божий, церковно-славянское чтение, русский язык,

правописание (диктовка, изложение), арифметику (устно и письменно), чистописание, сведения о явлениях природы, линейное черчение и рукоделие для девочек. Девочки учились 170 дней в году, а в теплое время года занимались огородничеством [32. Ф. 535. Оп. 1. Д. 14. Л. 14, 90, 102; Д. 16. Л. 2].

В 1905 г. попечительница построила для школы новое здание – каменное, удобное, просторное, рассчитанное на 80 человек. Ввиду такого крупного пожертвования, «исключительного в жизни церковных школ», епархиальный совет представил А.И. Кузнецову «к высшей награде, какая возможна по закону лицам женского полу», с надеждой, что награждение послужит поощрением к обеспечению школы постоянным капиталом и она не пострадает от наследников вдовы [27. Ф. 147. Оп. 1. Д. 324. Л. 20, 33]. С 1908 г., когда школа стала 2-классной с 5-летним курсом (в программу добавились география, церковная и гражданская история), в ней уже обучались 116, а в 1914 г. – 215 воспитанниц, из-за чего многим приходилось отказывать в поступлении [Там же. Л. 78 об., 96–97].

Еще одним примером успешного существования женской школы может служить учрежденная приходским попечительством Пермская Рождество-Богородицкая одноклассная школа с профессиональным классом рукоделия. Почетным членом попечительства этой образцовой школы состоял обер-прокурор К.П. Победоносцев, возможно поэтому училищный совет при Св. Синоде выделил для ремонта школы 5 тыс. руб. и 1 тыс. руб. на ее содержание [27. Ф. 147. Оп. 1. Д. 563. Л. 19]. Это популярное в городе учебное учреждение заменило, по сути, для Перми Народный дом, где проводились народные чтения, концерты, учительские и певческие курсы [33. С. 81].

Сразу после издания *Правил* при женских монастырях открываются грамотно организованные женские и смешанные церковно-приходские школы [27. Ф. 147. Оп. 1. Д. 324. Л. 1, 21а; 34. Ф. 603. Оп. 1. Д. 688. Л. 1–304]. Стоит отметить, что начальные училища для девочек при женских монастырях Екатеринбургской и Пермской епархий были организованы задолго до 1884 г. С 1830-х гг. стали действовать девичьи училища при Кунгурском, Пермском и Екатеринбургском женских монастырях, из которых два последних были преобразованы в средние учебные заведения – епархиальные училища [34. Ф. 603. Оп. 1. Д. 493. Л. 101–102].

Известно, что в девичье училище Екатеринбургского Ново-Тихвинского монастыря принимались девочки не младше 6 лет всех сословий, православные, единоверки и раскольницы, которые первые два года обучения посвящали изучению рукоделия, церковного пения, чистописания, Священной истории Ветхого завета, заучиванию молитв и символа веры. На 3-й год к этим предметам добавлялись домоводство, Священная история Нового завета, четыре действия арифметики, русская грамматика, общие понятия по географии, более подробные сведения о европейских государствах и

краткие сведения о народах, живших до Р.Х.; в 4-й год – рассказы о важных событиях вселенской и русской церкви, 2-я часть русской грамматики, арифметика о дробях, география России, рассказы о важных событиях в русском государстве. Девочкам-сиротам помогало попечительство о бедных, отпускавшее на каждую из них по 25 руб. серебром в год [27. Ф. 147. Оп. 1. Д. 677. Л. 1, 12а].

Интересно, что при Боголюбском женском монастыре Красноуфимского уезда помимо женской школы с 27 ученицами, обучением которых занималась рясофорная послушница, окончившая курс Уфимского епархиального училища, существовала еще школа живописи для девочек, которую настоятельница предлагала принять в ведение епархиального училищного совета, чтобы «за умеренные цены снабжать Пермскую епархию иконами правильного строго выдержанного стиля» [Там же. Д. 36. Л. 1–2]. К 1916 г. школы для приходящих детей при четырех монастырях губернии были введены в школьные сети с пособием учителям от казны [Там же. Д. 695. Л. 1].

К началу XX в. деятельность духовного ведомства по привлечению девочек в школы стала давать свои плоды. Их количество в Пермской губернии, по сравнению с 1895 г., увеличилось в 2,5 раза [1. С. 66–69; 35. С. 208–209]. Постепенно увеличивалось и число девочек, оканчивающих полный курс церковно-приходских школ. Также постепенно росло и число специальных женских школ. В одной только Екатеринбургской епархии в 1905 г. из 189 церковно-приходских женских школ было 31, а мужских – 15 [27. Ф. 42. Оп. 1. Д. 441. Л. 43]. Правда, увеличение это относилось только к одноклассным школам, чего нельзя было сказать о школах повышенного типа – двухклассных, которые были совершенной редкостью в уральских краях и куда из-за продолжительного курса крестьяне – основные потребители церковных школ – не могли поместить своих дочерей. К 1917 г. в губернии их осталось только две: Кунгурская и Верх-Язвинская в Соликамском уезде. Существоющая с 1894 г. Верх-Исетская под Екатеринбургом из-за недостатка учениц в 1905 г. была преобразована в мужскую [30. С. 586].

При всем активном развитии церковно-школьного строительства церковно-приходские школы Пермской губернии не могли охватить маленьких жителей заводских поселков, окраин городов и малолюдных деревень, находящихся вдали от села с церковью. Посещать церковно-приходские школы эти дети не могли за неимением теплой одежды и обуви, и все дни года оставались «на произвол самих себе». Поэтому самыми доступными для них оставались примитивные *школы грамоты*, также относящиеся к ведомству православного вероисповедания. Так, на окраине Екатеринбурга была открыта Казанско-Богородицкая школа грамоты для детей местных чернорабочих, целью которой было «занять ум праздных детей книжным учением, через школьные гуманные отношения приучить их к поряд-

очности и через занятия ремеслами развить в детях привычку к труду». Кроме уроков в школе девочки и мальчики выполняли несложные заказы для местных производств, а на устроенных грядках, клумбах и в парниках выращивали цветы, овощи и зелень. Заработанные таким образом средства шли на их содержание в школе [36. С. 691].

Как и церковно-приходские, к концу XIX в. школы грамоты распространились «с такою быстротою и успехом», что стали лидировать среди всех типов начальных учебных заведений [37. С. 231]. Например, на территории Верхотурского уезда в 1894/95 учебном году их насчитывалось почти в два раза больше, чем церковно-приходских [38. С. 143]. Тем не менее число учащихся девочек в этих школах было ниже, чем в церковно-приходских: из 5 571 всех учениц церковных школ Екатеринбургской епархии в школах грамоты обучались всего 1 818 человек. Большинство этих школ открывались для представителей обоего пола, но действовали и женские, количество которых в губернии было невелико, но превышало такие же мужские; например, в Чердынском уезде из всех церковных школ женскими являлись именно две школы грамоты [27. Ф. 42. Оп. 1. Д. 441. Л. 43, 49–50].

С течением времени большинство школ грамоты губернии стало мало чем отличаться от церковно-приходских: трехгодичное обучение проводилось по программам и учебникам для последних. По окончании курса воспитанники школ грамоты сдавали экзамены наряду с учениками одноклассных школ. Школы старого типа, «со стариком-грамотеем учителем», умеющим научить только молитвам, чтению и письму, почти исчезли и сохранились лишь в самых малолюдных поселках [39. С. 614]. По сути, школы грамоты тем и отличались от церковно-приходских, что имели меньшую материальную базу и меньшее количество учащихся, что было естественно, ибо они действовали главным образом в глухих местах и помещались в наемных квартирах [30. С. 573]. К концу рассматриваемого периода из-за неимения средств и малого количества учащихся, а также преобразования в повышенные типы церковных школ, число этих учебных заведений стремительно сократилось. В Пермской губернии осталось только 24 школы грамоты, из которых не было ни одной женской [40. С. 47–48].

Однако в 1895 г. для увеличения числа школ грамоты и повышения качества обучения в них как временную меру Синод учреждает *второклассные учительские школы*, получившие свое название от того, что являлись развитием второго класса двухклассных школ с присоединением к нему одногодичного учительского курса. Получить в них повышенное начальное образование (до среднего эти школы не дотягивали) и педагогическую подготовку девочки могли начиная с 13 лет [39. С. 620].

Данный тип школ, которых к 1908 г. действовало уже 426 (328 мужских и 98 женских), довольно щедро

поддерживался государством [41. С. 28]. Одной из этих школ была преобразованная из церковно-приходской в 1903 г. школа в Каслинском заводе. Глава торгового дома «Братья Злоказовы» подарил для нее двухэтажный дом, в верхнем этаже которого располагалась второклассная школа с поступившими в первый год 45 ученицами, а в нижнем – церковно-приходская школа с 129 девочками для практики будущих учительниц. Обучение здесь, как и во многих церковных школах, было бесплатным (плата 3 руб. в месяц взималась только за общежитие) и велось по специально разработанным программам для второклассных школ [30. С. 601; 42. С. 41–42]. Свидетельство об окончании курса давало право на допуск к экзаменам на звание учительницы земской школы [27. Ф. 695. Оп. 1. Д. 1. Л. 1].

Кроме Каслинского завода эти учебные заведения находились при Мотовилихинском заводе Пермского уезда и в селе Юсьве Соликамского уезда для девочек-пермячек. Об открытии второклассной женской школы ходатайствовала и настоятельница Боголюбского женского монастыря. По словам настоятельницы, «эта школа давала бы учительниц школ грамоты, воспитанных в духе православной церкви, которые бы внесли более света Христова в женскую среду разных отдельных поселков», из живущих в монастыре девочек-инородок». Интересно, что Губернское земское собрание отзывчиво отнеслось к открытию женской школы и даже назначило ей субсидию, в то время как епархиальный училищный совет в ходатайстве отказал, подозревая, что настоятельница рассматривает ее открытие как средство к повышению доходности своей обители (монастырю вместе со школой отошел бы участок земли), «при котором школьные цели отходят на второй план» [Там же. Д. 370. Л. 1, 5].

Взрослые женщины и девочки-подростки, необученные грамоте в детстве, могли наверстать упущенное в церковных воскресных школах, где по воскресеньям и праздничным дням изъявили согласие преподавать учительницы местных земских училищ. Они взяли на себя занятия по русскому и церковно-славянскому языкам с обстоятельным переводом, чтению, русской истории, арифметике и географии, псаломщики местных церквей обучали пению, законоучители – Закону Божьему, истории церкви и богослужению. Предполагалось также пройти уроки трезвости и гигиены [Там же. Д. 390. Л. 21, 69, 73]. Воскресные школы, как и другие церковные, открывались с разрешения епархиального училищного совета (а при заводах и фабриках – с разрешения губернского начальства) и содержались за счет местных церковных средств и средств совета, отпускавшего на каждое уездное отделение по 50 руб. на приобретение учебников и письменных принадлежностей [Там же. Л. 5, 46, 93]. Занятия в воскресных школах в первые полчаса после молитвы посвящались общей беседе по Закону Божию, затем слушатели разделялись для прохождения уроков по русскому языку, арифметике, геометрии, истории, географии и письму.

Вечер заканчивался в общей аудитории лекциями по медицине, животноводству, агрономии и естествоведению по очереди. *Епархиальные ведомости* отмечали, что как средство обучения начальной грамоте подобные уроки оставляли желать лучшего, но как общеобразовательное средство имели большое значение для местного населения. Воскресный вечер, проведенный с учителями, на несколько дней давал ученикам богатый материал для семейных разговоров, «отвлекая от праздного и вредного времяпрепровождения, от пустых и нередко безнравственных разговоров и от губительного действия пивных и винных лавок» [42. С. 23–24].

Судя по отчетам о состоянии церковных школ, основными потребителями воскресных уроков были женщины губернии [32. Ф. 535. Оп. 1. Д. 17. Л. 1]. Но, как и во всех начальных школах ведомства, полный курс воскресных школ оканчивало лишь незначительное число учениц [27. Ф. 147. Оп. 1. Д. 390. Л. 119 об.].

Женские воскресные школы открывались не только с просветительской, но и с миссионерской целью. В отчетах епархиальных училищных советов подчеркивалась необходимость открытия воскресных школ для взрослых девиц черемис и пермячек в таких многонациональных уездах, как Красноуфимский, где прихожане «слишком мало знают основные истины веры и нравоучения христианского, не знают символа веры, законов, употребительных молитв и т.д.» [Там же. Л. 79–80, 83–84]. В 1913 г. открылась женская воскресная школа для 11 девочек-пермячек разного возраста при Пешнигортском женском монастыре Соликамского уезда, в котором «женщины-матери – упорные оберегательницы язычества в семье, оторванные от христианского света, заглушают под тернием язычества то воспитание, которое дается их детям в стенах школы» [Там же. Л. 56].

Несмотря на громадное значение воскресной школы в деле просвещения, развитие данного типа церковных школ с течением времени не только не шло на повышение, но резко падало. Общее число воскресных школ к 1913 г. составило 36, но на деле функционировало всего 16 [Там же. Л. 94]. К 1916 г. воскресных школ в Пермской епархии осталось 9 (с 67 мужчинами и 296 женщинами). Эти учебные заведения не приживались по большей части потому, что желающих обучаться в них или совсем не оказывалось, или записывающиеся в них почти с первого же воскресенья «за недосугом» и другими семейными причинами не являлись на уроки и совсем переставали посещать школу. Надежды на помощь учителей земских школ также не оправдались, так как большинство последних, будучи утомлены шестидневными занятиями в своей школе, затруднялись брать на себя новое бремя занятий в единственный выходной, а при неаккуратном посещении уроков учениками это было бы напрасной тратой времени и сил. Однако главной причиной равнодушия к воскресным школам со стороны учителей местных училищ являлось отсутствие вознаграждения за труд

[27. Л. 95; Ф. 147. Оп. 1. Д. 695. Л. 3]. С 1913 г. учителя гражданских начальных училищ стали получать от уездных земств по 40–50 копеек за часовой урок в воскресенье, но это право не распространялось на церковно-приходские школы, что служило тормозом к тому, чтобы склонить учителей трудиться на открытых при них воскресных школах [Там же. Ф. 42. Оп. 1. Д. 500. Л. 24–25].

Стоит отметить, что Пермская губерния принадлежала к числу тех губерний, где учительский труд в земских и министерских училищах оплачивался сравнительно хорошо (от 25 до 45 руб., как в Чердынском уезде). Поэтому и приток учительских сил – воспитанников учительских семинарий и гимназий – в эти училища всегда был значительный. Церковно-приходские школы, располагающие весьма скромными средствами (могли вознаграждать преподавателей по 20–25 руб. в месяц), находились в незавидном положении, вынужденные пополнять ряды своих учителей, а чаще учительниц, из тех, кто почему-либо не успел или не смог по своему образовательному цензу попасть на службу в земские и министерские училища. Как правило, это были люди с незаконченным в светских заведениях образованием, не проникнутые той религиозно-нравственной настроенностью, которая должна быть в учителях церковной школы. Результаты такого обучения были очевидны. Даже школы грамоты находились в более выигрышном положении, так как в них преподавали лица, окончившие двухклассные училища. Из 549 учителей церковно-приходских школ Пермской епархии к 1905 г. 333 составляли лица с низшим образованием, 8 – с домашним обучением, 103 окончили прогимназии, 46 не окончили курс в средних учебных заведениях. Таким образом, весьма значительный процент преподавателей не удовлетворял даже самым скромным требованиям, обычно предъявляемым к учителю всякой начальной школы. При этом большинство учительниц восполняли пробелы в образовании добросовестным и усердным ведением дела, предпринимая усилия, направленные к повышению своего педагогического уровня (курсы и пр.) [Там же. Д. 333. Л. 20, 41].

По мере роста числа церковно-приходских школ и предъявления к ним повышенных требований со стороны общества епархиальными училищными советами губернии стал подниматься вопрос об учреждении полноценного педагогического учебного заведения повышенного типа – *церковно-учительской школы*, предназначенного для подготовки «учителей и учительниц для начальных училищ всех разрядов». При этом подчеркивалось, что школа должна быть именно женской, так как «женщины по своим нравственным качествам являются более желательными кандидатками на должность учительниц церковно-приходских школ». Для обеих епархий решено было открыть школу в Кунгуре в 1904 г. [Там же. Л. 25]. В церковно-учительские школы сроком на три года принимались дети от 15 до 17 лет, окончившие учебное заведение,

курс которого был не ниже второклассной школы. В России к 1915 г. существовало 20 учительских школ, среди которых Кунгурская школа не значится [43. С. 210–211]. Ее проект так и остался на бумаге.

Уральское духовенство признавало, что общество, не уяснившее еще себе назначение этих школ, продолжает недоверчиво относиться к ним «по одному тому, что в ней занимаются лица, не имеющие нравственно-юридического права братья за такое великое и важное дело, как образование и воспитание народной массы» [27. Ф. 147. Оп. 1. Д. 333. Л. 43, 50].

Предпринимаемые духовным ведомством меры по увеличению числа женских школ не давали результата прежде всего из-за недостатка местного финансирования. Так, церковные школы Красноуфимского уезда в 1905 г. содержались за счет сумм, поступающих от церкви (950 руб.), земства (2 482 руб.), города (60 руб.), волостных и сельских обществ (498 руб.), от Синодального училищного совета (1 600 руб.), Епархиального училищного совета (18 914 руб.). Вместе с поступлениями от фабрик, заводов, частных лиц и приходских попечительств получалась сумма всего в 25 162 руб. [Там же. Д. 441. Л. 45а]. Не имело средств для открытия новых школ и Соликамское отделение Епархиального училищного совета [27. Ф. 695. Оп. 1. Д. 1. Л. 1].

Средства епархии шли преимущественно на содержание духовных заведений, а на долю школ уделялось сравнительно немного. Пособия же от земства урезались год от года. Активно расширяя в губернии сеть начальных образовательных учреждений, представители земства, не расположенные к церковной школе, доказывали крестьянам преимущества обучения в земской школе, «которая ничего от них не потребует». Под влиянием агитации, чтобы только не помогать церковным школам, крестьяне нередко «составляли приговоры» о передаче их земству [44. С. 33–34].

В связи с этим протоирей В. Виноградов с горечью указывал на существующую «несообразность»: «...население, пользующееся церковными школами и платящее такие же налоги на просвещение, как и все остальные земские плательщики, получает от земства из этих налогов на свои нужды ничего или очень мало. Церковные школы, казалось бы, должны быть на первом месте в нашем государстве в ряду других школ, но недостаток средств и отрицательное отношение к ним в известной части общества, старающегося насаждать безрелигиозное воспитание и обучение народа, поставили церковные школы в тяжелое положение. Враги церкви торжествуют. <...> Народ развращается...» [27. Ф. 147. Оп. 1. Д. 695. Л. 4].

Религиозное воспитание учащихся, так раздражающее светскую интеллигенцию, являлось краеугольным камнем «школ-молелен» (как пренебрежительно называли церковные школы) [45. С. 6]. В отличие от светских учебных заведений, церковная школа являлась каналом воцерковления детей, что, по мнению

С.А. Рачинского, было особенно важно для женской ее половины («девочка, не учащаяся в школе, — у нас и в церкви никогда не бывает») [25. С. 12]. Выработать в детях церковно-религиозный взгляд на нравственный смысл человеческой жизни, воспитать в них твердый характер, ряд добрых навыков в последующей жизни и предохраниться от дурного влияния среды — все это составляло главную задачу церковной школы. Главным же средством для возвышения духа в детях полагалось сознательное участие в церковном богослужении и церковное пение, «воспитательное действие коего в особенности благотельно и простирается не только на детей, но чрез них на родителей и на всю деревню». В воскресенье, праздничные и торжественные дни ученицы обязательно присутствовали при богослужениях, некоторые пели на клиросе. Пение девочек в храмах «упрочивало» судьбу школ: пожертвования на них заметно увеличивались. Кроме того, взрослым через учеников передавались приобретаемые в школе привычки к порядку, чистоте и опрятности. Влияние церковной школы усиливалось там, где при школах существовали общежития. В них дети, проводя целый год под надзором учителей, находились вдали от домашней обстановки, «где подвергались губительному воздействию взрослых, особенно на семейных праздниках, сопровождающихся пирушками и непристойными увеселениями» [1. С. 239–240; 23. С. 379].

Школьный день в церковной школе начинался в 8 часов утренними молитвами, указанными в учебном часослове. В школах при монастырях этому уделялось еще большее внимание. Надзирательницы должны были наблюдать, чтобы всякое занятие начиналось и оканчивалось «благоговейным призыванием имени бога». Кроме того, они следили, чтобы между ученицами не было ссор, нескромного смеха, празднословия, неприличной резвости и игр. Обходиться с девочками рекомендовалось как «благоразумным родителям с детьми: без холодности и строптивости, а тем более без жестокости, убивающих в душах питомцев нежное расположение и доверенность их к воспитателям» [27. Ф. 147. Оп. 1. Д. 677. Л. 10]. Стоит отметить, что современники нередко отмечали далеко не гуманное обращение с учениками в церковных школах, где телесные наказания «считались мерами самими обычными и без них не выучивался ни один урок» [46. С. 42–61]. В епархиальных отчетах по церковным школам постоянно отмечалось, что телесные наказания в школах были запрещены, а в основу дисциплинарных отношений учителя «полагали любовь к детям, признание и развитие в них чувства человеческого достоинства», стараясь быть со всеми «одинаково справедливыми, требовательными, строгими, но вместе и гуманными». Правда, против резвых шалунов принимались меры, но они состояли в замечаниях, «стоянии на ногах» за партой, оставлении в школе для приготовления невыученных уроков, и только в редких случаях родителям сообщалось о поступке ученика. Те из учителей, как законо-

учитель Березовской женской школы Екатеринбургского уезда А. Борчанинов, которые решались применить меры, «не соответствующие воспитательному строю церковной школы», отстранялись от должности [30. С. 577; 42. С. 19–20].

Церковная пресса отмечала, что педагоги и попечители школ старались заботиться о своих воспитанниках, для которых домашняя обстановка «не только не весела, но и плачевна, а праздники являются неосуществимой мечтой, которую они не надеются увидеть под кровом родительского дома». В большие праздничные дни и рождественские каникулы некоторые учителя устраивали в своих школах литературно-вокальные вечера, прогулки с образовательной целью на заводы, в лес, на вокзал или в синематограф. В некоторых школах находились средства на устройство елок с фейерверками и раздачей гостинцев. На Рождество ученицам дарили не только сласти, но и подарки, которые принесли бы пользу: картины нравственного содержания, главным образом против пьянства, календари, пеналы и даже ситец, мясо и муку.

В программу детских вечеров входило исполнение детских пьес, народных песен, басен Н.А. Крылова, стихов Н.А. Некрасова и других поэтов. По отзывам экзаменаторов, в тех школах, где были устроены елки «с литературным отделом», дети проходили испытания намного лучше, чем в тех школах, где не было вечеров. Проводя такие мероприятия, духовенство надеялось, что народ, видя теплое участие школы в деле воспитания детей, не будет верить «тем клеветническим нападкам, которыми стараются очернить церковную школу ее недоброжелатели» [42. С. 22, 51–53, 82–84].

Школьный наблюдатель А. Обтемперанский в отчете за 1911/12 учебный год писал, что «воспитательное влияние церковной школы велико не только на детей, но и на взрослую массу населения, и она пользуется искренними симпатиями со стороны населения, еще не утратившего под влиянием веяний со стороны страх Божий. Особенно расположено к ней женское население края, смотрящее на школу как учреждение близкое к храму и религиозно-воспитательное. <...> Если бы народ смотрел на церковную школу только как на заведение, где учат грамоте, то он не вел бы детей, особенно девочек, в нашу школу» [Там же. С. 48].

С течением времени церковная школа перестала уступать светской и в учебном отношении. Программы церковно-приходских школ постепенно сближались с программами министерско-земских, отличие от которых состояло «единственно в том, что в школах церковно-приходских детей приучают любить церковь, знать и понимать ее богослужебный славянский язык и принимать деятельное участие в церковном богослужении» [47. С. 722–723]. Степень умственного развития учениц церковно-приходских и земских школ была одинакова, что показывало как совместное производство выпускных экзаменов в 1913 г., так и то обстоя-

тельство, что девочки из церковных школ поступали в гимназии, где всегда был высокий конкурс [48. С. 49].

Тем не менее скудость средств не позволила уральскому духовенству перехватить инициативу в создании женских школ и привлечении девочек в свои школы, число которых не шло ни в какое сравнение с числом начальных школ, подведомственных Министерству народного просвещения (17 против 101 в 1912 г.) [49. С. 256]. Число девочек в 714 церковных школах Пермской губернии составило 14 725 человек [27. Ф. 147. Оп. 1. Д. 695. Л. 1; 40. С. 48–49], в то вре-

мя как во всех светских начальных школах (2 716) обучались 66 607 девочек (подсчитано по: [50. С. 46–49]). Эта ситуация свидетельствовала о том, что в губернии формировалась светская система образования, которая могла бы в будущем решить задачу всеобщей грамотности населения [51. С. 317]. Тем не менее, не получив распространения в регионе, где начальное образование оказалось в руках активного земства, церковные школы за годы своего существования дали образование значительной части женщин Пермской губернии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Всеподданнейший отчет Ober-прокурора Святейшего Синода К. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1896 и 1897 годы. 1899. СПб., 1899. XI, 279, 83 с.
2. Сперанский Н. Борьба за школу. Из прошлого и настоящего на Западе и в России. СПб., 1910.
3. Сахаров И.П. Ненормальное состояние современной церковно-приходской школы и попытка учащихся раскрепоститься. М., 1906.
4. Федосова Э.П. Бестужевские курсы – первый женский университет в России (1878–1918 гг.). М., 1980.
5. Персиц М.М. Отделение церкви от государства и школы от церкви в СССР. М., 1958.
6. Грекулов Е.Ф. Православная церковь – враг просвещения. М., 1962.
7. Исхакова Р.Р. Создание церковно-приходских школ России в 1880-х гг.: политический курс и идейная борьба. Казань. 2002.
8. Монякова О.А. Русская Православная церковь и земство: опыт взаимоотношений по формированию культурно-образовательного пространства российской провинции в 1861–1917 гг. на материалах губерний Верхнего Поволжья : дис. ... д-ра ист. наук. Иваново, 2014. 481 с.
9. Крутицкая Е.В. Церковно-приходские школы России в конце XIX – начале XX вв. : дис. ... канд. ист. наук. М., 2004.
10. Васильева С.П. Женское образование в Тамбовской губернии во второй половине XIX – начале XX века : дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2011. 210 с.
11. Федина И.М. Становление и эволюция светского и православного женского образования в Кубано-Черноморье: досоветский период : дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2008. 216 с.
12. Ефремова У.П. Церковно-приходские школы Урала в 1884–1917 гг. : дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2013. 308 с.
13. Мангилева А.В. Церковно-приходские школы Екатеринбургской епархии в 1894 г. // Уральский сборник. История. Культура. Религия. Екатеринбург, 2003. Вып. 5. С. 150–157.
14. Сафронова А.М. Сельская школа на Урале в XVIII–XIX вв. и распространение грамотности среди крестьян. Екатеринбург, 2005.
15. Катков М.Н. Идеология охранительства. М., 2009.
16. Ванчаков А.М. Заметки о начальной школе. Ввиду проекта закона о всеобщем обучении. СПб., 1908.
17. Шишонко В.Н. Материалы для описания развития народного образования в Пермской губернии с указанием времени открытия учебных заведений. Екатеринбург, 1879. 400, [1] с.
18. Пермские епархиальные ведомости (ПЕВ). 1868. № 35. 28 авг. Отд. неофиц.
19. Всеподданнейший отчет Ober-прокурора Святейшего Синода К. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1884 год. СПб., 1886. XI, 361, 111 с.
20. ПЕВ. 1899. № 11. 1 июля. Отд. неофиц.
21. Съезд деятелей церковно-приходских школ в Киеве // Русская школа. 1894. № 7–8 (июль–август).
22. ПЕВ. 1895. № 19. 1 окт. Отд. офиц.
23. Всеподданнейший отчет Ober-прокурора Святейшего синода К. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1892 и 1893 гг. 1895. XV, 601, 157 с.
24. Всеподданнейший отчет Ober-прокурора Святейшего Синода К. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1894 и 1895 гг. СПб., 1898. XIV, 427, 159 с.
25. Рачинский С.А. Сельская школа : сб. ст. М., 1891. 217 с.
26. Екатеринбургские епархиальные ведомости (ЕЕВ). 1913. № 5. 3 фев.
27. Государственный архив Пермского края (ГАПК).
28. Новиков А.И. Записки о сельской школе. СПб., 1902. С. 71.
29. ПЕВ. 1899. № 9–10. 1–16 мая. Отд. офиц.
30. ЕЕВ. 1905. № 24. 16 дек. Отд. офиц.
31. ЕЕВ. 1905. № 5. 1 марта. Отд. офиц.
32. Кунгурский городской архив (КГА).
33. ПЕВ. 1896. № 4–5. 15 февраля – 1 марта. Отд. неофиц.
34. Государственный архив Свердловской области (ГАСО).
35. Всеподданнейший отчет Ober-прокурора Святейшего Синода за 1905–1907 годы. СПб., 1910. XII. 304, 268 с.
36. Сведения о градо-Екатеринбургской Казанско-Богородицкой школы грамоты // Екатеринбургская неделя. 1894. № 34. С. 691.
37. По России // Екатеринбургская неделя. 1894. № 11.
38. Сафронов А.А. Школы и грамотность населения Верхотурского уезда Пермской губернии в конце XIX в. // Документ. Архив. История. Современность. Екатеринбург, 2005. Вып. 5. С. 130–149.
39. Всеподданнейший отчет Ober-прокурора Святейшего синода по ведомству православного исповедания за 1908–1909 годы. СПб., 1911. XVII, 663, 266 с.
40. Адрес-календарь и справочная книжка Пермской губернии за 1917 год. Пермь, 1917. 894 с.
41. Церковные школы Российской империи к 1 января 1908 : стат. сведения. СПб., 1909. 409 с.
42. ЕЕВ. 1913. № 10. 10 марта. Отд. офиц.

43. Положение о церковных школах Православного вероисповедания [№ 21290] // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание третье. СПб., 1904. Т. XXII. Отд. 1-е.
44. ЕЕВ. 1913. № 8. 24 фев. Отд. офиц.
45. Какая школа нужна народу // Пермская земская неделя. 1907. № 34. С. 6.
46. Попов В. Народное образование в Шадринском уезде, Пермской губернии, до открытия в ней земских учреждений (к истории народного образования в России // Русская школа. 1892. № 5–6. С. 42–61.
47. ЕЕВ. 1905. № 21. 1 нояб. Отд. неоф.
48. ЕЕВ. 1913. № 11. 17 марта. Отд. офиц.
49. Вестник Оренбургского учебного округа (Уфа). 1913. № 5.
50. Обзор Пермской губернии за 1915 год. Пермь, 1916. 133, 54, [2] с.
51. Мазур Л.Н. Российская деревня в условиях урбанизации: региональное измерение (вторая половина XIX–XX в.). Екатеринбург, 2012. 472 с.

Arhangelskaya Larissa V. Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russia). E-mail: arhangellar@gmail.com

WOMEN ELEMENTARY EDUCATION AT SCHOOLS IN THE PERM PROVINCE DEPARTMENT OF RELIGIOUS AFFAIRS IN THE LATTER HALF OF THE XIXTH – EARLY XXTH CENTURIES.

Keywords: women's education; Perm province; church schools; students; primary schools of spiritual department.

In the latter half of the 19th century Russia faced a major problem: women's education and the solution to this so-called "women problem." The Russian Orthodox Church traditionally had a powerful influence on public opinion forming. In fact, the Church had a Department of Religious Affairs that ran a network of schools. However, the Church could not overlook the "women problem", the education of women. In this regard, the aim of this article is to cover the role of elementary church schools in the system of women's pre-revolution education in the Perm province. The research reveals the reasons why the clergy, which was usually morally conservative, was interested in developing women's education. The article highlights that the opening of Orthodox Church special women schools attracted the young women of Perm. The author refers to the Ural city records, the Perm province church schools' reports published in the religious press, and statistic reports of the Holy Synod Attorney-General. These documents reveal the situation of the church schools including the number of schools and pupils in different periods. The article refutes a statement about bad education and person suppressed educational-bringing-up process at church schools. The article states that the study process at church schools had been evolving over the course of time, and these schools were on par with secular ones in educational level. However, unsolved staff problems and the low level of pupils' education did not boost the church's schools popularity. The author reveals factors that weakened the clergy action in the sphere of women education expansion in the Perm province. There were such factors as insufficient financing of the schools and work of local district council, which boosted the network of its schools. Based on the presented facts, the author concludes that the great bulk of the province women studied in secular elementary schools, and its quantity exceeded the number of church schools several times. In spite of this fact, the church schools played an important role in women's education in the province of Perm.

REFERENCES

1. Holy Synod. (1899) *Vsepoddanneyshiy otchet Ober-prokurora Svyateyshego sinoda K. Pobedonostseva po vedomstvu pravoslavnogo ispovedaniya za 1896 i 1897 gody* [Most devoted report of the Attorney-General of the Holy Synod K. Pobedonostsev on the Office of the Orthodox Confession for 1896 and 1897]. St. Petersburg: Sinod. tip.
2. Speranskiy, N. (1910) *Bor'ba za shkolu. Iz proshlogo i nastoyashchego na Zapade i v Rossii* [The struggle for school. From the past and present in the West and Russia]. St. Petersburg: M. i S. Sabashnikovy.
3. Sakharov, I.P. (1906) *Nenormal'noe sostoyanie sovremennoy tserkovno-prikhodskoy shkoly i popytka uchashchikhsya raskrepostit'sya* [The abnormal condition of the modern parochial school and the attempt of the students to be liberated]. Moscow: [s.n.].
4. Fedosova, E.P. (1980) *Bestuzhevskie kursy – pervyy zhenskiy universitet v Rossii (1878–1918 gg.)* [The Bestuzhev Courses – the first women's university in Russia (1878–1918)]. Moscow: Pedagogika.
5. Persits, M.M. (1958) *Otdelenie tserkvi ot gosudarstva i shkoly ot tserkvi v SSSR* [The separation of church from the state and school from church in the USSR]. Moscow: USSR Academy of Sciences.
6. Grekulov, E.F. (1962) *Pravoslavnyaya tserkov' – vrag prosveshcheniya* [The Orthodox Church as the enemy of Enlightenment]. Moscow: USSR Academy of Sciences.
7. Iskhakova, P.P. (2002) *Sozdanie tserkovno-prikhodskikh shkol Rossii v 1880-kh gg.: politicheskiy kurs i ideynaya bor'ba* [The creation of the parochial schools of Russia in the 1880s: The political course and ideological struggle]. Kazan: Novoe Znanie.
8. Monyakova, O.A. (2014) *Russkaya Pravoslavnyaya tserkov' i zemstvo: opyt vzaimootnosheniy po formirovaniyu kul'turno-obrazovatel'nogo prostanstva rossiyskoy provintsii v 1861–1917 gg. na materialakh guberniy Verkhnego Povolzh'ya* [Russian Orthodox Church and Zemstvo: The relationship in the formation of the cultural and educational space of the Russian province in 1861–1917. A case study of Upper Volga region]. History Dr. Diss. Ivanovo.
9. Krutitskaya, E.V. (2004) *Tserkovno-prikhodskie shkoly Rossii v kontse XIX – nachale XX vv.* [Parochial schools of Russia in the late 19th – early 20th centuries]. History Cand. Diss. Moscow.
10. Vasilieva, S.P. (2011) *Zhenskoe obrazovanie v Tambovskoy gubernii vo второй половине XIX – nachale XX veka* [Women's education in Tambov province in the second half of the 19th – early 20th century]. History Cand. Diss. Tambov.
11. Fedina, I.M. (2008) *Stanovlenie i evolyutsiya svetskogo i pravoslavnogo zhenskogo obrazovaniya v Kubano-Chernomor'e: dosovetskiy period* [Formation and evolution of secular and Orthodox women's education in Kuban-Black Sea region: Pre-Soviet times]. History Cand. Diss. Krasnodar.
12. Efremova, U.P. (2013) *Tserkovno-prikhodskie shkoly Urala v 1884–1917 gg.* [Parochial schools of the Urals in 1884–1917]. History Cand. Diss. Ekaterinburg.
13. Mangileva, A.V. (2003) *Tserkovno-prikhodskie shkoly Ekaterinburgskoy eparkhii v 1894g.* [Parochial schools of Ekaterinburg Diocese in 1894]. In: Pochinskaya, I.V. (ed.) *Ural'skiy sbornik. Istoriya. Kul'tura. Religiya* [The Urals collection. History. Culture. Religion]. Vol. 5. Ekaterinburg: Urals State University. pp. 150–157.
14. Safronova, A.M. (2005) *Sel'skaya shkola na Urale v XVIII–XIX vv. i rasprostraneniye gramotnosti sredi krest'yan* [Village schools in the Urals in the 18th – 19th centuries and the spread of literacy among peasants]. Ekaterinburg: [s.n.].
15. Katkov, M.N. (2009) *Ideologiya okhranitel'stva* [The ideology of protectionism]. Moscow: Institut russkoy tsivilizatsii.
16. Vanchakov, A.M. (1908) *Zametki o nachal'noy shkole. V vidu proekta zakona o vseobshchem obuchenii* [Notes on the elementary school. In view of the draft law on universal education]. St. Petersburg: [s.n.].

17. Shishonko, V.N. (1879) *Materialy dlya opisaniya razvitiya narodnogo obrazovaniya v Permskoy gubernii s ukazaniem vremeni otkrytiya uchebnykh zavedeniy* [Materials for describing the development of public education in Perm province with an indication of the establishment year of educational institutions]. Ekaterinburg: A.P. Mernaya i E.K. Kraeva.
18. *Permskie eparkhial'nye vedomosti*. (1868) 28th August.
19. Holy Synod. (1886) *Vsepoddanneyshiy otchet Ober-prokurora Svyateyshego Sinoda K. Pobedonostseva po vedomstvu pravoslavnogo ispovedaniya za 1884 god* [Most devoted report of the Attorney-General of the Holy Synod K. Pobedonostsev on the Office of the Orthodox Confession for 1884]. St. Petersburg: Sinod. tip.
20. *Permskie eparkhial'nye vedomosti (PEV)*. (1899) 1st July.
21. Anon. (1894) *S"ezd deyateley tserkovno-prihodskikh shkol v Kieve* [The Congress of Representatives of Parochial Schools in Kiev]. *Russkaya shkola*. 7–8.
22. *Permskie eparkhial'nye vedomosti*. (1895) 1st October.
23. Holy Synod. (1895) *Vsepoddanneyshiy otchet Ober-prokurora Svyateyshego sinoda K. Pobedonostseva po vedomstvu pravoslavnogo ispovedaniya za 1892 i 1893 gg.* [Most devoted report of the Attorney-General of the Holy Synod K. Pobedonostsev on the Office of the Orthodox Confession for 1892 and 1893]. St. Petersburg: Sinod. tip.
24. Holy Synod. (1898) *Vsepoddanneyshiy otchet Ober-prokurora Svyateyshego Sinoda K. Pobedonostseva po vedomstvu pravoslavnogo ispovedaniya za 1894 i 1895 gg.* [Most devoted report of the Attorney-General of the Holy Synod K. Pobedonostsev on the Office of the Orthodox Confession for 1894 and 1895]. St. Petersburg: Sinod. tip.
25. Rachinskiy, S.A. (1891) *Sel'skaya shkola* [Village School]. Moscow: [s.n.].
26. *Ekaterinburgskie eparkhial'nye vedomosti*. (1913) 3rd February.
27. The State Archives of Perm Krai (GAPK). (In Russian).
28. Novikov, A.I. (1902) *Zapiski o sel'skoy shkole* [Notes on village school]. St. Petersburg: [s.n.].
29. *Permskie eparkhial'nye vedomosti*. (1899) 1st–16th May.
30. *Ekaterinburgskie eparkhial'nye vedomosti*. (1905a). 16th December.
31. *Ekaterinburgskie eparkhial'nye vedomosti*. (1905b). 1st March.
32. Kungur City Archive (KGA). (In Russian).
33. *Permskie eparkhial'nye vedomosti*. (1896) 15th February.
34. The State Archives of Sverdlovsk Region (GASO). (In Russian).
35. Holy Synod. (1910) *Vsepoddanneyshiy otchet Ober-prokurora Svyateyshego Sinoda za 1905–1907 gody* [Most devoted report of the Attorney-General of the Holy Synod for 1905–1907]. St. Petersburg: Sinod. tip.
36. Anon. (1894) *Svedeniya o grado-Ekaterinburgskoy Kazansko-Bogoroditskoy shkoly gramoty* [Information about the Grado-Ekaterinburg Kazan-Bogoroditskaya School of Literacy]. *Ekaterinburgskaya nedelya*. 34. pp. 691.
37. Anon. (1894) *Po Rossii* [In Russia]. *Ekaterinburgskaya nedelya*. 11.
38. Safronov, A.A. (2005) *Shkoly i gramotnost' naseleniya Verkhotur'skogo uyezda Permskoy gubernii v kontse XIX v.* [Schools and literacy of the population of Verkhotur'sky district of Perm province in the late 19th century]. In: Mazur, L.N. (ed.) *Dokument. Arkhiv. Istoriya. Sovremennost'* [Document. Archive. History. Modernity]. Vol. 5. Ekaterinburg: Ural State University. pp. 130–149.
39. Holy Synod. (1911) *Vsepoddanneyshiy otchet Ober-prokurora Svyateyshego sinoda po vedomstvu pravoslavnogo ispovedaniya za 1908–1909 gody* [Most devoted report of the Attorney-General of the Holy Synod K. Pobedonostsev on the Office of the Orthodox Confession for 1908–1909]. St. Petersburg: Sinod. tip.
40. Ivanov, N.A. (ed.) (1917) *Adres-kalendar' i spravocnaya knizhka Permskoy gubernii za 1917 god* [Calendar and reference book of Perm province for 1917]. Perm: Tipo-litografiya Gubernskogo Pravleniya.
41. Committee for Statistics. (1909) *Tserkovnye shkoly Rossiyskoy imperii k 1 yanvarya 1908: statisticheskie svedeniya* [Parochial schools of the Russian Empire by January 1, 1908: Statistics. St. Petersburg: [s.n.].
42. *Ekaterinburgskie eparkhial'nye vedomosti*. (1913) 10th March.
43. Russia. (1904) *Polozhenie o tserkovnykh shkolakh Pravoslavnogo veroispovedaniya* [№ 21290] [The Statute of Orthodox Church Schools [No. 21290]]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy Imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Collection 3. St. Petersburg: Gos. tipografiya.
44. *Ekaterinburgskie eparkhial'nye vedomosti*. (1913) 24th February.
45. Anon. (1907) *Kakaya shkola nuzhna narodu* [What school people need]. *Permskaya zemskaya nedelya*. 34. pp. 6.
46. Popov, V. (1892) *Narodnoe obrazovanie v Shadrinskom uезде, Permskoy gubernii, do otkrytiya v ney zemskikh uchrezhdeniy* (K istorii narodnogo obrazovaniya v Rossii [Public education in Shadrinsky district, Perm province, before the opening of Zemstvo institutions. (On the history of public education in Russia)]. *Russkaya shkola*. 5–6. pp. 42–61.
47. *Ekaterinburgskie eparkhial'nye vedomosti*. (1905) 1st November.
48. *Ekaterinburgskie eparkhial'nye vedomosti*. (1913). 17th March.
49. *Vestnik Orenburgskogo uchebnogo okruga*. (1913) 5.
50. Anon. (1916) *Obzor Permskoy gubernii za 1915 god* [Perm province in 1915]. Perm: [s.n.].
51. Mazur, L.N. (2012) *Rossiyskaya derevnya v usloviyakh urbanizatsii: regional'noe izmerenie (vtoraya polovina XIX–XX v.)* [Russian village under urbanization: Regional perspective (The second half of the 19th – 20th centuries)]. Ekaterinburg: Ural State University.

УДК 94(571. 1/.5) «XVIII–XX»

DOI: 10.17223/19988613/47/4

С.В. Смокотин

ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ И КРЕСТЬЯНСТВО В ТОМСКОЙ ГУБЕРНИИ В XIX – НАЧАЛЕ XX в.

В XIX – начале XX в. крестьянство составляло большую часть населения Российской империи. В Сибири, вследствие удаленности от центра страны, слабого контроля со стороны светских и церковных властей, местное население сравнительно равнодушно относилось к православной церкви. Вместе с тем сельское население в XIX – начале XX в. продолжало сохранять традиционные обычаи и культуру. Однако религиозность крестьян отличалась от канонического понимания христианства, была смешана с суевериями и магией. Все эти недостатки постепенно преодолевались насаждением цивилизации и культуры среди народа. Православная церковь также занималась просветительской и благотворительной деятельностью – открытием церковно-приходских школ, приходских попечительств, организацией духовно-нравственных чтений для народа. В работе использованы материалы, опубликованные в церковной периодике и справочных изданиях XIX – начала XX в.

Ключевые слова: крестьянство; православие; церковь; раскол; суеверия.

Статья посвящена изучению проблемы взаимоотношения Русской православной церкви и крестьянства Томской губернии, которое составляло подавляющую часть населения губернии в конце XIX – начале XX в. [1. С. 185]. Хотя с начала заселения Западной Сибири русскими к тому времени прошло около трех веков, степень религиозности крестьян была слабой. Известный историк и этнограф князь Н.А. Костров в составленной им в 1868 г. записке «О расколе в Томской губернии», писал: «Из указаний летописцев, из дел царского времени, наконец, из народных сказаний, нам известно, что первый колонист Сибири был совершенно индифферентен к религии, постов не соблюдал, в церковь ходил редко, пил когда только можно было пить, играл в зернь, курил табак, на брачные отношения смотрел со своей особенной точки зрения, имея иногда в различных пунктах края три, пять и более жен, из которых ни с одной не был венчан по церковным постановлениям» [2. С. 499–500]. Одной из причин бедности монастырей Сибири в XVIII в. был независимый, строптивый дух местных монастырских крестьян, соседствовавших не с крепостными, а с государственными крестьянами, и стремившихся обрести такие же права, как и последние [3. С. 182].

О равнодушии сибиряков к церкви свидетельствовали Томские епископы, жаловавшиеся на свою паству, нередко избегавшую богослужений и церковных обрядов. В ее среде можно было встретить таких, кто не исповедался и не причащался в течение всей своей жизни, обращаясь к священнику только в самых крайних случаях – тяжелых жизненных ситуациях или перед смертью. В некоторых приходах случалось, что церкви были пусты даже в великие праздники [4. С. 42]. В отчете управы благочиния за 1891 г. сообщалось: «Прихожане православные не чуждаются духовенства, но и не так близко стоят к

нему, как бы следовало. Священники при всяком удобном случае стараются сказать своим прихожанам что-нибудь назидательное. Обыкновенно в таких случаях прихожане дают обещание исправиться, но эти обещания скоро забываются и остаются без исполнения... Многие редко бывают у исповеди и причастия. Некоторые православные не приглашают священников к отпетию умерших, а хоронят сами, и просят об отпении после – или в церкви, или при случае на могиле» [5. С. 5]. В том же году в указанном отчете отмечалось, что из 29 980 лиц мужского и 30 282 лиц женского пола на исповеди и причастии были 8 636 мужчин и 10 159 женщин (менее 1/3 всех прихожан). Многие крестьяне исповедались через 2–3 года и более. Большая часть не посещала церковь, поскольку не была «приучена родителями с детства», а многие ограничивались посещением храмов лишь в великие праздники и во время великого поста. Жители деревень, в отличие от сельского населения, в храмах своего прихода бывали еще реже. Немногие из них – в великие праздники или приезжали «для крещения или причащения младенцев, или чтобы отслужить по особому обету молебен» [Там же. С. 7]. Публицист И. Новиков, автор обзорной статьи «Томская епархия в 1900 г.», приводит слова, услышанные им от одного из священников о том, что сибиряк посещает церковь скорее «для очищения совести, чтобы не прослыть безбожником, а иногда просто только для того, чтобы показать на народе свою обнову <...>. [В церковь] ходят мало и почти исключительно только те, которые живут при церкви» [6. С. 13–15].

Русский православный священник, как правило, кормился от прихода, поэтому в Томской губернии такая ситуация оборачивалась для части духовенства немалыми материальными и бытовыми трудностями. Епископ Макарий (Невский) во время своих объез-

дов епархии пытался, иногда небезуспешно, взывать к совести прихожан и принимать меры к их исправлению. В январе 1901 г. в селе Константиновском он провел беседу о «почитании священного сана», напомнив, что константиновцы в прошлом не заботились о материальных нуждах своих пастырей. В наказание жители села были временно оставлены без священника, после чего изменили свое поведение. Были случаи, когда крестьяне не желали строить и ремонтировать причтовые дома, заботиться о церковном благоустройстве, отказывались платить священнику и причту при традиционном обходе теми домов в праздники. В деревне Килиной крестьяне выстроили школу, но не построили обещанную ими часовню. Жители села Конининского собирались жертвовать на благотворительные цели по одному пуду с десятины собранного ими хлеба, но не исполнили обещанного [7. С. 17–18].

В конце XIX – начале XX в. паства православной церкви значительно увеличилась за счет переселенцев из центральных и южных губерний Российской империи с их культурными, бытовыми отличиями от старожилов. В церковной периодике отмечалось, что в сравнении с местным населением они не были индифферентны к религии, охотно посещали церковные службы, регулярно исповедались и причащались. «На редкое благое начинание, – утверждал один священник, – не откликнется прихожанин-переселенец и, не жалея, жертвует, чем может. Детей своих старается выучить грамоте и радуется, когда видит их читающими или поющими в церкви». Переселенцы достаточно хорошо знали символ веры, заповеди, начальные молитвы. В этом они также отличались от сибиряков, среди которых имели хождение самодельные молитвы и апокрифы [6. С. 13–14].

Еще одной причиной того, что старожилы избегали церкви, могла быть явная или скрытая приверженность старообрядчеству. Насколько велик был удельный вес старообрядцев среди всего остального населения Томской губернии? Согласно «Статистическому очерку Томской губернии», изданному в 1892 г., в 1885 г. в ней проживали 27 673 «раскольника», или 2,32% населения, при 1 071 853, или 89,56%, православных и единоверцев. Эти цифры могут быть не совсем точны. В единоверцы часто записывались старообрядцы, стремившиеся таким образом избежать преследований со стороны государственной власти и Синодальной церкви. Кроме того, официальная статистика имела склонность намеренно занижать число старообрядцев. «Памятная книжка Томской губернии на 1912 г.» дает следующие цифры: православные – 3 552 878 (91,57%), «раскольники» – 147 632 (3,81%), единоверцы – 41 164 (1,07%). Большая часть старообрядцев и единоверцев проживала в сельской местности [1. С. 184].

Таким образом, удельный вес старообрядцев и единоверцев в Томской губернии, возможно, был около 5% от общей численности населения. Например, в благочинии № 26 в 1891 г. у исповеди и причастия «по нерадению» не присутствовали 28 218 человек, и лишь 3 180 человек открыто объявили о своей принадлежности к «расколу». В 1901 г. на первом месте по количеству старообрядческого населения был Барнаульский уезд (35 тыс.). Затем следовали Бийский уезд (22 тыс.), Змеиногорский (17 тыс.), Каинский (6 тыс.), Кузнецкий (5 тыс.), Мариинский и Томский (по 4 тыс.). Представлено старообрядчество было по большей части тремя беспоповскими согласиями – поморцами, нетовцами, стариковцами, а также поповцами, принадлежавшими к Белокриницкой иерархии («австрийцы») [8. С. 1].

Относительная немногочисленность старообрядцев и неравномерность их расселения в губернии были причинами того, что влияние, оказываемое ими на православное население, во многом зависело от удельного веса в той или иной местности. Чем больше старообрядцев жило в селе, тем это влияние было заметнее. «Раскольников в деревне Тарасовой большая половина жителей ее, а уклоняющихся от исполнения святых таин – почти весь приход», – писал в 1891 г. миссионер священник Михаил Кандауров [9. С. 11]. Отрицательное отношение к официальной церкви передавалось от старообрядцев к колеблющейся части православных. Один из миссионеров, священник Филарет Синьковский, рассказывал о своей беседе в селе Тоурак с крестьянином, ушедшим в раскол, затем вернувшимся обратно в православие. «Да мы, батюшка, не совсем раскольники, – заявил крестьянин, – ну, да и православными шибко назвать нас нельзя. Мы от своего берега отстали, а к другому не пристали» [10. С. 127–128].

В отчете Алтайской духовной миссии за 1880 г. сообщалось, что после совершения начальником миссии водосвятия в деревне Коксе сельский староста заставил одного из «полуправославных» сельчан «убрать из деревни вон, куда хочет» свой большой медный крест, хотя и старинный, но «обмирщенный», поскольку использовался при совершении «никонианского» молебна. В деревне Нижнем Уймоне старообрядцы падали ниц при архиерейском благословении, поскольку «чрез этот маневр их благословение православного епископа пролетит над ними не коснувшись их» [11. С. 235].

Борьба с расколом занимала значительное место в деятельности епархиальных миссионеров и широко освещалась на страницах «Епархиальных ведомостей». В опубликованных миссионерских отчетах отмечается низкий уровень знаний и беспомощная полемика местных старообрядческих наставников, что кажется весьма правдоподобным («начетчики плохие»; «все наставники, кроме умения читать и писать никакой начитанности не имеют»). Один из

авторов, в частности, писал, что многие прихожане любили читать трудно понимаемые ими пророческие книги Библии. За объяснением прочитанного они пытались обращаться к местным священникам и иным лицам, но те не были способны это сделать. Летом 1886 г., повествует автор, один из преподавателей семинарии, находясь в деревне, вел частые и долгие беседы о Писании с одним крестьянином, удивляясь «его начитанности и остроумным, хотя большей частью неправильным толкованиям трудных мест библейских» [12. С. 6].

Раскол и сочувствие ему среди части крестьянского населения создавали порой значительные трудности для приходского духовенства, как правило, обремененного многодетными семьями, материальное и бытовое благополучие которого зависело от прихожан. «В настоящее время положение сельского духовенства в Томской губернии, как и по всей Сибири вообще, – писал в 1868 г. князь Николай Костров, – достойно полного сожаления <...>, так как на его обязанности преимущественно и лежит борьба с расколом. Теперь каждый сельский священник может считать себя материально обеспеченным только тогда в той мере, в какой он умел приобрести себе расположение прихода» [13. С. 531–532].

Сельское население Сибири, как и по всей России в целом, в XIX и даже в начале XX в. продолжало сохранять обычаи и культуру, свойственные традиционному обществу. Сознание крестьян было религиозным в большей степени, чем жителей городов, но эта религиозность, которую можно назвать «бытовым христианством», или «народной церковностью», отличалась от канонического, официального, строго церковного понимания христианства, была смешана с суевериями, магизмом, апокрифами. Суеверия, бытовавшие среди томских крестьян, описывал князь Н.А. Костров в очерке «Колдовство и порча между крестьянами Томской губернии». Ознакомившись со статьей Барсова «Очерки народного мировоззрения и быта», опубликованной в журнале «Древняя и Новая Россия» в 1876 г., в которой тот писал, что «Главными руководителями и решителями в семейных делах народа доньше служат ведуны и колдуны, знахари и колдуньи», Костров взялся рассмотреть состояние этого вопроса в приложении не к великороссийским областям, а к Томской губернии. В своем небольшом очерке он собрал некоторые архивные материалы, относящиеся к XVIII и к первой половине XIX в.

В 1815 г. крестьянская девка Прасковья Плотникова была поймана за тем, что сажала в бутылку живого змееныша. Она собиралась залить его квасом, настоять и отравить односельчанина по просьбе жены последнего. Крестьяне пытались наводить на недругов порчу, применяя различные способы: опускали в щи сушеную лягушку, держали в горшке лягушку со змеей. Лечили заговорами: заговаривали от

болезней и от укуса змеи, использовали змеиную кожу с заговором от лихорадки. Готовили привороты и отвороты. Несколько крестьянских заговоров того времени приводится в вышеупомянутом очерке Н.А. Кострова. Лягушек использовали как средство против запоя («для этого нужно живую лягушку посадить в вино и поставить его на сутки в теплое место, а потом настой этот давать пить подверженному запоя, однако же так, чтобы он не знал, что пьет»). Чтобы добиться к себе любви в семье, женщины изготавливали снадобье из месячных. Верили в то, что внутри испорченного человека может жить лягушка. Один крестьянин показывал на следствии, что жена его родила двух кротов [14. С. 11–16].

Наряду с невежеством и религиозной индифферентностью населения церковь постоянно обличала нравственные пороки; наиболее укоренившимися в народе были пьянство и сквернословие. Священник И. Б-нов, автор «Поучения к сельским прихожанам. О пагубных последствиях пьянства», в 1880 г. писал, что питейные заведения посещают люди разного возраста и пола, среди которых встречаются совсем молодые и неопытные, и даже девицы. Обходя как священник дома крестьян, он зашел в один из домов, увидев в нем хозяина, пьяного до бесчувствия. «Вокруг него и по нем ползают его дети, один другого меньше, и с воплем просят у него: “Тятя, дай хлеба!”». Так ничего и не дождавшись, дети отходят от полумертвого отца. Священник пишет, что матери у них нет [15. С. 205].

Привычку пьянствовать имели не только православные, но и часть крестьян, причислявших себя к старообрядцам. Встречается и утверждение, что переселенцы были более привержены к вину, чем старожилы, у которых «особенно безобразное пьянство бывает во время свадеб. Здесь пьянствуют не только взрослые мужчины, но и женщины, девицы и даже дети. Такой пьяный разгул редко кончается мирно, а по большей части дракой, дикой оргией и другими злокачественными явлениями». Поводом для всеобщего пьянства становились и поминки по усопшим. В сороковой день поминки нередко происходили на открытом воздухе, прямо возле питейного заведения родственники поминаемого угощали желающих вином и сладостями.

В отличие от переселенцев, сибиряки поминали усопших, устраивая обед без вина, на который приглашались старики и старухи. «На этом обеде сначала все долго молятся, затем тихо и скромно обедают, опять помолятся и расходятся». Сибиряки и переселенцы строго соблюдали пост, «но соблюдение постов исключительно состоит в воздержании от скоромной пищи, упиваться же вином и предаваться другим порокам не стесняются и в пост». Праздники проводили в ничегонеделании, играх, гулянках с пьянством. Считалось, что в церковные праздники грех работать на себя, но можно работать на других,

отправляясь на поденные работы. Причем особенно популярны среди крестьян были так называемые «помочи» – поденщина, за которую хозяева расплачивались не деньгами, а вином и угощением. Крестьяне часто сожительствова­ли с чужими женами и мужьями, особенно не раскаиваясь и рассматривая такое сожительство, как легкий, «птичий грех». Сибиряки сильно сквернословили, удивляя этим даже переселенцев. Миссионер священник Филарет Синьковский жаловался, что сквернословию у русского населения выучились крещеные и некрещеные алтайцы, «притом некоторые из некрещеных ничего не знают по-русски, кроме бранных слов» [10. С. 125].

Перепечатанная из «Киевских епархиальных ведомостей» в местной церковной газете статья «Хорошие методы для отвращения народа от пьянства» призывала православное духовенство «приобрести репутацию наиболее трезвого сословия в целом народе и обществе». Для достижения этой благой цели ему рекомендовалось избегать совершения богослужений в нетрезвом виде и участвовать в попойках по случаю крестин, свадеб, поминок и т.д. [16. С. 498–499]. Отрицательно влияли на нравственный климат в губернии и ссылки, несколько тысяч которых ежегодно выселяли в Сибирь. Они воровали, пьянствовали, совершали убийства [4. С. 43].

Справедливости ради необходимо признать, что картина сельской жизни в Томской губернии состояла не из одних только мрачных картин. Современники отмечали такие крестьянские черты, присущие в первую очередь сибирякам, как гостеприимство, странноприимство, подачу милостыни нуждающимся.

Были особенные примеры чистой жизни и высокой нравственности. В 1889 г. «Епархиальные ведомости» рассказали историю мещанина К.В. Орехова, проживавшего в селе Елбанском, который на свои собственные средства завел в селе школу, купил дом и мебель. Однако (дело происходило в 1870-х гг., и школа должна была относиться к гражданскому ведомству) не получил разрешения на открытие школы, поскольку не мог ее содержать в дальнейшем. В 1884 г. было разрешено открыть в селе церковно-приходскую школу, и Орехов приобрел для нее новый дом, уже двухэтажный.

В июне 1885 г. Орехов умер, и попечителем школы стал его приемный сын, купец С.И. Виноградов, жертвовавший ежегодно по двадцать рублей на нужды школы и содержавший сторожа [17. С. 18–19].

На улучшение нравственного климата в селе и церковную активность прихожан могли оказывать благотворное влияние иные сложившиеся местные традиции. При Спасской церкви села Спасское Томского уезда находилась икона Спаса, которую ежегодно в конце мая приносили в Томск, а в деревне Ипатовой, находившейся в том же приходе, – почитаемая народом икона Николая Чудотворца. Благодаря этому, утверждали местные церковные власти,

«религиозно-нравственное настроение прихожан вообще доброе, что редко можно встретить в пригородных приходах и селениях» [18. С. 17–18].

Все эти недостатки постепенно, с трудом, но преодолевались не только проповедями, молебнами и крестными ходами, но и насаждением цивилизации и культуры среди крестьянского народа. С «Великими реформами» по всей стране организуются земства, создается сеть сельских школ, появляются земские больницы. В дело просвещения вносила свое положительное участие и православная русская церковь. В конце XIX – начале XX в. открываются церковно-приходские школы. По данным на 1899 г. в Томской губернии было 1 028 таких школ: 1 церковно-учительская, 3 второклассных, 3 двухклассных, 204 одноклассных и 815 школ грамоты. В 1901 г. числилась 921 церковноприходская школа. (Это школы, о которых в консисторию были представлены статистические сведения, так называемые школьные листки.)

По требованию церковного начальства при всех церквях епархии создавались библиотеки с книгами догматического, учительного, религиозно-философского содержания и церковными периодическими изданиями. Пользовались библиотеками как духовенство (для самообразования и подготовки к внебогослужебным собеседованиям), так и прихожане, которым также разрешалось брать книги на дом. Количество книг в них было разным – от 10 до 600 наименований. Наиболее богатые приходские библиотеки были при церквях села Моралиха, Колыванском заводе, сел Калманское и Павловское.

В епархии также создавались приходские попечительства, целью которых было оказание помощи бедным своего прихода. Помощь могла быть и финансовой, а могла состоять из пищи и одежды, обуви. Такие попечительства создавались вначале при городских, а затем и при сельских церквях. В сельских попечительствах иногда практиковалась выдача ссуд зерном с обязательством возвращения. Другие попечительства обеспечивали школьные нужды, заботились об украшении или построении церквей и школ, об открытии и содержании школ, о построении и ремонте причтовых домов. Иногда попечительство ставило перед собой еще какие-нибудь задачи, если считало это необходимым. Например, попечительство в селе Елбанском решило оказывать помощь больным. Членами попечительства была заведена аптечка, которой заведовал священник, выдавая лекарства заболевшим сельчанам [19. С. 22–25].

В некоторых селах местный клир, вслед за городскими приходами, организовывал для прихожан духовно-нравственные чтения. В 1901 г. они были посвящены Святой земле. Здесь многое зависело от инициативности сельского священника. В Гурьевской церкви настоятель о. Павел Любимов добился от местной администрации разрешения проводить чте-

ния в свободной и просторной «рабочей комнате» при заводе и просил епархиальное начальство разрешить ему употребить из церковных сумм от 70 до 1 000 рублей на покупку «волшебного фонаря» и картин для чтений, чтобы сделать их более интересными и людными. В селе Тогурском о. Петр Зайков предвараил чтения вступительной беседой о великом значении Святой земли для христиан и об интересе, какой могут дать слушателям чтения об этом. Чтения проводились в селах Кольонском, Березовском, Верх-Ануйском, Федосовском, Бешенцевском, Кабаклинском, Малопесчанском, Елбанском, Вагановском, Шелковниковском, на станции Обь [20. С. 12–18].

Отношение православной церкви к крестьянству имело еще одну важную черту. Среди образованной части русского общества XIX – начала XX в. значительное распространение получила идеология «народничества». Своеобразное «народничество» существовало и в среде консерваторов, в том числе и среди духовенства. В отличие от «разночинского», демократического «народничества», представлявшего народ угнетенным высшими классами, это народничество было реакционным, охранительно-клерикальным, видевшим народ, прежде всего крестьян, хранителем патриархальных традиций и носителем духа самодержавия и православия, остающимся «народом-богоносцем», несмотря на попытки его разложения интеллигентами – западниками, либералами и рационалистами. При этом само духовенство, особенно сельское, на собственном опыте знало, чем живет село. Не мог не знать этого и епископат, большая часть которого происходила из семей священников, диаконов и причетников. Тем не менее село продолжали идеализировать.

В 1917 г. после Февральской революции русское общество ожидало выборов в Учредительное собрание, обсуждая будущее государственное устройство России. Не оставалась в стороне от этого всеобщего брожения и православная церковь. В «Епархиальных ведомостях» появилась статья «Второе обращение к Томскому духовенству» епископа Томского и Алтайского Анатолия (Каменского). В духе перемен он благожелательно отозвался о Северо-Американских Соединенных Штатах, однако более предпочтительными для России назвав «государственные порядки и устройство Англии. Англия – страна, в которой вся-

кие свободы процветают не менее, чем в республиках, хотя во главе правительства стоит король, возводимый на свой престол чрез помазание и благословение, преподаваемое примасом епископальной англиканской церкви». Говоря же о возможном присутствии церкви в предполагавшемся парламенте он, по прежнему, продолжал искать опору в среде сельского населения: «Хотелось бы видеть создавшуюся и хорошо организованную народно-крестьянскую партию» [21. С. 183–184].

К сожалению, такие реформаторские идеи не получили дальнейшего развития в общественной и политической жизни страны, а Октябрьский переворот привел страну к всеобщему беззаконию и диктатуре, основанной на репрессиях и терроре, которые коснулись и огромной крестьянской массы. Коллективизация сначала ограбила крестьян, лишила их возможности трудиться на себя, а затем и закрепостила, лишив паспортов и возможности менять место жительства и место работы. Началась и активная атеистическая пропаганда среди крестьян, которая была эффективной только для части бывших крестьян, большинство из которых все равно оставались пассивно верующими.

Таким образом, можно сделать вывод, что дореволюционное крестьянство Сибири в целом и Томской губернии в частности оставалось наиболее религиозной частью общества. Однако эта религиозность мало соответствовала учению православной церкви и была переплетена с различными суевериями и народной мифологией. Отношение крестьянства к церкви в целом никогда не было негативным, но политически организовать оно не умело, а консервативная идеология, проповедуемая с амвонов и газетных страниц, была ему непонятна. Поэтому надежды церковной иерархии и части политически активного духовенства на крестьянство как патриархальную и верную православную народную силу, на которую церковь сможет опереться и утвердить свое влияние в стране, так и не оправдались. Народные массы, преимущественно крестьяне, не смогли пойти за своими пастырями и учителями, которые проповедовали традиционные ценности, а пошли за вождями, которые обещали «манну небесную» под красными флагами и жестоко потом за это заплатились.

ЛИТЕРАТУРА

1. Памятная книжка Томской губернии на 1912 год. Томск, 1912.
2. Костров Н.А. О расколе в Томской губернии // Томские епархиальные ведомости (далее – ТЕВ). 1883. 1 сен.
3. Монастыри в Западной Сибири // ТЕВ. 1881. 15 июня.
4. Доброленский Ф. Религиозно-нравственное состояние Томской епархии с 1834–1884 год // ТЕВ. 1884. 1–15 ноя.
5. Сведения о состоянии церквей, духовенства и прихожан, состоящих в благочинии № 26 за 1891 год // ТЕВ. 1892. 15 июля.
6. Новиков И. Томская епархия в 1900 году // ТЕВ. 1901. 1 дек.
7. Обозрение епархии Его преосвященством, преосвященнейшим Макарием, епископом Томским и Барнаульским в летние месяцы 1903 г. // ТЕВ. 1904. 22 марта.
8. Современное расколосектанство в Томской епархии // ТЕВ. 1901. 15 авг.
9. Выдержки из записок миссионера священника Михаила Кондаурова // ТЕВ. 1891. 1 фев.

10. Записки алтайского миссионера Черно-Ануйского отделения, священника Филарета Синьковского, за 1879 и 1880 годы // ТЕВ. 1882. 1 марта.
11. Отчет об Алтайской духовной миссии за 1880 год // ТЕВ. 1881. 15 авг.
12. Михайловский М. О необходимости и средствах самообразования для духовенства Томской епархии // ТЕВ. 1887. 1 мая.
13. О расколе в Томской губернии : записка, составленная в 1868 году князем Н.А. Костровым // ТЕВ. 1883. 15 сен.
14. Костров Н.А. Колдовство и порча между крестьянами Томской губернии. СПб., 1880.
15. Б-нов И. Поучение к сельским прихожанам. О пагубных последствиях пьянства // ТЕВ. 1880. 1 дек.
16. Хорошие меры для отвлечения народа от пьянства // ТЕВ. 1882. 1 сен.
17. Пальмов В. Из школьного мира // ТЕВ. 1889. 15 июля.
18. Новиков И. Обзорение епархии Его преосвященством, преосвященнейшим Макарием, епископом Томским и Барнаульским в летние месяцы 1903 г. // ТЕВ. 1904. 1 марта.
19. Новиков И. Томская епархия в 1900 году // ТЕВ. 1901. 15 ноя.
20. Курочкин А. Отчет о деятельности Томского отдела императорского православного Палестинского общества за 1900–1901 год // ТЕВ. 1901. 15 окт.
21. Анатолий (Каменский), епископ. Второе обращение к духовенству Томской епархии // ТЕВ. 1917. 15 апр.

Smokotin Stanislav V. Tomsk State University of Architecture and Building (Tomsk, Russia). E-mail: smokwa@sibmail.com

THE ORTHODOX CHURCH AND THE PEASANTRY IN THE TOMSK PROVINCE IN THE XIXth – EARLY XXth CENTURY.

Keywords: peasantry; Orthodoxy; church; split; Superstition.

In the article the problem of the relationship between the Russian Orthodox Church and the peasantry in the Tomsk province in the 19th – early 20th centuries is considered. A notion is given of the religious mentality of the rural population, the activity of the parish life, the relationship between the Church hierarchy and the peasantry. Orthodox periodicals, statistical publications, works of the famous historian and ethnographer Prince N. Kostrov are the research sources. In the 19th – early 20th centuries peasants made up the largest part of the population of the Russian empire. In 1885 peasants made up 78,16%, and in 1912 – 84,77% of the population of the Tomsk province. The population of Siberia, staying far from the center of the country, and due to slack control on the part of State and Church authorities, had been comparatively indifferent to the Orthodox Church. At the same time, rural population preserved its tradition and culture in the 19th – early 20th centuries. However its faith differed from the official Christian doctrine, and was mingled with superstition and magic. The local population did not know the Church doctrine well enough, and used self-made prayers and apocryphal stories. Part of the rural population openly or covertly supported the Old believers. However the influence of the Old believers depended on their number in the area. Crudeness and ignorance were gradually surpassed by the instillation of civilization and culture among the population. Orthodox Church took part in educational and charitable activity establishing parish schools, charity institutions, delivering lectures. Conservative populism, which existed among the Russian clergy, as well as the conservatives in the Russian empire, was an important feature characterizing the attitude of the Church towards the rural population. The following conclusions were drawn: 1) Church regarded peasantry as the bearer of the Czarist and Orthodox traditions, despite the corrupting propaganda of the liberal intelligentsia; 2) However peasantry lacked comprehension of the conservative ideology. Therefore the hopes of the Church hierarchy and the part of politically active clergy that regarded peasantry as a force patriarchal and true to the Church did not come true.

REFERENCES

1. Tomsk Province Statistics Committee. (1912) *Pamyatnaya knizhka Tomskoy gubernii na 1912 god* [Memorandum book of Tomsk province for 1912]. Tomsk: Tipografiya Gubernskogo upravleniya.
2. Kostrov, N.A. (1881) O raskole v Tomskoy gubernii [On the split in Tomsk province]. *Tomskie eparkhial'nye vedomosti*. 1st September.
3. Anon. (1881) Monastiri v Zapadnoy Sibiri [Monasteries in Western Siberia]. *Tomskie eparkhial'nye vedomosti*. 15th June.
4. Dobrolenskiy, F. (1884) Religiozno-nravstvennoe sostoyanie Tomskoy eparkhii s 1834–1884 god [Religious and moral state of Tomsk Diocese from 1834–1884]. *Tomskie eparkhial'nye vedomosti*. 1st – 15th November.
5. Anon. (1892) Svedeniya o sostoyanii tserkvey, dukhovenstva i prikhozhan, sostoyashchikh v blagochinii № 26 za 1891 god [Information about the state of churches, clergy and parishioners of Diocese District No. 26 for 1891]. *Tomskie eparkhial'nye vedomosti*. 15th July.
6. Novikov, I. (1901) Tomskaya eparkhiya v 1900 godu [Tomsk Diocese in 1900]. *Tomskie eparkhial'nye vedomosti*. 1st December.
7. Anon. (1904) Obozrenie eparkhii Ego preosvyashchenstvom, preosvyashchenneyshim Makariem, episkopom Tomskim i Barnaul'skim v letnie mesyatsy 1903 g. [Inspection of the diocese by His Eminence, Most Reverend Makarii, Bishop of Tomsk and Barnaul in the summer of 1903]. *Tomskie eparkhial'nye vedomosti*. 22nd March.
8. Anon. (1901) Sovremennoe raskolosektanstvo v Tomskoy eparkhii [Contemporary schismatics in Tomsk Diocese]. *Tomskie eparkhial'nye vedomosti*. 15th August.
9. Anon. (1891) Vyderzhki iz zapisok missionera svyashchennika Mikhaila Kondaurova [Excerpts from the notes of missionary priest Michael Kondaurov]. *Tomskie eparkhial'nye vedomosti*. 1st February.
10. Anon. (1882) Zapiski altayskogo missionera Cherny-Anuyskogo otdeleniya, svyashchennika Filareta Sin'kovskogo, za 1879 i 1880 gody [Notes of the Altai missionary of the Cherny-Anuisk branch, Priest Filaret Sinkovsky, for 1879 and 1880]. *Tomskie eparkhial'nye vedomosti*. 1st March.
11. Anon. (1881) Otchet ob Altayskoy dukhovnoy missii za 1880 god [Report on the Altai spiritual mission for 1880]. *Tomskie eparkhial'nye vedomosti*. 15th August.
12. Mikhaylovskiy, M. (1887) O neobkhodimosti i sredstvakh samoobrazovaniya dlya dukhovenstva Tomskoy eparkhii [On the need and means of self-education for the clergy of Tomsk diocese]. *Tomskie eparkhial'nye vedomosti*. 1st May.
13. Kostrov, N.A. (1883) O raskole v Tomskoy gubernii. Zapiska, sostavlenaya v 1868 godu knyazem N.A. Kostrovym [On the split in Tomsk province. (Note written in 1868 by Prince N.A. Kostrov)]. *Tomskie eparkhial'nye vedomosti*. 15th September.
14. Kostrov, N.A. (1880) *Koldovstvo i porcha mezhdru krest'yanami Tomskoy gubernii* [Witchcraft among peasants of Tomsk province]. St. Petersburg: [s.n.].
15. B-nov, I. (1880) Pouchenie k sel'skim prikhozhanam. O pagubnykh posledstviyakh p'yanstva [Instruction to rural parishioners. On the harmful consequences of drunkenness]. *Tomskie eparkhial'nye vedomosti*. 1st December.

16. Anon. (1882) Khoroshie mery dlya otvlecheniya naroda ot p'yanstva [Good measures to distract people from drunkenness]. *Tomskie eparkhial'nye vedomosti*. 1st September.
17. Palmov, V. (1889) Iz shkol'nogo mira [From the school world]. *Tomskie eparkhial'nye vedomosti*. 15th July.
18. Novikov, I. (1904) Obozrenie eparkhii Ego preosvyashchenstvom, preosvyashchenneyshim Makariem, episkopom Tomskim i Barnaul'skim v letnie mesyatsy 1903 g. [Inspection of the diocese by His Eminence, Most Reverend Makarii, Bishop of Tomsk and Barnaul in the summer 1903]. *Tomskie eparkhial'nye vedomosti*. 1st March.
19. Novikov, I. (1901) Tomskaya eparkhiya v 1900 godu [Tomsk Diocese in 1900]. *Tomskie eparkhial'nye vedomosti*. 15th November.
20. Kurochkin, A. (1901) Otchet o deyatelnosti Tomskogo otdela imperatorskogo pravoslavnogo Palestinskogo obshchestva za 1900–1901 god [Report on the activities of the Tomsk Division of the Imperial Orthodox Palestine Society for 1900–1901]. *Tomskie eparkhial'nye vedomosti*. 15th October.
21. Bishop Anatoliy (Kamenskiy). (1917) Vtoroe obrashchenie k dukhovenstvu Tomskoy eparkhii [The second appeal to the clergy of Tomsk Diocese]. *Tomskie eparkhial'nye vedomosti*. 15th April.

УДК 94(47)

DOI: 10.17223/19988613/47/5

П.П. Румянцев, А.К. Чернов

ТОМСКОЕ ГОРНОЕ УПРАВЛЕНИЕ: СОСТАВ И ФУНКЦИИ

Исследование выполнено при финансовой поддержке Программы повышения международной конкурентоспособности ТГУ.

Исследуется слабоизученный сюжет из истории Сибири – деятельность Томского горного управления. Кратко рассмотрены история его возникновения, процесс реорганизации, состав и некоторые аспекты деятельности. Основными источниками для написания статьи послужили архивные документы, находящиеся на хранении в государственном архиве Томской области, многие из которых впервые вводятся в научный оборот.

Ключевые слова: история России; история Сибири; краеведение; горное дело; промышленность; Томское горное управление.

Хорошо известно, что добыча полезных ископаемых является неотъемлемой частью промышленности в любом государстве. Российская Империя не была исключением. Большое количество полезных ископаемых добывалось в Сибири. Их добычу контролировали в разные времена разные учреждения. В данной статье пойдет речь об одной из таких структур – Томском горном управлении, существовавшем с 1888 по 1920 г.

Отечественные исследователи до сих пор не обращали должного внимания на историю возникновения и функционирования данного управления. Из сравнительно недавних исследований можно выделить работу, в которой в попутном и обзорном виде рассматривается история управления [1], а также статью известного специалиста в области социально-экономической истории Сибири В.П. Зиновьева, посвященную биографии и деятельности В.С. Реутовского, возглавлявшего Томский горный округ [2]. В предлагаемой статье авторами ставятся задачи представить краткую историю возникновения управления, проследить процесс изменения его состава и выявить его основные функции.

Стремительное развитие горной промышленности и в первую очередь золотодобычи во второй половине XIX в., а также начавшийся процесс механизации добычи полезных ископаемых заставили центральную имперскую власть пойти на совершенствование системы управления и надзора в горной промышленности. Это выразилось в появлении на востоке страны новых горных управлений. Томское горное управление было учреждено в 1888 г. на основании Высочайше утвержденного 18 января 1888 г. мнения Государственного совета для заведования горной промышленностью в Томской, Тобольской, Енисейской (кроме золотоносной Бирюсинской системы) губерниях, а также в Акмолинской, Семипалатинской и Семиреченской областях. Управление создавалось вместо Отделения частных золотых промыслов при начальнике Алтайского горного округа, которое находилось в г. Барнауле и было упразднено 1 июля 1888 г. Несмотря на такую реорганизацию, многие из служащих отделения были

оставлены на своих рабочих местах до прибытия новых сотрудников, а некоторые продолжили служить уже в составе нового управления. Распределение обязанностей между служащими оставалось прежним до тех пор, пока отделение не было окончательно преобразовано в горное управление, что произошло только после приезда на место службы всех чиновников нового состава [3. Оп. 1. Д. 56. Л. 4]. Управление было подчинено горному департаменту Министерства земледелия и государственных имуществ. Территориально оно оставалось в г. Барнауле до постройки в г. Томске здания для горного управления, куда оно и переехало в 1891 г. (ныне это здание, расположение по адресу: улица Усова, д. 9в, занимает 6-й учебный корпус Томского политехнического университета). К этому же времени в Томске была построена золотосплавочная лаборатория [Там же. Д. 98. Л. 16]. Одновременно (в 1888 г.) было учреждено Иркутское горное управление, которое в своем составе насчитывало шесть горных округов – Приморский, Амурский, Восточно-Забайкальский, Западно-Забайкальский, Ленский и Бирюсинский, т.е. в его ведении находилась горная промышленность большей части Восточной Сибири и Дальнего Востока [4. С. 46].

Изначально вся подконтрольная Томскому горному управлению территория была разделена на шесть горных округов: Тобольско-Акмолинский (Тобольская губерния, кроме Березовского уезда, и Акмолинская область), Семипалатинско-Семиреченский (Семипалатинская и Семиреченская области), Томский (Томская губерния), Северно-Енисейский (северная часть Енисейского округа), Южно-Енисейский (южная часть Енисейского округа, Красноярский и Канский округа Енисейской губернии, кроме Бирюсинской системы), Ачинско-Минусинский (Ачинский и Минусинский округа Енисейской губернии). Во главе каждого горного округа стоял горный инженер, которому назначался город для пребывания. Резиденции горных инженеров находились в городах Омске, Семипалатинске и Барнауле (в Тобольско-Акмолинском, Семипалатинско-Семиреченском и

Томском горных округах соответственно), горные инженеры Северно-Енисейского и Южно-Енисейского округов располагались в городе Енисейске, а инженер Ачинско-Минусинского горного округа находился в селе Каратуз [3. Оп. 1. Д. 46. Л. 16]. В дальнейшем менялись границы округов и их названия.

Обширность горных округов и практически полное отсутствие в них путей сообщения вызывали большие неудобства в управлении этими округами, связанные прежде всего со сложностью перемещения должностных лиц. Это привело к изменениям в организации Томского горного управления. Согласно закону от 8 июня 1903 г. об изменении штатов горных управлений Сибири и Урала из-под контроля Томского горного управления был выведен Тюменский уезд Тобольской губернии и отнесен к Уральской горной области. Территория, подконтрольная Томскому горному управлению, стала называться Западно-Сибирской горной областью. В том же году было проведено новое деление территории на горные округа. По новому штату их стало семь: Степной-Северный (Тобольская губерния, кроме Березовского и Тюменского уездов, Акмолинская область, Павлодарский и Каракалинский уезды Семипалатинской области); Степной-Южный (Семипалатинская область, кроме Павлодарского и Каракалинского уездов, Семиреченская область); Алтайский (Барнаульский, Змеиногорский, Кузнецкий и Бийский уезды Томской губернии, части Томского и Каинского уездов Томской губернии, расположенные в пределах земель Алтайского округа ведомства Кабинета Его Императорского Величества); Томский (Мариинский, Томский и Каинский уезды Томской губернии, кроме тех частей, которые входят в состав Алтайского горного округа); Минусинский (Минусинский уезд и Усинский пограничный округ Енисейской губернии); Красноярско-Ачинский (Ачинский, Красноярский и Канский уезды Енисейской губернии, кроме Бирюсинской золотоносной системы); Енисейский (Енисейский уезд и Туруханский край Енисейской губернии) [5].

Первым начальником управления был назначен горный инженер, действительный статский советник Николай Алексеевич Денисов, занимавший до этого пост помощника главного начальника Уральских горных заводов [3. Д. 645. Л. 2]. В 1896 г. Н.А. Денисов пошел на повышение по службе и занял должность начальника Горного департамента при Министерстве земледелия и государственных имуществ. Вместо него во главе Томского горного управления стал горный инженер Михаил Александрович Шостак, до этого занимавший должность помощника начальника управления. С 1899 г. и вплоть до своей смерти в 1918 г. Томское горное управление возглавлял Николай Семенович Боголюбский, работавший в составе управления с момента его учреждения и хорошо знавший должность начальника, так как в период с 1895 по 1898 г. он стоял во главе Иркутского горного управления. Начальник горного управления был обязан осуществлять надзор за

частными горными заводами, горными и соляными промыслами. Ему подчинялся небольшой чиновничий аппарат, а также окружные горные инженеры в горных округах. Начальник имел право принимать на службу и увольнять чиновников, представлять их к наградам и подвергать суду, а также имел все те права, которыми пользовался в этом отношении начальник Уральских горных заводов [Там же. Оп. 4. Д. 45. Л. 37].

Штат управления был небольшим. В 1889 г. в составе Томского горного управления было восемь чиновников, находящихся на государственной службе: начальник – горный инженер, действительный статский советник Николай Алексеевич Денисов; чиновник особых поручений (он же исполняющий обязанности помощника начальника) – горный инженер, статский советник Николай Семенович Боголюбский; делопроизводитель (он же юрисконсульт) – коллежский асессор Владимир Алексеевич Таскин; исполняющие должность делопроизводителя – коллежский секретарь Александр Васильевич Червев и коллежский секретарь Александр Николаевич Еманаков; бухгалтер – коллежский регистратор Константин Григорьевич Шарнин; маркшейдер – горный инженер, коллежский секретарь Василий Дмитриевич Коцовский; лаборант – горный инженер, титулярный советник Вильгельм Генрихович Брандт [Там же. Оп. 1. Д. 75. Л. 31]. Помимо этого в составе управления находились несколько канцелярских чиновников и служителей, занимавших низкие должности. Большинство из них были вольнонаемными, и лишь некоторые находились на государственной службе [Там же. Д. 56. Л. 12–13].

Позднее штат управления несколько увеличился, но не превышал 15 человек. Появились новые должности. Например, в 1910 г. в составе управления было 13 чиновников: начальник – горный инженер, тайный советник Николай Семенович Боголюбский; помощник начальника – горный инженер, действительный статский советник Валериан Васильевич Маюров; чиновник особых поручений (он же юрисконсульт) – статский советник Константин Григорьевич Шарнин; бухгалтер – Михаил Максимович Гусельников; делопроизводители – коллежский советник Федор Владимирович Захаров и коллежский асессор Митрофан Ильич Изосимов; помощники делопроизводителей – губернский секретарь Андрей Алексеевич Канбалин (исполнял обязанности казначея) и не имеющий чина А.П. Галкин; журналист и архивариус – титулярный советник А.В. Канбалин; геолог – горный инженер, коллежский асессор К.И. Аргентов; маркшейдер – горный инженер, коллежский асессор Вениамин Владимирович Карпинский; помощник маркшейдера – горный инженер, коллежский асессор Николай Иванович Соломин; запасной отводчик площадей под золотые прииски – Александр Максимович Гусельников [6. С. 111].

Начиная с 1891 г. в Томске при горном управлении работала золотосплавочная лаборатория. Ее основны-

ми задачами были сплавка золота в слитки, определение и проставление его пробы [3. Оп. 2. Д. 1062. Л. 20]. Штат чиновников лаборатории был еще меньше, чем штат управления. Например, в 1910 г. в ее составе было всего пять чиновников: управляющий – горный инженер, действительный статский советник Евгений Людвигович Ружицкий; пробирер (он же помощник управляющего) – горный инженер, титулярный советник Н.Ф. Блюдухо; помощник пробирера – коллежский секретарь Е.Х. Чирухин; лаборант – горный инженер, коллежский секретарь П.И. Покровский; письмоводитель – коллежский регистратор С.А. Канбалин [6. С. 111].

Помимо этого на службе в золотосплавочной лаборатории находились несколько присяжных. Например, в 1891 г. управляющий золотосплавочной лабораторией Николай Семенович Боголюбский писал, что для охраны Томской золотосплавочной лаборатории ему необходимы трое присяжных, и что есть лица, желающие поступить на службу в этом качестве – запасные фельдфебели Сергей Дубровин, Никандр Чердынцев и Влас Мироедов. Управляющий лабораторией, изучив инструкции для присяжных губернских и уездных казначейств, разработал временную инструкцию для присяжных Томской золотосплавочной лаборатории [3. Оп. 1. Д. 98. Л. 30]. Согласно этой инструкции присяжные должны были выбираться управляющим лабораторией из отставных или уволенных в запас нижних чинов (за неимением таковых – из лиц других званий и состояний), людей хорошего поведения, трезвых, не бывших под судом, грамотных и годных по состоянию здоровья для несения караульной службы. Определение присяжного на службу осуществлялось по ходатайству управляющего золотосплавочной лабораторией с разрешения начальника Томского горного управления. Присяжные приводились к присяге на верность службе. При этом управляющий лабораторией мог назначить присяжному испытательный срок, во время которого присяжный исполнял все положенные ему обязанности, кроме охраны кладовой [Там же. Л. 32].

Обязанности присяжных также определялись вышеупомянутой инструкцией. К ним относились: охрана кладовой с золотом, сопровождение лиц, входящих в кладовую для вложения или выемки золота, сдача золотых слитков для укупорки при отправке их с караванами, охрана приготовленного для отправки с караванами золота до момента его передачи караванному конвою, охрана горна с пролитым золотом и золотосодержащих отходов, разноска пакетов лаборатории и другие поручения. Предусматривалась также возможность командировок по казенным надобностям. Присяжные имели установленную форму одежды, которую были обязаны приобретать за свой счет, были вооружены пашкой и револьвером, которые могли применить против лиц, посягающих на охраняемые объекты [Там же. Л. 32–33].

С момента учреждения Томского горного управления вводилось следующее ежегодное содержание сотрудников. Начальник управления – 6 000 руб. (из них 2 500 руб. – жалованье, 2 300 руб. – столовые и 1 200 руб. – квартирные), чиновник особых поручений (помощник начальника управления) – 3 000 руб. (1 300, 1 400 и 300 руб. соответственно), делопроизводитель (юрисконсульт) – 2 400 руб. (1 300, 700 и 400 руб.), два делопроизводителя – по 1 500 руб. (900, 400 и 200 руб.), помощник делопроизводителя – 1 000 руб. (550, 250 и 200 руб.), бухгалтер – 1 500 руб. (900, 400 и 200 руб.), журналист – 800 руб. (300, 300 и 200 руб.), маркшейдер – 1 800 руб. (1 000, 500 и 300 руб.). Всего же на ежегодное содержание управления ассигновалось из казны 101 700 руб. Интересно отметить, что по штатному расписанию Иркутского горного управления предполагались примерно такие же размеры жалованья, но общегодовой бюджет управления был немного выше – 122 400 руб., что, видимо, было связано с большей площадью подведомственной территории и, соответственно, большим объемом работ [7. С. 8–11].

В 1903 г. произошли следующие изменения в окладах штата Томского горного управления. Начальник управления стал получать 7 000 руб. (2 800 руб. – жалованье, 2 800 руб. – столовые, 1 400 руб. – квартирные), помощник начальника управления – 3 500 руб. (1 400, 1 400 и 700 руб. соответственно), делопроизводитель (юрисконсульт) – 2 600 руб. (1 040, 1 040 и 520 руб.), делопроизводители и бухгалтер – по 2 000 руб. каждый (800, 800 и 400 руб.), журналист – 1 100 руб. (440, 440 и 220 руб.), казначей и экзекутор – по 1 100 руб. (440, 440 и 220 руб.), помощник маркшейдера – 1 500 руб. (600, 600 и 300 руб.), геолог – 2 400 руб. (960, 960 и 480 руб.), двум запасным отводчикам площадей выплачивалось по 1 100 руб. каждому (440, 440 и 220 руб.). Занимавшие аналогичные должности в составе Иркутского горного управления получали в среднем на 500–1 000 руб. больше [5. С. 692–694].

Представителями Томского горного управления на местах были окружные горные инженеры. При горном инженере состояли несколько чиновников, как правило 4–6 человек. Например, в том же 1910 г. под руководством окружного инженера Томского горного округа горного инженера, статского советника Ивана Порфирьевича Бересневича были: помощник окружного инженера – коллежский асессор П.В. Приходько; письмоводитель – коллежский регистратор Владимир Алексеевич Норин; помощник письмоводителя – коллежский регистратор М.Г. Шишкин; отводчики площадей под золотые прииски – Николай Гаврилович Меньщиков и коллежский асессор Б.В. Кайманаков [6. С. 111–112].

Годовой оклад горных инженеров, начальников отдельных горных округов в 1903 г. назначался в следующем размере. Один горный инженер получал 4 100 руб. (1 640 руб. – жалованье, столько же – столовые и 820 руб. – квартирные), четыре горных инженера получали по 3 800 руб. каждый (1 520, 1 520 и 760 руб.

соответственно) и два горных инженера – по 3 600 руб. каждый (1 440, 1 440 и 720 руб.). При этом два помощника горного инженера должны были получать по 2 600 руб. каждый (1 040, 1 040 и 520 руб.), а четыре помощника – по 2 400 руб. каждый (960, 960 и 480 руб.) [5. С. 694–695].

У окружных горных инженеров были достаточно широкие полномочия и множество обязанностей. Они наблюдали за исполнением постановлений горного начальства на частных горных заводах. В случае нарушения установленных правил или законов инженер имел право применить к владельцу того или иного завода или прииска различные санкции: взыскания в административном порядке или наказания по суду. Наказания могли быть достаточно суровыми, вплоть до остановки производства. Горный инженер должен был осуществлять надзор за безопасностью горных и горнозаводских работ, за оборотом взрывчатых веществ, используемых в горной промышленности. Он контролировал постройку и благоустройство различных строений на территории завода, установку и эксплуатацию паровых котлов. Помимо этого на нем также лежала обязанность отвода рудничных площадей совместно с маркшейдером, землемером или межевщиком. Инженер должен был проверять наличие у управляющих горными заводами необходимых для данного дела документов, также он контролировал наём рабочих на заводы и прииски. Он отслеживал своевременное поступление в казну горных податей, взыскивал недоимки и вел отчетность, следил за количеством выплавляемых металлов. Горный инженер должен был посещать заводы и прииски не реже двух раз в год. На частных заводах он был обязан консультировать владельцев по вопросам повышения эффективности и рациональности производства, не вмешиваясь при этом в их частные дела. На посессионных заводах инженер должен был следить за сохранением уровня производства, не допуская его увеличения или уменьшения без указаний горного начальства. Также в обязанность горных инженеров входил сбор у золотопромышленников сведений об открытии новых месторождений полезных ископаемых, о различных технических новинках и другие сведения, необходимые для изучения подведомственного ему горного округа в геологическом и горнопромышленном отношениях [3. Оп. 1. Д. 119. Л. 3–6].

Каждый год окружные горные инженеры составляли отчет о положении дел в своем округе для Томского горного управления. Горное управление на основе отчетов горных инженеров составляло отчет для горного департамента. Значительную часть отчета занимали сведения о добыче различных полезных ископаемых на подконтрольной управлению территории. Также были и другие сведения: о несчастных случаях; о преступлениях; об употреблении взрывчатых веществ; об эксплуатации паровых котлов; об изменениях личного состава центрального и окружных управлений; различные сведения по финансовой части; об исследователь-

ских работах на территории округа и т.д. [Там же. Д. 144].

Нельзя не отметить еще одну важную составляющую в деятельности окружных горных инженеров – поиски новых месторождений полезных ископаемых и геологические обследования различных районов. Материалы таких командировок не только обрабатывались на уровне управления, но и официально публиковались в виде отдельных отчетов или в разделах специализированной литературы по горному делу, например в «Горном журнале». В 1895 г. была учреждена Комиссия для собрания и разработки сведений о сибирской золото-промышленности и для составления программы исследований золотопромышленных районов. Исследования проводились по отдельным горным округам под руководством горных инженеров. Эти работы содержат богатейший фактический материал по истории становления, разработке золотопромышленных районов, элементы анализа, проведенного настоящими профессионалами. Под редакцией служащих Томского горного управления были опубликованы исследования следующих территорий (они выходили с одним и тем же названием – «Отчет по статистико-экономическому и техническому исследованию золотопромышленности <...> горного округа» с указанием горного округа): Северной части Енисейского горного округа (СПб., 1905. Т. 1–2) – В.М. Внуковский, окружной инженер Северно-Енисейского горного округа; Кокчетавского района (СПб., 1908) – А.А. Сборовский, окружной инженер Тобольско-Акмолинского горного округа; Алтайского горного округа (СПб., 1910) – Э.К. Фрейман, окружной инженер одноименного горного округа; Томского горного округа (СПб., 1912. Т. 1–3) – И.П. Бересневич, окружной инженер одноименного горного округа. Всего же за период с 1888 по 1913 г. 37 сотрудниками Томского горного управления в специализированных изданиях по горному делу были опубликованы 174 работы (подсчет наш по: [8. С. 32–63]).

Выполнение полицейских функций на золотых приисках, находящихся на подконтрольной Томскому горному управлению территории, было возложено на горную полицию. Представителей горной полиции называли горными исправниками. Всего по штату на территории управления было шесть горных исправников. Распределялись исправники следующим образом: три горных исправника находились на территории Енисейской губернии, два – в Томской, один – в Степном генерал-губернаторстве. Такое распределение было обусловлено географическими особенностями территории и расположением приисков. Подконтрольные исправникам территории не совпадали с территориями горных округов. Жалование исправники получали через Томское горное управление, однако назначением их занимались губернаторы соответствующих губерний [3. Д. 51. Л. 31–33].

Вся подконтрольная управлению территория делилась на шесть горнополицейских округов, во главе

которых стояли горные исправники. В Акмолинско-Семипалатинский горнополицейский округ входили все золотые прииски Акмолинской и Семипалатинской областей. Местом пребывания горного исправника был г. Семипалатинск. Алтайский горнополицейский округ включал в себя золотые прииски по р. Усе и на юге от нее в Алтайском горном округе. Местом пребывания горного исправника служили зимой г. Кузнецк, а летом – прииск Неожиданный Южно-Алтайского золотопромышленного дела. Мариинский горнополицейский округ включал в себя золотые прииски Мариинского округа, а также прииски Алтайского горного округа, расположенные по правую сторону р. Томи до системы р. Усы. Местом пребывания горного исправника зимой было с. Тисуль Мариинского округа, а летом исправник был обязан находиться на одном из приисков по рр. Кундат или Шалтырь-Кожух. В составе Северно-Енисейского горнополицейского округа были прииски Северно-Енисейской системы, местом пребывания исправника являлся Александровский прииск на р. Енашино. В составе Южно-Енисейского горнополицейского округа были прииски Южно-Енисейской системы, а местом пребывания горного исправника был Степановский прииск на р. Шаукон (прииски Красноярского и Канского округов находились в ведении общей полиции). Ачинско-Минусинский горнополицейский округ имел в своем составе прииски Ачинского и Минусинского округов, а также прииски, находящиеся по системам рр. Систикема, Ута и по правой стороне р. Кантигиря Усинского пограничного округа. Горный исправник находился в с. Каратуз Минусинского округа (прииски Усинского пограничного округа, за исключением вышеупомянутых систем рек, находились в ведении начальника данного округа) [Там же. Л. 48].

Из других функций служебного персонала Томского горного управления можно выделить следующие. Служащие управления входили в состав комиссии, проводившей испытания технических знаний для лиц, заведующих горными промыслами, так как последние, по Горному уставу редакции 1893 г., должны были иметь на руках документы, подтверждающие их знания в горном деле, что, соответственно, давало им возможность занимать руководящие должности. К таким испытаниям допускались лица, проработавшие на горнопромышленных предприятиях не менее трех лет или имевшие дипломы иностранных горных учебных заведений [9]. Всего существовало 5 программ для испытания знаний в горном деле. В спрашиваемый на экзамене по этим программам обязательный минимум входили следующие понятия: общее знание о горных породах и образе нахождения полезных ископаемых, проведение самих горных и разведочных работ, крепление выработок, промывальные устройства и др. [10. Оп. 1. Д. 746. Л. 17–22]. Дополнительной нагрузкой на служащих Томского горного управления ложилась

необходимость проверки информации, предоставляемой испытуемыми перед сдачей экзаменов: места работы, занимаемые должности, рабочий стаж и пр. С 1895 (с момента учреждения комиссии) до 1913 г. успешно выдержали испытания 153 человека [8. С. 25].

В 80-е гг. XIX в. в Российской империи учреждались губернские по фабричным делам присутствия, в обязанности которых входило регулирование конфликтов между владельцами предприятий и рабочими, подготовка и издание законов по защите прав работников и контроль соблюдения фабричного законодательства в целом. В дополнение к названным присутствиям с 1892 г. начала действовать горнозаводская инспекция, в чью компетенцию входило наблюдение за общим состоянием дел на промышленных предприятиях и регулирование отношений между работодателями и рабочими. Сам же надзор поручался окружным инженерам и их помощникам [11]. Закон начал действовать в Сибири с 1899 г., однако Присутствия по горнозаводским делам собрались раньше: при Томском горном управлении – в октябре 1895 г., при Иркутском – в марте 1896 г.

Возглавлял Присутствие по горнозаводским делам начальник Томского горного управления. В качестве членов Присутствия входили следующие должностные лица: помощник начальника Томского горного округа, вице-губернатор Томской губернии, офицер от Томского губернского жандармского управления, прокурор Томского окружного суда, один из его товарищей (заместителей), а также представители торгово-промышленных заведений Томска. Секретарем Присутствия, как правило, был кто-то из состава служащих Томского горного управления [12. С. 79–80]. Работа в названном присутствии ложилась дополнительной обязанностью на служащих управления. Постановления присутствия, где регламентировались самые различные аспекты функционирования горной промышленности, публиковались.

Еще одна обязанность для служащих Томского горного управления появилась с 1897 г. – организация и проведение съездов золотопромышленников различных округов, подведомственных управлению. Съезды устраивались ежегодно, на них приезжали сами владельцы золотопромышленных предприятий, их доверенные лица. Обсуждался самый широкий спектр вопросов из золотопромышленной жизни, что позволяло выявить острые проблемы и потребности отрасли. В том числе указывалось на необходимость оптимизации системы управления горной отраслью. К примеру, С.Т. Артемьев, директор крупной золотопромышленной фирмы в Алтайском горном округе «Кузнецовых и компании», на II съезде золотопромышленников Томского горного округа в 1898 г. предложил изменить функции помощников окружных инженеров: он выступил за разъезды помощников горных инженеров по всем крупным золотопромышленным центрам с тем, чтобы они указывали на обнаруженные недостатки при

ведении работ и «учили наших заведующих приисками и служащих более рациональным приемам в работах» [3. Оп. 1. Д. 295. Л. 170].

Как видно, перечень обязанностей служащих управления был очень большой. С самого начала работы управления выяснилось, что служащие далеко не всегда способны качественно и в полной мере выполнять свои обязанности. В результате это приводило к увеличению штата управления. Так, еще в декабре 1889 г. появились 4 дополнительные должности отводчиков площадей, а в январе 1895 г. были учреждены 4 должности помощников окружных инженеров. Однако и этих должностей было явно не достаточно для выполнения служащими всего круга обязанностей. В итоге в 1903 г. количество горных инженеров было увеличено с 6 до 7, их помощников – с 4 до 6, появились дополнительные должности геолога и помощника маркшейдера, две должности запасных отводчиков площадей под прииски, 6 должностей помощников письмоводителя при окружных инженерах, а должность делопроизводителя Томского горного управления получила наименование «чиновник особых поручений (он же юрисконсульт)». При этом штатное расписание золотосплавочной лаборатории не менялось с момента ее учреждения в 1888 г. [8. С. 11–12].

Организация Томского горного управления положительным образом сказалась на развитии горной промышленности в сибирском регионе. Особенно это отразилось на росте золотодобычи, главной отрасли горной промышленности. Так, если в 1881–1890 гг. на приисках всей Западной Сибири было добыто 1 424 пудов золота (в среднем 142,4 пуда за год), то в 1891–1900 гг. добыча выросла до 1 708 пудов (в среднем 170,8 пудов за год) (подсчет наш по: [13. С. 258]). Был организован достаточно эффективный контроль за развитием различных

отраслей горной промышленности, что видно из хорошо сохранившейся системы отчетности по состоянию этих отраслей. Наравне с добычей золота, соли и угля, на которые приходилась львиная доля добываемых полезных ископаемых, с возникновением управления появились новые отрасли горной промышленности. Так, активизировались добыча и выплавка рудного, или жильного, золота, расширилась добыча меди, новыми отраслями стали добыча графита и слюды. Помимо добычи из недр управление следило за социально-бытовыми условиями жизни работников горной отрасли, а также развивало транспортную инфраструктуру промысловых районов: в Степном Северном горном округе на предприятиях компании «Спасские медные руды» была построена узкоколейная железная дорога протяженностью в 40 верст, соединившая Спасский медеплавильный завод с Карагандинской каменноугольной копью, от Судженских каменноугольных копий Л.А. Михельсона построена ветвь в 12 км к железнодорожной станции Судженка, расположенной на Транссибирской магистрали [8. С. 18–20].

При этом, несмотря на небольшой штат, служащие управления профессионально выполняли широкий круг своих обязанностей. Тем самым можно заключить, что деятельность Томского горного управления является одной из страниц в истории хозяйственного освоения Сибирского региона, которая до сих пор не удостоивалась должного внимания со стороны исследователей. Особого рассмотрения заслуживает профессиональная деятельность отдельных представителей управления – горных инженеров, также до сих пор не нашедшая отражения в отечественной науке.

Горное управление пережило революционные события 1917 г., просуществовав до своего расформирования в 1920 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Малышева А.В. Система управления горной промышленностью в Кузнецком уезде Томской губернии // Молодежь и наука : сборник материалов IX Всероссийской научно-технической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых с международным участием, посвященной 385-летию со дня основания г. Красноярск. Красноярск : Сиб. федерал. ун-т, 2013. URL: <http://conf.sfu-kras.ru/sites/mn2013/section050.html>.
2. Зиновьев В.П. Горный инженер В.С. Реутовский // Предприниматели и предпринимательство в Сибири : сб. науч. ст. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1997. Вып. 2 : XVIII – 1920-е гг. С. 75–81.
3. Государственный архив Томской области (далее – ГАТО). Ф. 433: Томское горное управление.
4. Гирбасов М.В. Горнозаводская промышленность Сибири. Томск, 1895.
5. Высочайше утвержденное мнение Государственного совета «об изменении штатов горных управлений Сибири и Урала» (8 июня 1903 г.) [№ 23111] // Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗРИ). Т. 23. Отд. 1-е. СПб., 1905. С. 691–697.
6. Памятная книжка Томской губернии на 1910 год. Томск. 1910.
7. Штат Томского горного управления // ПСЗРИ. Собр. 3-е. СПб., 1890. Т. 8. Прил.
8. Первое 25-летие существования Томского горного управления. Томск : Тип. Приюта и Дома Трудолюбия, 1913. 63 с.
9. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета «О дополнении и изменении правил о порядке производства горнопромышленниками подземных работ» (22 февраля 1893 г.) [№ 9347] // ПСЗРИ. Собр. 3-е. СПб., 1897. Т. 13. С. 87–88.
10. ГАТО. Ф. 428: Окружной инженер Томского горного округа.
11. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета «О Надзоре за благоустройством и порядком на частных горных заводах и промыслах и о найме рабочих на эти заводы и промыслы» (9 марта 1892 г.) [№ 8402] // ПСЗРИ. Собр. 3-е. СПб., 1895. Т. 12. С. 153–156.
12. Памятная книжка Томской губернии на 1911 г. Томск : Тип. губерн. управления, 1911.
13. Хроленок С.Ф. Золотопромышленность Сибири (1832–1917 гг.). Историко-экономический очерк. Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1990. 312 с.

Rumyantsev Petr P. Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: petroom@mail.ru: Chernov Anatoly K. Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: anatoij.chernov.1995@mail.ru

TOMSK MOUNTAIN MANAGEMENT: STRUCTURE AND FUNCTIONS.

Keywords: history of Russia; history of Siberia; study of local lore; mining; industry; Tomsk mountain management.

The article examines the poorly studied topic of the history of Siberia – the activities of the Tomsk Mining Administration since its establishment in 1888. Researchers have not paid sufficient attention to the history of the foundation and functioning of this organization for the management of mining in a vast territory, which included the whole Western Siberia and the lands of modern Northern Kazakhstan. The main research tasks are: 1) briefly review the history of the establishment of the Administration; 2) analyze the process of reorganization of the Administration; 3) examine the personnel, and some aspects of the management process. The main sources for the research were archival documents kept in the State Archive of Tomsk region, many of which were introduced into scientific circulation for the first time. The main method used during the research was the comparative-historical analysis. During the research the authors came to the following conclusions. The foundation of the Tomsk Mining Administration had a positive impact on the development of the mining industry in the Siberian region. This was especially reflected in the growth of gold mining, the main mining industry. The effective control over the development of various branches of the mining industry had been formed. Along with the extraction of gold, salt and coal, which were the main minerals extracted, with the foundation of the Administration new branches of the mining industry appeared – mining and smelting of ore or veined gold increased, copper mining expanded, and new industries of graphite and mica mining appeared. In addition to the mining control, the Administration monitored the social and living conditions of workers of the mining industry, and also developed the transport infrastructure of producers' areas. Despite the small staff, the employees of the Administration professionally performed a wide range of their duties, the main of which were: making annual reports about the industry status for each mining district; searching for new mineral fields and geological surveys of various regions; carrying out tests of technical knowledge for people who are in charge of mining; participating in the activities of the Office (Prisutstvie) on mining operations; organizing and holding of congresses of local gold miners. Thus, we can make the main conclusion that the activity of the Tomsk Mining Administration, which was disbanded in 1920, was one of the important pages in the history of economic development of the Siberian region and demonstrated one of the versions of successful management and development of large industrial sector in a vast territory.

REFERENCES

1. Malysheva, A.V. (2013) Sistema upravleniya gornoy promyshlennost'yu v Kuznetskom uезде Tomskoy gubernii [The system of management of mining industry in Kuznetsk district of Tomsk province]. In: Kraev, O.A. (ed.) *Molodezh' i nauka* [Youth and Science]. Krasnoyarsk: Siberian Federal University. [Online] Available from: <http://conf.sfu-kras.ru/sites/mn2013/section050.html>.
2. Zinoviev, V.P. (1997) Gornyy inzhener V.S. Reutovskiy [Mining engineer V.S. Reutovsky]. In: Skubnevsky, V.A. (ed.) *Predprinimateli i predpriimatel'stvo v Sibiri* [Entrepreneurs and Entrepreneurship in Siberia]. Barnaul: Altai State University. pp. 75–81.
3. The State Archives of Tomsk Region. Fund 433. (In Russian).
4. Girbasov, M.V. (1895) *Gornozavodskaya promyshlennost' Sibiri* [Siberian mining industry]. Tomsk: M.N. Kononov.
5. Anon. (1905) Vysochayshe utverzhdennoe mnenie Gosudarstvennogo soveta "ob izmenenii shtatov gornykh upravleniy Sibiri i Urala" (8 iyunya 1903 g.) [№ 23111] [Opinion of the State Council "on the change in the staffs of the mining administrations of Siberia and the Urals" by Imperial consolidation (June 8, 1903) [No. 23111]]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Vol. 23. St. Petersburg: [s.n.]. pp. 691–697.
6. Tomsk Province Statistics Committee. (1910) *Pamyatnaya knizhka Tomskoy gubernii na 1910 god* [Memorandum Book of Tomsk province for 1910]. Tomsk: Tipografiya gubernskogo upravleniya.
7. Anon. (1890) Shtat Tomskogo gornogo upravleniya [The staff of the Tomsk Mining Administration]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Collection 3. Vol. 8. St. Petersburg: [s.n.].
8. Tomsk Mining Administration. (1913) *Pervoe 25-ti-letie sushchestvovaniya Tomskogo gornogo upravleniya* [The first 25 years of the Tomsk Mining Administration]. Tomsk: Tip. Priyuta i Doma Trudolyubiya.
9. Anon. (1897) Vysochayshe utverzhdennoe mnenie Gosudarstvennogo Soveta "O dopolnenii i izmenenii pravil o poryadke proizvodstva gornopromyshlennikami podzemnykh rabot" (22 fevralya 1893 g.) [№ 9347] [Opinion of the State Council "On Amending and Modifying the Rules on the Procedure for the Production of Underground Work by Mining Workers" by Imperial consolidation (February 22, 1893) [No. 9347]]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Collection 3. Vol. 13. St. Petersburg: [s.n.]. pp. 87–88.
10. The State Archives of Tomsk Region. Fund 428. (In Russian).
11. Anon. (1895) Vysochayshe utverzhdennoe mnenie Gosudarstvennogo Soveta "O Nadzore za blagoustroystvom i poryadkom na chastnykh gornykh zavodakh i promyslakh i o nayme rabochikh na eti zavody i promysly" (9 marta 1892 g.) [№ 8402] [Opinion of the State Council "On Supervision of the improvement and order in private mining plants and fisheries and the hiring of workers for these plants and trades" by Imperial consolidation (March 9, 1892)]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Collection 3. Vol. 12. St. Petersburg: [s.n.]. pp. 153–156.
12. Tomsk Province Statistics Committee. (1911) *Pamyatnaya knizhka Tomskoy gubernii na 1911 god* [Memorandum Book of Tomsk province for 1911]. Tomsk: Tipografiya gubernskogo upravleniya.
13. Khrolenok, S.F. (1990) *Zolotopromyshlennost' Sibiri (1832–1917 gg.)* [The gold industry of Siberia (1832–1917)]. Irkutsk: Irkutsk State University.

УДК 94(47).083
DOI: 10.17223/19988613/47/6

А.К. Кириллов, А.Е. Панова

**«ДУША» ПРОТИВ «СОСТОЯНИЯ»: НЕЯВНЫЙ СМЫСЛ
КРЕСТЬЯНСКИХ НАЛОГОВЫХ РАСКЛАДОВ В РОССИИ НАЧАЛА XX в.
(НА МАТЕРИАЛАХ БОГОРОДСКОЙ И СЕМИЛУЖНОЙ ВОЛОСТЕЙ ТОМСКОГО УЕЗДА)**

Раскладка налогов – одна из важнейших функций крестьянской общины в России, оставшаяся неизменной даже после отмены круговой поруки в начале XX в. Изучение первичных документов – раскладочных приговоров по двум волостям Томского уезда – позволило выявить использование крестьянами разных оснований раскладки. Многообразие встречающихся в приговорах понятий потребовало расшифровки их смысла, для чего был применен индивидуальный анализ приговоров. В результате все понятия сведены в две группы. В первой – признаки, завязанные на личную рабочую силу крестьянина («души», годные работники, наделенная земля). Во второй – те, что отражают состоятельность хозяйства (площадь пашни, число коров и лошадей). С учетом этой группировки видно, что даже в рамках одного уезда крестьяне могли использовать принципиально разные подходы к раскладке налогов.

Ключевые слова: капиталистическая Россия; налоговые реформы; крестьянская община; сельский сход; раскладочный приговор; «податная душа»; раскладка по годным работникам; раскладка «по состоянию».

Сознание несправедливости налоговой системы, унаследованной от крепостной эпохи, – одна из сил, двигавших реформаторами второй половины XIX – начала XX в. Отмена подушной подати у мещан (1863) и у крестьян (1885), реформы промыслового налога (1885, 1898), введение квартирного (1893) и подоходного налогов (1916) – все эти меры, не считая более мелких, последовательно воплощали мысль о переносе податного бремени с податных сословий на имущие классы¹.

Однако и в начале XX в. степень равномерности обложения оставалась больной темой. Особые претензии выдвигались в адрес крестьянских налогов. Подушная подать исчезла, но душа мужского пола сохранилась как один из показателей оценки платёжеспособности отдельно взятого сельского общества. Приват-доцент Томского университета и публицист М.И. Боголепов писал в 1907 г.: «Так как правительство при обложении деревни заинтересовано только в одном – как бы побольше взять – и очень мало обнаруживает стремления взять хотя бы с соблюдением элементарной справедливости, то ему очень удобна эта «податная душа», чтобы при помощи грубого арифметического расчета произвести операции по разверстке налогов» [6. С. 119–120]. Год 1907-й – время, когда ещё не остыли страсти Первой российской революции. В пылу борьбы с самодержавием молодой политэконом перегнул палку. «Податная душа» была очень неудобна правительству как раз потому, что оно хотело взять с деревни побольше. Для этого требовалось знать, с кого именно можно взять больше, чем нынче, а кому, наоборот, необходимо поблажка, чтобы вовсе не разорился.

Эта задача решалась на двух уровнях: надобщинном и внутриобщинном. Крестьянские налоги взимались по раскладочной системе. Назначая сумму, которую необходимо собрать по всей стране, Министерство финансов раскладывало её между отдельными

губерниями, уездами, волостями и сельскими обществами. Уже не первое десятилетие чиновникам предписывалось учитывать при этом, помимо числа крестьян, площадь земли, её качество и вообще все показатели, которые влияют на повышение или понижение платёжеспособности.

Эти показатели, конечно, оказывались разными в различных местах. Например, чиновники Томского уезда, раскладывая подати на 1904–1906 гг. между волостями и селениями, учитывали: число дворов, наличных душ, количество годных работников, число десятин удобной земли, площадь запашки, количество скота. В качестве «корректива» к этим цифрам учитывались: задолженность населения по податям и казённым ссудам, качество земли, доходные промыслы, возможности сбыта сельскохозяйственной продукции, размеры мирских капиталов и доходов и даже размеры льгот в связи с причислением переселенцев к старожильческому обществу [7. С. 72–75]. Как видно, власть располагала если не всегда точными, то довольно разнообразными сведениями о своих подданных. Статистические исследования сибирской деревни в конце XIX и начале XX в. имели не отвлечённое, а прикладное значение.

Так определялась сумма, подлежащая уплате отдельным сельским обществом. Эта сумма раскладывалась между крестьянами-плательщиками на сходе. Во внутриобщинные раскладки правительство тоже вмешивалось. Даже при круговой поруке чиновники имели право требовать исправления раскладки, если она составлена явно неравномерно. По мере движения к отмене круговой поруки (в России – законом 1903 г., в Сибири – 1906 г.; см.: [8; 9. С. 203–206]) регламентация усиливалась. Правила 1899 г. предписывали сходу точно записывать основания раскладки и подкреплять раскладочный приговор перечнем плательщиков, из которого было бы видно, что каждому плательщику налог

начислен в согласии с заявленными основаниями [10. № 17286. С. 807]. Эта система лишала общину возможности разложить всё на неимущих и тем гарантировала казённый интерес после отмены круговой поруки.

Раскладка, таким образом, становилась прозрачной. Но выбор оснований оставался за крестьянами: раскладывать ли по душам, или по запашке, или по скоту, или по нескольким основаниям сразу. Специалисты-современники (статистики, податные инспекторы) склонны были увязывать налоговые раскладки с развёрсткой земли. Цитируя ряд подобных работ конца XIX в., О.И. Марискин подытоживает их следующим образом: платежи «раскладывались обществом по тем развёрсточным единицам (ревизским или наличным душам, работникам, тяглам и т.п.), которые были приняты крестьянами для раздела надельной земли» [11. С. 115].

Первичные источники – составлявшиеся крестьянами раскладочные приговоры – показывают более сложную картину. Уяснить, по каким основаниям крестьяне раскладывали налоги, и понять, почему они выбирали именно эти основания, – таковы задачи, остающиеся пока нерешёнными. Один из фрагментов этой работы – выяснение смысла понятий, используемых в приговорах для обозначения оснований раскладки.

Источники исследования. Раскладочные приговоры – объёмный рутинный материал, ежегодная подборка по каждому уезду измерялась тысячами листов. Как правило, эта масса бумаги, не имеющей практического значения, вскоре уничтожалась. Приговоры уцелели лишь в виде исключения. Одно из таких исключений – подборка, сохранившаяся в фонде податного инспектора 2-го участка Томского уезда². В качестве 1-го Томского участка был обособлен г. Томск, вся сельская местность относилась ко 2-му участку.

Поскольку критерием отбора первоочередных волостей для изучения была представительность подборки, следует остановиться на этом сюжете подробнее.

По Богородской волости сохранилось 133 приговора за 1904, 1907 и 1908 гг. Состав волости существенно изменился между 1904 и 1907 гг.: часть бывших богородских селений обособилась в Бобарыкинскую волость. В результате число селений (не считая переселенческих посёлков) сократилось с 34 по Списку населённых мест 1899 г. до 19 по Списку 1911 г. [13. С. 4–9; 14. С. 10–15]. Год 1904-й представлен в нашей подборке лишь 18 селениями (едва больше половины старожильческих). Зато для 1907 и 1908 гг. представлены все 19 селений. Причём за единичным исключением налицо полные налоговые комплекты. Раскладка разных налогов и сборов нередко оформлялась отдельными приговорами. То есть «полный комплект» налоговой раскладки – это во многих случаях несколько приговоров за разные даты. Часть из них могла и не сохраниться. По Богородской волости лишь один комплект за 1904 г. и один за 1907 г. ограничены казёнными

налогами. Остальные 17 комплектов за 1904 г., 18 за 1907 г. и все 19 комплектов за 1909 г. – полные. Из 19 селений, состоявших в Богородской волости на 1908 г., приговорами 1904 г. покрываются 10; ещё 8 приговоров 1904 г. относятся к тем селениям, что были переданы позже в Бобарыкинскую волость.

По Семилужной волости изучены 200 приговоров за 1906, 1907, 1908 гг. Прежде всего перечень селений, по которым есть приговоры хотя бы за отдельные годы, был сопоставлен с перечнем селений Семилужной волости, указанных в Списках населённых мест Томской губернии за 1899 и 1911 гг. Согласно Списку 1899 г. в волости числилось 59 селений, по Списку 1911 г. – 69 селений [13. С. 66–77; 14. С. 84–93]. В нашей базе данных – 60 селений. Поимённое сопоставление показывает, что недостача почти полностью ложится на переселенческие посёлки, отсутствующие в перечне 1899 г. К 1906–1908 гг. они, по всей видимости, заселены ещё не были.

В нашей подборке представлены все селения волости, кроме двух – Режеца (Режицы) и Колбихи. Первое встречается в обоих Списках, второе – только в Списке 1899 г. Не исключено, что Колбиха в начале века была передана в другую волость. Начало XX в. – время стремительной перекройки волостной карты Томской губернии. Благодаря притоку населения дробились старые волости, создавались новые. Из Семилужной волости была выделена Турунтаевская. В нашей подборке даже в 1908 г. и село Турунтаевское, и близлежащие селения ещё значатся за Семилужной волостью; следовательно, обособление турунтаевцев произошло позже. Не исключено, что Колбиха была выведена из подчинения Семилужному до 1906 г. Впрочем, можно предположить и простую утрату колбихинских приговоров. Даже если это предположение верно, в имеющейся подборке представлены почти все наличные селения с погрешностью не более 1/30.

Таблица 1
Обеспеченность селений Семилужной волости полными или неполными «налоговыми комплектами»

Год / налоги	Только ко мирские налоги	Только казённые налоги	Мирские + государственный земский сбор	Полный набор	Всего комплектов
1906	14	1	11	27	53
1907	2	0	9	48	59
1908	0	1	8	46	55

Таким образом, даже по 1906 г. больше чем для половины селений имеются полные сведения, для 1907 и 1908 гг. лишь 1 из 5 или 1 из 6 наличных наборов неполон. Пропущенные в подборке селения – не более 4 для 1907 г., не более 8 для 1908 г. (с учётом Режицы и Колбихи).

В некоторых случаях неполнота подборки объясняется утратой документов. В других случаях отсутствие части налогов может означать, что мы имеем дело с переселенцами, которые ещё «не сошли со льготы». В этом смысле показательны подборки, в которых есть мирские сборы (волостные, сельские), государственный земский сбор, но нет государственной оброчной подати. В Сибири, в отсутствие земского самоуправления, земский сбор был по существу казённым налогом; так он и воспринимался крестьянами. В раскладочных приговорах часто встречается выражение «казённые налоги», объединяющее государственный земский сбор и государственную оброчную подать. Даже если вся сумма налогов раскладывалась несколькими приговорами, казённые налоги обычно покрывались одним документом. Поэтому отсутствие только раскладки оброчной подати при наличии раскладки земского сбора в большинстве случаев позволяет предположить, что речь идёт о переселенческом посёлке. Иногда он пользуется льготой все три года (1906–1908), иногда перестаёт пользоваться ею на наших глазах.

Независимо от того, по какой причине отсутствует раскладка части налогов (потому ли, что не сохранился документ, или потому, что раскладка не делалась вообще), основную ценность представляют полные подборки. Они позволяют сравнивать не только разные селения между собой, но и способы раскладки разных налогов в рамках одного селения. В то же время и неполные подборки важны, поскольку позволяют хотя бы отчасти проверить делаемые обобщения.

Подведём итог по обеим волостям: 1907 и 1908 гг. закрыты источниками почти исчерпывающе; по другим годам (1904 г. – для Богородской, 1906 г. – для Семилужной волости) у нас в наличии больше половины всех возможных документов, что допускает если не уяснение картины во всех подробностях, то, по крайней мере, определение тенденций.

Место действия. Особенностью Западной Сибири, которая могла бы повлиять на относительную значимость в глазах крестьян оснований раскладки, долгое время оставалось захватное землепользование. Обилие земли позволяло нуждающимся в расширении хозяйства создавать новые заимки, распахать «ничейные» земли. Сибирякам был неведом тот острый дефицит земли, который дамокловым мечом тяготел над российскими крестьянами. Но в 1890-е гг. государство озаботилось регулированием крестьянского переселения в Сибирь. Для нарезки переселенческих участков потребовалось точно установить границы старожиловских селений. Сибирское землеустройство, начатое в 1896 г., установило предел владениям каждого сельского общества: не более 15 десятин на душу мужского пола.

Землеустройство поставило сибирских крестьян в сходные с жителями Европейской России условия. Это даёт основание полагать, что томские материалы могут быть использованы для изучения пореформенного рос-

сийского крестьянства. Отсюда не следует, что все, в том числе частные, выводы данной работы могут быть распространены на всё российское крестьянство. Напротив, даже в пределах одного уезда видно наличие разных моделей раскладки; источники из других районов страны наверняка дадут новые варианты. Однако важно подчеркнуть, что данная работа является вкладом в изучение российского крестьянства, а не краеведческим проектом.

Существенная часть нашего замысла – изучение раскладок с учётом их разнообразия, с тем чтобы средние данные не подменяли неизбежно существующее в жизни разнообразие. В томской коллекции раскладочных приговоров выделяется несколько волостей, представленных наиболее полно. Из них для первоочередного изучения выбраны Богородская и Семилужная.

Обе волости расположены в северной части уезда, за пределами земель Кабинета Его Императорского Величества³. На вырезках из карт Переселенческого управления названия обоих волостных центров мы подчеркнули (рис. 1, 2).

Богородская волость, достаточно удалённая от ближайшего города (50 вёрст до Томска), тяготела к обычной для крестьян сельскохозяйственной специализации. В Семилужной волости всё было иначе. Волостной центр находился в 30 верстах от Томска – административного центра огромной Томской губернии, на пару с Тобольской покрывающей всю Западную Сибирь. На протяжении веков действовал Томск и как экономический узел – крупный центр ярмарочной торговли, расположенный на Московско-Сибирском тракте. После постройки Транссиба, с которым Томск соединила лишь тупиковая ветка, губернский центр стал уступать в темпах развития более южным городам своей же губернии.

Тем не менее и к 1909 г. Томск оставался крупнейшим городом и крупнейшим фабрично-промышленным центром губернии, притом быстро растущим⁴. Юго-западная часть Семилужной волости находилась на расстоянии дневного переезда до Томска, и благосостояние этого района опиралось на промыслы, связанные с городом: поставка дров и строевого леса, овощей и молочных продуктов, грибов и ягод, сена и запчастей для гужевых перевозок, обслуживание пригородных предприятий. Уже в 1890 г. здесь засеивалось лишь 1,7 дес. на двор вместо 5–6 дес. в более удалённых от Томска селениях соседних волостей [18. С. 8–11].

Северо-восточная часть Семилужной волости была заселена в основном переселенцами конца XIX – начала XX в. Трудности обустройства на новом месте подталкивали новосёлов к тому, чтобы искать быстрых заработков – будь то у односельчан-старожилов или в ближайшем городе. Таким образом, вся Семилужная волость оказывалась более склонна к неземледельческому промыслу. Две изученные волости существенно различались по хозяйственным условиям крестьянской жизни.

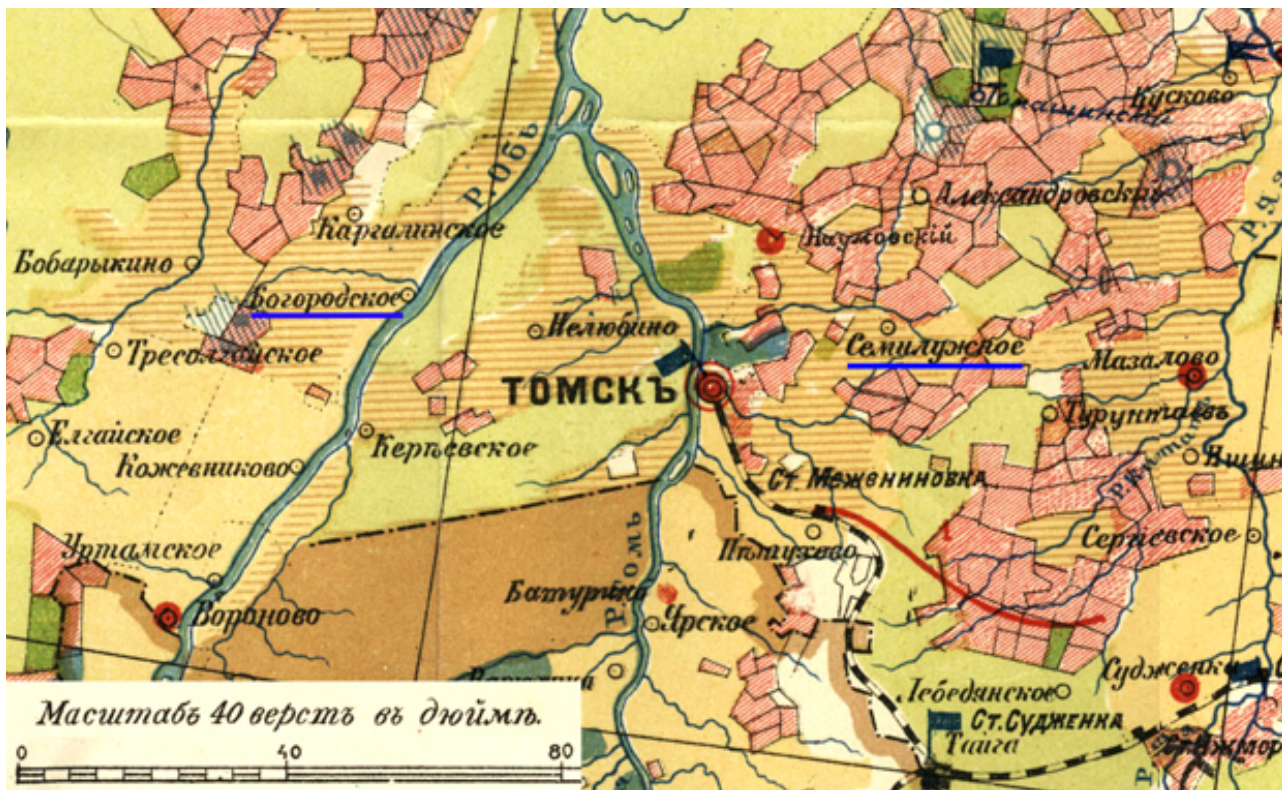

Рис. 1. Волостные центры Богородской и Семилужной волостей на вырезке из карты Томской губернии 1912 г. [15]

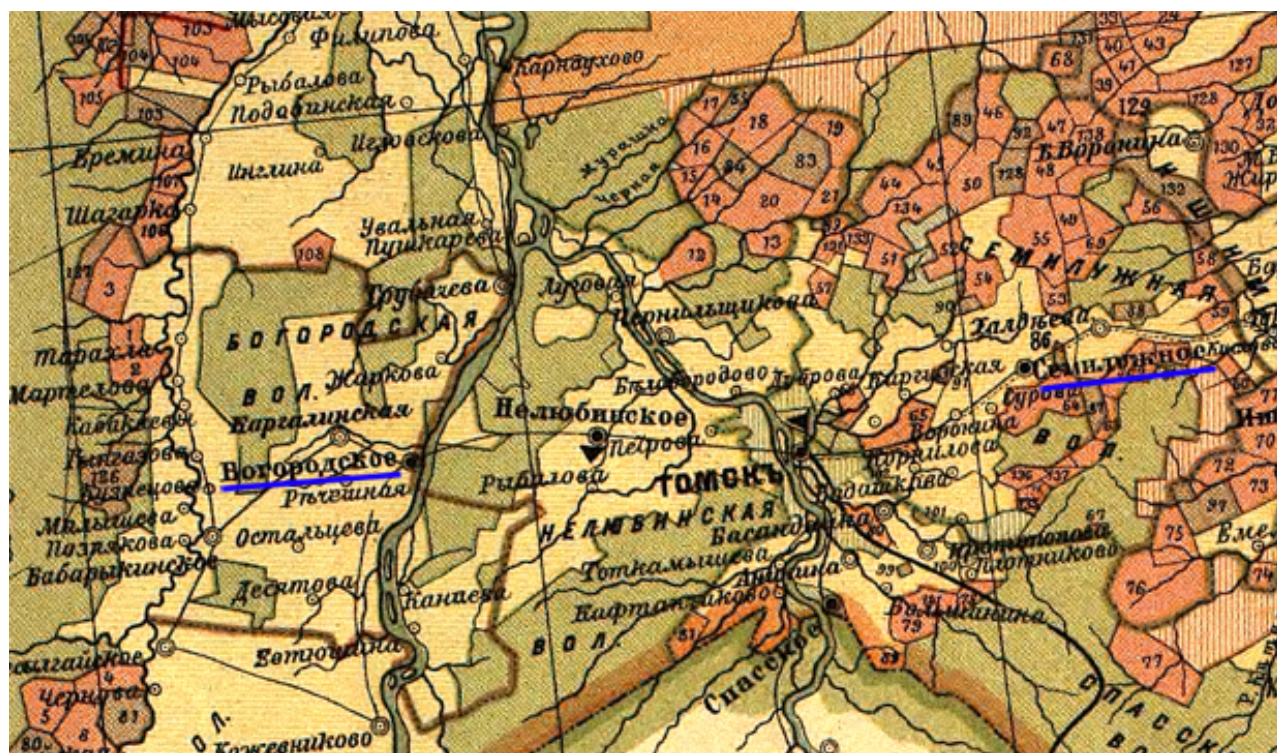

Рис. 2. Богородская и Семилужная волости на вырезке из карты заселяемой части Томской губернии 1905 г. [16]

Раскладка: сводные цифры. Чтобы выяснить влияние каждого основания раскладки, мы из каждого приговора выписали суммы податей, разложенные по каждому из указанных в приговоре оснований. Какие-то основания могут сочетаться в одном приговоре

(годные работники, десятина пашни, скот), другие выступают как взаимоисключающие (скот без различения и лошади). В любом случае сумма всех статей даёт общую сумму налогов по волости. Изучив прежде всего приговоры по Богородской волости, мы обнаружили

явные следы борьбы столичных и местных чиновников Министерства финансов за внедрение в крестьянские раскладки методов, стремящихся к учёту дохода, в противовес раскладке по годным работникам [19].

Следующим предметом изучения стали раскладки Семилужной волости. После получения этих цифр явилась возможность сопоставить две волости (табл. 2–3).

Таблица 2

Основания раскладок в Богородской волости

Показатель	1904 г.		1907 г.		1908 г.	
	Сумма, руб.	Доля, %	Сумма, руб.	Доля, %	Сумма, руб.	Доля, %
Годные работники	6 466,575	32,50	6 983,63875	37,28	5 597,9775	31,69
Земельный надел	131,625	0,66	0	0	0	0
Десятина пашни	3 204,3475	16,11	3 558,685	19,00	3 520,5225	19,93
Скот + земля	4 108,9075	20,65	0	0	0	0
Скот (без различения)	2 571,9425	12,93	0	0	416,725	2,36
Лошади	2 525,6425	12,69	2 578,0125	13,76	2 652,88	15,02
Коровы	94,54	47,52	2 701,0175	14,42	2 400,3625	13,59
Овцы	105,875	0,53	146,315	0,78	106,5	0,60
Сенокосные угодья	0	0	1550,96	8,28	1 646,2375	9,32
Раскладка «на глаз»	541,2	2,72	985,93	5,26	1005,13	5,69
Прочее	144,735	0,73	246,725	1,32	319,82	1,81
Сумма:	19 895,39	100,00	18 731,28375	100,00	17 666,155	100,00

Таблица 3

Основания раскладок в Семилужной волости

Показатель	1906 г.		1907 г.		1908 г.	
	Сумма, руб.	Доля, %	Сумма, руб.	Доля, %	Сумма, руб.	Доля, %
Души	14 454,2425	67,44	20 005,806	71,63	19 855,97	68,79
Годные работники	4 457,4575	20,81	4 508,345	16,14	5 166,78	17,89
Земельный надел	0	0	0	0	1 440,38	4,99
Десятина пашни	103,67	0,48	355,325	1,27	71,225	0,25
Скот (без различения)	582,71	2,72	370,5	1,33	426,5	1,48
Лошади	350,37	1,63	919,7	3,29	787,81	2,73
Коровы	185,4	0,87	554,96	1,99	525,84	1,82
Овцы	0	0	43,8	0,16	3,3	0,01
Раскладка «на глаз»	463,942	2,16	332,89	1,19	262,72	0,91
Прочее	834,62	3,89	838,4975	3,00	325,85	1,13
Сумма:	21 432,412	100	27 929,8235	100	28 866,375	100

Таблица 4

Сопоставление оснований раскладки в Богородской и Семилужной волостях (в % от всей суммы раскладки по каждой волости)

Показатель	1907 г.		1908 г.	
	Богородская	Семилужная	Богородская	Семилужная
Души	0	71,63	0	68,79
Годные работники	37,28	16,14	31,69	17,89
Земельный надел	0	0	0	4,99
Десятина пашни	19,00	1,27	19,93	0,25
Сенокосные угодья	8,28	0	9,32	0
Скот (без различения)	0	1,33	2,36	1,48
Лошади	13,76	3,29	15,02	2,73
Коровы	14,42	1,99	13,59	1,82
Овцы	0,78	0,16	0,6	0,01
Раскладка «на глаз»	5,26	1,19	5,69	0,91
Прочее	1,32	3	1,81	1,13
Сумма:	100	100	100	100

Итоги, выраженные в рублях, важны, чтобы понимать порядок цифр и иметь возможность убедиться в сопоставимости бремени обеих волостей. Но для уяснения структуры раскладок важнее относительные данные в процентах от общей суммы. Выпишем их в сравнительную таблицу (табл. 4). Богородские данные 1904 г. и семилужные 1906 г. показывают отсутствие в 1907–1908 гг. резких изменений в основаниях расклад-

ки; для понимания этого достаточно табл. 2 и 3. Поскольку данные именно за эти годы (1904 и 1906 гг.) наименее представительны и притом не вполне синхронны, оставим для сопоставления волостей лишь 1907 и 1908 гг.

Сопоставление ярко показывает разительное несходство оснований раскладки, особенно наглядное при выделении тех случаев, где показатель одной из

волостей превосходит цифру другой более чем на 10%. Смысл этого расхождения не очевиден, тем более что некоторые основания раскладки выглядят однородными. Есть ли разница по существу между «душами» и годными работниками? земельным наделом и десятиной пашни? скотом вообще и лошадьми или коровами в частности? Ответить на эти вопросы позволяет штучный анализ раскладочных приговоров, лёгших в основу приведённых таблиц.

Основания раскладки: смысл понятий. Прежде всего, разберёмся со смыслом главного семилуженского основания раскладок – «души». Понятие это встречается в 155 из 200 семилуженских приговоров, но в разных формулировках. Часть этих формулировок не позволяет судить о содержании, вложенном в них крестьянами, и дает возможность допустить даже использование ревизского принципа (хотя это крайне маловероятно).

Таблица 5

«Нейтральные» формулировки подушевых раскладок

Формулировка	Встречаемость в приговорах	
	Число	Доля, %
Разложить на <столько-то> душ (мужского пола)	16	10,32
Разложить на наличные души (на всякую наличную душу) (мужского пола)	9	5,81
Разложить на <столько-то> человек	2	1,29
Итого	27	17,42
Всего приговоров, в которых упоминаются души мужского пола	155	100

Сопоставляя приведённые данные с предыдущими таблицами, надо учитывать различие единиц измерения. Прежде мы определяли весомость каждого основания раскладки. Поскольку в одном приговоре зачастую сочетаются разные основания, надо было сопоставить их весомость в рублях. Иначе вышло бы, что полсотни рублей, разложенные на овец, учтены наравне с полутысячей рублей, разложенной на лошадей, лишь потому, что и тот и другой показатели учтены в одном приговоре. Но теперь для нас важно другое: понять, какой смысл вкля-

дывается в определённое слово (душа), какие есть подходы к его пониманию. Эти подходы мы и считаем, учитывая число приговоров.

Итак, шестую часть душевых формул мы оставим за кадром. Но подавляющее большинство вполне доступно объяснению.

В 96 случаях из 155 речь идет о земельной душе, т.е. под душой мужского пола понимается право пользования наделом (и / или сенокосным, лесным паем). Эти формулировки сведены в табл. 6.

Таблица 6

Формулировки, показывающие несомненную взаимосвязь подушевой раскладки с земельным наделом

Формулировка	Встречаемость в приговорах	
	Число	Доля, %
Разложили по числу душ, получивших земельный надел (земельные наделы)	27	17,42
Разложили на <столько-то> душ мужского пола, которые получили земельный надел (при водворении в поселке) и таковым пользуются (в нашем поселке)	10	6,45
Разложили по равной части на <столько-то> (наличных) душ, пользующихся земельным наделом	9	5,81
Разложили на нарезок земли (на наличные души) за исключением солдат (призванных на действительную военную службу) (и вновь прибывших с действительной военной службы) (и умерших), на <столько-то> душ	9	5,81
Разложили на наличных плательщиков (наличные души), наделенных (пользующихся) земельным и лесным наделом	6	3,87
Разложить по числу пользования разделенной (на равные части) землею на <столько-то> душ	6	3,87
Разложили на <столько-то> душ, на коих нарезали (нарезан) земельный надел	5	3,23
Разложить по числу душ мужского пола, получивших земельный надел при водворении	4	2,58
Разложили на разделенные нами покосы и делянки (на наличные души, наделенные сенокосными местами и лесными делянками) (на разделенные сенокосные места и лесные делянки)	4	2,58
Разложили на наличные души, которые пользуются земельным душевым наделом	3	1,94
Разложить на души (мужского пола), имеющие земельные наделы	3	1,94
Разложить на нарезки земли на наличные души (полагая на каждую душу)	3	1,94
Разложили по числу душ мужского пола, наделенных землею	2	1,29
Прочее ³	5	3,23
Итого	96	61,94
Всего приговоров, в которых упоминаются души мужского пола	155	100

Дополнительное яркое подтверждение взаимосвязи между душами и землёй даёт Лязгинское сельское общество Семилужной волости. В этом обществе, включающем несколько селений, в 1907 г. все налоги

раскладывались по душам мужского пола, отнесённым нами к группе земельных [12. Оп. 1. Д. 183. Л. 324–336 об.]. В 1908 г. те же самые деревни раскладывают налоги уже «по земельным участкам,

находящимся в нашем пользовании» (поровну) [12. Оп. 1. Д. 225. Л. 184–193]. Куколка превращается в бабочку прямо на глазах наблюдателя, и мы можем увидеть взаимосвязь между двумя группами явлений. «Душевая» оболочка держалась в Лязгинском обществе по старой ревизской традиции, покрывая земель-

ную суть раскладки. Наконец она была отброшена, и «душа мужского пола» окончательно превратилась в «земельную душу».

К приговорам, где «души» на поверку оказываются связаны с земельным наделом, примыкает и следующая группа формулировок (табл. 7).

Таблица 7

Формулировки подушевой раскладки, позволяющие предполагать земельные души

Формулировка	Встречаемость в приговорах	
	Число	Доля, %
Разложить (по равной части) на водворенные души (на всякую душу, водворенную в поселок)	10	6,45
Разложить на каждую наличную душу по причислению (Томской казенной палаты)	5	3,23
Разложить на всех по водворению семейств (на каждую душу по водворению семейства) исключая солдат, находящихся на действительной военной службе, (и умерших) на <столько-то> душ	5	3,23
Итого	20	12,9
Всего приговоров, в которых упоминаются души мужского пола	155	100

Суть понятия «водворённые души» проясняется приговором Орловского общества Семилужной волости: «[поскольку] в нашем обществе земля и все угодия разделены по водворённым душам, то и все платежи должны быть разделены согласно земельного раздела» [Там же. Д. 183. Л. 361]. Водворённые души оказались чётко увязаны с земельным наделом. Можно думать, что это же относится и к причисленным душам. Именно так полагали чиновники Томского уезда при раскладке налогов между обществами на 1904–1906 гг., исходившие из того, что «наличная душа мужского пола являет-

ся эквивалентом права пользования пятнадцатидесятиным земельным наделом» [7. С. 74].

По итогам табл. 6 и 7 мы можем сделать вывод, что три четверти всех душевых раскладок Семилужной волости – это, на самом деле, раскладки по земельным наделам.

Остаются не разобраны лишь 12 случаев использования понятия «души». Это те случаи, где оговорка насчёт возраста «душ» или указание дробного (а не целого) их числа позволяет предполагать, что под «душами» скрываются годные работники (табл. 8).

Таблица 8

Формулировки подушевой раскладки, тяготеющие по смыслу к раскладке по годным работникам

Формулировка	Встречаемость в приговорах	
	Число	Доля, %
Разложить на <столько-то> (наличных) душ мужского пола [с указанием возраста ⁶]	7	4,52
Разложить на души, начиная от 12 (13) лет и хотя бы более 60 лет, могущие работать полевые работы <...> и на тех <...> кто ушедши в заработки	2	1,29
Дробные показатели в душах либо при отсутствии пояснений к формулировкам, либо с указанием «разложить на наличных плательщиков»	3	1,94
Итого	12	7,70
Всего приговоров, в которых упоминаются души мужского пола	155	100

Дробные показатели (например, пятьдесят две с половиной души) – это признак привлечения к налогу «полудушек». Так обозначаются в некоторых приговорах слабосильные работники: старики и «малолетки». С точки зрения земельных наделов эта разбивка смысла не имеет: надел у крестьянина либо есть, либо нет. Зато при обложении по годным работникам «полудушкам» полагается половинный оклад. Вот почему дробное число душ учтено как признак раскладки по годным работникам.

Как показывает табл. 8, лишь немногие душевые раскладки на поверку означают годных работников. Однако сам по себе этот показатель – годные работники –

играет существенную роль в семилужных раскладках (второй по значимости показатель), а в богородских это и вовсе самое весомое основание раскладки.

Для понимания смысла этого основания раскладки важен случай 1908 г. В приговоре Мало-Жировского общества (Ишимской волости) значилось: разложить «на всех вообще от 15-летнего возраста до полной дряхлости» [20. Оп. 4. Д. 193. Л. 25–25 об.]. Наряду с этим учитывались коровы, лошади и овцы; про землю ничего не говорилось. Староста подал жалобу начальству в связи с обложением его отца, 73-летнего «дряхлого старика» И. Петровича. Податной инспектор подержал жалобу и просил крестьянского начальника

добиться пересмотра приговора с устранением дряхлых стариков от обложения. Крестьянский начальник поначалу поддержал было инспектора, но, вникнув в дело, дал другой ответ: «Мне кажется, более правильный путь к освобождению Иосифа Петровича от платежа сборов – это отказ его от земельного надела и передача такового в распоряжение названного общества» [20. Оп. 4. Д. 193. Л. 19–19 об.].

Конечно, обложение от 15 лет «до полной дряхлости» лишь отчасти соответствует клише годного работника (в разных приговорах от 15–18 до 55–60 лет). Но показательно, что приговор, в котором земля не упоминалась ни единым словом, оказался завязан именно на наделенную землю. Мы не узнали бы этого без такого редкого случая, как разбирательство по жалобе крестьянина-плательщика. Мало-Жировская история заставляет задуматься о том, что и годные работники, возможно, тоже связаны с наделенной землей, и, таким образом, все три этих показателя по сути означают одно и то же.

Даже при беглом просмотре в приговорах Семи-лужной волости находится сразу несколько формулировок, смешивающих все три рассматриваемых сейчас понятия – «души», годные работники и земельный надел. В 1906 г. Турунтаевское общество разложило налоги «на 200½ душ годных работников», Лата-тское – «на 142 наделенных землею работников почему и приходится на каждую душу по 57,5 коп.», Суров-ское – «на наличных плательщиков, наделенных земельным и лесным наделом на 150 душ по 2 р. 58 к. на душу», Кулаковское – «на разделенные нами поко-сы и лесные делянки по 7 рублей 77 коп. на душу, и на 2-х полудушков на 1-го 3 руб. 79 коп. и 2-го 3 р. 62 коп.» [12. Оп. 1. Д. 183. Л. 283–286 об., 298–298 об., 306–307, 309–310].

Все эти свидетельства позволяют считать, что в ряде случаев души, годные работники и земельный надел (земельные души) суть взаимозаменяемые понятия. Логично полагать, что в сознании крестьян трудоспособный мужчина не существовал отдельно от земельного надела, а понятие «душа» по нескоро изживаемой ревизской традиции выступало синонимом слова «человек».

Нет уверенности, что годные работники во всех случаях тождественны земельному наделу. Но в любом случае обе эти категории не выступали показателями состоятельности. Вот почему годные работники оказывались в числе оснований раскладки, нежелательных с точки зрения столичных реформаторов. В приговорах по некоторым томским волостям неоднократно упоминается губернаторский циркуляр 1901 г., относившийся, конечно, ко всей губернии и продиктованный общероссийской политикой Министерства финансов. Содержание циркуляра мы знаем в пересказе податного инспектора Д. Федорченко. На исходе 1903 г. он под угрозой неутверждения приговоров требовал от подопечных сельских обществ «совершенно исключить

годных работников из числа оснований для разверстки казенных и земских сборов, каковые раскладывать исключительно по сельскохозяйственным занятиям, в числе коих земледелию и скотоводству должны быть отведены главные места». При этом мирские сборы разрешалось раскладывать «на установившихся в волости основаниях по соображению с местными условиями», а натуральные повинности, переведенные на деньги (ямской сбор и т.п.), – так и вовсе «разверстывать по годным работникам, как это и соответствует закону и сущности сих повинностей» [Там же. Д. 180. Л. 25–26 об.].

Проясняя отношение властей к одному из разбираемых показателей (годные работники), приведенная цитата заставляет задуматься над другим. В ряду желательных, передовых показателей мы вновь видим «земледелие»! Что это, если не земельный надел? Как увязать это с отрицательным отношением к годным работникам, которые – как мы видели – по сути являют собой раскладку по земельным наделам?

Для ответа на этот вопрос обратимся к Богородской волости. Как показывает табл. 4, именно здесь земледельческий признак выступает одним из ключевых оснований раскладки. Но не в виде наделов, а в виде десятин пашни. Вот типичная формулировка (Баткатское общество, 1908 г.): казенные подати «разложили по занятиям на домохозяев, по состоянию каждого из нас, согласно прилагаемому при сем приговоре особому раскладочному листу с таким расчётом, чтобы с каждой десятины пахотной земли, каждой лошади и рогатого скота взималось по ровной части по 52 коп., что в общей сложности на 3 165 занятий падет по числу, всего 1 645 руб. 80 коп.» [Там же. Д. 225. Л. 539].

Отличие надела от пахотных десятин очевидно: надел – или есть, или нет; площадь пашни – у каждого своя. По раскладочному перечню Баткатского общества размеры запашки колеблются от 1 до 40 десятин (есть и безземельные). Обращает на себя внимание и то, что десятины пашни увязаны в единую систему с лошадьми и «рогатым скотом», и эта система названа раскладкой «по состоянию» (по состоятельности). Эта формула в разновидностях⁷ присутствует в 54 из 133 богородских приговоров, и за единственным исключением имеет одинаковое содержание: разложить на пашню (и / или сенокосные угодья, усадьбы, огороды) и на скот (либо без различия, либо отдельно на коров, лошадей и овец).

Отсутствие формулы «разложить по состоянию» в приговорах Семилужной волости заставляет предположить, что к её происхождению причастно административное вмешательство. Вероятно, эта формула была рекомендована действующим в Богородской волости крестьянским чиновником или волостным правлением.

Крестьянин-общинник (тем более сибирский, числящийся лишь пользователем казенных земель) не мог продать свой земельный надел – в отличие от лошадей, коров и овец. Тем не менее скот и десятины пашни в

томских раскладках оказываются типологически одинаковыми. И то и другое подходит под рубрику «чем больше, тем богаче» и потому противопоставляется годным работникам, душам, земельным наделам.

Подытожим анализ сводных данных по обеим волостям. Все используемые признаки могут быть сведены в две группы: 1) имеющие основой рабочую силу крестьян («душа», годный работник, надел); 2) имеющие основой состоятельность (скот, десятины пашни, сенокоса). И две наши волости оказываются по разные стороны баррикады: в Богородской преобладает раскладка по состоятельности, в Семилужной – по рабочей силе.

Трудно однозначно сказать, в чём причина такого расхождения. Одно из объяснений может быть связано с разбивкой Томского уезда на участки крестьянских начальников: Богородская волость принадлежала к 1-му Томскому участку, Семилужная – ко 2-му [17. С. 181–182]. Крестьянские начальники – сибирский заменитель всемогущих земских начальников, оставивших о себе недобрую память в Европейской России. В двух изучаемых волостях эту должность занимали разные люди; логично предположить, что дело – в разной требовательности двух чиновников. В пользу этой догадки говорит тщательное соблюдение в Богородской волости принципа раздельной раскладки (одни основания для казённых налогов, другие – для волостных), рекомендованного губернаторским циркуляром. В Семилужной волости вся совокупность налогов зачастую раскладывается на одних и тех же осно-

ваниях. Если нарушалось требование раздельной раскладки, логично ожидать и нарушений по части раскладки «по состоянию». Здесь же можно вспомнить и способ обозначения предпочтительного для крестьян способа учёта рабочей силы. В богородских селениях это нежелательные для власти, но всё-таки прямо предписанные в циркуляре «годные работники», в семилужных – более привычные крестьянам «души».

Можно предположить и более сложную систему действующих сил. Семилужная волость ближе к городу, здесь более весомы сторонние заработки, которые связаны не с признаками хозяйственной состоятельности, а именно с «годным работником». Это могло создавать объективную основу для сопротивления крестьян внедряемой раскладке «по состоянию».

Независимо от того, как объясняется расхождение между Семилужной и Богородской волостями, мы видим, что внедрение условно-подходящего («по состоянию») принципа в крестьянские раскладки в начале XX в. не было одинаково успешным даже в рамках одного уезда. Следовательно, роль крестьянских обществ в деле раскладки налогов выходила за рамки подстановки цифр в шаблон, спущенный сверху. В деле раскладки налогов даже после отмены в России круговой поруки сельское самоуправление выступало как самостоятельный механизм, способный обеспечивать учёт крестьянских интересов.

Авторы благодарят сотрудников Государственного архива Томской области за оказанную помощь.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. обобщающие работы: [1–3]. Отдельные сюжеты более подробно рассмотрены в работах [4, 5].

² Не тратя здесь место на точное указание использованных листов, назовём дела, в которых хранятся приговоры двух волостей, использованные для данной статьи: [12. Оп. 1. Д. 173, 175, 183, 194, 225].

³ Тем не менее в семи селениях Семилужной волости вместо государственной оброчной подати крестьяне платят арендно-оброчную, свойственную крестьянам Алтайского округа. С точки зрения изучения раскладочных принципов два названных налога можно рассматривать как взаимозаменяемые.

⁴ Согласно официальным данным за 1908 г. численность томского населения (79 тыс. чел.) и сумма производства фабрично-заводских предприятий (6,1 млн руб.) далеко обгоняли ближайшего преследователя (Новониколаевск с его 46 тыс. и 3,5 млн руб.). См.: [17. С. 301, 309].

⁵ В эту категорию включены приговоры, в которых по одному разу встречаются следующие формулировки: «разложить на <столько-то> наличных надельных душ»; «разложили по равной части на <столько-то> наделенных землею, как разделенной между всеми домохозяевами»; «разложить на души мужского пола, на которых числятся земельные наделы»; «раскладывать на <столько-то> наделенных землею работников»; «разложить на души на разночинцев, живущих в нашем селе и занимающихся хозяйством».

⁶ Варианты: от 13 до 70 лет; от 10 до 70 лет; от 10 лет и до старости; «начиная с 14-летнего возраста, считая некоторых из них малолетками и взрослых в 1/2 души».

⁷ «На домохозяев по состоянию каждого из них», «на имеющиеся занятия по состоянию каждого домохозяина», «на занятия и поимущественно», «по занятию и по состоянию домохозяина», «на домохозяина смотря по его состоянию».

ЛИТЕРАТУРА

- Захаров В.Н., Петров Ю.А., Шацилло М.К. История налогов в России. IX – начало XX в. М. : РОССПЭН, 2006.
- Степанов В.Л. Н.Х. Бунге: судьба реформатора. М., 1998.
- Kotsonis Y. States of Obligation: Taxes and Citizenship in the Russian Empire and Early Soviet Republic. Toronto : University of Toronto Press, 2014.
- Ананьич Н.И. К истории отмены подушной подати в России // Исторические записки. М. : Наука, 1974. Т. 94. С. 183–212.
- Беляев С.Г. П.Л. Барк и финансовая политика России. 1914–1917 гг. СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 2002.
- Боголепов М.И. Финансы, правительство и общественные интересы. СПб. : Изд-во О.Н. Поповой, 1907.
- Журналы заседаний Съезда податных инспекторов Томской губернии. 1905 г. Томск : Паровая типо-литография П.И. Макушина, 1906.
- Симонова М.С. Отмена круговой поруки // Исторические записки. М. : Наука, 1969. Т. 83. С. 159–195.
- Островский И.В. Аграрная политика царизма в Сибири периода империализма. Новосибирск : Изд-во Новосиб. ун-та, 1991.
- Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е. СПб., 1902. Т. XIX. Отд. 1.
- Марискин О.И. Государство тягло. Налогообложение крестьянства России во второй половине XIX – первой трети XX века (по материалам Среднего Поволжья). Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2004.
- Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. Ф-200: Податной инспектор 2-го участка Томского уезда.

13. Список населенных мест Томской губернии на 1899 год. Томск : Тов-во «Печатня С.П. Яковлева» (Губернская типография), 1899.
14. Список населенных мест Томской губернии на 1911 год / изд. Томского губернского статистического комитета. Томск : Типография губернского управления, 1911.
15. Карта Томской губернии. Тип. Майкова и К., 1911–1912. URL: <http://russian-maps.livejournal.com/56624.html> (дата обращения: 25.01.2017).
16. Карта заселяемой части Сибири. Томская губерния / изд. переселен. управления. СПб. : Техн. Авто-лит. Де-Кельш, 1905. URL: http://www.etomesto.ru/map-tomsk_1905-guberniya (дата обращения: 25.01.2017).
17. Памятная книжка Томской губернии на 1910 год / изд. Том. губ. стат. ком. Томск : Типография Губернского управления, 1910. URL: <http://elbib.tomsk.ru/purl/1-1180>.
18. Кауфман А.А. Общинные порядки восточных волостей Томского округа и северо-западной половины Мариинского округа. Томск, 1895.
19. Кириллов А.К., Панова А.Е. «Раскладку подати произвести не прежним порядком...»: раскладки казённых и мирских сборов крестьянами Богородской волости Томского уезда в начале XX века // Экономическая история. 2014. № 3 (26). С. 24–30.
20. ГАТО. Ф. Ф-196 : Томская казённая палата.

Kirillov Alexey K. Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russia), Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia). E-mail: alkir.nsk@gmail.com : Panova Alyona Ye. Kochki Secondary School (Novosibirsk region, Russia). E-mail: aphina-08@mail.ru

"SOULS" VERSUS "MEANS": IMPLICIT MEANINGS OF THE PEASANTS' TAX DISTRIBUTION ACTS AT THE EARLY XXTH CENTURY RUSSIA (ON THE MATERIALS OF THE BOGORODSLAYA AND SEMILUZHNYA COUNTIES, TOMSK DISTRICT).

Keywords: Capitalist Russia; tax reforms; peasant commune; village assemblies (*sel'skiy skhod*); tax distribution act (*raskladochy priговор*); "tax soul" (*podatnaya dousha*); distribution "by valid workers" (*godnyi rabotnik*); distribution "by means".

The aim of the article is to reveal the sense of terms used by peasants when distributing taxes. This aim is important because tax reform was a generally acknowledged point of the Russian agenda at the early 20th century. The fact that even poorest peasants had to pay taxes, ruinous for their weak husbandries, was the most annoying thing in the eyes of the public opinion. Even after the abolition of poll tax (1885) number of male peasants living in a village was one of the main factors for calculating sum of taxes due from that village. Distribution of that sum among peasants was exercised by peasant commune. Until now we have only vague idea of what indicators peasants used to allot a greater or smaller part of the collective burden to each taxpayer, and why they chose these particular indicators. When trying to reveal that we face not only the problem of obtaining information from primary sources, but of understanding the true sense of terms used by peasants. The sources of the research are primary sources from the archives. Interpreting the sense of a term requires studying primary sources that provide us with the context. Tax distribution acts adopted by village assemblies make the documentary basis for current research. The base used includes more than three hundred acts of two West Siberian counties (*volost*) of the Tomsk district. It contains a complete set of distribution acts for 1907 and 1908 and a sufficient number of acts to trace trends through one or two previous years. The two counties selected can be considered typical for the peasant Russia of the early 20th century. Still they are not quite similar. Bogorodskaya *volost*, 50 km far from Tomsk, specialized on agricultural production. Semiluzhnaya *volost*, situated close to Tomsk and partly settled with recent Stolypin migrants, depended mostly on the non-agricultural incomes. Synopsis of the article. Comparison of data for the two counties shows striking difference between the systems of tax distribution. Semiluzhnaya peasants put some 70% of taxes upon "souls", while Bogorodskaya inhabitants preferred "valid workers" (31–37%), ploughland (19–20%) and cattle (29–32%). Textual analysis of the particular clauses used by the peasants adds something essential to what can be seen from the figures only. It appears that most of the "per soul" distributions are in fact connected to the land allots or to the valid workers. Moreover: both souls, valid workers and land allots appear variations of the same distribution model tied to the working force of a peasant. This "personalized model" can be opposed to the "wealth model" tied to payer's prosperity formulated through cattle number, ploughland and hayfield area. Conclusions. We can see that the two contradicting models could as well be combined in one system of tax distribution (at Bogorodskaya *volost*). Besides, we understand that the "soul" of the early 20th century is a measure quite different from the time of poll tax when this term became famous. That is, even the pure "personalized model" should be considered not as rejecting the economic life but as reflecting it in a different way, a kind of the peasant "laissez-faire" concept application.

REFERENCES

1. Zakharov, V.N., Petrov, Yu.A. & Shatsillo, M.K. (2006) *Istoriya nalogov v Rossii. IX – nachalo XX v.* [History of taxes in Russia in the 9th – early 20th centuries]. Moscow: ROSSPEN.
2. Stepanov, V.L. (1998) *N.Kh. Bunge: Sud'ba reformatora* [N.H. Bunge: The fate of the reformer]. Moscow: ROSSPEN.
3. Kotsonis, Ya. (2014) *States of Obligation: Taxes and Citizenship in the Russian Empire and Early Soviet Republic*. Toronto: University of Toronto Press.
4. Ananich, N.I. (1974) K istorii otmeny podushnoy podati v Rossii [To the history of the poll tax cancellation in Russia]. In: Samsonov, A.M. (ed.) *Istoricheskie zapiski* [Historical notes]. Vol. 94. Moscow: Nauka. 94. pp. 183–212.
5. Belyaev, S.G. (2002) *P.L. Bark i finansovaya politika Rossii. 1914–1917 gg.* [P.L. Bark and Russian financial policy. 1914–1917]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
6. Bogolepov, M.I. (1907) *Finansy, pravitel'stvo i obshchestvennye interesy* [Finance, government and public interests]. St. Petersburg: O.N. Popova.
7. Anon. (1906) *Zhurnaly zasedaniy S"ezda podatnykh inspektorov Tomskoy gubernii. 1905* [Journals of the Congress of tax inspectors of Tomsk province. 1905]. Tomsk: P.I. Makushin.
8. Simonova, M.S. (1969) Otmena krugovoy poruki [Abolition of circular bail]. In: Samsonov, A.M. (ed.) *Istoricheskie zapiski* [Historical notes]. Vol. 83. pp. 159–195.
9. Ostrovskiy, I.V. (1991) *Agrarnaya politika tsarizma v Sibiri perioda imperializma* [The agrarian policy of tsarism in Siberia during the period of imperialism]. Novosibirsk: Novosibirsk State University.
10. Russia. (1902) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Collection 3. Vol. 19. St. Petersburg: [s.n.].
11. Mariskin, O.I. (2004) *Gosudarevo tyaglo. Nalogooblozhenie krest'yanstva Rossii vo vtoroy polovine XIX – pervoy trety XX veka (po materialam Srednego Povolzh'ya)* [Sovereignty tax. Russian peasantry taxation in the second half of the 19th – early 20th century (Middle Volga region)]. Saransk: Mordovia University.
12. The State Archives of Tomsk Region (GATO). Fund F-200. (In Russian).

13. Tomsk Provincial Statistical Committee. (1899) *Spisok naselennykh mest Tomskoy gubernii na 1899 god* [List of inhabited places of Tomsk province for 1899]. Tomsk: Pechatnya S.P. Yakovleva.
14. Tomsk Provincial Statistical Committee. (1911) *Spisok naselennykh mest Tomskoy gubernii na 1911 god* [List of inhabited places of Tomsk province for 1911]. Tomsk: Tipografiya gubernskogo upravleniya.
15. Anon. (1911–1912) *Karta Tomskoy gubernii* [The Map of Tomsk Province]. [Online] Available from: <http://russian-maps.livejournal.com/56624.html>. (Accessed: 25th January 2017).
16. The Resettlement Department. (1905) *Karta zasehyaemoy chasti Sibiri. Tomskaya guberniya* [The map of the inhabited part of Siberia. Tomsk Province]. St. Petersburg: Tekhn. Avto-lit. De-Kel'sh. [Online] Available from: http://www.etomesto.ru/map-tomsk_1905-guberniya. (Accessed: 25th January 2017).
17. Tomsk Provincial Statistical Committee. (1910) *Pamyatnaya knizhka Tomskoy gubernii na 1910 god* [Memorial book of Tomsk province for 1910]. Tomsk: Tipografiya Gubernskogo pravleniya. [Online] Available from: <http://elibrary.tomsk.ru/purl/1-1180>.
18. Kaufman, A.A. (1895) *Obshchinnye poryadki vostochnykh volostey Tomskogo okruga i severo-zapadnoy poloviny Mariinskogo okruga* [Community orders of the eastern volosts of Tomsk region and the northwestern half of Mariinsky district]. Tomsk: [s.n.].
19. Kirillov, A.K. & Panova, A.E. (2014) The taxes be distributed in a new way . . .”: Distribution of state and local taxes by Bogorodskaya volost peasants in the early 20th century. *Ekonomicheskaya istoriya – Economic History*. 3(26). pp. 24–30. (In Russian).
20. The State Archives of Tomsk Region (GATO). Fund F-196. (In Russian).

УДК 930.2+947+336.747
DOI: 10.17223/19988613/47/7

Д.И. Петин

ЭМИССИЯ ДЕНЕЖНЫХ СУРРОГАТОВ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТЬЮ В КЯХТЕ ЛЕТОМ 1918 г.

На основе выявленного автором и ранее не публиковавшегося комплекса документов (преимущественно из фондов Государственного архива Российской Федерации) проведено подробное исследование одной из самых курьезных региональных эмиссий денежных суррогатов периода Гражданской войны – выпуска бон, осуществленного советской властью летом 1918 г. в небольшом забайкальском городе Кяхта. Дана критика историографии вопроса, и благодаря привлечению новых источников решено имеющееся историографическое противоречие.

Ключевые слова: Гражданская война; советская власть; Кяхта; денежное обращение; денежные суррогаты; бонистика.

Первая мировая война и революционные события 1917 г. стали периодом, в котором претерпели существенные изменения практически все ключевые сферы российского государства и общества. Функционирование финансов в Сибири в это сложное для страны время наглядным образом отразило положение дел в экономике и управлении окраинными территориями. При этом отчетливо наблюдалась тенденция: чем больше географически удален регион, тем сильнее проявлялся там кризис денежно-финансовой сферы. В данном случае одновременно показательным и курьезным является опыт вынужденной локальной эмиссии денежных суррогатов, осуществленной в начальный период Гражданской войны Советом народных комиссаров Троицкосавского уезда в Кяхте – небольшом забайкальском городе на границе с Монголией.

Выпуск местных денежных знаков в Кяхте в целом нашел неплохое отражение в историографии денежного обращения в период Гражданской войны. Однако лишь в монографии экономиста и историка дальневосточных финансов А.И. Погребецкого (впервые описавшего эти боны в 1924 г.), а также в статье коллекционера М.С. Сафонова, опубликованной в 1930 г., имеются сведения, существенно освещающие данный вопрос. И в обоих случаях кяхтинская эмиссия упоминается как курьезное явление, произошедшее в общей непростой финансовой ситуации в Забайкалье летом 1918 г. Все последующие публикации (принадлежащие главным образом коллекционерам-бонистам) не вносят в историографию вопроса ничего нового, фактически дублируя информацию, содержащуюся в монографии А.И. Погребецкого.

В фонде Центрального управления Государственного банка Министерства финансов правительства А.В. Колчака (Р-143) в Государственном архиве Российской Федерации автором статьи была выявлена ведомственная переписка, раскрывающая ряд важных подробностей, связанных с выпуском советских бон в Кяхте, а также дальнейшей судьбой эмиссии.

Однако прежде чем перейти к анализу политических и экономических условий появления кяхтинских бон, проведем небольшой экскурс в историю забай-

кальских финансов на рубеже 1917–1918 гг. Как бы ни были тяжелы условия, в которых протекала деятельность государственных финансовых учреждений 1914–1917 гг., но за весь этот период, несмотря на всю трудность почтово-телеграфных и транспортных сообщений с разбросанными по востоку России отделениями Государственного банка и казначействами, работа забайкальских учреждений финансовой сферы оставалась стабильной. Органы местной власти и финансовые учреждения старательно исполняли традиционные порядки организации денежного обращения, ранее установленные Центром [1. С. 15].

Однако во второй половине 1917 г. непростое положение в денежном обращении на территории Сибири повсеместно резко усугубилось. Свою негативную роль имело и ухудшение информационных и транспортных связей Европейской России с Сибирским регионом. В итоге с конца 1917 г. Петроград не имел объективной оперативной информации о деятельности и условиях функционирования финансовых учреждений Востока России [2. С. 34]. Это подталкивало провинциальное руководство к вынужденным самостоятельным действиям чрезвычайного характера.

Одним из общих для всей России и очень болезненных вопросов денежного обращения было снабжение регионов подкреплением. С осени 1917 г. в Сибири отмечалась острая нехватка наличных денежных средств, каковые должны были присылаться из Петрограда. Нараставший денежный дефицит ставил под угрозу удовлетворение государственных и социальных нужд, работу муниципальных хозяйств и транспорта. А эти обстоятельства при условии слабой вертикали власти угрожали общим коллапсом. Получив из Петрограда денежное подкрепление, власти губерний и областей Сибири регулярно решали непростой для себя вопрос: как наиболее рационально распределить полученные деньги? Ситуация вдобавок ко всему имела дополнительную сложность, угрожавшую разменным дефицитом: присылаемые Петроградом суммы наличности содержали крайне ничтожную долю разменных денежных знаков [3. Д. 3А. Л. 96].

Особенно тяжёлая и порой тупиковая обстановка в начале 1918 г. стала наблюдаться в восточной части сибирского региона – Забайкальской области. В частности, в Кяхте из-за «разменного голода», катастрофически усугублявшегося с осени 1917 г., приостановились все банковские операции. Это сводило к минимуму местную некогда бойкую торгово-экономическую жизнь. Управляющий Кяхтинским отделением Народного (бывшего Государственного) банка Н.И. Шувалов 13 января 1918 г. направил в Петроград срочную телеграмму. В ней он в категоричной форме ставил вопрос о прекращении деятельности возглавляемого им банковского отделения и закрытии его в связи со сложившимся положением дел. Причиной тупиковой ситуации Н.И. Шувалов называл «отсутствие какой-либо денежной наличности для расчетов с населением» [4. Д. 579. Л. 2].

Однако, если смотреть обобщенно, то задержка присылки денежного подкрепления в Забайкалье из Центральной России и, как следствие, критический недостаток денег в обращении порождались совокупностью двух ключевых причин: саботажем финансовых чиновников в Центре и нарушенными транспортными связями. Причем последнее обстоятельство дополнительно отягощалось географической удалённостью территорий. В итоге отдалённые уезды и города Забайкалья, каковыми и являлись Троицкосавский уезд и входившая в него Кяхта, уже с ноября 1917 г. не получали запрашиваемого денежного подкрепления в необходимом объёме. Как показывает анализ телеграмм Кяхтинского отделения Народного (бывшего Государственного) банка, адресованных в Петроград, в отдел кредитных билетов Народного банка, денежная наличность, заказываемая Кяхтой у Петрограда, приходила либо не в полном объёме, либо с весьма значительным опозданием, составлявшим, как правило, один-два месяца. Особенно дефицитными в Забайкалье были казначейские знаки и деньги-марки с номиналами, исчисляемыми в копейках. Снабжение Забайкалья таковыми купюрами с конца осени 1917 г. не осуществлялось. В упомянутой выше телеграмме управляющий Кяхтинским отделением Народного банка Н.И. Шувалов также сообщал, что для местного населения внезапное исчезновение в Кяхте разменных купюр стало крайне неожиданным явлением. Естественным образом среди населения активное развитие получала спекуляция разменом крупных денежных знаков на мелкие купюры. Появилась и дифференциация денег рынком. Так, «старые» государственные кредитные билеты («романовские») тотчас у местных торговых монополий оказались в неконкурентном предпочтении. А выпущенные Временным правительством государственные кредитные билеты и казначейские знаки образца 1917 г. («думские» и «керенки»), приходившие в подкреплениях из Петрограда, хотя рынком и не отторгались полностью, но ценились ниже и оттого принимались гораздо хуже [Там же. Л. 2, 4, 7].

Однако ключевым «источником» этой проблемы были все же представители местной торговли – главным образом монголы и китайцы, не признававшие новых видов денег. Особенная тревожность в связи с финансовым тупиком была в том, что на юге Забайкалья Кяхта являлась одним из основных пунктов приграничной торговли с Монголией и Китаем. И поэтому всякое нарушение в функционировании денежной сферы негативно сказывалось здесь на товарно-денежных отношениях. Золотая и серебряная монета, а также «романовские» кредитные билеты весьма неплохо котировались в соседней Северной Маньчжурии и на Дальнем Востоке. В связи с этим монгольские и китайские торговцы, продавая свои товары, традиционно стремились брать в расчёт именно эти средства платежа. Таким образом, иностранцы активно формировали приоритеты в виде денежных знаков, употребляемых в местном денежном обращении [Там же. Л. 245; 5. С. 43]. Поэтому в тот период из-за указанных рыночных особенностей все операции с новыми видами денег на территории Забайкальской области, как правило, проходили болезненно (и особенно в приграничной полосе).

Поворотным моментом в дальнейшем развитии отечественной истории стала Гражданская война. Для советской власти в Сибири начавшиеся с лета 1918 г. боевые действия, как в военном, так и в финансово-экономическом отношении, потребовали громадных затрат на ведение борьбы с антибольшевистскими силами. Но практически одновременно нарушенное транспортное сообщение от Урала до Дальнего Востока привело к разрыву связей Центральной России с регионами и усугубило распад единой денежной системы. С началом боевых действий Сибирь уже не получала из Центра денежной наличности. Это наглядно отображается в статистике отправления денежного подкрепления на Восток России в первой половине 1918 г. [6. С. 211]. Последние суммы финансового подкрепления были высланы из Петрограда в период с 16 мая по 1 июня 1918 г. несколькими партиями и в основном в разменных знаках. Суммы направлялись в Омск (60,075 млн руб.), Иркутск (50,065 млн руб.) и Красноярск (15 млн руб.) [4. Д. 868. Л. 32]. Однако по причине военно-политических событий, произошедших на Востоке России на рубеже мая–июня 1918 г., вполне очевидным остаётся вопрос: а дошли ли эти суммы до пунктов, куда они причитались?

Уже в течение июня 1918 г. Западная Сибирь находилась под контролем антибольшевистских сил. До осени 1918 г. в Забайкалье, Амурской области и Приморье областные и уездные Советы защищались от натиска контрреволюции, функционируя фактически в качестве самостоятельных локальных «государственных образований». Большевики при отступлении на восток летом 1918 г., эвакуируя ценности, стремились вывезти всю денежную наличность, хранящуюся в кладовых банков и казначейств, ставя тем самым

своих политических противников в весьма затруднительное положение. В ряде сибирских городов после оставления их советской властью кассы банковских отделений и казначейств оказались пустыми и разгромленными. Но отступавшие большевики целенаправленно вывозили из финансовых учреждений не только ценности и денежную наличность. Подчас подлежала вывозу и основная финансовая документация [7. С. 16–17, 29, 32]. По оценкам, произведенным в начале 1919 г. уже колчаковскими властями, большевиками при их эвакуации из сибирских городов летом 1918 г. было вывезено запасов денежной наличности более чем на 917 млн руб., до 167 пудов золота и порядка 500 пудов серебра [8. С. 2].

На территории южной части Восточной Сибири в течение лета 1918 г. существовал крупный очаг советской власти, продолжавший бороться, но сдававший позиции под напором антибольшевистских сил. В связи с началом боевых действий и окончательно прерванной присылкой денег из Петрограда большевистские власти Забайкалья оказались в еще более тяжёлом положении. Столкнувшись с острым дефицитом денег в обращении, они были вынуждены вновь искать пути его устранения. А.И. Погребецкий свидетельствует: «Неполучение подкреплений из Центра повлекло в дальнейшем недостачу и в крупных купюрах, а денежное обращение в целом подверглось значительной депрессии. Совет Читинского отделения Народного банка Второго созыва на заседании 25 июня 1918 г., заслушав сообщение о денежном кризисе в Забайкальской области, постановил: 1. Находящиеся в портфеле пятипроцентные обязательства Государственного казначейства истекших сроков выпустить в обращение наравне с кредитными билетами, согласно декрету 21 января 1918 г. 2. Уведомить об этом комиссара финансов, казначейства и национализированные частные кредитные учреждения, а также напечатать соответствующие объявления в местных газетах» [9. С. 241–242; 10. Д. 117. Л. 117].

Кяхта, как центр экономической жизни Троицкосавского уезда Забайкальской области, в очередной раз испытывала финансовый коллапс, вызванный теперь уже полным прекращением поступления наличных денег из Петрограда. Крупных купюр в обращении было еще достаточно. Имевшиеся в обращении «керенки» принимались населением, однако по масштабам цен купюры в 20 и 40 руб. для расчётов велики, была очевидна необходимость разменных банкнот. Кризисная ситуация, вызванная «разменным голодом», в июне 1918 г. достигла своего апогея. И, как показывает общероссийская практика того времени, единственным возможным выходом из данной ситуации стало осуществление локальной эмиссии.

Нет сведений о том, кто именно инициировал выпуск кяхтинских бон. Но, исходя из анализа документов, с высокой долей вероятности мы можем утверждать, что это, по всей видимости, было компромисс-

ное решение уездных и городских советских властей и финансово-хозяйственных органов. Обоюдная заинтересованность в решении вопроса была очевидна. В результате, согласно постановлению Совета народных комиссаров Троицкосавского уезда от 19 июня 1918 г., «ввиду острой нужды в мелких денежных знаках и совершенной оторванности от Центра» началась подготовка к выпуску бон через Кяхтинское отделение Народного банка. Для организации и контроля над проведением эмиссии была создана специальная комиссия. Она состояла из представителей уездной советской администрации и финансовых учреждений. В комиссию, в частности, вошли: А.М. Малофеев (уездный комиссар финансов), В.И. Ермоленко (исполнявший обязанности управляющего Кяхтинским отделением Народного банка), И.О. Дидковский (исполнявший обязанности контролера Кяхтинского отделения Народного банка), А.Д. Бруевич (кассир Кяхтинского отделения Народного банка), П.П. Обухов (помощник кассира Кяхтинского отделения Народного банка), Н.М. Смирнов (делегат от отдела городского хозяйства), А.Р. Павловский (комиссар контрольно-учетного отдела), Ф.М. Надеяев (казначей Кяхтинского казначейства) и С.М. Немчинов (член учётно-ссудного комитета) [10. Д. 120. Л. 32, 34–37].

В историографии встречаются искажения при написании фамилий уездного комиссара финансов и управляющего Кяхтинским отделением Народного банка. Приводимые в данной публикации варианты, на наш взгляд, являются правильными, поскольку они были выявлены нами в ходе анализа делопроизводственных источников Центрального управления Государственного банка Министерства финансов правительства А.В. Колчака.

Исполнить местные боны было решено во внешней аналогии с выпущенными в апреле 1918 г. читинскими суррогатами (гербовыми марками). Кяхтинская типография, владельцем которой был А.И. Лушников, производила заготовление бланков будущих односторонних бон номиналами 5 и 10 руб. за подписью уездного комиссара финансов и управляющего Кяхтинским отделением Народного банка. Печать бланков производилась одной чёрной краской на белой бумаге. Казначейские знаки номиналами 20 и 40 руб. («керенки») в количестве, необходимом для выпуска, были получены по чекам с текущего счёта Троицкосавской городской управы. «Керенки» после разрезки на четыре равных части наклеивались на бланк. После разрезки и наклейки фрагментов «керенок» на каждый бланк проставлялась гербовая печать Кяхтинского отделения Народного банка. Печать ставилась так, чтобы захватить поле денежного знака (во избежание подделки). Затем с помощью нумератора на боны нанесли индивидуальную нумерацию. Денежные суррогаты, уже приобретшие законченный вид, поступили через обратный взнос на текущий счёт Троицкосавской городской управы. После этого они были сразу переданы в разменную кассу для ско-

рейшего введения в обращение. Неиспользованные бланки бон поместили в огнеупорный ящик под два ключа, находившийся в операционном помещении Кяхтинского отделения Народного банка. Ключи для хранения (в целях контроля доступа) получили только два лица: это представитель отдела городского хозяйства Н.М. Смирнов и уездный комиссар финансов А.М. Малофеев. Ящик с неиспользованными бланками бон был опечатан в присутствии уполномоченных сотрудников местного отделения Народного банка и Троицкосавской городской управы [10. Д. 120. Л. 33].

Первый выпуск кяхтинских бон в обращение состоялся через полмесяца после принятия решения о выпуске – 3 июля 1918 г. Аналогичные выпуски бон в целях стабилизации финансовой обстановки были повторены ещё дважды. В результате общий объём советской кяхтинской эмиссии, осуществлённой тремя сериями (3, 6 и 16 июля 1918 г. соответственно), составил 65 000 руб. [Там же. Л. 34–36; 11. С. 170]. Выявленные статистические сведения об эмиссии советских бон в Кяхте в обобщенном виде представлены в таблице.

**Количественные показатели эмиссии бон,
выпущенных Кяхтинским отделением Народного банка в июле 1918 г.***

Номинал, руб.	Заготовлено бланков, шт.	Осталось неиспользованных бланков, шт.	Выпущено бон, шт. / руб.	Изъято, руб.	Осталось на руках, руб.
5	7 022	1022	6 000 / 30 000	56 810	8 190
10	8 058	4558	3 500 / 35 000		
ВСЕГО	15 080	5580	9 500 / 65 000	56 810	8 190

*См.: [10. Л. 32–37; 11. С. 172].

Выпуск советских бон в Кяхте не был в противоречии с эмиссионным правом государства. Ведь «обеспечили» эмиссию денежные знаки, уже введенные в обращение [10. Д. 120. Л. 35]. Очевидно, что выпущенные в Кяхте денежные суррогаты по восстановлению в дальнейшем нормальной поставки кассового подкрепления уездные власти планировали обменять, списав «керенки», использованные для производства эмиссии, как ветхие денежные знаки.

В историографии было противоречие относительно времени появления кяхтинских бон. А.И. Погребецкий утверждает, что их эмиссия была осуществлена намного раньше – в марте 1918 г. М.С. Сафонов называет датой принятия решения об осуществлении эмиссии 11 июня 1918 г., временем эмиссии бон он указывает июль 1918 г. Обнаруженные нами документы говорят о правоте М.С. Сафонова. Но, согласно выявленным нами документам, датой принятия решения о выпуске бон было 19 июня 1918 г. [Там же. Л. 33].

В период революции и Гражданской войны на территории бывшей Российской империи были выпущены тысячи денежных суррогатов, но кяхтинские бон можно отнести к числу наиболее оригинальных. По подписи уездного комиссара финансов А.М. Малофеева, стоявшей на бонах, в народе эти платежные средства получили в широком обиходе прозвище «малофеевки». Были и другие варианты неофициальных названий, связанные уже со спецификой внешнего оформления этих бон – «обрезки» или «четвертованные керенки». Кяхтинские бон активно использовались около двух месяцев, после чего из-за роста цен и появления в обращении в августе 1918 г. кредитных билетов Центросибири они потеряли былую экономическую актуальность [9. С. 245–246; 10. Д. 117. Л. 19].

Формально кяхтинские бон, как на них было указано, подлежали приему в платежи на всей территории Забайкальской области. Фактическим ареалом их об-

ращения стал Троицкосавский уезд, приграничный Маймачен (Монголия) и частично район, прилегающий к Верхнеудинску. М.С. Сафонов указывает, что бон принимались в платежи по номинальной их стоимости и сначала были приняты в Маймачене китайскими торговцами, видимо, потому, что наклеенные «керенки» отвечали за их подлинность, а потом уже русским населением Троицкосавска. Но впоследствии китайцы от приема «кахтинок» отказались [11. С. 171]. Таким образом, из-за особенностей местной экономической жизни прием денежных суррогатов иностранными торговцами был своего рода «индикатором» платежного качества бон.

С осени 1918 г. Забайкалье полностью перешло под контроль антибольшевистских сил. Новая власть начала собственную политику в денежном обращении. В Омске в течение июля–сентября 1918 г. были созданы органы, координировавшие деятельность государственных кредитных учреждений, в том числе Центральное управление Государственного банка [12. С. 267]. Осознав бессмысленность игнорирования или запрета местных бон, «омское» Министерство финансов начало постепенный вывод денежных суррогатов (предварительно собрав с мест статистические сведения обо всех локальных эмиссиях). Именно благодаря этому шагу и делопроизводственным источникам, сохранившимся в фондах ГАРФ, стала возможной детализация событий, связанных с выпуском бон в Кяхте.

Интересна особенность: изъятие кяхтинских бон (в сравнении с другими локальными выпусками) началось достаточно поздно (видимо, из-за незначительности объема эмиссии). Вывод кяхтинских бон из обращения начался лишь с 1 июля 1919 г. по предписанию Минфина Российского правительства А.В. Колчака [10. Д. 105. Л. 65]. Циркулярное указание Омска было исполнено забайкальскими финансовыми органами. По нашим расчетам, основанным

на количественных данных из работы М.С. Сафонова [11. С. 171] и отчетности Кяхтинского отделения Государственного банка, направленной в «омский» Минфин [10. Д. 120. Л. 32–37], кяхтинских бон на руках осталось весьма не много – всего порядка 12% от общего объема эмиссии (см. таблицу). В связи с этим сегодня эти бонны весьма нечасто можно встретить в государственных и частных коллекциях; как правило они имеют сильные следы пребывания в обращении.

Известна судьба остатков неиспользованных бланков бон. После осуществления эмиссии они вместе с банковской гербовой печатью Кяхтинского отделения и клише подписей А.М. Малофеева и В.И. Ермоленко с июля 1918 г. в течение четырёх месяцев хранились в Кяхте в местном отделении Банка. 25 ноября 1918 г. огнеупорный ящик с чистыми бланками бон, банковской печатью и клише должностных лиц был вскрыт в присутствии комиссии, состоявшей из управляющего отделением Н.И. Шувалова, контролёра В.И. Ермоленко, кассира А.Д. Бруевича и представителя Троицко-савской городской управы городского головы А.И. Лушников. По решению комиссии неиспользо-

ванные бланки бон были уничтожены. Гербовая печать была направлена в банковское отделение. Клише подписи А.М. Малофеева 26 ноября 1918 г. было передано для хранения в городскую управу, а клише подписи В.И. Ермоленко было выдано ему на руки [Там же. Л. 120].

Курьезная эмиссия кяхтинских бон выполнила задачу по обеспечению текущей экономической жизни в Троицко-савском уезде в момент острого кризиса в денежном обращении. Она является примером весьма продуманной (хотя и вынужденной) финансовой меры региональных советских властей. Использование «керенок» в качестве основы для «обеспечения» бон позволило легко технически провести эмиссию, существенно облегчив ввод суррогатов в обращение. И то же самое обстоятельство вместе с небольшим объемом эмиссии позволили белогвардейским властям летом 1919 г. (в период изъятия из обращения «керенок» на белом Востоке России) безболезненно вывести из обращения кяхтинские бонны (чего нельзя сказать о многих других денежных суррогатах Востока России, изъятие которых шло в тот же период).

ЛИТЕРАТУРА

1. Объяснительная записка к сводному балансу двадцати шести отделений Государственного банка с подотчётными казначействами на 1 мая 1919 г. // Вестник финансов, промышленности и торговли (Омск). 1919. № 14. С. 14–15.
2. Ходяков М.В. Деньги революции и Гражданской войны: денежное обращение в России. 1917–1920 гг. СПб.: Питер, 2009. 224 с.
3. Исторический архив Омской области. Ф. 595. Оп. 1.
4. Российский государственный архив экономики. Ф. 2324. Оп. 3.
5. Аскарова Л.И., Лапенков В.М. Бумажные денежные знаки Иркутской области (1917–1997). Иркутск: Спарта, 1998. 201 с.
6. Наше денежное обращение: сборник материалов по истории денежного обращения в 1914–1925 гг. / под ред. Л.Н. Юровского. М.: Финансовое изд-во НКФ, 1926. 354 с.
7. Рышков В.М. Финансовая политика антибольшевистских правительств Востока России (вторая половина 1918 – начало 1920 г.). Новосибирск: [Б. и.], 2006. 212 с.
8. Финансовое положение // Правительственный вестник (Омск). 1919. 6 фев.
9. Погребетский А.И. Денежное обращение и денежные знаки Дальнего Востока за период Войны и Революции (1914–1924). Харбин: Изд-е Об-ва изучения Маньчжурии, края и Дальневосточно-Сибирского общества «Книжное дело», 1924. 429 с.
10. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-143. Оп. 7.
11. Сафонов М.С. Бонные эмиссии Прибайкалья 1918 г. // Советский коллекционер. 1930. № 7. С. 169–172.
12. Петин Д.И. «Необходимость в образовании такового управления в настоящее время является крайне настоятельной...»: документы Исторического архива Омской области о создании Государственного Банка Сибири в 1918 г. // Новейшая история России. 2014. № 1. С. 265–273.

Petin Dmitriy I. Omsk State Technical University (Omsk, Russia); Historical archive of Omsk region (Omsk, Russia). E-mail: dimario86@rambler.ru

EMISSION OF MONEY SURROGATES BY SOVIET AUTHORITIES IN KIAKHTA IN SUMMER 1918.

Keywords: The Civil War; the Soviet power; Kyakhta; currency; money surrogates; bonistika (notaphily).

The release of banknotes performed in a small town of the Trans-Baikal Kiyakhta by decision of the local Soviet authorities in the summer of 1918 is an example of one of the most curious of the regional emissions of money surrogates during the Civil War in Russia. This money, since the 1920s, is well-known by experts in bonistics. Kyakhta bony are described in the scientific and popular writings on currency in the east of Russia during the Civil War. The main aim of this publication is to comprehensively analyze the history of monetary surrogates' emission by Soviet authorities in the summer of 1918 in Kyakhta on the basis of historical sources, newly identified by the author, as well as using the achievements of historiography. To achieve this aim it is necessary to complete the following tasks: Firstly, to identify common and specific features of currency on the territory of Siberia and Trans-Baikal, in particular, on the eve of the Civil War. Secondly, to indicate the reasons that caused the issue of Soviet bony in Kyakhta in the summer of 1918. Thirdly, to consider the procedure for the implementation of this emission and to reveal the features of using the bony. Fourthly, to analyze the Kyakhta bony' output procedure by the anti-Bolshevik authorities in the summer of 1919 and to represent further fate of bony. Fifthly, to solve the existing historiographical controversy associated with the beginning of the emission of Soviet bony in Kyakhta. The main source base of the study was the reporting documentation and records of Kyakhta branch of the State Bank, dating from the first half of 1919. These sources are stored in the State Archive of the Russian Federation in the fund of Central management of the State Bank of the Ministry of Finance of A.V. Kolchak's government. Supporting role plays the official correspondence by the manager of Kyakhta branch of the State Bank N.I. Shuvalov with the Division of banknotes of the State Bank, dated early 1918. These sources are deposited in the fund of the Ministry of Finance of the USSR in the Russian State Archive of Economics. The study revealed that contributions to this theme were made by finance historian A.I. Pogrebetskiy and collector M.S. Safonov. Subsequent works of Soviet and modern historians did

not introduce anything new to the development of the emission and only cited the information from the works of A.I. Pogrebetskiy. On the basis of unpublished sources the author eliminated inconsistencies of historiography. In particular, it was concluded that the work by M.S. Safonov about the emission of Kyakhta bons is the most complete up to nowadays. In addition, thanks to the introduction into circulation of new sources the reasons for the beginning of a local emission were identified, the course of the preparation and implementation of monetary surrogates' issue was presented, the fate of Kyakhta bons was traced. All statistical and analytical material on the history of Kyakhta emissions are summarized in tabular form. According to the author of the publication, curious emission of bons in Kyakhta in summer of 1918 is an example of a very well thought-out (albeit involuntary) financial measure of the regional Soviet authorities.

REFERENCES

1. Anon. (1919) Ob"yasnitel'naya zapiska k svodnomu balansu dvadtsati shesti otdeleniy Gosudarstvennogo banka s podotchetnymi kaznacheystvami na 1 maya 1919 g. [Explanatory note to the consolidated balance sheet of twenty-six branches of the State Bank with accountable treasuries as of May 1, 1919]. *Vestnik finansov, promyshlennosti i trgovli*. 14. pp. 14–15.
2. Khodyakov, M.V. (2009) *Den'gi revolyutsii i Grazhdanskoy voyny: denezhnoe obrashchenie v Rossii. 1917–1920 gg.* [The money of the Revolution and the Civil War: Money circulation in Russia. 1917–1920]. St. Petersburg: Piter.
3. Historical Archive of Omsk Region. Fund 595. List 1.
4. The Russian State Archive of Economics. Fund 2324. List 3.
5. Askarova, L.I. & Lapenkov, V.M. (1998) *Bumazhnye denezhnye znaki Irkutskoy oblasti (1917–1997)* [Paper banknotes of Irkutsk region (1917–1997)]. Irkutsk: Sparta.
6. Yurovskoy, L.N. (1926) *Nashe denezhnoe obrashchenie: Sbornik materialov po istorii denezhnogo obrashcheniya v 1914–1925 gg.* [Our monetary circulation: A collection of materials on the history of monetary circulation in 1914–1925]. Moscow: Finansovoe izd-vo NKF.
7. Rynkov, V.M. (2006) *Finansovaya politika antibol'shevistskikh pravitel'stv vostoka Rossii (vtoraya polovina 1918 – nachalo 1920 g.)* [Financial policy of the anti-Bolshevik governments of the east of Russia (the second half of 1918s – early 1920s)]. Novosibirsk: [s.n.].
8. Anon. (1919) Finansovoe polozhenie [Financial situation]. *Pravitel'svennyy vestnik*. 6th February.
9. Pogrebetskiy, A.I. (1924) *Denezhnoe obrashchenie i denezhnye znaki Dal'nego Vostoka za period Voyny i Revolyutsii (1914–1924)* [Money circulation and currency notes of the Far East for the period of War and Revolution (1914–1924)]. Kharbin: Knizhnoe delo.
10. The State Archives of the Russian Federation. Fund R-143. List 7.
11. Safonov, M.S. (1930) Bonnye emissii Pribaykal'ya 1918 g. [Bons emission in Baikal region in 1918]. *Sovetskiy kollektioner*. 7. pp. 169–172.
12. Petin, D.I. (2014) State Bank of Siberia Establishment in 1918 (based on the documents from Omsk region Historical Archive). *Noveyshaya istoriya Rossii – Modern History of Russia*. 1. pp. 265–273. (In Russian).

УДК 947.084.3(471.313)
DOI: 10.17223/19988613/47/8

О.А. Тарасов, С.А. Васильева

ДЕЛО О «СИМУЛЯЦИИ РАССТРЕЛА ПОПОВ» В РЯЗАНСКОМ ГУБЕРНСКОМ КОНЦЕНТРАЦИОННОМ ЛАГЕРЕ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ РАБОТ ОСЕНЬЮ 1919 г.

Исследуются малоизученные проблемы истории становления уголовно-исполнительной системы Советской России в годы Гражданской войны. В этот период, параллельно с тюремной системой, доставшейся наркомату Юстиции в наследство от Российской империи, органами Всероссийской чрезвычайной комиссии была организована и передана в ведение Наркомата внутренних дел система концентрационных лагерей принудительных работ. Цель статьи – на примере данных Рязанской губернии осветить типичные проблемы и особенности организации подобных лагерей на местах.

Ключевые слова: Рязанская губерния; Гражданская война; губернский карательный отдел; Рязанский губернский концентрационный лагерь принудительных работ; принципы исправительно-трудовой политики.

На сегодняшний день деятельность первых советских концентрационных лагерей периода гражданской войны и «военного коммунизма» остается одной из малоизученных проблем российской истории. Современные исследователи имеют возможность, опираясь на воспоминания современников и доступные архивные данные, разносторонне и подробно изучать историю концентрационных лагерей принудительных работ Советской России, в которых предусматривались оплата работ заключенных, отпуска на праздники (в том числе и религиозные!) и сельскохозяйственные работы, а также, для отдельных категорий, возможность проживания вне лагеря. По своему облегченному режиму эти первые лагеря заметно отличались от поздних советских лагерей эпохи ГУЛАГа и, вполне естественно, не имели ничего общего с концентрационными лагерями смерти нацистской Германии. И хотя за последнее время появился целый ряд работ обобщающего характера, они лишь подтверждают тот факт, объективное исследование этой темы далеко от завершения. Прежде всего это касается изучения и осмысления регионального материала. К примеру, до сих пор практически отсутствуют комплексные и объективные исследования истории Рязанского губернского концентрационного лагеря принудительных работ.

В данной статье, посвященной событиям первых месяцев организации и деятельности рязанского лагеря, авторы на основе архивного материала попытались проследить источник возникновения одного из самых стойких мифов о расстрелах заключенных, якобы осуществлявшихся за высокой монастырской стеной.

По свидетельствам современников, в Рязанской губернии начиная с лета 1919 г. невинное, вроде бы, обещание «отправить в Рязань в монастырь» или «послать в дворянское и купеческое собрание» стало означать вполне определенную угрозу для его адресата. В это время в Рязани на территории бывшего Казанского Явленского женского монастыря был открыт губернский концентрационный лагерь принудительных работ. Он просуществовал с августа 1919 по февраль 1923 г. и в этот период его деятельность стала одним из замет-

ных факторов административно-политической и социально-экономической жизни губернии. Многие из того, что происходило за монастырскими стенами, вызывало страх и тревогу у местного населения, поэтому практически сразу после открытия вокруг нового учреждения стали возникать тревожащие население слухи. Администрация лагеря не стремилась афишировать свою деятельность, а после его закрытия все документальные свидетельства оказались на долгие годы недоступными для исследователей. В их распоряжении остались лишь рассказы современников, довольно часто наполненные все теми же слухами и мифами. Открыл эту традицию А.И. Солженицын, посвятивший рязанскому концлагерю несколько страниц своего «Архипелага ГУЛАГ»: «Глубоко сидели лагерные корешки, только потеряли мы их места и следы. О большей части первых концлагерей нам уже никто не расскажет. Лишь по последним свидетельствам еще неумерших тех первых концлагерников можно выхватить что-то и спасти. <...> В Рязани концлагерь учредили тоже в бывшем женском монастыре (Казанском). Вот что о нем рассказывают...» (Здесь и далее в цитатах авторские орфография и пунктуация сохранены.) [1. С. 14].

Однако и после открытия массивов документальных источников образцы мифологизации истории рязанского губернского концентрационного лагеря принудительных работ зачастую воспроизводятся в средствах массовой информации¹. Продолжаются и попытки вписывания его реальной противоречивой истории в рамки уже сложившейся односторонней концепции «еще одного проявления кровавого террора большевиков». Примером такого подхода является издание Рязанского общества «Мемориал». Стремление не выходить за рамки «концепции» и трактовать не вписывающиеся в нее данные, очевидно, привело автора раздела о Рязанском концлагере к фактическим ошибкам и неточностям. Так, опираясь на документальные свидетельства, автором было сделано утверждение о наличии в лагере «карательной роты уездного военного комитета», что не соответствовало действительности [2. С. 43]. Данная ошибка происходит от неверного толкования сокращений, принятых в

документах того времени: каррота – караульная рота, военком – военный комиссариат. Однако такие погрешности оказались «говорящими» в пользу «концепции», тем более что они не противоречили напечатанным в том же издании показаниям главной свидетельницы Анны Горасевой, по воспоминаниям которой в лагере «гоняли на тяжелые работы, не считаясь со здоровьем, обессиленных расстреливали, но многие просто умирали сами от отсутствия пищи и тяжелой работы».

Создание системы концентрационных лагерей принудительных работ стало одним из первых результатов новой пенитенциарной политики советского государства в годы Гражданской войны, проводившейся «в обстановке насилия, произвола и импровизации» [3. С. 41]. Первая волна организации подобных учреждений прошла весной 1919 г. Тогда они появились прежде всего в Москве и Петрограде. Во вторую волну, летом–осенью 1919 г., лагеря были открыты еще в 21 городе, в том числе Рязани.

Первичная организация рязанского лагеря была поручена губернской чрезвычайной комиссии. Для размещения лагеря принудительных работ была выбрана территория Казанского Явленского женского монастыря, занимавшего целый квартал на окраине города между улицами Монастырская, Вознесенская, Затинная и Владимирская. История деятельности Рязанского губернского концентрационного лагеря принудительных работ в монастырских стенах началась 1 августа 1919 г. В этот день был занят корпус в левой половине монастыря, а монахини были переселены на оставшиеся площади в правой стороне.

Однако уже тогда было понятно, что и это лишь временные меры. Ответственные за организацию лагеря лица не скрывали, что их основной целью на начальном этапе является «освобождение всех занимаемых помещений в стенах монастыря вплоть до закрытия собора <...> т.к. содержание заключенных требует безусловной изоляции» [4. Л. 1]. 22 августа было принято постановление коллегии губчека, в соответствии с которым коменданту лагеря предписывалось «немедленно приступить к выселению и об исполнении сего донести в Комиссию» [5. Л. 81].

В течение последующих нескольких недель «при напряжении всех сил коменданства и при содействии губчека» монастырь был ликвидирован, собор закрыт, население выселено или арестовано. При ликвидации монастыря имущество его бывших обитателей, вплоть до мебели, квартирной обстановки, одежды, кухонных принадлежностей и мелкой утвари, было реквизировано и передано лагерю.

В соответствии с инструкцией для организации службы караула, объявленной 9 августа, «вынос каких бы то ни было вещей из монастыря» должен был производиться «только по разрешениям, выдаваемым комендантом», а караул был «обязан точно сверять проносимые вещи с разрешением и обо всех неправильностях доносить коменданту» [Там же. Л. 98 об.]. В ответ на это решение, по

словам коменданта, началось «нечто неподдающееся описанию», а именно: «тайные хищения всякого рода вещей, <...> перекидывание тайно-похищенных вещей днем и ночью через стены монастыря, стремление пронести эти вещи тайно мимо часовых, причем в этом случае употреблялись разные способы: подвешивание вещей, обматывания кругом туловища и т.п.» [4. Л. 1].

Служащие концентрационного лагеря проводили постоянные обыски, досмотры и задержания. Задержанные, после составления актов, передавались в губчека, чей представитель был срочно командирован в лагерь для организации «учета и охраны государственного достояния». Эта проблема, оказавшаяся полной неожиданностью для администрации лагеря, стала в начальный период одной из сложнейших для разрешения. Она, по признанию коменданта, постоянно отвлекала «от прямых обязанностей и не давала буквально ни днем ни ночью покоя» [Там же. Л. 1 об.].

Таким образом, учет монастырского имущества проходил больше месяца в довольно сложных условиях для администрации лагеря. 11 сентября агент секретно-оперативного отдела губчека И. Ковнеров и заведующий хозяйственной частью лагеря И.Н. Малафеев составили инвентарный акт, в котором перечислялось все имущество, отобранное у монастыря и переданное лагерю. Список включал 156 разных стульев, 31 кресло, 114 кроватей и т.д. Причем в этом документе отмечалось, что «все отобранные при выселении монашек вещи и предметы почти не представляют никакой ценности ввиду их старости и ветхости». Однако впоследствии комиссией Рабоче-крестьянской инспекции, работавшей в лагере в 1920 г., было признано, что акт «не отвечает действительности» и многие значащиеся в нем вещи были «очень ценны» [6. Л. 20–20 об.]. Но на момент организации лагеря на имущество смотрели только с практической стороны. Хозяйственная жизнь нового учреждения строилась почти с нуля в отсутствии всяких средств, в условиях разрухи, голода и Гражданской войны. Этим объяснялась упорная и жесткая борьба за максимальное сохранение материальной базы, доставшейся от бывшего монастыря, которую вела администрация лагеря.

Заключенные начали активно поступать в лагерь практически сразу после открытия. Только за первые полтора месяца деятельности лагеря через него прошли более 1 000 человек. Первая партия в количестве 33 человек прибыла из Рязанской губернской тюрьмы уже 2 августа. В основном это были заложники и левые эсеры, лишенные свободы по постановлению губчека и ревтрибунала. 12 августа из Рязанской губернской тюрьмы и Рязанского исправительного арестного отделения для дальнейшего заключения прибыли еще более 50 человек, в основном уголовных, осужденных на сроки от 1,5 года до 15 лет.

Однако основная масса заключенных, прибывших в лагерь в течение августа и сентября, поступила из губчека в качестве политических заложников. По свидетельству коменданта, среди них были «бывшие крупные

землевладельцы, торговцы, кулаки, простые лапотники, спекулянты, противники Советской власти и т.п.» как из Рязани, так и из уездов Рязанской губернии. В списки контрреволюционеров попадали и священнослужители. А с 23 августа, в связи с введением военного положения в Рязанской губернии, по словам коменданта, «прилив заключенных усилился в такой степени, что администрация лагеря с большим напряжением сил успевала регистрировать направленных в лагерь» [4. Л. 2].

Каждый день, за исключением праздников и выходных, администрация лагеря распределяла заключенных на работы по заявкам различных советских учреждений. В городе в основном требовались чернорабочие и канцелярские работники. Кроме того, заключенные направлялись на лесозаготовки, ремонтные, строительные и сельскохозяйственные работы в различные населенные пункты губернии. Рабочий день заключенных лагеря длился с 9 до 18 часов с обеденным перерывом. Из заработанных сумм четверть выдавалась им на руки, а остальные деньги поступали на счет лагеря.

Осенью 1919 г., через несколько месяцев с начала деятельности лагеря, среди населения стали распространяться слухи о том, за монастырскими стенами происходят массовые расстрелы священнослужителей и истязания заключенных. В условиях, когда фронт приближался к границам губернии, подобные слухи, вызывавшие, по оперативной информации губчека, «чувство возмущения и повышавшие религиозное чувство» среди населения, не могли не тревожить местные органы власти, тем более что о них стало известно и в Москве.

Партийное руководство посчитало, что их источником могли послужить действия администрации лагеря. Поэтому 4 октября в Рязанский концентрационный лагерь для выяснения обстоятельств была направлена специальная комиссия во главе с уполномоченным ЦК РКП С. Мцкевичем. Посетив лагерь, он нашел, что «многие заключенные в нем принадлежат не к тем слоям, с которыми ведет острую борьбу советская власть, крупной буржуазии и помещиками, а преимущественно к мелкой буржуазии, мелким землевладельцам, домовладельцам и торговцам, приказчикам и служилой интеллигенции; есть и лица из трудового крестьянства; среди заключенных есть несколько дряхлых стариков и старух». Проверяющий особо подчеркнул, что «среди заключенных довольно много попов», отметив при этом, что «арест попов, иногда популярных среди населения, усиливает их популярность и повышает религиозное чувство в населении, чем достигается результат как раз обратный желательному» [7. Л. 59].

В ходе проверки подтвердилась и информация о неправомочных действиях администрации лагеря. Действия эти являлись одним из эпизодов в борьбе руководства лагеря за «монастырское наследство» и в официальных бумагах фигурировали как «симуляция расстрела попов».

Произошло это при следующих обстоятельствах. В первых числах сентября 1919 г. одним из красноармей-

цев караульного отряда при лагере было замечено, что арестант по фамилии Питерский намеревался передать на сторону человеку какой-то сверток. Оказалось, что это была обыкновенная лампада, ценности из себя почти никакой не представлявшая. На вопрос, откуда он взял лампаду, Питерский ответил, что ему передал ее один из заключенных священников. Помощник коменданта лагеря И.Н. Малафеев велел собраться всем арестованным и потребовал, чтобы виновный в краже лампады признался. Он пригрозил, что, в противном случае, не остановится перед расстрелом. Однако никто не признался. Тогда Малафеев «приказал всех попов поставить к стенке, вызвал команду, выстроил ее и таким образом разыграл обычную сцену, предшествующую самому факту расстрела» [Там же. Л. 43]. В этот момент заключенный Питерский заявил помощнику коменданта, что священник, передавший ему лампаду, находится на работах в уездном городе Рязке. После этого процедура «показательного расстрела попов» была прекращена.

Как впоследствии заявлял Малафеев, подобные действия он не считал преступлением, их ему «подсказывал долг истинного и честного работника», главной целью которого было «сбережение государственного достоинства». Со своей стороны он объяснял происшедшее следующим образом: «...прибытие заключенных сотнями, эвакуирование монашек меня окончательно сбивали с ног от бессонных ночей; я ловил и уличал лиц, взявших тайно вещи, и до 30 человек отправил в Губчека – все эти лица из монашествующих. Я неоднократно предупреждал заключенных не брать без позволения ничего, хотя бы ржавленный гвоздь. <...> К великому моему сожалению все просьбы предупреждения остались тщетны. <...> Взрыв нерв не выдержал границ, я сейчас же вызвал всех сотрудников, заключенных и команду и искал виновных, просил священников сознаться, а Питерского указать кто передал, но ни того ни другого не установил. <...> Наконец толкнула мысль предложить всем собравшимся, прав ли я буду за несознание в краже лампады людей, стоящих и проповедующих народным массам, как священникам дать наказание расстрел. Буквально никто не возражал против а получилось согласие. Тогда я приказал команде взять на изготовку, а священникам отделиться, но патрон не заряжал и здесь все обнаружилось. Питерский указал виновника – священника находящегося в Рязке. Все заключенные были довольны открытием нового вора» [Там же. Л. 47–47 об.].

В результате проверки многие священники были переведены в другие места заключения или освобождены, а комендант лагеря А.С. Комаров и его помощник И.Н. Малафеев, несмотря на их революционные заслуги, «за действия, бессознательно дискредитировавшие Советскую Власть», были сняты со своих должностей и преданы суду Революционного Трибунала. Впрочем, в январе 1920 г. дело было прекращено, а виновные амнистированы.

Таким образом, как свидетельствуют документальные источники, слухи о расстрелах в рязанском концлагере,

хотя и имели под собой основу и со временем лишь обростали подробностями и вариантами, оказались искажением реальных событий, произошедших осенью 1919 г. Никаких массовых расстрелов священнослужителей и других заложников в лагере на всем протяжении его существования не проводилось. Документов, свидетельствующих об этом, не обнаружено. Рязанский лагерь, впрочем, как и система лагерей принудительных работ в целом, не предназначался для уничтожения политических врагов. Целью их создания и существования стала изоляция не только реальных, но и в «воспитательном плане» потенциальных противников, а также максимальное ис-

пользование их труда в условиях разрушенной экономики. В этом смысле, несомненно, созданные в условиях открытого политического противостояния ранние концентрационные лагеря являлись важнейшим репрессивным инструментом большевиков. Однако на тот момент, как показывают итоги инцидента с «симуляцией расстрела попов», представители советской власти, центральной и региональной, стремились утвердить в местах заключения подобного типа начала «революционной законности» и, насколько могли, контролировали и пресекали «творческую инициативу» представителей лагерной администрации, противоречащую этим началам.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Для иллюстрации приведем лишь несколько наиболее ярких примеров. На сайте «Наш город – Рязань» размещена следующая информация: «Некоторые краеведы утверждают даже, что за глухими кирпичными стенами бывшего монастыря приводили в исполнение даже смертные казни. Несчастных полосовали шашками, а трупы потом грузили на подводы и отправляли в район Скорбящинского и Лазаревского кладбищ, где закапывали по ночам в наспех вырытых траншеях. Именно такая судьба постигла, якобы, бывшего министра внутренних дел царской России Григория Булыгина, умерщвленного 5.09.1919 г. «за реакционную политику в 1905 году» (URL: <http://ryaz.ru/gorod/index.php?nl=0&dt=1175781760>). На сайте «Прогулки по улицам Рязани» сообщается, что «среди арестованных: рязанский губернатор Кисель-Загорянский, городской голова И. Антонов, около 150 жандармов, другие уважаемые люди – ждали приговоров ревтрибунала» (URL: <http://ryazan-streets2005.narod.ru/vlad4.html>).

ЛИТЕРАТУРА

1. Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ // Малое собрание сочинений. М., 1991. Т. 6.
2. Политические репрессии в Рязани. Путеводитель. Красноярск, 2011.
3. Эпплбаум Энн. ГУЛАГ. М., 2015.
4. Государственный архив Рязанской области (далее – ГАРО). Ф. Р-49. Оп. 1. Д. 544.
5. ГАРО. Ф. Р-49. Оп. 1. Д. 464.
6. ГАРО. Ф. Р-2639. Оп. 1. Д. 1580.
7. ГАРО. Ф. Р-2639. Оп. 1. Д. 1007.

Tarasov Oleg A. Academy of FSIN of Russia (Ryazan, Russia). E-mail: socratia@yandex.ru; *Vasileva Svetlana A.* Academy of FSIN of Russia (Ryazan, Russia). E-mail: Vasi-svetlana@yandex.ru

THE AFFAIR OF «SIMULATION OF THE PRIESTS' EXECUTION» IN THE RYAZAN PROVINCIAL CONCENTRATION CAMP IN THE FALL OF 1919.

Keywords: Ryazan province; Civil war; Provincial Correctional Facility; Provincial Department of Forced Labor; Provincial Concentration camp; corrective labor policy.

The article is devoted to unstudied issues of the history of the penal system of Soviet Russia during the Civil War. During this period, two penal structures existed in a parallel: the first was the penitentiary system inherited by the Commissariat of Justice from Russian Empire; the second was the system of concentration camps of forced labor organized by the jurisdiction of the Commissariat of Internal Affairs. The aim of this article is to differentiate the typical problems and peculiarities of the system of concentration camps on an example of Ryazan province. The paper is based on the historical archive documents and materials, settled in the collections of the State archive of the Ryazan region and first introduced in the scientific circulation. The authors describe the organization of the Ryazan province concentration camps of forced labor. The authors draw attention to the fact that this problem is still poorly understood, and existing studies and journalistic materials quite often contain biased information and erroneous conclusions and evaluation. The article contains documented information about the number and social composition of the prisoners: convicted criminals, prisoners of civil war and deserters, "class enemies" and political prisoners from all over the province. The paper presents the characteristics of the regime of detention, the order of the day, and the characteristics of forced labor in the concentration camp. The authors report on the details the activities of the camp administration. The economic and material base of the concentration camp was organized on the basis of the Kazan Jawlensky female convent. The paper describes the dissolution of the convent, requisition of its property and the eviction of the nuns and residents. Of particular interest, according to the authors, is the reaction to the events that occurred in this period – the affair of "simulation of the priests' execution": the Deputy Camp commandant staged mass shooting of Orthodox priests. According to the authors, this case best describes the general direction of the penal and punitive policy of the Soviet state, the emerging new relationship between the Soviet government and the Church, but also punitive institutions in the extraordinary conditions of Civil War. Based on documentary sources, the authors came to the conclusion that the system of concentration camps formed during the Civil War was extraordinary and repressive. However, it differed from the later system of the camps of the era of mass repression of the Stalin era.

REFERENCES

1. Solzhenitsyn, A.I. (1991) *Maloe sobranie sochineniy* [Small Collection of Works]. Vol. 6. Moscow: Inkom-NV.
2. Blinushov, A.Yu. (2011) *Politicheskie repressii v Ryazani. Putevoditel'* [Political repression in Ryazan. A Guidebook]. Krasnoyarsk. Ofset.
3. Applebaum, A. (2015) *GULAG* [GULAG]. Translated from English by L. Motylev. Moscow: Corpus.
4. The State Archives of Ryazan Region (GARO). Fund R-49. List 1. File 544. (In Russian).
5. The State Archives of Ryazan Region (GARO). Fund R-49. List 1. File 464. (In Russian).
6. The State Archives of Ryazan Region (GARO). Fund R-2639. List 1. File 1580. (In Russian).
7. The State Archives of Ryazan Region (GARO). Fund R-2639. List 1. File 1007. (In Russian).

УДК 94(47).084
DOI: 10.17223/19988613/47/9

М.А. Перова

ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ 1917–1930-х гг. И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА СТАНОВЛЕНИЕ УКЛАДА СОВЕТСКОЙ ШКОЛЫ (НА МАТЕРИАЛАХ КУРГАНСКОГО И ШАДРИНСКОГО ОКРУГОВ)

В 1917–1930-е гг. школьная система в Советской России претерпела значительные изменения. Образование должно было стать светским, совместным, бесплатным и обязательным. На достижение поставленных целей ушло около 20 лет. В течение этого периода был принят целый ряд декретов и постановлений, регулирующих сферу просвещения, – от декларативных до выполнявшихся в действительности. В статье на основе архивных документов Курганского и Шадринского округов рассматривается влияние законодательных актов в области образования, принимавшихся в указанный период, на становление уклада советской школы.

Ключевые слова: советское образование; законодательство; школа; детская повседневность.

Становление уклада советской школы, которая, как считается, давала «лучшее в мире образование», происходило постепенно и было сопряжено с рядом трудностей. Это прослеживается на меняющемся законодательстве, взглядах властей на школу и их воплощении или невоплощении в жизнь. В качестве источников в данной статье используются документы фондов Государственного архива Курганской области и Государственного архива города Шадринска и законодательные акты Советской России 1917–1930-х гг.

Законотворчество в сфере советского образования рассматривалось с исторической и правоведческой точек зрения, в частности, в исследованиях А.Р. Абалова [1], Е.Ю. Быковой [2], Т.М. Ашеновой [3]. Однако нас интересует не развитие системы советского законодательства об образовании вообще, но его влияние на реальную школу и реальных детей. Школа была одним из главных инструментов создания нового советского человека. Как отмечает О.В. Бердова, она «была обязана закрепить победу революции воспитанием будущих поколений» [4. С. 228]. Ликвидация неграмотности, пишет В.Г. Безрогов, имела целью не борьбу с умственной и духовной необразованностью, а укоренение идеологии в массовом сознании: «Учащиеся приобретали грамотность, одновременно усваивая официальный дискурс» [5. С. 54].

Идеологическая роль образования подчеркивалась и самими большевиками. В партийной программе ВКП(б) 1919 г. провозглашалось: «Школа должна быть не только проводником принципов коммунизма вообще, но и проводником идейного <...> влияния пролетариата на полупролетарские и непролетарские слои трудящихся масс в целях воспитания поколения, способного окончательно установить коммунизм» [6. Ст. 12]. Этот принцип лег в основание новой школы, но понимался он в разное время по-разному. Так, в первые годы после революции активно разрабатывалась идея национализации детства. Например, по мнению совет-

ского педагога А.Б. Залкинда, детей нужно было «изъять из-под грубого влияния семьи» и воспитать под «благодетельным влиянием коммунистических детских садов и школ» [7. С. 36]. В 1930-е гг. стала господствовать, напротив, идея семейного воспитания.

В 1918 г. в Советской России планировалось введение бесплатного и обязательного всеобщего образования, создание сети дошкольных учреждений, снабжение всех учащихся одеждой, обувью, учебниками и бесплатным питанием, свободный доступ в высшие учебные учреждения всем желающим учиться [8]. В реальности добиться заявленных целей удалось только спустя почти 20 лет. На протяжении 1920-х гг. в большинстве местностей количество учащихся немногим превышало половину от числа всех детей школьного возраста. Например, к сентябрю 1924 г. охват детей школьным образованием в Курганском округе Уральской области составил 60–65% в городе и 38–40% в сельской местности [9]. Причиной служили как недостаток в школьных работниках и средствах на открытие школ, так и в общем имущественном состоянии населения: «Мы не имеем возможности пускать детей в школы далеко от дома из-за нынешних условий: недостаток одежды, обуви, питания», – отмечено в выписке из протокола № 128 собрания граждан деревни Большой-Щучьей Могилевской волости Курганского уезда [10. Л. 12]. Собрание состоялось 27 сентября 1921 г., но зафиксированная в нем ситуация характерна и для последующих лет: школ было мало, они отстояли далеко друг от друга, детям приходилось преодолевать большие расстояния или жить в других деревнях на съёмных квартирах, о чем вспоминают люди, учившиеся уже в предвоенные годы.

Тем не менее перемен было много. Менялась система управления образовательными учреждениями: в нем стали принимать участие ученики старше 12 лет – они входили в состав педагогического совета (комитета), который возглавлял школу вместо упраздненных

директоров и инспекторов народных училищ [11]. Школа освободилась от влияния религии, перешла в ведение Комиссариата народного просвещения и стала играть большую роль в культурном воспитании населения, а не только школьников. Так, в рамках соцсоревнования в курганской школе № 1 «силами детей обучено 35 неграмотных, много сделали <...> по оказанию помощи бедноте» [12. Л. 2]. С мая 1918 г. была формально уничтожена половая дифференциация в системе образования. До отдаленных местностей это новшество доходило не сразу. Например, в Курган соответствующая директива была отправлена только 30 марта 1920 г. из Челябинского губернского отдела народного образования: «...согласно постановления наркомпроса, все училища должны быть смешанными. Если существуют женские и мужские училища, следует их непременно соединить» [13. Л. 12].

Новая школа должна была быть открыта для всех, руководствоваться гибким учебным планом, способным подстроиться под конкретные условия, уделять большое внимание физической культуре детей и их эстетическому воспитанию. Однако во многих населенных пунктах не только не открывались новые школы, но и старые, основанные еще в XIX в., не действовали, а педагоги, от которых требовались гибкие учебные планы, не всегда составляли их профессионально. Один из составителей, заведующий Чашинской школой 1-й ступени, в ноябре 1924 г. прямо признался: «Автор далек от мысли, что это есть настоящий план... Работу каждого дня я представляю себе так...» [14. Л. 163]. И на этом воображаемом плане строилось обучение детей. Впрочем, ситуация вполне соответствовала взглядам автора на образование: «Разумеется, новая школа явится в результате коллективного усилия и творчества всех работников просвещения. Ведь что такое по существу трудовая школа? – Великое музыкальное произведение, чудесное литературное явление, гениальная картина...» [Там же].

Основой обучения в Единой трудовой школе должен был стать труд – «творчески радостный, свободный от приемов насилия над личностью учащегося» [8. Ст. 12]. К 18 мая 1918 г. до Кургана дошли новшества в отношениях учителя и ученика: «Применение балльной системы для оценки познаний и поведения учащихся отменяется во всех без исключения случаях школьной практики. Перевод из класса в класс и выдача свидетельств производится на основании успехов учащихся по отзывам педагогического совета о исполнении учебной работы <...> обязательное изучение латинского языка в общеобразовательной средней школе, бывших семинариях и духовных училищах – отменяется» [15. С. 96–97].

Должность преподавателя становилась выборной, отменялись учительские категории и звания. Школьный коллектив, включая учителей и учеников, должен был превратиться в коммуны свободных и равных личностей, объединяющихся в группы и кружки вне зави-

симости от статуса преподавателя или ученика [8. Ст. 32]. Так ребенок становился полноценным субъектом образовательного процесса. На почве этого в курганской учительской среде велись споры о степени детской самостоятельности. Поднимался, например, вопрос школьного самоуправления. Должен ли его организовать учитель или в новых реалиях детям нужно позволить самим «дозреть» до решения это сделать? «Дети вечно руководимые, проходят мимо своего счастья... нельзя строить жизнь детей без их участия» [16. Л. 16], – отмечает в докладе на учительской конференции в 1924 г. педагог Денисова. Сохранение учителем доминирующей позиции по отношению к школьникам нередко расценивалось как приверженность к старым, имперским принципам преподавания и воспринималось негативно. Напротив, в актах обследования школ и детдомов, как в Озернинской школе первой ступени Звериноголовского района, часто встречается констатация: «Взаимоотношения детей и учащихся товарищеские» [17. Л. 9] с явно положительным оттенком.

Однако такая ярко выраженная демократия, не признающая иерархии ни пола, ни возраста, продолжалась недолго. С середины 1920-х гг. наметилась тенденция к централизации системы образования. Педагоги стали назначаться и увольняться Отделом народного образования, число детей в школьных советах сократилось. Образование становилось не всеобщим, а классовым: еще в уставе Единой трудовой школы 1923 г. оговаривалось, что «в случаях, когда развитие школьной сети не позволяет принять в школу всех детей, преимущество при приеме отдается детям трудящихся» [18. Ст. 26].

Учитывая происходивший в это время запрет частных школ и индивидуального репетиторства, чуждые классовые элементы практически теряли шансы получить образование. За обучение в школе, изначально объявленное бесплатным, теперь официально взималась плата, правда с учетом финансовых возможностей родителей и не выше 5% от их жалования [19]. Это была вынужденная мера в силу недостатка средств, выделяемых на систему образования.

Необходимо отметить, что тогда в большинстве случаев школы содержались за счет населения, так как были переданы на местное обеспечение, а в районных бюджетах на них предпочитали тратиться в последнюю очередь. Сами жители понимали важность детского образования и нередко жаловались на районные власти в вышестоящие инстанции: «В Черкалинском районе имеется два сельсовета Речегский и Боровлянский, в которых не производится обучение детей в течение 4 лет... На запрос заведующий отделом наробраза товарищ Куренков ответил, что школы в указанных сельсоветах не будут открыты на нынешний год... В райисполком поступает масса заявлений как сельсоветов, так и граждан: население категорически требует школу и крайне обижается, что у них нет школы и дети остаются неграмотными. Что мы этого от советской власти не ожидали, и ранее в этих селениях школы были. Райис-

полком пытался через сельсоветы предложить гражданам взять на свой счет содержание учителей, разъяснив им общее положение и недостаток средств у государства... Граждане отвечают: ...Мы платим наравне со всеми обществами все требующиеся государству налоги и просим только оплачивать учителей школ. Все остальное – ремонт школ и т.п. берут на себя. Просьба разрешить.. за счет прочих школ района дать им по одному школьному работнику, чем требование населения хоть отчасти будет удовлетворено... и сделать распоряжение о выделении учителей в названные школы» [20. Л. 63]. Это письмо, отправленное в президиум Курганского окрисполкома 16 ноября 1924 г., – не единственный пример. Для привлечения дополнительного финансирования пытались наладить систему шефства, но первоначально и она не имела большого успеха: «...средств у школы никаких нет... Постановили обратиться к фабрике принять шефство над школой, но ответа не последовало... Другие нужды по школе исправляются самими учениками: например, починка парт, дверей. Приобретены за счет учеников метлы, веники, спички» [21. Л. 11]. Но в массе своей население было слишком бедно, чтобы приобретать школьные принадлежности, а тем более платить зарплату учителям. Так, в Ключевской школе 1-й ступени Далматовского района в 1923–1925 гг. «учащиеся все дети крестьян... Дети бедных родителей многие лишены возможности посещать школу из-за недостатка обуви и одежды» [22. Л. 4].

Несмотря на важное место, занимаемое в государственной политике, школьное образование во всем, что не касалось идеологии, практически было пущено на самотек. Школа была отдельным миром, проблемами которого интересовались, говорили о них в прессе, но мало принимали практических мер для их решения. Наряду с этим от школы требовали определенных результатов, новых методов и подходов к образованию. В их число входила специализация, предполагавшая появление школ крестьянской молодежи (по одной на уезд), а в городах – кооперативно-торговых, производственно-технических, административно-хозяйственных школ, школ фабрично-заводского ученичества и рабочих подростков [23].

Считалось, что образовательные учреждения повышенного типа дают положительный результат: в частности, школа крестьянской молодежи готовит «общественников, кооператоров – будущих руководителей и организаторов новой деревни» [24]. Предполагалось, что, закончив школу, человек сможет работать без дополнительного образования.

В 1920-е гг. даже в неспециализированных школах ученики вникали в местную производственную жизнь. Например, Каминская школа Звериноголовского района вела «пропаганду за улучшение сельского быта... показательное кормление скота по норме» [17. Л. 44], а в школе 1-й ступени № 5 г. Шадринска «связь школы с трудовой и общественной жизнью выражалась путем

экскурсий в различные производственные предприятия, например на фабрику, на мельницу, в типографию, чугунно-литейную мастерскую, на заседание горсовета, в окроно...» [25. Л. 88]. Однако специализированные школы предполагали не ознакомительное, а практическое знакомство с производством. Так, ученица шадринской школы ФЗС Руфина Паршунас «проделала следующую общественно-полезную работу: к празднику революции писала лозунги, с 14.02 по 10.03.1931 года занималась в ликпункте при типографии, к весенней посевной сортировала семена, собирала налог в деревне Ершовой и Осевой, собирала утильсырье. Отбыла политехническую практику на фабрике “Красный октябрь” и электростанции» [26. Л. 4], при этом из школы Руфину исключили за уклонение от работы и безразличное отношение к делу! Несмотря на уклон в производство, грамотных специалистов такие школы все же давали немного и были очень затратны, так как нуждались в оборудовании и мастерских. В 1930-е гг. их ликвидировали, создав непрерывную линию образования, включающую школу, ссузы и вузы.

Тогда же усилилась тенденция к централизации системы образования, как и других сфер жизни, а от творческой свободы школы 1920-х гг. практически ничего не осталось. Увеличилось внимание власти к школе не только на словах, в декларативных законодательных актах, но и на деле. Осенью 1930 г. планировалось принять всех мальчиков и девочек 8, 9 и 10 лет. Все дети были обязаны закончить школу 1-й ступени, а в промышленных городах, фабрично-заводских районах, рабочих поселках и в районах сплошной коллективизации – школу-семилетку. Для подростков 11–15 лет, не получивших начального образования, организовывались «ускоренные специальные двухгодичные и одногодичные школы-курсы и группы при школах» [27]. Отступление от плана допускалось не более чем на 1–2 года и только в случае крайне неблагоприятных условий. Т.М. Ашенова считает, что это «явилось фактическим признанием завершения первого организационного этапа в развитии советской системы образования и формировании системы законодательства об образовании» [3].

С возвращением к семейным ценностям и отказом от идеи национализации детей за их воспитание и обеспечение возможности учиться становились ответственны родители. Им вменялась «обязанность посылать в школу детей» [27. Ст. 6], за игнорирование которой предполагалась ответственность по закону. Государство, в свою очередь, брало на себя материальное обеспечение: предписывалось усилить финансирование образования из местных и государственного бюджетов, выделять средства на бесплатное снабжение детей бедняков и малообеспеченных «учебниками, письменными принадлежностями, обувью, одеждой, питанием, транспортом и т.п.» [27], а также создавать для этих целей специальные фонды на местах. В отличие от ситуации предыдущего десятилетия, как показывают ар-

живные документы, в большинстве своем эти предписания выполнялись. Так, в акте обследования школы 1-й ступени № 1 г. Кургана от 18–25 февраля 1930 г. отмечено: «Не учатся... большей частью из-за отсутствия одежды и обуви... Для удержания детей бедноты оказана материальная помощь 30 человекам: из бюджетных средств 220 рублей и из специальных 11,3 рубля... Приобретена теплая одежда и обувь» [28. Л. 5].

Согласно акту обследования школы 1-й ступени № 10 «всеобщим начальным обучением охвачены почти все дети, проживающие на территории данной школы, кроме 3 человек. Из них 2 имеют заболевание, 1 переросток 12 лет, его отправили в пункт ликбеза. Отсева нет за исключением 3 случаев. Богданович... по причине неимения обуви и слабого здоровья. Девочка Свинобаева, которой школой дана обувь, но не дано пальто. Бакулина – ее родители торгуют на столах и оставляют ее дома в качестве няньки. Беднейшие учащиеся обеспечены завтраками на 50%, одеждой и обувью на 200%. Ведется работа с родителями» [Там же. Л. 39].

Учебные учреждения централизованно снабжались необходимыми принадлежностями. Об этом свидетельствуют, в частности, такие документы, как разнарядка по тетрадам. Только в Кургане они распределялись по четырем школам ФЗС, десяти школам 1-й ступени, трем техникумам и порядка десяти специальным учебным заведениям включая партшколу и школу взрослых [Там же. Л. 15]. Спешно решался вопрос с помещениями: постановлялось использовать под школы бывшие помещичьи усадьбы и кулацкие дома. Большое внимание уделялось созданию штата профессиональных педагогов. Для пополнения кадрового состава было решено «срочно развернуть сеть педагогических институтов и техникумов... специальных педагогических курсов... принять меры к привлечению на педагогическую работу учителей, работающих не по специальности... усилить коммунистическое и рабочее ядро среди учителей... значительно улучшить материальное положение учителей трудовой школы» [27].

В образовательной политике проявилось стремление к унификации, созданию образцовых людей: был взят курс на усреднение уровня знаний в сторону сильнейших. Велась борьба за всеобщую успеваемость, с отстающими школьниками дополнительно занимались их более успешные товарищи – это считалось общественно-полезной работой. В одном из отчетов об учебно-воспитательной работе за 1939/40 уч. г. значится: «Из числа 9 комсомольцев 8 имеют хорошую успеваемость, и некоторые помогали отстающим товарищам... Школа вела борьбу с отсевом учащихся. В своем школьном районе учитывали детей, не охваченных школой, и принимали меры по возвращению их в школу» [29. Л. 129]. В начале 1930-х гг. в школе 1-й ступени № 10 г. Кургана применялись такие меры борьбы с

неуспеваемостью, как «прикрепление сильных к слабым, дополнительные занятия с отстающими» [28. С. 39]. Восстанавливались субординация в отношениях учителя и ученика, система домашних заданий и оценок. «Учащиеся, не имеющие плохих годовых оценок ни по одной дисциплине, считать окончившими среднюю школу» [30. Л. 172], – отмечено в протоколе педагогического совещания Шадринской средней школы 22 июня 1936 г.

Учебные группы были переименованы в классы. Вместо школ первой и второй ступеней, семилеток и школ повышенного типа появилась общеобразовательная школа, которая делилась на начальную (4 класса), неполную среднюю (7 классов) и среднюю (10 классов). При этом молодые люди, окончившие неполную среднюю школу, имели право преимущественного поступления в техникумы, а среднюю – в высшие учебные заведения. По правилам 1936 г. в вузы «принимаются все граждане обоего пола в возрасте от 17 до 35 лет, имеющие законченное среднее образование, либо получившие аттестат об окончании средней школы в порядке экстерна... Окончившие техникум и имеющие отметки “отлично” по основным предметам принимаются без испытаний» [31. Л. 193]. Выпускники провинциальных школ имели возможность попасть в крупные столичные вузы. Подчеркивалось, что классовый подход на сферу образования не распространяется. Например, в том же 1936 г. директора средней школы г. Шадринска ставили в известность, что «в вуз принимаются выдержавшие испытания независимо от соципроисхождения или поражения в правах родителей... Вторично просим вас сообщить в облплан... какое количество учащихся изъявило желание поступить в плановый институт, указать их фамилию и институт, в который они желают поступить: Московский, Куйбышевский и т.д.» [Там же. Л. 65].

Таким образом, в период с 1917 по 1934 г. советская власть неоднократно пересмотрела свое отношение к образованию и воспитанию молодого поколения. От демократизации образовательного процесса и системы управления был совершен возврат к строгой централизации и контролю, от педологических изысканий и свободного творчества учителей в процессе комплексного обучения – к системе четких программ и предметов. Из представленных выше властных установлений следует, что дети, их образование и воспитание имели для государства огромное значение. Причем в 1920-е гг. отмечался большой разрыв между декларируемыми изменениями в образовании и действительностью, связанные в основном с финансовыми и организационными трудностями. В 1930-е гг. государственная политика в этой области стала более четкой и требовательной, учитывающей реальные проблемы школы и способы их решения. Разрыв между законодательными актами и действительностью минимизировался.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абалова А.Р. Школьная политика Советского государства в 1918–1927 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2006.
2. Быкова Е.Ю. Реформирование школьного образования в СССР в 1917–1930 гг.: организационные и идеологические аспекты // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2011. № 1. С. 179–189.
3. Ашенова Т.М. Формирование системы законодательства об образовании в Советской России в 1917–1930 гг. : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2015.
4. Бердова О.В. Из истории школьного образования и костромского учительства периода формирования советской школы (1918–1930) // Вестник Костромского государственного университета им Н.А. Некрасова. Серия Гуманитарные науки. 2008. № 4. С. 228–234.
5. Безрогов В.Г. Практики письма в начальной школе первых советских поколений // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. 2012. № 11. С. 54–62.
6. Программа всесоюзной коммунистической партии большевиков. URL: <http://libelli.ru/works/program.htm> (дата обращения: 20.04.16).
7. Залкинд А.Б. Педагогика в СССР. М., 1929.
8. Декрет ВЦИК от 16 октября 1918 года «Об единой трудовой школе Российской Социалистической Республики (Положение)». URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_377.htm (дата обращения: 20.04.16).
9. Красный Курган. 1924. № 107.
10. Государственный архив Курганской области (ГАКО). Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 12.
11. Постановление Народного комиссариата по просвещению (Наркомпрос) РСФСР от 29 ноября 1917 года «О реформе средней школы». URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_54.htm, свободный (время доступа 20.04.16).
12. ГАКО. Ф. Р-465. Оп. 1. Д. 124.
13. ГАКО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 1.
14. ГАКО. Ф. Р-48. Оп. 1. Д. 5.
15. ГАКО. Ф. Р-1836. Оп. 1. Д. 216.
16. ГАКО. Ф. Р-48. Оп. 1. Д. 29.
17. ГАКО. Ф. Р-48. Оп. 1. Д. 13.
18. Декрет СНК РСФСР от 18 декабря 1923 года «Устав единой трудовой школы». URL: <https://www.lawmix.ru/sssrf/17308>, свободный (дата обращения: 20.04.16).
19. Декрет ВЦИК и СНК РСФСР от 28 июля 1924 года «О дополнении к Постановлению о порядке взимания платы за обучение в учреждениях Народного комиссариата просвещения». URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_2102.htm, свободный (дата обращения: 20.04.16).
20. Государственный архив г. Шадринска (ГАШ). Ф. Р-213. Оп. 1. Д. 359.
21. ГАШ. Ф. Р-213. Оп. 1. Д. 22.
22. ГАШ. Ф. Р-213. Оп. 1. Д. 86.
23. Декрет СНК РСФСР от 7 апреля 1925 года «Положение о школах рабочих подростков». URL: <https://www.lawmix.ru/sssrf/16801>, свободный (дата обращения: 20.04.16).
24. Постановление СНК РСФСР от 23 июля 1927 года «О состоянии школ повышенного типа». URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_3321.htm, свободный (дата обращения: 20.04.16).
25. ГАШ. Ф. Р-213. Оп. 1. Д. 27.
26. ГАКО. Ф. Р-519. Оп. 1. Д. 4.
27. Постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 14 августа 1930 года «О всеобщем обязательном начальном обучении». URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_3667.htm, свободный (дата обращения: 20.04.16).
28. ГАКО. Ф. Р-465. Оп. 1. Д. 148.
29. ГАКО. Ф. Р-800. Оп. 1. Д. 4.
30. ГАШ. Ф. Р-519. Оп. 1. Д. 17.
31. ГАШ. Ф. Р-512. Оп. 1. Д. 12.

Perova Marina A. Kurgan State University (Kurgan, Russia). E-mail: perova_marina91@mail.ru

LEGISLATIVE REGULATION OF AN EDUCATION SYSTEM IN THE SOVIET RUSSIA 1917 – THE 1930TH AND HIS INFLUENCE ON THE SOVIET SCHOOL (ON MATERIALS OF KURGAN AND SHADRINSK DISTRICTS).

Keywords: Soviet education; legislation; school; children's daily occurrence.

The aim of the submitted article is to track correlation of changes in the Soviet legislation regulating education with realities of educational institutions' existence, to define the place of education in state policy of the Soviet Russia and in society's life, its role in the creation of "the new soviet person". The author suggests the following tasks to achieve: to define the position of the Soviet authorities to education; to reveal the principles of creation of new United labor school; to compare the requirements declared by the authorities with the real life of schools and children; to define the reasons of discrepancy of legislative resolutions and reality; to track changes in the Soviet educational policy of the 1917–1930s and changes in school system. The author of article was guided by the principles of historicism and scientific objectivity and used source-study, descriptive, historical and comparative, historical and system and hermeneutical methods. Acts of the Soviet Russia of the 1917–1930s years, pedagogical works, documents of funds of educational institutions from the State archive of the Kurgan region and archive of the Shadrinsk became a research base of the study. During the research the author came to the following conclusions: children and their education had huge value for the state; during 1917–1934 the Soviet power had repeatedly reconsidered the attitude to education of the young generation; in the 1920s the big there was a gap between the declared changes in education and reality as a result of financial and organizational difficulties; in the 1930s state policy in education became more accurate, the gap between legislative acts and reality had been considerably reduced. In premilitary decade almost all school age children had been getting education, due to supplying pupils from needy families with clothes and educational accessories. At the same time the school had lost postrevolutionary democratism and had come to classical system of lessons, homeworks and marks, to hierarchical relationships between the teacher and pupil. Throughout all studied period the educational policy had been directed not only to elimination of illiteracy and training of qualified specialists in all areas, but also on ideologization of masses: the new atheistic and communistic school successfully resisted traditional way of life and attitude of imperial Russia, and pupils acted as translators of the Soviet culture for the senior generation at the same time.

REFERENCES

1. Abalova, A.R. (2006) *Shkol'naya politika Sovetskogo gosudarstva v 1918–1927 gg.* [School policy of the Soviet state in 1918–1927]. Abstract of History Cand. Diss. Moscow.
2. Bykova, E.Yu. (2011) The school system reform in the USSR in 1917–1930: Organisational and ideological aspects. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science.* 1(13). pp. 179–189. (In Russian).
3. Ashenova, T.M. (2015) *Formirovanie sistemy zakonodatel'stva ob obrazovanii v Sovetskoj Rossii v 1917–1930 gg.* [Formation of the system of legislation on education in Soviet Russia in 1917–1930]. Abstract of Law Cand. Diss. Omsk.
4. Berdova, O.V. (2008) Iz istorii shkol'nogo obrazovaniya i kostromskogo uchitel'stva perioda formirovaniya sovetsoj shkoly (1918–1930) [From the history of school education and Kostroma teaching during the formation of the Soviet school (1918–1930)]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki.* 4. pp. 228–234.
5. Bezrogov, V.G. (2012) The practices of writing in the primary school of the first soviet generations. *Vestnik Rossijskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta – RSUH Bulletin.* 11. pp. 54–62. (In Russian).
6. All-Union Communist Party of the Bolsheviks. (n.d.) *Programma vsesoyuznoj kommunisticheskoy partii bol'shevikov* [Program of the All-Union Communist Party of the Bolsheviks]. [Online] Available from: <http://libelli.ru/works/program.htm>. (Accessed: 20th April 2016).
7. Zalkind, A.B. (1929) *Pedologiya v SSSR* [Pedology in the USSR]. Moscow: Rabotnik prosveshcheniya.
8. All-Russian Central Executive Committee. (1918) *Dekret VTsIK ot 16 oktyabrya 1918 goda "Ob edinoy trudovoy shkole Rossijskoj Sotsialisticheskoy Respubliki (Polozhenie)"* [Decree of the All-Russian Central Executive Committee of October 16, 1918 "On the Single Labor School of the Russian Socialist Republic (Regulations)"]. [Online] Available from: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_377.htm. (Accessed: 20th April 2016).
9. *Krasnyj Kurgan.* (1924) 107.
10. The State Archives of the Kurgan Region (GAKO). Fund R-47. List 1. File 12. (In Russian).
11. RSFSR. (1917) *Postanovlenie Narodnogo komissariata po prosveshcheniyu (Narkompros) RSFSR ot 29 noyabrya 1917 goda "O reforme sredney shkoly"* [Decree of the People's Commissariat for Education (Narkompros) of the RSFSR of November 29, 1917 "On the reform of secondary schools"]. [Online] Available from: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_54.htm. (Accessed: 20th April 2016).
12. The State Archives of the Kurgan Region (GAKO). Fund R-465. List 1. File 124. (In Russian).
13. The State Archives of the Kurgan Region (GAKO). Fund R-47. List 1. File 1. (In Russian).
14. The State Archives of the Kurgan Region (GAKO). Fund R-48. List 1. File 5. (In Russian).
15. The State Archives of the Kurgan Region (GAKO). Fund R-1836. List 1. File 216. (In Russian).
16. The State Archives of the Kurgan Region (GAKO). Fund R-48. List 1. File 29. (In Russian).
17. The State Archives of the Kurgan Region (GAKO). Fund R-48. List 1. File 13. (In Russian).
18. Council of People's Commissars of the RSFSR. (1924) *Dekret SNK RSFSR ot 18 dekabrya 1923 goda "Ustav edinoy trudovoy shkoly"* [Decree of the Council of People's Commissars of the RSFSR of December 18, 1923 "Charter of the Unified Labor School"]. [Online] Available from: <https://www.lawmix.ru/sssr/17308>. (Accessed: 20th April 2016).
19. All-Russian Central Executive Committee. (1924) *Dekret VTsIK i SNK RSFSR ot 28 iyulya 1924 goda "O dopolnenii k Postanovleniyu o poryadke vzimaniya platy za obuchenie v uchrezhdeniyakh Narodnogo komissariata prosveshcheniya"* [Decree of the All-Russian Central Executive Committee and Council of People's Commissars of the RSFSR of July 28, 1924 "On the Addition to the Decree on the Procedure for charging tuition fees in the institutions of the People's Commissariat of Education"]. [Online] Available from: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_2102.htm. (Accessed: 20th April 2016).
20. The State Archives of Shadrinsk (GASH). Fund R-213. List 1. File 359. (In Russian).
21. The State Archives of Shadrinsk (GASH). Fund R-213. List 1. File 22. (In Russian).
22. The State Archives of Shadrinsk (GASH). Fund R-213. List 1. File 86. (In Russian).
23. Council of People's Commissars of the RSFSR. (1925) *Dekret SNK RSFSR ot 7 aprelya 1925 goda "Polozhenie o shkolakh rabochikh podrostkov"* [Decree of the Council of People's Commissars of the RSFSR of April 7, 1925 "Regulations on schools of working young people"]. [Online] Available from: <https://www.lawmix.ru/sssr/16801>. (Accessed: 20th April 2016).
24. Council of People's Commissars of the RSFSR. (1927) *Postanovlenie SNK RSFSR ot 23 iyulya 1927 goda "O sostoyanii shkol povyshennogo tipa"* [Decree of the Council of People's Commissars of the RSFSR of July 23, 1927 "On the state of high schools"]. [Online] Available from: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_3321.htm. (Accessed: 20th April 2016).
25. The State Archives of Shadrinsk (GASH). Fund R-213. List 1. File 27. (In Russian).
26. The State Archives of the Kurgan Region (GAKO). Fund R-519. List 1. File 4. (In Russian).
27. Central Executive Committee of the USSR. (1930) *Postanovlenie TsIK SSSR, SNK SSSR ot 14 avgusta 1930 goda "O vseobshchem obyazatel'nom nachal'nom obuchenii"* [Resolution of the Central Executive Committee of the USSR, Council of People's Commissars of the USSR on August 14, 1930 "On universal compulsory primary education"]. [Online] Available from: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_3667.htm. (Accessed: 20th April 2016).
28. The State Archives of the Kurgan Region (GAKO). Fund R-465. List 1. File 148. (In Russian).
29. The State Archives of the Kurgan Region (GAKO). Fund R-800. List 1. File 4. (In Russian).
30. The State Archives of Shadrinsk (GASH). Fund R-519. List 1. File 17. (In Russian).
31. The State Archives of Shadrinsk (GASH). Fund R-512. List 1. File 12. (In Russian).

УДК 947

DOI: 10.17223/19988613/47/10

Н.А. Потапова

«ХАРБИНСКАЯ» ОПЕРАЦИЯ НКВД СССР 1937–1938 гг. В АЛТАЙСКОМ КРАЕ

Рассматриваются особенности проведения «харбинской» репрессивной кампании органами НКВД СССР в Алтайском крае на основе протоколов Комиссии НКВД и Прокурора СССР, Особых Троек за 1937–1938 гг., а также архивно-следственных дел осужденных по этой операции. «Харбинская» кампания проводилась в числе национальных операций Большого Террора с целью выявления и разоблачения японских шпионов среди бывших служащих Китайско-Восточной железной дороги и реэмигрантов из Китая, прибывших в Советский Союз после продажи КВЖД, которых в советском обществе называли «харбинцами», или «КВЖДинцами». Кроме того, японские шпионы были выявлены из числа китайцев, корейцев и так называемых «монголистов», все эти категории вместе с «харбинцами» были репрессированы по приказу № 00593.

Ключевые слова: Большой Террор; «харбинская» операция на Алтае; «харбинцы»; китайцы; корейцы; «монголисты».

У российских исследователей нет единства в ответе на вопрос о причинах массовых репрессий в СССР в 1937–1938 гг. Большинство склонны считать, что маховик репрессий должен был завершить социально-политическую трансформацию общества, окончательно ликвидировав всех «бывших» и «чуждых» в условиях обострения внешнеполитической обстановки. Центральное место в Большом терроре занимают две массовые репрессивные кампании – «кулацкая» по приказу НКВД № 00447 от 30 июля 1937 г., нацеленная на уничтожение «бывших», и национальные операции, направленные на ликвидацию иногражданского и инонационального элемента. В 1937–1938 гг. органами НКВД было проведено 13 национальных операций, в их числе немецкая, польская, греческая, иранская и др. По данным самого Наркомата внутренних дел, с июля 1937 по ноябрь 1938 г. более 365 тыс. человек подверглись репрессиям по национальному признаку [1. С. 156].

Специфика террора по национальным линиям выявлена российскими исследователями из «Мемориала» Н.Г. Охотиным, Н.В. Петровым и А.Б. Рогинским, которые не только ввели в научный оборот статистику репрессий по самым масштабным операциям – польской и немецкой [2, 3], но и первыми указали на «безлимитный» принцип, а также на принципиально новый в практике ОГПУ–НКВД процессуальный порядок осуждения (альбомный). Благодаря усилиям российского историка И.Г. Джуха в поле зрения специалистов оказалась «греческая операция» [4]. Исследователю Н.Н. Аблажей удалось впервые показать масштаб репрессий против «харбинцев» («харбинская» операция), ставших одной из целевых групп, репрессированных по «национальному» признаку [5, 6]. По данным Н.Н. Аблажей, жертвами «харбинской» операции стали 46 317 чел., из которых 30 992 приговорены к расстрелу, что на 16 тыс. человек больше по сравнению с данными, озвученными комиссией ЦК КПСС по расследованию причин массовых репрессий, работавшей накануне XX съезда КПСС под руководством секретаря ЦК КПСС П.Н. Поспелова [7]. Таким образом, «харбинская» операция стала третьей по

численности, после немецкой и польской, национальной репрессивной кампанией, а доля «харбинцев» в числе репрессированных по национальному признаку составила около 14%.

Среди сибирских регионов Алтай, наряду с Читинской и Новосибирской областями, стал лидером по количеству жертв, репрессируемых в рамках «харбинской» операции. В силу близости к Монголии и Китаю на Алтае проживало значительное число лиц (в первую очередь реэмигрантов), в недалеком прошлом временно пребывающих на этих территориях. Учитывать надо и то, что массовые репрессии начались, когда Алтай еще входил в состав Новосибирской области, куда массово распределяли «харбинцев» после продажи КВЖД, поэтому первые месяцы Большого Террора большинство репрессивных решений, в том числе и по Алтаю, выносилось именно в Новосибирске. В данной статье анализируется специфика репрессий по «харбинской» линии в Алтайском крае. Источниковую базу исследования составили решения внесудебных инстанций и прекращенные архивно-следственные дела периода Большого Террора, переданные УФСБ РФ по Алтайскому краю на государственное хранение в Отделе спецдокументации Государственного архива Алтайского края и после истечения 75-летнего срока ставшие доступными для исследователей.

В советской печати вплоть до лета 1937 г. публиковались статьи, в которых рисовался героический образ «харбинцев», вынужденно покинувших Маньчжурию в условиях роста японской агрессии. Первоначально «КВЖДинцев» трудоустраивали на железнодорожном транспорте, в химической промышленности, оборонном производстве, в Красной Армии и даже в органах НКВД. Вместе с тем уже осенью 1935 г. среди «харбинцев» начались первые аресты. По данным оперативного приказа № 00593, к сентябрю 1937 г., к началу массовых репрессий, уже были арестованы около 4,5 тыс. чел. [8]. После выхода статьи «Подрывная деятельность японской разведки», опубликованной в газете «Правда» 10 июля 1937 г., которая повествовала об

активизации деятельности японской разведки в СССР, бывших служащих КВЖД стали обвинять в шпионаже в пользу Японии [9].

Решение о начале массовых репрессий среди «харбинцев» было принято Политбюро ЦК ВКП(б) 19 сентября 1937 г., которое своим решением № П53/107 утвердило проекты закрытого письма НКВД и приказа о мероприятиях «в связи с террористической диверсионной и шпионской деятельностью японской агентуры из числа так называемых «харбинцев» [10]. 20 сентября 1937 г. вышел оперативный приказ НКВД СССР № 00593, в котором говорилось о необходимости «ликвидации диверсионно-шпионских и террористических кадров из числа «харбинцев» на транспорте и в промышленности» [8].

Приказ начинался с утверждений об активизации на территории СССР деятельности разведывательных органов Японии, а бывшие служащие КВЖД и реэмигранты из Маньчжоу-Го, по мнению НКВД, стали главными «террористами» и «диверсантами». В тексте приказа подробно прописывались категории «харбинцев», подлежащие немедленному аресту, к таковым были отнесены 13 категорий населения из числа бывших белогвардейцев, реэмигрантов, бывших членов антисоветских политических партий, участников эмигрантских организаций, в том числе и фашистских, а также нелегально въехавшие в СССР [Там же].

К приказу № 00593 прилагалось обширное сопроводительное письмо от 20 сентября 1937 г., подготовленное народным комиссаром внутренних дел СССР Н.И. Ежовым и адресованное всем комиссарам внутренних дел СССР, начальникам УНКВД краев и областей, а также начальникам ДТО ГУГБ [11]. В нем подробно расписывалась террористическая, диверсионная и шпионская деятельность японской агентуры из числа «харбинцев» и реэмигрантов; приводились типичные «приемы вербовки» и «каналы переброски» в СССР, примеры «подрывной деятельности». Именно этот документ обосновывал необходимость репрессий против «харбинцев», кроме того, закрытое письмо являлось инструкцией для проведения указанной операции.

Провести карательную операцию против «харбинцев» органы НКВД планировали за три месяца. Операция должна была начаться в октябре, а к 25 декабря 1937 г. завершиться. Однако этот срок неоднократно продлевался. В итоге данная операция, наряду с другими репрессивными кампаниями, завершилась только в середине ноября 1938 г. Совместное постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 17 ноября 1938 г. «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия» объявило о прекращении всех массовых операций [12]. Согласно базе данных на репрессированных, аккумулировавшей данные судебных и несудебных инстанций и массив переданных на государственное хранение следственных дел, всего в ходе Большого Террора на Алтае было репрессировано около 21 тыс. человек. По данным барнаульского исследователя Г.Д. Ждановой, в ходе

национальных операций на Алтае репрессиям подверглись около 6 тыс. чел. [13].

Анализируя протоколы Комиссии НКВД и Прокурора СССР, Особых Троек, мы выявили, что в Алтайском крае по приказу № 00593 были арестованы 884 человека, из них 576 осужденных приговорены к расстрелу, 249 – получили 10 лет исправительно-трудовых лагерей, 10 человек были лишены свободы сроком от 3 до 8 лет, 3 дела были переданы в суд и 11 – на рассмотрение Военного трибунала, 35 дел были отправлены на следствие. Подсчеты показывают, что доля лиц, репрессированных по «харбинской» линии в Алтайском крае, составила 14,7% от общего числа репрессированных здесь по национальным операциям. В то же время данные по количеству репрессированных по протоколам не совпадают со статистикой, приведенной исследователями из «Мемориала» А. Рогинским, Н. Охотиным, О. Горлановым, которые называют для Алтая цифру в 1 334 человека [14]. Возможно, недостающие 450 человек были арестованы еще до осени 1937 г., т.е. до разделения Западно-Сибирского края.

Первые приговоры по «харбинской» операции арестованным на Алтае были вынесены 15 декабря 1937 г. Последние решения по арестованным «харбинцам» были подписаны 13 ноября 1938 г. Таким образом, на Алтае операция прошла в те же сроки, как и по стране в целом. Остановимся подробнее на порядке осуждения по национальным операциям, так как он существенно отличался от работы «троек», выносивших приговоры по приказу № 00447. В регионах для проведения национальных операций создавались особые комиссии в составе начальника регионального управления НКВД и местного прокурора (своеобразная региональная «двойка»). Эта комиссия каждые 10 дней оформляла обвинительные заключения в виде типовых справок-заключений. Далее эти заключения комплектовались для Москвы в специальный «альбом».

Окончательные решения принимались Комиссией НКВД и прокурором СССР. «Альбомы» подписывались наркомом внутренних дел Н.И. Ежовым и прокурором СССР А.Я. Вышинским или их заместителями – М.П. Фриновским и Г.К. Рогинским. Именно поэтому такой порядок осуждения стали называть «альбомным». С июля 1937 до сентября 1938 г. каждые 10 дней Комиссия НКВД и прокурор СССР получали справки-заключения со всех республик Советского Союза по всем национальным операциям. По данным комиссии под председательством П.Н. Поспелова работники центрального аппарата НКВД за 29 декабря 1937 г. рассмотрели списки на 1 000 человек, 10 января 1938 г. – списки на 1 667 человек, 14 января – на 1 569 человек, 15 января – на 1 884 человека, 16 января – на 1 286 человек, 21 января – на 2 164 человека [7].

Анализ протоколов алтайских «двоек» наглядно показывает, что решения выносились заочно и без обращения к следственным делам. Сама работа комиссии сводилась к автоматическому визированию справок-

заклучений, при этом начальник УНКВД и прокурор края зачастую это делали порознь. За период своей работы Комиссия НКВД и Прокурор СССР только в 25 делах по «харбинцам» Алтая изменила приговор (одно дело предписали передать в суд, а 24 – передать на доследование). Соответственно, меру наказания для подсудимого, как правило, выбирал оперативный сотрудник, и только в крайне редких случаях по каким-либо необъяснимым обстоятельствам предлагаемое решение могло быть изменено «двойкой». «Альбомы» возвращались на места через две недели после их рассмотрения «двойкой» и приговоры приводились в действие уже на следующий день. Как правило, следствие велось 3–4 месяца, а процедура вынесения приговора занимала не больше трех недель. Но уже весной 1938 г. было очевидно, что «двойка» не справляется с рассмотрением «альбомных» списков. По данным Н. Охотина и А. Рогинского, в Москве к сентябрю 1938 г. в Центральном аппарате НКВД СССР было накоплено «альбомов» по национальным операциям на 126 тыс. человек [3].

Переполненность тюрем и «перегруженность» работой Комиссии НКВД и прокурора СССР стали главными причинами для разработки нового приказа НКВД СССР № 00606, который возложил рассмотрение дел по национальным операциям на Особые Тройки, тем самым перераспределив карательные полномочия с центра на места. «Альбомный» порядок рассмотрения дел был отменен. Срок работы Тройки определялся в два месяца [15]. Решения Особой Тройки принимались на заседаниях и оформлялись протоколами, в которые записывались вынесенные ими решения в отношении каждого осужденного. Приговоры приводились в исполнение немедленно. Комиссия НКВД и прокурора СССР на 9 заседаниях рассмотрела 639 дел по «харбинцам», из которых 424 человека были приговорены к расстрелу, 181 были отправлены в ГУЛАГ на 10 лет.

Решения «двойки» отличались особой жестокостью, среди приговоров доминировала высшая мера наказания (ВМН). За декабрь 1937 г. и январь 1938 г. Комиссия собиралась 6 раз для рассмотрения дел по «харбинской» операции в Алтайском крае. Затем следует достаточно долгий перерыв, который свидетельствует о том, что уже к этому времени «двойка» не успевала вовремя обрабатывать «альбомные» списки. Скопленные «альбомы» находились в Москве до августа 1938 г. Перед выходом приказа № 00606 в августе «двойка» в форсированном порядке продолжала рассматривать «альбомы» и отсылать их назад для исполнения приговоров. По этой причине августовское заседание Комиссии НКВД и прокурора СССР стало самым многочисленным. В последний месяц своей работы выносимые «двойкой» приговоры были мягче, основная часть осужденных получила наказание в виде 10 лет исправительно-трудовых лагерей (ИТЛ).

С августа 1938 г. рассмотрением дел по «харбинской» операции стала заниматься Особая Тройка, в

состав которой вошли первый секретарь крайкома партии Гусев, начальник УНКВД Попов и прокурор края Малышев. Особая Тройка рассмотрела на 11 заседаниях 245 дел по японскому шпионажу, приняв 151 решение о расстреле, а 68 осужденных приговорило к 10 годам лагерей.

Основная часть дел разбиралась в начале октября 1938 г. Затем прослеживается постепенное уменьшение количества осужденных по приказу № 00593, по протоколам проходило от 1 до 8 человек. Заседания Особой Тройки 17 октября 1938 г. и 10 ноября 1938 г. отличаются своей сравнительной массовостью. Эти заседания выделяются на фоне всеобщей динамики рассмотрения дел по национальным операциям в Алтайском крае, так как по протоколам оперативных приказов № 00485 и № 00439 за ноябрь 1938 г. в исключительном случае проходило не более 14 человек [13. С. 249–252]. В последний день своей работы (13 ноября 1938 г.) Тройка рассмотрела 7 протоколов, 3 из которых проходили по «харбинской» линии. Последние два протокола, рассмотренные Тройкой 13 ноября 1938 г., касались именно «харбинцев», которых приговорили к высшей мере наказания. В середине ноября деятельность Особых Троек была прекращена, строго запрещалось приводить в исполнение все неисполненные к этому дню расстрельные приговоры. Но, несмотря на приказ о запрете расстрелов, они все же были приведены в исполнение в начале декабря 1938 г. Так, китаец Чжей-Лян-Су, чье дело было рассмотрено в последний день заседания Тройки, был расстрелян 5 декабря 1938 г. [16. Д. 8847].

Следственные дела «харбинцев» различаются по объему – в зависимости от принципа их комплектования. Индивидуальные дела на «харбинцев» невелики, они содержат 10–15 страниц, тогда как коллективные могут содержать несколько томов. В 95% встречаются именно коллективные дела. Объясняется это тем, что в закрытом письме *ГУГБ НКВД СССР № 60268 от 20 сентября 1937 г. говорилось о единой прояпонской организации с многочисленными подразделениями в промышленности и сельском хозяйстве страны*. Все «подразделения» были связаны между собой, не случайно протоколы допросов «харбинцев» отсылают оперативных сотрудников НКВД к руководителям подразделений, а те в свою очередь «раскрывают» весь состав организации. Рассекречивание и уничтожение одной организации необратимо вели к раскрытию другой. Как правило, такие «подразделения» могли включать в себя до нескольких десятков человек. Так, на промышленных предприятиях Барнаула зимой 1938 г. была рассекречена террористическая организация из 80 человек во главе с бывшим торговцем П.В. Свицерским [16. Д. 5112. Т. 1–12]. На основании его «признательного заключения» к весне 1938 г. в промышленности города была вскрыта и уничтожена еще одна контрреволюционная повстанческо-диверсионная группа во главе с «харбинцем» [Там же. Д. 4294].

Остановимся подробнее на целевых группах, против которых и была направлена репрессивная кампания, проводимая по приказу № 00593. На деле оказалось, что «харбинцы» – это не только бывшие служащие КВЖД, но и представители китайской, корейской и даже монгольской диаспор. «КВЖДинцы» стали далеко не единственной категорией репрессируемых по приказу № 00593. Доля бывших служащих КВЖД и реэмигрантов из Китая в общем числе репрессированных по приказу № 00593 на Алтае составила около 30%. При этом, судя по материалам дел, лишь единицы в прошлом работали на Китайско-Восточной железной дороге, а остальные – это перебежчики и реэмигранты.

Динамика арестов и осуждений наглядно показывает, что изначально аресты шли не только в среде «КВЖДинцев» и реэмигрантов, но и среди представителей диаспор. Таким образом, УНКВД по Алтайскому краю изначально сделало ставку на аресты всех «инонационалов». Почти треть всех осужденных (около 35%) по приказу № 00593 в Алтайском крае составили китайцы. Всего было осуждено 230 китайцев, половина из которых была приговорена в ВМН. Репрессии затронули всю китайскую общину, проживающую в Алтайском крае. На Алтае китайская диаспора появилась после Первой мировой войны. Ее пополнили интернированные партизанские отряды, которые, спасаясь от японской агрессии, в 1935 г. перешли советско-китайскую границу. На Алтае сформировалось несколько компактных мест проживания китайцев, где они, как правило, работали на одном предприятии: в г. Славгороде – в артели «Восточный кулинар», в с. Родино – в колхозе «Труженик Востока», в г. Барнауле – на меланжевом комбинате, в пос. Затон Барнаульского района – на судоремонтном заводе, в г. Камне-на-Оби – в артели «Труд».

Массовые репрессии затронули корейское население, в годы Большого Террора была проведена тотальная депортация корейского населения с Дальнего Востока СССР и около 5 тыс. корейцев осудили по «харбинскому» приказу. В Алтайском крае по приказу № 00593 арестовали 70 корейцев, т.е. около 5% от числа всех арестованных по «харбинскому» приказу. Из числа корейцев под репрессии по приказу № 00593 попали в основном нелегально перешедшие границу. В отличие от китайцев, которым в основном давали ВМН, большинство корейцев было осуждено на 10 лет ИТЛ. Корейцы не проходили в делах как «организаторы контрреволюционной шпионской организации», чаще аресты происходили на основании тесного знакомства и дружбы с китайцами или реэмигрантами.

Примечателен тот факт, что на Алтае в ходе проведения «харбинской» операции было осуждено значительное количество граждан Монгольской Республики и интернированных из Республики. Большой Террор затронул и МНР, где действовали структуры НКВД СССР во главе с одним из главных его организаторов

М.П. Фриновским. В сентябре 1937 г. в МНР была организована специальная тройка, по типу с Особой Тройкой в СССР. Обвиняемых в участии в панмонгольских и прояпонских организациях высылали в СССР, в частности на Алтай. Здесь органы НКВД выносили окончательный приговор, как правило расстрел. Кроме того, алтайские органы УНКВД арестовывали перебежчиков, которые в 1920–1930-е гг. переходили советско-монгольскую границу. В архивно-следственных делах этапированных из Монголии и перебежчиков советско-монгольской границы называли «монголистами». Доля «монголистов», репрессируемых в рамках приказа № 00593 на Алтае, составила 50 человек (не более 3%), при этом около половины из этого числа – русские белогвардейцы (бывшие участники отряда Кайгородова), а другая часть – китайцы, монголы и буряты.

Уже в 1939 г. под руководством нового наркома внутренних дел Л.П. Берия началась проверка деятельности органов НКВД за период Большого Террора. Материалы проверки свидетельствовали о неприглядной картине массовых фальсификаций работников НКВД. Факты фальсификации подтверждаются заявлениями о пересмотре дел, которые были направлены в Прокуратуру СССР в 1939–1941 гг. осужденными к ИТЛ или родственниками расстрелянных. Из заявлений следует, что имели место подтасовка фактов, привлечение к делу «лжесвидетелей». Как правило, сотрудники УНКВД составляли протоколы допросов по заданному начальством трафарету: все формулировки даны, оставалось лишь вписывать имена. Именно поэтому протоколы допросов однотипны. 9 февраля 1956 г. на Президиуме ЦК КПСС был озвучен доклад комиссии ЦК КПСС во главе с П.Н. Поспеловым по установлению причин массовых репрессий, в том числе и при проведении так называемых «национальных операций». В секретном докладе Хрущева на XX съезде КПСС 25 тысяч харбинцев («КВЖДинцев») были упомянуты уже как «безвинные жертвы». Но юридически, в правовом смысле этого слова, законодательная реабилитация репрессированных состоялась 18 октября 1991 г. с выходом закона «О реабилитации жертв политических репрессий». Со времени принятия закона ведется работа по увековечению памяти жертв политических репрессий, устанавливаются памятники и закладные камни, издаются Книги Памяти жертв политических репрессий.

Таким образом, отличительной особенностью «харбинской» репрессивной кампании от других национальных операций стало то, что поводом для репрессий по приказу № 00593 был не признак национальности, как в польской, немецкой или греческой операциях, а связь с японским государством – потенциальным противником СССР в грядущей войне.

Изучение протоколов Комиссии НКВД и прокурора СССР, Особых Троек, а также материалов архивно-следственных дел по Алтайскому краю показало, что «харбинская» операция была направлена на

ликвидацию или изоляцию «социально чуждых» групп населения, куда входили как контингенты, определенные приказом № 00593 (бывшие служащие КВЖД и реэмигранты из Китая), так и «инонационалы» (китайцы, корейцы, «монголисты»), обозначившиеся уже в ходе «харбинской» операции. Кроме того, в рамках данной репрессивной кампании в Алтайском крае очертилась так называемая «группа риска», в которую входили лица, имевшие в прошлом судимость, бывшие белогвардейцы, дворяне,

церковнослужители, включавшиеся в целевую группу приказа № 00593 за счет приписки их к агентам японской разведки.

Важнейшей особенностью «харбинской» операции на Алтае стало то, что приказ № 00593 стал не «харбинским», а китайским, так как основная часть репрессированных – китайские мигранты. Такой масштаб репрессий был связан с существованием на Алтае крупной китайской общины, которая в ходе Большого Террора была уничтожена.

ЛИТЕРАТУРА

1. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939: Документы и материалы. М., 1937. Т. 5: 1937–1939. Кн. 2.
2. Петров Н.В., Рогинский А.Б. «Польская операция» НКВД 1937–1938 гг. URL: <http://www.memo.ru/history/POLAcy/00485ART.htm>, свободный (дата обращения: 02.10.2016).
3. Охитин Н.Г., Рогинский А.Б. Из истории «немецкой операции» НКВД 1937–1938 гг. URL: <http://www.memo.ru/history/nem/Chapter2.htm>, свободный (дата обращения: 02.10.2016).
4. Джуха И.Г. Греческая операция. История репрессий против греков в СССР. СПб.: Алетей, 2006. 416 с.
5. Аблажей Н.Н. «Харбинская операция» НКВД в 1937–1938 гг. // Гуманитарные науки в Сибири. 2008. № 2. С. 80–85.
6. Аблажей Н.Н. С востока на восток: Российская эмиграция в Китае. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2007. 298 с.
7. Доклад Комиссии ЦК КПСС Президиуму ЦК КПСС по установлению причин массовых репрессий против членов и кандидатов в члены ЦК ВКП(б), избранных на XVII съезде партии от 9 февраля 1956 г. URL: <http://www.idf.ru/2/7/shtml> (дата обращения: 02.10.2016).
8. Оперативный приказ Народного комиссара Внутренних дел Союза ССР № 00593 от 20 сентября 1937 г. «О мероприятиях в связи с террористической, диверсионной и шпионской деятельностью японской агентуры из так называемых «харбинцев»» // Ленинградский мартиролог. 1937–1938. СПб., 1998. Т. 3. С. 583–585.
9. Правда. 1937. 9–10 июля.
10. Решение Политбюро ЦК ВКП(б) № П53/107 от 19 сентября 1937 г. URL: <http://www.memo.ru/history/document/harbin.htm> (дата обращения: 03.10.2016).
11. Закрытое письмо ГУГБ НКВД СССР № 60268 от 20 сентября 1937 года к Оперативному Приказу Народного Комиссара Внутренних дел СССР № 00593 от 20 сентября 1937 года. URL: <http://blog.stepanivanovichkaragodin.org/?p=5658> (дата обращения: 03.10.2016).
12. Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 г. «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия» // Исторический архив. 1992. № 1. С. 125–128.
13. Жданова Г.Д. Политические репрессии на Алтае 1919–1938 гг.: историко-статистическое исследование. Барнаул: АЗБУКА, 2015.
14. Охитин Н.Г., Рогинский А.Б., Горланов О.А. Массовые операции 1937–1938 гг. (статистические аспекты): данные по материалам ведомственной статистики НКВД СССР. М., 2007 (рукопись).
15. Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) о создании особых троек от 15 сентября 1938 г. URL: <http://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/61360> (дата обращения: 12.12.2016).
16. Отдел спецдокументации Государственного архива Алтайского края. Ф. Р-2. Оп. 7.

Potapova Natalia A. Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia). E-mail: skna17talya@mail.ru

«HARBINIAN» OPERATION OF THE NKVD OF THE USSR IN 1937–1938 IN THE ALTAI TERRITORY.

Keywords: Great Terror; «Harbinian» campaign in the Altai territory; «Harbinians»; the Chinese; the Koreans; «mongolists».

The article is devoted to carrying out “Harbinian” repression campaign in the Altai territory. The campaign was carried out among the national operations of the Great Terror to identify and expose the Japanese spies among former workers of the Chinese Eastern Railway and re-emigrants from China. The former employees and re-emigrants from China, returned to the Soviet Union after the sale of the Chinese Eastern Railway, were called “Harbinian” or “KVZhDintsy” in the Soviet society. The aim of the article is to identify the characteristics of the “Harbinian” campaign in the Altai territory. The article is based on the records of the Commission of the NKVD and the Public prosecutor of the USSR, the records of the Special Troikas and stopped archival-investigatory files of the Great Terror period. The Federal Security Service of Russian Federation for the Altai territory transferred the documents to state custody in the State Archives of the Altai territory. On the expiry of 75-year period these documents were made available to historians. Altai territory, Chita and Novosibirsk region have been leaders in the number of victims, repressed under the “Harbinian” campaign. In the Altai territory 884 people were arrested, of which 576 people were sentenced to death, 249 people were sentenced to 10 years of labor camps. The calculations showed that the proportion of persons who had been repressed by “Harbinian” line in the Altai region was 14,7% of the total number of repressed for National Operations. From September, 1937 to August, 1938 indictments were imposed by the Commission of the NKVD and the Public prosecutor of the USSR in Moscow. Since September, 1937, the punitive powers were entrusted to the Special Troikas, which stopped their work since November 13, 1938. Not only former employees of the Chinese Eastern Railway (CER, KVZhD) and re-emigrants from China, but also representatives of the Chinese, Korean and Mongolian diasporas were accused as Japanese spies in the Altai territory. The share of former employees of the CER and re-emigrants from China was about 30% from the total number of repressed by order No. 00593 in the Altai. Almost a third (about 35%) of all those convicted by the order No. 00593 in the Altai region were the Chinese. The total of 230 Chinese were convicted. By order No. 00593 about 70 Koreans were arrested: it is about 5% of all those arrested on “Harbinian” orders. 50 of so called “mongolists” (i.e. those sent by prisoner transport from Mongolia or defectors of Soviet-Mongolian boarder) were arrested in the Altai. Most of them were Russian White Guards (former members of Kaigorodov’s troop). Another part was the Chinese and the rest were the Mongols and the Buryats. Therefore, the cause of the repression was “relation” with the Japanese country rather than national identity as it was in case with Polish, German and other “National Operations”.

REFERENCES

1. Danilov, V., Manning, R. & Viola, L. (eds) (1999) *Tragediya sovetskoy derevni. Kollektivizatsiya i raskulachivanie. 1927–1939: Dokumenty i materialy* [The tragedy of the Soviet village. Collectivisation and dekulakisation. 1927–1939: Documents and materials]. Vol. 5. Moscow: ROSSPEN.
2. Petrov, N.V. & Roginskiy, A.B. (n.d.) “Pol'skaya operatsiya” NKVD 1937–1938 gg. [The “Polish operation” of the NKVD in 1937–1938]. [Online] Available from: <http://www.memo.ru/history/POLAcy/00485ART.htm>. (Accessed: 2nd October 2016).
3. Okhitin, N.G. & Roginskiy, A.B. (n.d.) *Iz istorii “nemetskoj operatsii” NKVD 1937–1938 gg.* [From the history of the “German operation” of the NKVD in 1937–1938]. [Online] Available from: <http://www.memo.ru/history/nem/Chapter2.htm>. (Accessed: 2nd October 2016).
4. Dzhukha, I.G. (2006) *Grecheskaya operatsiya. Istoriya repressiy protiv grekov v SSSR* [The Greek operation. History of repression against the Greeks in the USSR]. St. Petersburg: Aleteya.
5. Ablazhey, N.N. (2008) “Kharbinskaya operatsiya” NKVD v 1937–1938 gg. [The “Harbin operation” of the NKVD in 1937–1938]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri – Humanitarian sciences in Siberia*. 2. pp. 80–85.
6. Ablazhey, N.N. (2007) *S vostoka na vostok: Rossiyskaya emigratsiya v Kitae* [From east to east: Russian emigration in China]. Novosibirsk: SB RAS.
7. Central Committee of the CPSU. (1956) *Doklad Komissii TsK KPSS Prezidiumu TsK KPSS po ustanovleniyu prichin massovykh repressiy protiv chlenov i kandidatov v chleny TsK VKP(b), izbrannykh na KhVII s"ezde partii ot 9 fevralya 1956 g.* [Report of the Commission of the Central Committee of the CPSU to the Presidium of the Central Committee of the CPSU on the determination of the reasons for mass repression against members and candidates for membership of the Central Committee of the CPSU (B) elected at the 17th Party Congress on February 9, 1956]. [Online] Available from: <http://www.idf.ru/2/7/shtml>. (Accessed: 2nd October 2016).
8. People's Commissar of Internal Affairs of the USSR. (1937) *Operativnyy prikaz Narodnogo komissara Vnutrennikh del Soyuz SSR № 00593 ot 20 sentyabrya 1937 g.* “O meropriyatiyakh v svyazi s terroristicheskoy, diversionnoy i shpionskoy deyatel'nost'yu yaponskoy agentury iz tak nazyvaemykh ‘kharbintsev’” [Operative Order of the People's Commissar of Internal Affairs of the USSR No. 00593 of September 20, 1937 “On the activities related to the terrorist, sabotage and espionage activities of Japanese agents from the so-called ‘Harbintsy’”]. In: Razumov, A.Ya. (ed.) *Lenin-gradskiy martirolog. 1937–1938* [Leningrad Martyrology. 1937–1938]. Vol. 3. St. Petersburg: Russian National Library. pp. 583–585.
9. *Pravda*. (1937). 9th–10th July.
10. Central Committee of the CPSU (B). (1937) *Reshenie Politbyuro TsK VKP(b) № P53/107 ot 19 sentyabrya 1937 g.* [Decision of the Political Bureau of the Central Committee of the CPSU (B) No. P53 / 107 of September 19, 1937]. [Online] Available from: <http://www.memo.ru/history/document/harbin.htm>. (Accessed: 3rd October 2016).
11. NKVD. (1937) *Zakrytoe pis'mo GUGB NKVD SSSR №60268 ot 20 sentyabrya 1937 goda k Operativnomu Prikazu Narodnogo Komissara Vnutrennikh del SSSR № 00593 ot 20 sentyabrya 1937 goda* [Confidential letter of the GUGB of the NKVD of the USSR No. 60268 dated September 20, 1937 to the Operative Order of the People's Commissar for Internal Affairs of the USSR No. 00593 of September 20, 1937]. [Online] Available from: <http://blog.stepanivanovichkaragodin.org/?p=5658>. (Accessed: 3rd October 2016).
12. Council of People's Commissars of the USSR. (1992) *Postanovlenie SNK SSSR i TsK VKP(b) ot 17 noyabrya 1938 g.* “Ob arestakh, prokurorskom nadzore i vedenii sledstviya” [Decree of the Council of People's Commissars of the USSR and the Central Committee of the CPSU (b) of November 17, 1938 “On Arrests, Prosecutor's Supervision and Investigation”]. *Istoricheskiy arkhiv*. 1. pp. 125–128.
13. Zhdanova, G.D. (2015) *Politicheskie repressii na Altae 1919–1938 gg.: istoriko-statisticheskoe issledovanie* [Political repression in the Altai in 1919–1938: Historical and statistical research]. Barnaul: AZBUKA.
14. Okhitin, N.G., Roginskiy, A.B. & Gorlanov, O.A. (2007) *Massovye operatsii 1937–1938 gg. (statisticheskie aspekty): dannye po materialam vedomstvennoy statistiki NKVD SSSR* [Mass operations of 1937–1938. (Statistical aspects): On materials of departmental statistics of the USSR NKVD]. Moscow. [Manuscript]
15. Central Committee of the CPSU (B). (1938) *Postanovlenie politbyuro TsK VKP(b) o sozdanii osobykh troek ot 15 sentyabrya 1938 g.* [Decision of the Politburo of the Central Committee of the CPSU (B) on the establishment of special triples of September 15, 1938]. [Online] Available from: <http://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/61360>. (Accessed: 12th December 2016).
16. Special Documentation Department of the State Archives of the Altai Territory State Archives of the Altai Territory. (n.d.) Fund R-2. List 7.

УДК 94(571.1/.5) "1945/1953"
DOI: 10.17223/19988613/47/11

С.Н. Андреенков

АГРОТЕХНИКА СОВХОЗОВ СИБИРИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1940-х – НАЧАЛЕ 1950-х гг.

Анализируются вопросы развития агротехники в совхозах Сибири в годы послевоенного сталинизма. На новом источниковом материале показано, что в данный период государственные хозяйства региона смогли добиться успехов в развитии сортового семеноводства. Активно распространялась травопольная система земледелия. Однако агротехнические новации росту продуктивности совхозов не способствовали. Объёмы собранного с полей зерна по-прежнему зависели от размеров посевных площадей, благосклонности природы и качества труда работников хозяйств.

Ключевые слова: совхозы; агротехника; сельское хозяйство; травопольная система земледелия; производство зерна; Сибирь.

Актуальной проблемой советского государства первых десятилетий его существования являлось недостаточное и нестабильное производство сельскохозяйственной продукции, в первую очередь хлеба. Подъём отрасли руководители советского государства связывали с созданием крупных высокотоварных сельскохозяйственных предприятий индустриального типа, базирующихся на общественной собственности. Такие хозяйства, по мнению новых властей, позволяли быстрее внедрять в аграрную сферу экономики новейшие агротехнические новации. Их появлению должен был предшествовать переходный период, в рамках которого обобществлялись крестьянские хозяйства для создания колхозов. Одновременно организовывались и крупные государственные сельхозпредприятия – совхозы, которые превосходили колхозы по уровню механизации, квалификации персонала и развитию агротехники и должны были стать «локомотивами» аграрной экономики. Для того времени совхозы, по сути дела, являлись хозяйствами будущего, созданными в настоящем.

Интерес к проблемам развития и функционирования колхозно-совхозной системы СССР в настоящее время очевиден. Он повышается по мере нарастания позитивных тенденций в сельском хозяйстве России, во многом обусловленных введением эмбарго на ввоз продовольствия из-за рубежа и деятельностью крупных сельскохозяйственных организаций разных видов собственности. Актуальность темы будет расти и в случае усиления негативных процессов.

История совхозной системы СССР, разумеется, изучалась советскими исследователями [1]. В конце 1980-х – 1990-е гг. число публикаций, в которых она освещалась, резко сократилось. Работы по теме стали появляться только в течение последнего десятилетия [2–5]. На наш взгляд, один из её наиболее востребованных сюжетов – развитие в совхозах агротехники. Данная научно-историческая проблема предметно не рассматривалась историками даже в советский период. Попытки проанализировать агротехнические новации в государственных хозяйствах Сибири периода послевоенного сталинизма, по сути дела, предпринимаются впер-

вые. При раскрытии темы можно опираться на работы, посвящённые теории и практике развития земледелия в Сибири в XX в., в частности травопольной системе земледелия [6].

Колхозно-совхозная система, созданная в 1930-е гг., существенно отличалась от предположений большевистских теоретиков 1920-х гг. Колхозы, жёстко эксплуатировавшиеся государством, стали главным поставщиком хлеба и из временной организационно-производственной формы превратились в постоянную. Совхозы обладали лучшими техническими ресурсами и квалифицированными руководящими кадрами, но урожайность в них была ниже, чем в крестьянских хозяйствах и колхозах. Государственный сектор аграрной экономики отличался невысоким уровнем рентабельности. Себестоимость производства сельхозпродукции в нём была существенно выше, чем в колхозах, поскольку работники совхозов, в отличие от колхозников, получали гарантированную заработную плату. При этом большой проблемой совхозов являлись прогулы, хищения и разбазаривание имущества предприятий. В связи с низкой рентабельностью совхозного производства программу его расширения свернули. Во второй половине 1930-х гг. часть малорентабельных совхозов была ликвидирована, часть – разукрупнена. Из узкоспециализированных хозяйств они преобразовывались в многоотраслевые.

К 1940 г. в Сибири насчитывалось 417 совхозов (колхозов – 20 тыс.), на госхозы приходилось 11% общей посевной площади и 10% всех зерновых посевов [5. С. 18]. Примерно треть госхозов Сибири подчинялась структуре Наркомата зерновых и животноводческих совхозов РСФСР. Остальные госхозы находились под управлением Наркомата земледелия, Наркомата пищевой промышленности, трестов пригородного сельского хозяйства, промышленных предприятий. Важнейшими задачами совхозов являлись повышение уровня культуры сельскохозяйственного производства и снижение за счёт этого себестоимости производства для роста рентабельности в условиях стабильных относительно низких сдаточных цен.

В годы Великой Отечественной войны совхозы, как и колхозы, обеспечивали фронт продовольствием и несли ощутимые потери. Посевы зерновых культур уменьшились на 23%. В совхозах, сгруппированных в тресты, они снизились ещё больше. В Омской области в 1944 г. в предприятиях «Зернотреста», «Молтреста» и «Свиноводтреста» яровых культур посеяли на 57% меньше, чем в 1940 г. Уровень механизации зернового хозяйства в трестированных совхозах накануне войны был выше, чем в колхозах, поэтому они более остро реагировали на ухудшение технической оснащённости производства [7. С. 118].

В послевоенные годы выращивание зерновых культур по-прежнему было делом в основном трестированных совхозов. В 1946 г. в управлении совхозов Сибири насчитывалось 139 предприятий. В их распоряжении

находилось 797 тыс. га сельскохозяйственных угодий, из которых под посевы было отведено 331 тыс. га (41%), из них под зерновые культуры – 240 тыс. га (72%) (табл. 1).

Как и до войны, Центр не требовал от хозяйств соблюдения узкой специализации и предлагал развивать наряду с ведущей отраслью дополнительные направления. В Сибири наиболее выгодным оставалось производство зерна, поэтому доля зерновых посевов в структуре общей посевной площади оказывалась существенной. Добиваться высоких результатов в животноводстве было сложнее, в частности, из-за низкой питательности кормов. Разведением скота и птицы занимались в основном подсобные хозяйства промышленных предприятий и организаций. Они также выращивали картофель и овощи.

Т а б л и ц а 1

**Структура сельскохозяйственных угодий в предприятиях управления совхозов Сибири
Министерства совхозов СССР в 1946–1951 гг., тыс. га**

Показатель	1946 г.	1949 г.	1950 г.	1951 г.
Число совхозов	139	–	164	164
Естественные сенокосы	389,1	510,2	550,4	726,7
Дикоросы, используемые на силос	76,1	109,0	123,5	103,2
Вся площадь посева	331,6	592,5	694,0	790,0
В том числе				
Зерновых	240,2	429,5	441,9	456,4
Технических	1,4	1,4	1,3	2,2
Картофеля	3,3	4,9	6,9	8,2
Овощебахчевых	1,4	1,2	1,6	1,5
Кормовых	85,3	155,5	242,2	321,6
В том числе				
Трав	79,0	145,1	167,4	192,7
Итого	797,0	1211,7	1368,0	1620,0

Источник: РГАЭ. Ф. 7803. Оп. 3. Д. 742. Л. 14 об., 15, 16, 16 об., 22 об., 23 об.

Финансово-экономические показатели деятельности совхозов оставляли желать лучшего. Рентабельность предприятий оставалась низкой. В 1946 г. – первой половине 1947 г. из полутора десятка предприятий Алтайского треста зерновых совхозов сверхдоходными были только два.

К концу четвёртой восстановительной пятилетки (1946–1950 гг.) производственные мощности государственных сельхозпредприятий увеличились. В 1950 г. в хозяйствах управления совхозов Сибири посевные площади всех сельхозкультур оказались больше, чем в 1946 г., в два раза, в том числе зерновых культур – на 84% (см. табл. 1). Посевы госхозов Сибири в целом в 1950 г. превосходили довоенные показатели. В Алтайском крае уровень 1938 г. они превысили на 40%. Зерновые здесь в 1950 г. посеяли на площади, которая была больше, чем в 1938 г., почти на 5%. Колхозному сектору Сибири пятилетки для восстановления посевной площади не хватило. В Алтайском крае в 1950 г. её размеры были равны 96 и 92% от довоенного уровня соответственно [8. С. 41, 43; 9. Т. 1. С. 182–184, 208–210].

В совхозах быстрее восстанавливалась материально-техническая база земледелия. В годы четвёртой пятилетки в государственных сельхозпредприятиях Си-

бири появились десятки новых зернохранилищ, крытых токов, ремонтно-технических мастерских. Увеличивались поставки сельскохозяйственной техники. Существенную роль в повышении уровня механизации совхозного производства играла его электрификация. Нарастали трудовые ресурсы.

Правительство стремилось увеличить масштабы внесения в почву минеральных удобрений. Верховная власть признавала, что промышленность производит их в минимальных объёмах, но даже имеющиеся небольшие партии химикатов хозяйства не спешат использовать. В 1950 г. в Новосибирской области совхозы получили задание внести гранулированные удобрения в почву на площади 30 тыс. га [10. Оп. 33. Д. 1216. Л. 83].

Уделялось внимание качеству семенного материала. С 1937 г. действовала сеть государственных селекционных станций. При Министерстве сельского хозяйства была создана крупная организация, занимавшаяся заготовкой, хранением и реализацией сортовых семян зерновых культур («Госсортфонд»). В 1940 г. в РСФСР ими засеивалось 83% площади зерновой пашни. За годы войны этот показатель существенно снизился, но после Победы стал расти и к 1953 г. достиг 80% в колхозах и

86% в совхозах. Не последнюю роль в развитии зернового семеноводства сыграли вновь созданные органы управления этой сферой. В 1947 г. «Госсортфонд» перешёл в подчинение Министерства заготовок СССР, появилась структура «Главзаготсортзерно». В 1948 г. в регионах учредили инспекции по качеству семян [11. Оп. 46. Д. 164. Л. 20–21].

На рубеже 1940–1950-х гг. совхозы Сибири участвовали в эксперименте по выращиванию ветвистой пшеницы, за продвижение которой выступал академик ВАСХНИЛ Т.Д. Лысенко. В 1949 г. ветвистую пшеницу посеяли государственные хозяйства Алтайского и Красноярского краёв, Омской, Новосибирской и Иркутской областей на пашне в 173 га. Ещё 73 га отвели под неё в совхозах Московской области. Всего было произведено 2,8 тыс. т зерна (в сибирских хозяйствах – 2,6 тыс. т), с каждого гектара в среднем собрали по 11,3 ц/га. В Сибири урожайность этой культуры оказалась неожиданно высокой. В Новосибирской области она составила 14 ц/га, в Иркутской – 15, в Красноярском крае – 17 ц/га. В Московской области для сравнения – только 3,5 ц/га. В 1950 г. опыты продолжились. Посевы ветвистой пшеницы в совхозах указанных выше сибирских регионов возросли почти в 6 раз (до 1 020 га). В почву были внесены гранулированные удобрения, для борьбы с вредителями растений использовался дуст. Агрономы совхозов, в которых размещались посевы ветвистой пшеницы, получили подробные инструкции от академика Т.Д. Лысенко [12. Оп. 5. Д. 37. Л. 311; Д. 57. Л. 426]. По итогам выращивания ветвистой пшеницы в 1950 г. был сделан вывод о том, что в больших масштабах высокорезультативно выращивать эту культуру крайне сложно: её посевы должны быть сильно разреженными, требовались специальная машинная техника, немалое количество удобрений и химических средств защиты растений. Предоставить хозяйствам достаточный объём этих ресурсов государство пока не могло.

Урожайность полей достигалась в основном за счёт совершенствования технологии обработки почвы и ухода за посевами. Многие совхозы стали применять такие приёмы, как подъём паров, вспашка зяби, пахота плугами с предплужниками, предпосевная культивация, прокатывание пашни после посевов, снегозадержание и пр. В начале 1950-х гг. началось распространение методики ухода за почвой и посевами, разработанной новатором сельского хозяйства Т.С. Мальцевым. Основой мальцевской агротехники являлись применение пара, глубокой вспашки почвы безотвальными орудиями в сочетании с неглубокой бесплужной обработкой полей; подбор культур и сортов зерновых, зернобобовых и трав; предпосевное уничтожение сорняков; использование сроков сева, наиболее полно соответствующих местным условиям. Однако основная ставка делалась на внедрение травопольной системы земледелия В.Р. Вильямса, в рамках которой восстановление и приумножение плодородия полей достигались

за счёт введения в севообороты значительного клина многолетних сеяных трав. Данная агротехника также позволяла увеличить кормовую базу животноводства.

Планы широкомасштабного использования травополья в Сибири разрабатывались ещё в 1920-е гг. Их осуществлению помешала сплошная коллективизация, в ходе которой о необходимости ведения правильных севооборотов никто не помышлял. Более того, находились «специалисты», пропагандировавшие насаждение бессменной зерновой монокультуры. Забвение агротехнических основ земледелия привело к падению плодородия почв. В связи с этим в 1932 г. в основных сельскохозяйственных районах страны началось внедрение парозерновых и паропропашных севооборотов, которые из-за острого дефицита минеральных удобрений оказались малоэффективными.

В 1937 г. правительство объявило о начале перехода к травополью. Для компенсации потери посевов зерновых культур в связи с массовым внедрением в севообороты трав в 1940 г. было принято решение о создании дополнительного зернового поля в восточных районах страны. Резервная нива должна была стать результатом освоения целинных и залежных земель (Постановление Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) от 20 апреля 1940 г. «О дальнейшем подъеме зернового хозяйства в колхозах и совхозах восточных районов СССР: Алтайского и Красноярского краёв, Новосибирской, Омской, Челябинской областей; Акмолинской, Павлодарской, Северо-Казахстанской, Кустанайской, Семипалатинской и Восточно-Казахстанской областей») [13. Т. 2, кн. 2. С. 749–752]. Но переход к травополью и осуществление «целинного проекта» 1940 г. прервала начавшаяся Великая Отечественная война.

После Победы внедрение рассматриваемой агротехники возобновилось. 20 октября 1948 г. Совет министров СССР принял постановление «О плане полезащитных лесонасаждений, внедрения травопольных севооборотов, строительства прудов и водоемов для обеспечения высоких и устойчивых урожаев в степных и лесостепных районах европейской части СССР» [Там же. Т. 3. С. 531–549], известное как «Сталинский план преобразования природы». Рассчитан он был на 15 лет. Одновременно с началом его реализации на юге Урала и Сибири, на севере Казахстана должна была завершиться распахка целинных и залежных земель для создания страховочного зернового поля. Решение об этом правительство приняло ещё 26 декабря 1946 г. Новая целинная программа предусматривала увеличение за 1947–1949 гг. на востоке страны общей площади посева на 8 млн га, в том числе зерновых культур – на 6,5 млн, яровой пшеницы – на 5,5 млн га [Там же. С. 368–379]. Однако из-за недостатка людских и технических ресурсов эту задачу в полной мере выполнить не удалось. В связи с этим в Сибири было решено продвигать травополье, а также создавать полезащитные насаждения и водоемы.

В 1950 г. нарезку полей севооборотов в государственном секторе аграрной экономики в основном закончили. Но полностью их освоить смогли не все хозяйства. В 1951 г. в Сибири из 86 обследованных совхозов севообороты всех видов полноценно функциони-

ровали в 10 сельхозпредприятиях, полевые – в 36, прифермские – в 17, лугопастбищные – в 10, овощные – в 2. Процент освоения полевых и лугопастбищных севооборотов в Сибири был выше, чем в целом по стране, а овощных – ниже (табл. 2).

Т а б л и ц а 2

Освоение травопольных севооборотов в 1951 г. в совхозах Министерства совхозов СССР

Показатель	СССР		РСФСР		Сибирь	
Обследовано совхозов	1794		535		86	
Освоили севообороты	абс.	%	абс.	%	абс.	%
Всех видов	272	15,1	69	13,0	10	11,6
Полевые	532	29,6	124	23,1	36	41,8
Прифермские	316	17,6	96	18,0	17	19,7
Лугопастбищные	152	8,4	55	10,2	10	11,6
Овощные	78	4,3	41	7,6	2	2,3

Источник: РГАЭ. Ф. 7803. Оп. 5. Д. 71. Л. 34.

В зерносовхозах ситуация с внедрением рассматриваемой агротехники складывалась лучше: план посева базовых групп сельскохозяйственных культур в этих хозяйствах устанавливался в основном в соответствии с вновь введёнными севооборотами. Например, в 1951 г. в Алтайском крае зерновые поля, включённые в новую систему чередования культур, составляли 239,6 тыс. га. План посева всех зерновых на будущий год равнялся 241,6 тыс. га. Таким образом, вне севооборотов оставалась площадь всего в 2 тыс. га [12. Оп. 5. Д. 71. Л. 38–39].

Однако качество севооборотов было невысоким. В 1951 г. при переходе к полевым севооборотам от исходного плана их введения отошли 48% совхозов страны. С нарушениями оказалось 29% полей и 45% севооборотов. Посевы многолетних трав были меньше плановой нормы в 26% полевых севооборотов, размещены не там, где намечалось, – в 11%. Зерновые посевы занимали не предусмотренное планом место в 27, пары – в 16% полевых севооборотов. В Сибири причинами указанных ошибок являлись отсутствие опыта возделывания травяных культур и нехватка семенного материала. В Новосибирской области в 1951 г. потребность совхозов в семенах трав была удовлетворена на 15%, в Кемеровской области – на 50, в Красноярском крае – на 43%. Кроме того, в 1950 г. совхозы региона недовыполнили план вспашки паров и зяби, поэтому весной 1951 г. травяные посевы размещались в основном на подготовленных полях [Там же. Л. 40, 42].

Площадь посева трав в государственных хозяйствах существенно увеличилась. В сельхозпредприятиях управления совхозов Сибири за 1950 г. она выросла на 15%, в течение следующего года – ещё настолько же. Зерновые посевы при этом расширялись на 3% в год соответственно. Их сокращение во избежание падения валовых сборов хлеба строгойше запрещалось. Однако доля зерновых в посевной площади уменьшалась. В 1950 г. она составляла 63%, в 1951 г. – 57% (см. табл. 1).

В 1950 г. для совхозов страны были установлены задания пятого пятилетнего плана (1951–1955 гг.). В госхозах Сибири за пятилетку земельные площади под сельскохозяйственными культурами намечалось увеличить на 21%, в том числе под зерновыми культурами – на 1,8%, под травяными – на 94%. Если в 1950 г. в структуре посевов первые занимали 62%, вторые – 24%, то в 1955 г. они должны были равняться соответственно 52 и 39% [Там же. Д. 50. Л. 30–31].

Другой пункт «Сталинского плана преобразования природы» – создание полесозащитных лесонасаждений – реализовывался медленнее. Во многих совхозах Сибири до начала реализации этих установок искусственных лесополос при пахотных угодьях не было. В Красноярском крае для защиты полевых и кормовых севооборотов государственных хозяйств (288,7 тыс. га) требовалось 14,6 тыс. га лесонасаждений. Часть этой площади (8,3 тыс. га) закрывал дикорастущий лес, полесозащитные лесопосадки, таким образом, должны были составлять только 6,3 тыс. га. В 1949–1950 гг. планировалось заложить 0,6 тыс., в 1951–1955 г. – 2,4 тыс., в 1956–1965 гг. – 3,3 тыс. га лесонасаждений. В Алтайском крае в 1949–1965 гг. при совхозных полях намечалось создать 5,7 тыс. га лесополос, в Омской области – 2,3 тыс., в Новосибирской – 1,6 тыс. га соответственно [Там же. Д. 74. Л. 46, 75–76]. Планы посадки лесокультур не выполнялись, поскольку посадочного материала не хватало. Многие лесонасаждения оставались без присмотра, поэтому вырубались и уничтожались пожарами.

Рассмотренные агротехнические новации росту производства зерна в государственном секторе сельского хозяйства не способствовали. В 1949 г. в хозяйствах управления совхозов Сибири было собрано 4 млн т хлеба, в 1950 г. – 3,7 млн, в 1951 г., который оказался неурожайным, – 1,8 млн т. Посевы зерновых культур при этом возрастали: 429, 441 и 456 тыс. га соответственно (см. табл. 1; табл. 3). В 1953 г. в госхозах Сибири в целом было посеяно зерновых меньше, чем в 1950 г. (1 328 тыс. против 1 008 тыс. га) [9. Т. 1. 208–211].

**Валовые сборы продукции растениеводства в хозяйствах управления совхозов Сибири
Министерства совхозов СССР в 1946–1951 гг., тыс. т**

Показатель	1946 г.	1949 г.	1950 г.	1951 г.
Число совхозов	139	–	164	164
Зерно	1637,9	4033,0	3753,2	1809,6
Масличные	–	2,5	3,4	2,0
Картофель	107,7	347,3	633,6	312,0
Овощебахчевые	39,0	51,4	122,5	54,1

Источник: РГАЭ. Ф. 7803. Оп. 3. Д. 742. Л. 5об., 14 об., 15; Д. 952. Л. 6 об., 15 об., 16; Д. 1030. Л. 7 об., 15 об., 16; Д. 1115. Л. 6 об., 14 об., 15.

Показатели финансово-экономической деятельности государственных хозяйств оставались низкими. Их рентабельность падала. В 1949 г. из 164 сельхозпредприятий, относившихся к управлению совхозов Сибири, нерентабельными оказались 97, убытки каждого такого хозяйства в среднем составили 291 тыс. руб. В 1950 г. данные показатели составили соответственно 135 и 450 тыс., в 1951 г. – 157 и 742 тыс. руб. Наиболее неблагоприятными в этом плане были совхозы Алтайского зерноживотреста, где не было ни одного прибыльного хозяйства. Основная причина понижения рентабельности – рост себестоимости продукции. В 1951 г. в предприятиях управления плановые издержки производства 1 ц зерна составляли 39 руб., фактические – 92,8 руб. Падению рентабельности способствовало уменьшение

государственной сдаточной цены на зерно из-за его низкого качества [12. Оп. 3. Д. 1115. Л. 105–106, 117].

Таким образом, в послевоенные годы в совхозах Сибири использовались современные агротехнические приемы. Минеральные удобрения и другие средства агрохимии применялись в небольших масштабах. Наблюдались позитивные сдвиги в сортовом семеноводстве. Повсеместно распространялись травопольные севообороты. Правда, их качество было низким. Агротехнические новации реальным фактором развития совхозного земледелия не стали. Объемы зерна по-прежнему зависели от размеров посевных площадей, т.е. от экстенсивных технологий. В начале 1950-х гг. в совхозном земледелии преобладали застойные тенденции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богденко М.Л., Зеленин И.Е. Совхозы СССР. Краткий исторический очерк (1917–1975 гг.) / под ред. И.М. Волкова. М., 1976. 279 с.
2. Романченко В.Я. Типология и особенности эволюции совхозной системы России в условиях аграрной модернизации 1950-х – 1980-х гг. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2012: Типология и особенности аграрного развития России и Восточной Европы Х–XXI вв. / отв. ред. Е.Н. Швейковская. Москва; Брянск: РИО Брян. гос. ун-та, 2012. Т. 1. С. 510–520.
3. Степанов В.В. Совхозы Урала в отечественной историографии // Аграрный вестник Урала. 2013. № 9 (115). С. 61–66.
4. Трофимова А.И. Процесс экономической модернизации в совхозах РСФСР в 1930–1950-х гг. (на материалах Европейского Севера России) // Историческая и социально-образовательная мысль. 2013. № 4 (20). С. 42–45.
5. Андреенков С.Н. Колхозно-совхозная система Сибири в 1946–1964 гг.: функционирование и реформирование. Новосибирск: Сибпринт, 2016. 256 с.
6. Ильиных В.А. Звезда и смерть сибирского травополья // Крестьяноведение. 2016. Т. 1, № 1. С. 93–121.
7. Ильиных В.А., Андреенков С.Н., Рынков В.М. и др. Сельское хозяйство Сибири в XX веке: проблемы развития и кризисы. Новосибирск: Сибпринт, 2012. 408 с.
8. Посевные площади СССР. 1938 г.: стат. сб. Москва; Ленинград, 1939. 309 с.
9. Посевные площади СССР: стат. сб. М., 1957. 514 с.
10. Государственный архив Новосибирской области. Ф. П-4.
11. Российский государственный архив новейшей истории. Ф. 5.
12. Российский государственный архив экономики. Ф. 7803.
13. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам (1917–1967 гг.). М., 1967.

Andreenkov Sergey N. Institute of history of the Siberian branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russia). E-mail: Andreenkov_sn@mail.ru

AGROCULTURAL TECHNOLOGY OF STATE FARMS OF SIBERIA IN THE SECOND HALF OF 1940S – EARLY 1950S.

Keywords: state farms; agrotechnology; agriculture; grassland farming; grain production; Siberia.

The aim of the study is to identify peculiarities of agricultural technology development in the Siberian state farms in the second half of the 1940s – the first half of the 1950s. The article main tasks are the following: to determine the specifics of functioning this type agricultural enterprises in Siberia in the previous period and the state policy towards them; to analyze the seed production development and practices in using techniques for tillage and sowing; to study the agricultural engineering innovations effect on production and financial and economic indicators of the Siberian economy. The research is based on the documents of the State Archives of Novosibirsk Region, the Russian State Archive of Recent History, the Russian State Archive of Economics. In the latter, the documents of the Ministry of State Farms of the USSR were thoroughly analyzed. The paper represents data obtained from documentary and statistical publications. During the study the author came to the following conclusions: State farms (sovkhozs) created in the course of forced collectivization received the best equipment, personnel and relatively favorable conditions for work, but they did not become high-productive agricultural enterprises. After finishing the Great Patriotic War, which caused significant damage to State farms, crops farming of the agrarian state sector in Siberia was restored at a relatively fast pace. The production of grain dominated the crop industry. Positive shifts in high quality seed production were observed. The experience of growing branched wheat in Siberian state farms is very interesting in this

respect. Mineral fertilizers and other agrochemical agents were used on a small scale. In general, these intensive methods did not become the factor of growing crop production. In this regard, attempts were made to use soil tillage and crop care technologies that did not require large financial costs. The main agrotechnical innovation of this kind was the grassland system of agriculture, which started to be applied everywhere. In Siberia, its large-scale application did not contribute to the growth of productivity in state farms due to admitting serious errors. The volumes of grain harvested from the fields depended as before on the size of sown areas, the favor of nature and the labor quality of farm workers, which remained at a rather low level. Agricultural engineering innovations did not become a real factor of the Soviet farming development. In the early 1950s stagnant trends were dominant the state sector of Siberian agriculture.

REFERENCES

1. Bogdenko, M.L. & Zelenin, I.E. (1976) *Sovkhozy SSSR. Kratkiy istoricheskiy ocherk (1917–1975 gg.)* [State farms of the USSR. A short historical essay (1917–1975)]. Moscow: Politizdat.
2. Romanchenko, V.Ya. (2012) Tipologiya i osobennosti evolyutsii sovkhonoy sistemy Rossii v usloviyakh agrarnoy modernizatsii 1950-kh – 1980-kh gg. [Typology and features of the evolution of the Russian state farm system during agrarian modernisation of the 1950s–1980s]. In: Shveykovskaya, E.N. (ed.) *Ezhegodnik po agrarnoy istorii Vostochnoy Evropy. 2012: Tipologiya i osobennosti agrarnogo razvitiya Rossii i Vostochnoy Evropy X–XXI vv.* [Yearbook on the Agrarian History of Eastern Europe. 2012: Typology and features of agrarian development of Russia and Eastern Europe of the 10th–21st centuries]. Vol. 1. Moscow; Bryansk: Bryansk State University. pp. 510–520.
3. Stepanov, V.V. (2013) Sovkhozy Urala v otechestvennoy istoriografii [State farms of the Urals in Russian historiography]. *Agrarnyy vestnik Urala – Agrarian Bulletin of the Urals*. 9(115). pp. 61–66.
4. Trofimova, A.I. (2013) The process of economic modernization in state farms of the RSFSR in the 1930–1950s (a case study of the European North of Russia). *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl' – Historical and Social-Educational Idea*. 4(20). pp. 42–45. (In Russian).
5. Andreenkov, S.N. (2016) *Kolkhozno-sovkhonnaya sistema Sibiri v 1946–1964 gg.: funktsionirovanie i reformirovanie* [The collective-farm and state farm system of Siberia in 1946–1964: Functioning and reforming]. Novosibirsk: Sibprint.
6. Il'inykh, V.A. (2016) Zvezda i smert' sibirskogo travopol'ya [Star and death of Siberian grasslands]. *Krest'yanovedenie*. 1(1). pp. 93–121.
7. Il'inykh, V.A., Andreenkov, S.N., Rynkov, V.M. et al. (2012) *Sel'skoe khozyaystvo Sibiri v XX veke: problemy razvitiya i krizisy* [Siberian agriculture in the twentieth century: Development problems and crises]. Novosibirsk: Sibprint.
8. Krashnin, V.G. (ed.) (1939) *Posevnye ploshchadi SSSR. 1938 g.* [Cropping lands in the USSR. 1938]. Moscow; Leningrad: Gosplanizdat.
9. Council of Ministers of the USSR. (1957) *Posevnye ploshchadi SSSR* [Cropping lands in the USSR]. Moscow: Gosstatizdat.
10. The State Archives of Novosibirsk Region. Fund P-4. (In Russian).
11. The Russian State Archives of Contemporary History. Fund 5. (In Russian).
12. The Russian State Archive of Economics. Fund 7803. (In Russian).
13. Chernenko, K.U. & Smirnyukov, M.S. (1967) *Resheniya partii i pravitel'stva po khozyaystvennym voprosam (1917–1967 gg.)* [Decisions of the Party and government on economic issues (1917–1967)]. Moscow: Politizdat.

УДК 331.58 (9)
DOI: 10.17223/19988613/47/12

С.А. Баканов, А.А. Попов

КАК ШАХТЕРЫ СТАЛИ «АРИСТОКРАТАМИ»: СОЦИАЛЬНЫЕ ЭФФЕКТЫ РАЗВИТИЯ УГЛЕДОБЫЧИ В СССР И ПОЛЬШЕ (1945–1970-е гг.)

Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ (проект № 15-31-01226).

На основе архивных документов и статистических данных проанализированы основные этапы развития угледобывающих отраслей Польши и СССР. Впервые в отечественной исторической науке социальные эффекты развития угледобычи рассматривались с позиций компаративного подхода. Авторы делают выводы о значительном сходстве моделей привлечения рабочей силы и стимулирования труда. Дефицит ресурсов в послевоенный период предопределил использование мобилизационных методов, основанных на применении принудительного труда. Необходимость снижения текучести рабочей силы и повышения производительности при одновременном отказе от использования принудительного труда побудили польские и советские власти существенно увеличить доходы и качество жизни шахтеров. Однако существенные различия в себестоимости угля и структуре энергопотребления предопределили расхождение в развитии отраслей в рассматриваемых странах: в СССР высокий уровень жизни шахтеров определялся государственными дотациями, в Польше – высокой доходностью и огромными лоббистскими возможностями отрасли.

Ключевые слова: угольная промышленность; шахтеры; история СССР; история Польши; Верхняя Силезия; социально-экономическая политика.

Во второй половине 1970-х гг. за шахтерами и в Польше, и в СССР закрепилось неформальное прозвище «аристократии рабочего класса», поскольку уровень жизни горняков был заметно выше среднего для группы промышленных рабочих. Однако в исторической перспективе столь благополучное положение горняков сложилось далеко не сразу. На протяжении большей части XX в. труд шахтера оставался тяжелым, опасным и довольно низкооплачиваемым (особенно если соотносить доходы горняков с трудоемкостью добычи угля), а бытовые условия – неудовлетворительными. При этом, например, для британских шахтеров даже 1970-е гг. были периодом падения уровня дохода относительно среднего уровня группы промышленных рабочих.

В данной статье предпринимается попытка на основе архивных документов и анализа статистических данных рассмотреть основные этапы социального развития угледобывающей отрасли и определить факторы роста благосостояния шахтеров в Польше и СССР в 1945–1970-е гг. Выбор стран обусловлен тем, что и для Польши, и для Советского Союза – главных производителей каменного угля среди стран соцлагеря, уголь играл особую роль в экономике, выступая в качестве мультипликатора развития всей социалистической индустрии. В угледобывающей отрасли этих стран применялись сходные модели рекрутирования рабочих кадров, которые, впрочем, обладали национальной спецификой. Хронологические рамки ограничены, с одной стороны, окончанием Второй мировой войны, с другой – влиянием на отрасль мирового энергетического кризиса середины 1970-х гг. Рассматриваемый период был разделен на три этапа в соответствии с реализацией долгосрочного планирования экономического развития в Польше и СССР.

Мобилизационная экономика послевоенного периода (1945–1955 гг.). Вторая мировая война обернулась для Советского Союза и Польши колоссальными материальными потерями во всех сферах экономики, включая угледобычу. Крупнейшие месторождения Донбасса и Верхней Силезии длительное время находились под контролем немцев, вследствие чего хозяйственные связи пришли в упадок. Нехватка оборудования и рабочей силы серьезно затрудняли восстановление производства. Программы послевоенного восстановления в рассматриваемых странах предусматривали форсированную индустриализацию, топливом для которой должен был стать именно уголь.

В СССР окончание войны не означало прекращения ажиотажного спроса на уголь, так как промышленность и энергетика страны по инерции еще продолжали некоторое время работать в военном режиме. Кроме того, по предвоенным планам угледобывающая отрасль должна была продолжать наращивать темпы и объемы добычи твердого топлива в 2–4 раза. Этому должно было способствовать как восстановление работы предприятий на бывших оккупированных территориях, так и новое шахтное строительство. Немаловажную роль в этом должен был сыграть и запланированный рост производительности труда.

Между тем имевшиеся на момент окончания войны в стране шахтерские кадры, а это более 560 тыс. человек [1. С. 658] в 1945 г., представляли собой сложный конгломерат различных категорий более или менее принудительно трудящихся граждан с подорванным здоровьем, не имеющих специальной подготовки и квалификации и проживавших, как правило, в совершенно неудовлетворительных бытовых условиях. Так, например, в 1945 г. в комбинате «Челябинскуголь» мобилизованные рабочие и спецконтингент (военно-

пленные, трудмобилизованные, трудпоселенцы, заключенные и др.) суммарно давали около 60% из 57 тыс. трудящихся [2. Оп. 10. Д. 263. Л. 37]. В тресте «Волчанскуголь» доля спецконтингента превышала 90% [3. Оп. 1. Д. 18а. Л. 7, 60, 69]. А на комбинате «Молотовуголь» категории рабочих, относящиеся к спецконтингенту, составляли 44% всего персонала, в том числе 33% всех рабочих – это расконвоированные окруженцы [4. Оп. 1. Д. 1418. Л. 266]. Похожее положение с кадрами наблюдалось почти во всех угольных бассейнах страны. Только к концу 1940-х гг. доля принудительного труда по комбинатам стала сокращаться и вольнонаемные рабочие, прибывшие по оргнабору или после демобилизации стали преобладать, составив, например, в «Челябинскугле» 65% от числа всей рабочей силы. Остальные вакансии по-прежнему заполнялись спецконтингентом – 25%, досрочно освобожденными – 5%, репатрированными – 4,5%, эвакуированными, но не имеющими возможности вернуться домой, – 1,5% [5. Оп. 8. Д. 209. Л. 42]. Доля женщин на подземных работах в середине 1940-х – середине 1950-х гг. колебалась вокруг цифры 20%. В Кузбассе только в 1952 г. приказом министра угольной промышленности А.Ф. Засядько заключенные были выведены со всех подземных работ, а все помещения лаготделений были переданы угольным трестам [6. С. 98].

Залогом качественных сдвигов в развитии угольной промышленности СССР к середине 1950-х гг. стало завершение механизации основных производственных операций – проходки, добычи, погрузки, откатки, подъема и транспортировки угля [7. С. 192–194]. Успехи в деле механизации вели к существенному изменению характера шахтерского труда. Теперь доминирующим становился уже не тяжелый ручной труд в забое, но труд квалифицированный, требующий специальных знаний для обслуживания горной техники, так как на смену обушку и отбойному молотку пришли проходческие машины и угольные комбайны. Решающее значение приобретало теперь уже не количество, а качество рабочей силы. Это требовало пересмотра мобилизационной трудовой политики и перехода к иным способам мотивации труда.

Усилиями правительства были существенно повышены общественный статус и престиж шахтерской профессии. Так, в 1947 г. был учрежден особый профессиональный праздник День шахтера. Еще раньше, в 1946 г., были на 20% повышены зарплаты и созданы финансовые условия для приобретения жилья для рабочих и инженерно-технических работников предприятий и строек, расположенных на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке [8. С. 1]. Показательно, что изменился даже внешний облик рабочего. В одном из шахтерских интервью говорится: «Жизнь налаживалась. Сам по себе изменился шахтер. Если раньше на разнарядке утром все сидели грязные, курили, матерились, ведь начальство-то тоже было малограмотным и малокультурным, то в 1950-е гг. изменилось к этому отношение.

Шахтеры стали ходить на наряд в чистом, курить там перестали. Всем своим видом они теперь показывали достоинство рабочего человека» [7. С. 198].

В Польше послевоенное изменение границ предполагало приобретение некоторых бывших немецких территорий. Теперь все шахты некогда разделенного государственными границами верхнесилезского угольного бассейна переходили под контроль Варшавы, а кроме того, Польша получала нижнесилезские и опольские месторождения. Теоретически советская сторона могла претендовать на капиталы немецких предприятий на всех бывших немецких территориях и оставить новоприобретенные шахты без оборудования. Вероятно, это стало значимым аргументом при заключении долгосрочного договора о поставках польского угля в СССР по «специальной договорной цене», которая была на порядок ниже рыночной и близкой к себестоимости добычи. Речь шла о ежегодной отгрузке около 13 млн т (с 1947 г. эти объемы были снижены вдвое) [9. С. 44]. При этом торговля углем была для Польши очень важной статьёй экспорта, а сам уголь являлся в стране основным видом топлива, так что проблема увеличения добычи неизбежно стала одной из главных забот новых польских властей. В условиях крайне ограниченных ресурсов руководство страны прибегло к методам мобилизационной экономики по советскому образцу. Уже 24 февраля 1945 г. Министерством промышленности был создан Центральный совет угольной промышленности, который расположился в Катовице. В 1949 г. было создано Министерство добывающей промышленности и энергетики (с 1950 г. – Министерство добывающей промышленности). К 1955 г. после передачи ряда функций специализированным организациям на его базе возникло Министерство угольной промышленности. В задачи нового отдела входили координация и планирование производства отрасли на всей территории страны. Центральный совет создал «Районные союзы» – объединения предприятий (шахт, брикетных и коксовых заводов, других вспомогательных производств, а также их жилых фондов), которые управлялись единой администрацией. Такая организация была обусловлена нехваткой квалифицированных кадров и существенно снижала роль шахт как самостоятельных субъектов [10. С. 30–31].

Дефицит рабочей силы касался не только квалифицированных кадров. Еще осенью 1944 г. на территории Верхней Силезии, оккупированной немцами, в угледобывающей отрасли трудилось более 230 тыс. человек, тогда как летом 1945 г. их число не превышало 100 тыс. Но уже к декабрю численность рабочих верхнесилезских шахт достигла 170 тыс., а к 1949 г. – 215 тыс. человек. Во многом спад занятости, а затем ее взрывной рост были следствием жестких репрессивных и мобилизационных мер нового руководства при активной поддержке командования Красной Армии. При Центральном совете угольной промышленности был создан Отдел мобилизации рабочих сил. В мае и авгу-

сте 1945 г. при его участии, в частности, были подписаны два соглашения с Центральным трудовым лагерем в Явожно (созданным на основе Ной Дахс – сублагеря Аушвица) о предоставлении 5 и 10 тыс. заключенных соответственно для горнодобывающей отрасли [11. С. 39–40]. Трудовые лагеря были формально ликвидированы в 1949 г., но фактически оставались местом пребывания политических и уголовных заключенных вплоть до 1956 г. [Там же. С. 42]. Еще большую долю занятых в польских шахтах составляли немецкие военнопленные. По соглашению от декабря 1945 г. Министерство общественной безопасности Польши было готово поставить Центральному совету угольной промышленности для работ в шахтах от 30 до 40 тыс. пленных. В 1946–1948 гг. в шахтах работали около 25 тыс. пленных, в 1949 – менее 5 тыс., а к весне 1950 г. – около двух сотен [11. С. 40]. Наконец, в польской угледобывающей отрасли значительную долю новоприбывших работников составляли бывшие крестьяне из центральных районов Польши. Определенные надежды возлагались на польских реэмигрантов из Западной Европы, но они в значительной степени не оправдались, когда в страну вернулись только около 14 тыс. рабочих (с учетом членов семей – 40 тыс. человек), главным образом в западные районы [10. С. 72].

Во второй половине 1940-х гг. в Польше подавляющее большинство новых работников в отрасли не имели ни надлежащей квалификации, ни мотивации к труду, около 8% занятых на подземных работах составляли женщины. Очень высокой была текучесть кадров. В 1948–1952 гг. до трети всех занятых в отрас-

ли были новоприбывшими, в 1953–1956 гг. этот показатель превышал уже 50%. Важным элементом мотивации работника, по мнению польского руководства, должна была стать «Карта горняка», введенная в 1948 г. Она давала ряд льгот ее обладателю, в том числе бесплатные билеты на поезд, фиксированный к средней зарплате размер пенсии в зависимости от стажа и др. Но поскольку ряд важнейших вопросов, в том числе дефицит жилья, оставался не решенным, принятые меры стимулирования не имели должного эффекта [12. С. 51]. При этом бытовая неустроенность вынуждала многих работников переходить с шахты на шахту в поисках лучших условий.

Производительность труда верхнесилезских шахтеров к 1947 г. вернулась на довоенный уровень, но достичь этого удалось во многом за счет увеличения продолжительности рабочего дня, работы в выходные дни и разработок законсервированных месторождений. По мере сокращения доли принудительного труда в общей структуре занятости отрасли в 1949–1950 гг. производительность труда вновь заметно выросла. Но уже в 1952–1953 гг. наметилась тенденция к спаду производительности, который продолжался вплоть до 1958 г. Немаловажную роль сыграло постепенное снижение норм выработки. Спад производительности сопровождался заметным ростом номинальной заработной платы в 1952–1955 гг. более чем вдвое. Впрочем, с учетом инфляции показатели роста дохода не были столь впечатляющими, но, тем не менее, свидетельствовали о постепенном улучшении условий труда (рис. 1).

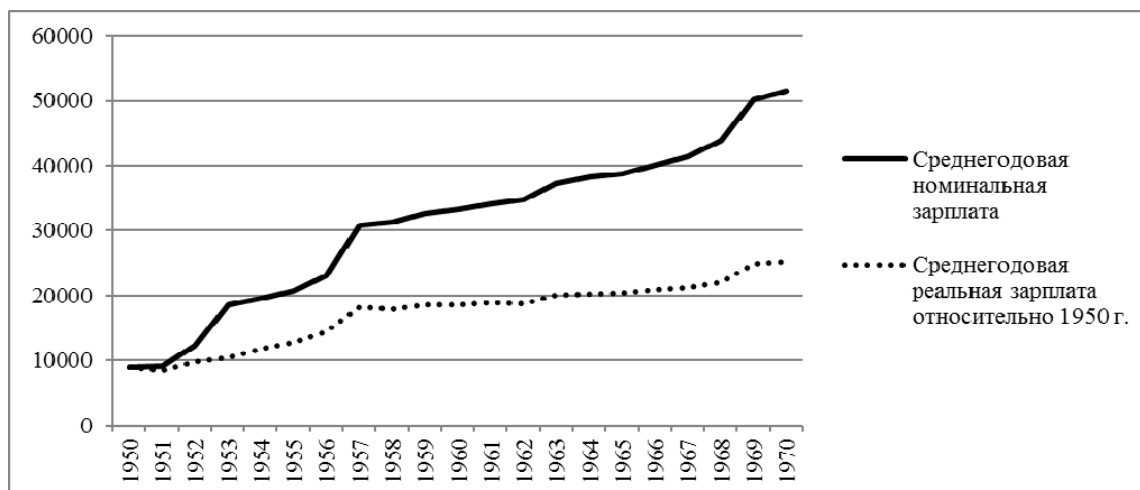

Рис. 1. Среднегодовая заработная плата в угледобывающей отрасли Польши
Источник: расчеты авторов по: Jaros J. Historia górnictwa węglowego w Polsce Ludowej (1945–1970). PWN, Warszawa-Kraków 1973

Таким образом, в послевоенное десятилетие угледобывающие отрасли СССР и Польши испытывали во многом сходные проблемы. Сложившаяся во время войны в СССР практика использования на трудоемких производствах военнопленных, заключенных и трудмобилизованных была продолжена в первые по-

слевоенные годы. Аналогичные мобилизационные меры внедрялись и на польских территориях по мере освобождения их от гитлеровских войск. Необходимость наращивания объемов добычи при дефиците вольнонаемного труда и инвестиций обусловила доми-

нирование принудительного труда в структуре занятости шахт в послевоенные годы.

Использование низкоквалифицированных и немотивированных рабочих вело к снижению производительности шахт в обеих странах и налагало серьезные ограничения на возможности механизации производства. Поэтому уже в начале 1950-х гг. в СССР и Польше предпринимались попытки материального и нематериального стимулирования вольнонаемных рабочих при существенном сокращении доли военнопленных и заключенных. Тем не менее труд шахтеров оставался тяжелым и малопривлекательным, что обуславливало высокую текучесть кадров.

Существенная разница в развитии угледобывающих отраслей двух стран заключалась в том, что советская централизованная система управления была отлажена и действовала на всей территории страны, в то время как польские шахты после войны впервые попали в рамки плановой системы, которая заметно изменила их хозяйственные процессы и связи. Но с точки зрения локализации польская система оказалась более компактной, а ее социальные интересы и обязательства оказались почти полностью сконцентрированы вокруг верхнесилезской конурбации, входившей в Катовицкое воєводство.

Пути улучшения условий труда и быта шахтеров в 1956–1965 гг. В 1958 г. СССР вышел на первое место в мире по валовой добыче угля. Советскому Союзу с конца 1950-х гг. удавалось поддерживать среднегодовые темпы прироста добычи угля на уровне около 1,3%, в то время как в послевоенные годы с 1946 по 1958 г. темпы были гораздо выше – 9,6% в год [13. С. 459–474]. Сохранение небольшого роста оказывалось возможным как за счет экстенсивного освоения новых бассейнов на востоке страны, так и за счет продолжавшегося до конца 1970-х гг. повышения производительности шахтерского труда (1,8 раза за 1958–1979 гг.).

Численность занятых в отрасли к 1965 г. удвоилась и достигла 1 113 тыс. человек [1. С. 658]. При этом произошедший в середине 1950-х гг. отказ от использования системы принудительного труда резко поставил проблему привлечения рабочих рук в угольную промышленность, так как, несмотря на несомненные успехи в деле механизации, отрасль продолжала оставаться одной из наиболее проблемных по размерам использования ручного и тяжелого труда. В этих обстоятельствах для сохранения трудовых коллективов государство было вынуждено существенно повысить заработную плату шахтеров. Проблема трудовых ресурсов теперь стала решаться с помощью не только моральных, но и материальных стимулов.

Отрасль вышла на первое место в СССР по уровню заработной платы. Если в 1950 г. среднемесячная заработная плата рабочего составляла 1 225 руб., а ИТР – 1 846 руб., то к 1960 г. она поднялась у рабочих до 1 710 руб., а у ИТР – до 3 200 руб. [13. С. 226]. Напри-

мер, по комбинату «Кизелуголь» фонд заработной платы вырос с 78 520 до 106 282 тыс. руб. В среднем по всем трестам комбината на 35% выросла зарплата повременщиков и на 45% – сдельщиков [14. Оп. 1. Д. 705. Л. 7, 10]. С 1956 г. пенсия по старости назначалась шахтерам на льготных условиях – при достижении возраста 50 лет и при стаже работы не менее 20 лет вместо 60 и 25 лет соответственно для остальных рабочих и служащих.

Следует заметить, что значительный рост заработной платы имел для отрасли и существенные негативные последствия. Это было связано с тем, что доля заработной платы горняков в структуре себестоимости угля, особенно добытого подземным способом, играла важнейшую роль. Так, если на разрезах она колебалась от 20 до 40%, то на шахтах – от 40 до 60% [1. С. 730–735]. Это означало, что из-за трудоемкости угледобычи рост заработной платы горняков вел к падению рентабельности и увеличению плановых убытков всей отрасли. Поэтому с конца 1950-х гг. более 90% угледобывающих предприятий СССР стали получать государственную дотацию, без которой они не могли уже покрывать издержки производства [15. С. 44–47]. По данным министра угольной промышленности СССР Б.Ф. Братченко, к 1958 г. 78% всех угледобывающих предприятий СССР стали планово-убыточными, причем у двух третей из них убыточность превышала 30% [16. С. 415].

Дополнительной мерой по повышению качества жизни горняков и привлечению кадров стал переход отрасли в 1958 г. на шестичасовой рабочий день. Сокращенный рабочий день с одновременным повышением зарплаты шахтеров привел к тому, что фонд заработной платы в масштабах всей угольной промышленности СССР вырос сразу на 600 млн руб., а вместе с возросшими взносами на амортизацию и ростом цен на лесоматериалы себестоимость добычи возросла на 1,1 млрд руб. В итоге уже к 1966 г. отрасль получала госдотацию в размере 1,5 млрд руб., что почти полностью лишало ее возможности использовать новые методы материального стимулирования, на которые переходила индустрия СССР в результате хозяйственной реформы 1965 г. [17. Оп. 1. Д. 429. Л. 43].

Кроме того, продолжалась политика по повышению престижа шахтерской профессии. В 1956 г. постановлением Совета Министров СССР и ЦК КПСС за особые заслуги в добыче угля и шахтном строительстве были учреждены государственная награда: знак «Шахтерская Слава» трех степеней и звание «Почетный шахтер», которые сопровождались вручением специального нагрудного знака и особого шахтерского мундира. Во второй половине 1950-х гг. моральные стимулы были подкреплены и материальными.

В Польше реализация планов шестилетки 1950–1955 гг. проходила с большим напряжением. Для достижения валовых показателей добычи угля была введена работа по воскресеньям, в результате чего горняки

месяцами работали без выходных: в 1954 г. рабочими были 34 воскресных дня, в 1955 г. – 24 [12. С. 51]. Результаты шестилетки заставили польское руководство пересмотреть перспективы развития отрасли, которой решительно не хватало инвестиций. Требовались огромные средства на модернизацию оборудования, повышение квалификации кадров и улучшение условий труда. Поскольку дополнительных средств не было, а все основные производства вышли на проектную мощность, увеличение добычи было невозможно.

В то же время спрос на польский уголь продолжал расти. Во-первых, по мере ввода новых производств в рамках программы индустриализации увеличивались потребности внутреннего рынка. Определенное пространство для маневра в перераспределении угля могло дать сокращение экспорта, но и это было почти невозможно. Львиная доля торговли углем (более 8 млн т в 1955 г.) приходилась на экспорт в Советский Союз по «специальной договорной цене» в десять-одиннадцать раз ниже рыночной. Во-вторых, действовали договоры о взаимных поставках товаров со странами Совета экономической взаимопомощи (СЭВ), нарушение которых грозило ответными мерами по другим категориям товаров (например, жиров, зерна, железной руды и т.д.) и, следовательно, срывом планов первой пятилетки (1956–1960 гг.). Поскольку пятилетние планы социалистических стран координировались, объемы взаимных поставок увеличивались пропорционально будущим потребностям, что в итоге также предполагало увеличение добычи угля в Польше.

В итоге поставки в страны-члены СЭВ периодически срывались. Недовольство неравноправным договором с СССР росло уже и среди высшего польского руководства, хотя у власти в стране по-прежнему находился Болеслав Берут, который подписывал этот договор и поначалу высоко его оценивал. Наконец, с 1 января 1956 г. для польских потребителей стоимость энергетического угля выросла на 75% [10. С. 179].

На совещании руководителей коммунистических партий европейских стран народной демократии 6 января 1956 г. в Москве польская делегация во главе с Б. Берутом оказалась в центре внимания из-за нарушения договоров по углю. Берут обратил внимание на патовую ситуацию в отрасли: «Для удовлетворения нужд страны и нужд экспорта наши шахтеры работают до сих пор сверхурочно по два воскресных дня в месяц. Это положение ненормальное и должно быть ликвидировано» [18. Оп. 1. Д. 3. Л. 14]. Уголь снимался с экспортных поставок еще и потому, что сами торговые партнеры не выполняли своих обязательств как по погашению задолженностей, так и по поставкам своей продукции. В частности, конфликт возник вокруг поставок в Польшу чехословацкого коксующегося угля.

Берут высказал несколько идей, в том числе об отказе от разработки в стране бедных железорудных месторождений, чтобы освободившиеся средства направить в развитие угольной отрасли, и необходимости

инвестирования стран-потребителей польского угля в Верхнесилезские месторождения. Учитывая сложившуюся ситуацию, Н.С. Хрущев внес предложение о долевом участии стран-членов СЭВ в развитии железорудных месторождений СССР и угольных месторождений в Польше. И предложение было поддержано, накопившиеся взаимные претензии стран – членов СЭВ существенно затрудняли его реализацию. Формальные обязательства Польши не были уменьшены, при этом дефицит угля внутри страны только нарастал. В феврале польские шахтеры работали без выходных уже все четыре недели [Там же. Оп. 1. Д. 15. Л. 3].

В марте польские власти из-за нехватки угля начали останавливать отдельные заводы, отменили занятия в школах и существенно сократили продажу топлива населению. В вопросе поставок в социалистические страны достичь компромисса не удалось, и польская сторона продолжила перенаправлять объемы на внутренний рынок. Совещание в рамках Комиссии СЭВ по угольной промышленности в Берлине зашло в тупик. Ситуация не изменилась и после того, как в середине марта умер Берут. Слухи связывали его смерть с начавшейся десталинизацией и общим недовольством Москвы. В Польше росли антисоветские настроения.

В конце июня 1956 г. состоялось очередное Совещание руководителей коммунистических партий. Новый польский лидер Эдвард Охаб, хотя и считался лояльным Советскому союзу, гораздо жестче своего предшественника характеризовал ситуацию в угольной отрасли, говоря о том, что условия труда в Польше хуже, чем в любой из неколониальных стран. Подробно о проблемах угледобычи в Польше говорил в своем выступлении председатель Комиссии СЭВ по угольной промышленности Петр Ярошевич. Он подробно описал положение рабочих: «Рабочие просят о сокращении дня до 8,5 часов. <...> Кроме того, польская угольная промышленность находится в тех еще трудных условиях, что она не обеспечена рабочей силой. В польской угольной промышленности работают и тюремные заключенные, и солдаты, призванные на военную службу. <...> Это составляет большой процент рабочих угольной промышленности, и учитывая сплоченность Силезского бассейна, такой состав рабочей силы имеет плохое влияние на получение новой рабочей силы и стабильность кадров. Затем в связи с тем, что мы не развивали в предыдущих пятилетних планах серьезного жилищного строительства в Силезии, мы встречаемся с огромными трудностями для обеспечения шахт жилым фондом и привлечением стабильной рабочей силы» [Там же. Оп. 1. Д. 12. Л. 25–26].

В связи с таким положением польские власти планировали «ввести на шахтах 8-часовой рабочий день и добиваться его сокращения хотя бы до 7,5 часов, как в Польше горняки работали в довоенное время» [Там же. Оп. 1. Д. 12. Л. 27]. Ярошевич прямо заявил, что планы добычи и поставок не могут быть выполнены и должны быть серьезно уменьшены, чем вызвал волну критики

со стороны делегаций других стран. Выступая в его защиту, Охаб привел свой самый сильный аргумент – рабочие не хотят больше работать по воскресениям и могут пойти в «другую сторону»: «Если бы они пришли к забастовке, то это не только потеря миллионов тонн угля, но это принесло бы политический вред, размеры которого трудно определить» [18. Оп. 1. Д. 15. Л. 3]. И далее: «У нас не хватает рабочей силы в шахтах, потому что рабочие не хотят идти на такие тяжелые, невыносимые условия, которые создались у нас в Польше» [Там же. Л. 8].

Охаб озвучил страхи польского руководства перед возможностью выступления верхнесилезских шахтеров, как и то, что вопросам угольной отрасли в правительстве уделяют внимания больше, чем любому другому. Впрочем, опасаясь шахтерского бунта, польские власти оказались не готовы к выступлению всего через месяц промышленных рабочих Познани. Познанские события привели к масштабному политическому кризису, пик которого пришелся на конец октября 1956 г. В результате генеральным секретарем польской партии стал Владислав Гомулка, а Советский союз пошел на ряд уступок, в числе которых была отмена договора о «специальной договорной цене» польского угля.

Одним из последствий событий 1956 г. стало существенное улучшение условий труда. Прежде всего, в марте 1957 г. Министерство угольной промышленности было объединено с Министерством энергетики и вернуло себе первоначальное название – Министерство добывающей промышленности и энергетики. С 1 апреля 1957 г. новая организация санкционировала сокращение времени работы. Теперь на поверхности оно ограничивалось 46 часами при шестидневной рабочей неделе, а в забое – 7,5 часами в смену. Впрочем, реальная практика предполагала 48-часовую рабочую неделю с оплатой дополнительных часов как сверхурочных. Для тяжелых условий время смены в забое могло быть сокращено до 6 часов [10. С. 223]. Сокращение продолжительности рабочего дня совпало с ростом средней заработной платы на 33,4% в номинальном выражении и на 26,6% с учетом инфляции (см. рис. 1). Производительность труда в 1957 г. не выросла и, как и в 1956 г., оставалась на уровне 1947 г. в 1,1 т за смену на работника. Зато наметилась тенденция к снижению текучести рабочей силы: доля убывших из отрасли сократилась на 10%, и хотя общий показатель оставался еще очень высоким, в 1957 г. доля новоприбывших впервые опустилась ниже 50%.

Тем не менее в 1957 г. ситуация в отрасли оставалась непростой. Вместе с переходом к рыночным ценам СССР сократил закупку польского угля с 8 до 3,5 млн т, что позволило решить проблему дефицита энергии на внутреннем рынке, но не проблему торговых балансов. Усилились дисбалансы советско-польской торговли, но это было не такой острой проблемой, как дефицит ряда товаров, в том числе чехословацких коксующихся углей. При этом в 1959 г. цена

тонны угля покрывала около половины себестоимости добычи (с учетом всех инвестиций в развитие технологий и инфраструктуры) [19. С. 18].

Как отмечал Ярошевич, использование принудительного труда заключенных и солдат наносило серьезный урон имиджу отрасли, а кроме того, серьезно снижало показатели производительности труда. На польских шахтах окончательный переход только к вольнонаемному труду произошел после ликвидации в 1959 г. военной службы в угольных шахтах [10. С. 216].

В дальнейшем польские власти предпочитали держать уровень жизни горняков на стабильно высоком уровне, но уже не имели возможности существенно увеличить их заработную плату. В 1958–1962 гг. доходы польских шахтеров в реальном выражении оставались неизменными (см. рис. 1). Вместо этого значительные средства вкладывались в жилищное строительство в углепромышленных территориях. Динамика роста шахтерских городов в Верхней Силезии в данный период показывает бурный рост. При этом значительная доля этого роста приходилась на «спальные» районы. В Верхней Силезии эту функцию для всего промышленного округа выполняли новые районы г. Тыхы, известные как «Новы Тыхы». Их строительство началось еще в 1950 г., однако понастоящему масштабное строительство развернулось именно в 1958–1965 гг. В итоге за 15 лет численность населения города возросла в пять раз. Столица конурбации – Катовице – росла гораздо более медленными темпами.

В целом для периода характерна стабилизация численности рабочих угледобывающих предприятий в районе 330 тыс. человек при снижении доли новоприбывших до уровня около 20%. Производительность труда при этом непрерывно росла и к 1965 г. на 20% превышала уровень 1950 г. [Там же. С. 218].

Таким образом, и для советской, и для польской угледобывающих отраслей в 1956–1965 гг. было характерно увеличение объемов добычи. Оно достигалось за счет механизации производства, роста производительности труда и увеличения доли вольнонаемных работников. Эти процессы требовали значительных капитальных вложений не только в оснащение шахт, но и в повышение привлекательности шахтерской профессии.

В середине 1950-х гг. дефицит энергии подстегивал усиление эксплуатации шахтеров в Польше, но по мере перехода экономики СССР на газ острота нехватки ресурсов стала постепенно снижаться, и обе страны получили возможность уменьшить градус социального недовольства. Во второй половине 1950-х гг. зарплаты советских и польских шахтеров резко выросли, а вскоре до шести часов была сокращена продолжительность рабочего дня под землей. Важным элементом стимулирования стало введение отраслевых наград. Параллельно были реализованы масштабные программы жилищного строительства.

Предпринятые шаги заметно улучшили положение горняков, но негативно сказались на рентабельности шахт. Но если польские производства, расположенные более компактно и на богатых месторождениях, оставались прибыльными, то для большинства советских горнодобывающих предприятий поддержание высокого уровня жизни шахтеров было возможно только за счет государственных субсидий.

Формирование «аристократии рабочего класса» (1965–1970-е гг.). Нарастание кризисных явлений в экономике вынудило советское руководство начать масштабное реформирование хозяйственных отношений, в том числе энергетике. Усиление хозрасчетных начал в советской экономике во второй половине 1960-х гг. реализовывалось в виде повышения инициативы предприятий в области сбыта продукции, но с одним важным исключением: государство оставляло под своим жестким контролем цены на энергоносители. «Замораживались» не только цены на продукцию угольной промышленности и нефтегазового комплекса, но и заключенные контракты на поставки топлива отдельным потребителям не подлежали пересмотру. Новая система планирования, вводимая в 1965 г., предполагала повышение значимости стоимостных показателей в отчетности предприятий, что позволило бы рассчитать социалистическую прибыль, из которой предприятия могли оставлять себе часть средств на социальные нужды и материальное стимулирование трудящихся, что должно было повысить производительность труда во всей экономике.

Однако для угледобывающей промышленности переход на такую систему был сопряжен с рядом трудностей, вызванных отрицательной рентабельностью большинства предприятий отрасли. Откуда могла возникнуть прибыль на планово-убыточных предприятиях и какую долю плановых убытков можно было бы пустить на материальное стимулирование? Эти вопросы оставались не проясненными. В конечном счете прибылью стали считать сокращение плановых убытков. Прибыль Минуглепрома неуклонно снижалась. В 1971 г. по всем видам деятельности министерства она составила 962,1 млн руб., в 1975 г. – 689,1 млн руб., в 1978 г. отрасль окончательно перестала быть рентабельной, в 1980 г. убытки составили 1 316,5 млн руб., а в 1985 г. – 1 787 млн руб. [20. С. 11].

Такое катастрофическое падение прибыльности отрасли в сочетании с невозможностью дополнительного материального стимулирования ее сотрудников за счет фондов предприятий привели к тому, что ко второй половине 1970-х гг. привлекательность шахтерской профессии вновь стала снижаться. Дополнительным фактором в этом процессе стали тарифные реформы 1970-х гг., в результате которых по зарплате угледобывающая отрасль сравнялась с другими отраслями промышленности. Началось «старение» трудовых коллективов, вызванное сокращением притока молодежи.

Для изменения создавшегося положения правительство выпустило ряд постановлений, нацеленных на повышение социального и материального статуса шахтеров. В феврале 1976 г. вышло Постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР «О предоставлении дополнительных льгот работникам угольной и сланцевой промышленности и шахтного строительства», а в октябре 1981 г. – Постановление «О повышении тарифных ставок и должностных окладов и совершенствовании организации заработной платы рабочих и служащих угольной (сланцевой) промышленности и шахтного строительства». В соответствии с этими документами шахтеры начали пользоваться рядом новых льгот. В частности, помимо роста заработной платы их рабочая неделя составляла 30 часов и была самой короткой в мире. Лицам, заключавшим после увольнения из армии в запас договор сроком на 3 года о работе на предприятиях угольной промышленности, выплачивалось единовременное пособие на хозяйственное обзаведение в размере 1 тыс. руб. Такое же пособие выплачивалось и выпускникам ПТУ и прибывшим на шахты по оргнабору. Для ранее завербованных шахтеров также были предусмотрены льготы: 1) выплата ежегодно единовременных вознаграждений за работу в угольной промышленности свыше двух лет (в размере от 0,8 до 2-месячных тарифных ставок или должностных окладов; 2) ежемесячные доплаты к заработной плате работникам бассейнов, расположенных в восточных и северных районах страны (от 15 до 70% к заработной плате).

Резкое повышение уровня жизни шахтеров в СССР в условиях нарастающих проблем с рентабельностью угледобывающей отрасли происходило на фоне глобальных сдвигов в мировом энергетическом балансе, где доля потребления угля снизилась с 74% в 1940 г. до 60% в 1950 г. и до 39,8% к 1965 г. [13. С. 218; 21. С. 146]. Столь безответственное решение может быть объяснено компенсирующим воздействием «нефтяного шока» 1970-х гг. По мнению ряда исследователей, шальные нефтяные богатства, свалившиеся на СССР в эти годы, на некоторое время делали перераспределение ресурсов для продолжения угольных дотаций делом не слишком обременительным для бюджета [15. С. 51]. В итоге вплоть до конца 1980-х гг. в СССР продолжилось экстенсивное наращивание угледобычи без серьезного перемещения ее центров на наиболее выгодные месторождения, а разрыв в оплате труда шахтера и учителя достиг 10 раз к 1991 г. [22. С. 181]. Шахтеры, ставшие уже к концу 1970-х гг. «аристократами» советской индустрии, окажутся очень чувствительными к экономическим колебаниям периода перестройки и встанут в авангарде антиправительственного забастовочного движения конца 1980-х гг.

В Польше к началу 1960-х г. расходы на заработную плату и социальное обеспечение шахтеров составляли значительную долю в себестоимости тонны угля.

В связи с сокращением продолжительности рабочего дня в польских шахтах увеличилось общее число занятых. Все это негативно сказывалось на рентабельности производств. С другой стороны, обновление парка техники, внедрение новых технологий на всех этапах разработки месторождений, повышение квалификации кадров и их мотивации к труду позволили существенно увеличить производительность труда. Так, только доля угля, добытого с использованием техники, к 1968 г. относительно 1960 г. выросла с 6 до 48%, что привело к еще более впечатляющему росту уровня образования трудящихся [23. С. 475].

В 1965–1970 гг. цена продажи польского угля превышала издержки на 45% [19. С. 24]. К 1975 г., после начала мирового энергетического кризиса и резкого скачка цен на энергоносители, польский уголь продавался в 3,5 раза дороже себестоимости [24. С. 219]. Кроме механизации и роста уровня образования на снижение издержек значительное влияние оказали увеличение норм выработки и снижение доли занятых на тонну угля. Эти процессы сопровождались значительным повышением реальных зарплат в 1968–1969 гг. (см. рис. 1).

Поскольку уголь являлся важнейшим энергоносителем для польской экономики и одним из главных экспортных товаров, лоббистские возможности отраслевого руководства были довольно широкими. Важно при этом учитывать фактор географической сплоченности производств – более 84% всего угля добывалось в Катовицком воеводстве – сердце Верхнесилезского угольного бассейна. Именно в Катовице размещались основные административные органы отрасли. Поэтому многие потребности отрасли носили ярко выраженный региональный характер. Неудивительно, что после прихода в 1970 г. к власти Э. Герека – представителя партийных структур катовицкого воеводства, лоббистские возможности руководства угольной отрасли только усилились. В регионе начали реализовывать крупные инвестиционные проекты, а доля региона в ВВП страны приблизилась к 25% [25. С. 118].

В конце 1960–1970-х гг. силезские шахтеры получали более высокие зарплаты, могли отдыхать в лучших санаториях (знаменитом Закопане) [26. С. 182] и даже имели доступ к более качественным потребительским товарам через сеть магазинов для горняков – Гевексы [25. С. 118]. Значительно более высокий уровень жизни в сравнении со средним уровнем промышленных рабочих Польши обеспечивался не только высокими ценами экспорта, но и значительными государственными субсидиями на социальную инфраструктуру. В первой половине 1970-х гг. вновь развернулось масштабное жилищное строительство. Рост численности городского населения обеспечивался возобновившимся ростом занятости в угледобыче, а также масштабным промышленным строительством в регионе

(в том числе началом возведения знаменитого металлургического комбината Гута Катовице).

Вплоть до возникновения первых серьезных проблем в экономике социалистической Польши в 1976–1979 гг. Катовицкое воеводство имело репутацию польского «Эльдорадо». Но чем выше был уровень жизни, тем острее была реакция на снижение этого уровня жизни в последующие периоды польской истории. Уже в 1980-е гг. польские шахтеры перестали быть надежной опорой социалистического режима и Польской объединенной рабочей партии, став одной из главных сил зарождавшейся «солидарности».

Подводя итог, необходимо отметить, что на протяжении длительного времени в угольной промышленности Советского Союза и Польши применялись сходные модели привлечения рабочей силы. В послевоенный период советский опыт применения принудительного труда был внедрен в польской угледобыче. Со второй половины 1950-х гг. параллельно в СССР и Польше на шахтах был завершён переход на вольнонаемный труд. С целью привлечения работников резко выросли фонды заработной платы, было начато масштабное жилищное строительство, введен ряд льгот для шахтеров и их семей. Престиж труда шахтера поднимался не только с помощью материальной мотивации, но и за счет создания моральных стимулов: введения почетных званий и государственных наград и т.п.

С другой стороны, из-за высоких значений трудозатрат в себестоимости тонны угля рост уровня жизни шахтеров неизбежно вел к повышению себестоимости угледобычи, что предопределило расхождение путей развития отрасли в рассматриваемых странах. В основном ориентированная на внутренний рынок советская угольная промышленность нуждалась в значительных государственных дотациях, тогда как в Польше угледобывающая отрасль была в большей мере сориентирована на внешние рынки, торговля на которых по коммерческим ценам приносила прибыль, особенно после резкого повышения цен на энергоносители в 1970-е гг. Положительный эффект для Польши сыграла и компактность расположения предприятий отрасли, что позволяло не распылять инвестиции в производство и капитальные вложения в социальную сферу по нескольким районам угледобычи.

Наконец, стоит обратить внимание и на то, что высокий уровень жизни советских и польских шахтеров, достигнутый в 1970-е гг., стал важным социальным маркером. Неудивительно, что горняки очень остро отреагировали на изменение своего положения в 1980-е гг. и активно участвовали в протестном движении. Однако их действия в 1980-е гг., как в СССР, так и в Польше, все же необходимо рассматривать в контексте тех социально-экономических и политических процессов, которые наблюдались в этих странах в данный период, выходящий за рамки настоящего исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Угольная промышленность СССР за 50 лет : стат. справ. М., 1968.
2. Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). Ф. П-288.
3. Государственный архив Свердловской области. Ф. Р-2225.
4. Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. Р-1151.
5. ОГАЧО. Ф. Р-962.
6. Бикметов Р.С. Использование труда заключенных в угольной промышленности Кузбасса (1930-е – начало 1950-х) // Вестник Кузбасского государственного технического университета. 2004. № 6.2. С. 91–98.
7. Баканов С.А. Угольная промышленность Урала: жизненный цикл отрасли от зарождения до упадка. Челябинск : Энциклопедия, 2012. 328 с.
8. Постановление Совета министров СССР от 25 августа 1946 г. «О повышении заработной платы и строительстве жилищ для рабочих и инженерно-технических работников предприятий и строок, расположенных на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке» // Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических Республик. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4612.htm, свободный (дата обращения: 28.03.2017).
9. Попов А.А. «Угольный вопрос» в советско-польских отношениях (1945–1975 гг.) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2016. № 2. С. 43–50.
10. Jaros J. Historia górnictwa węglowego w Polsce Ludowej (1945–1970). PWN, Warszawa-Kraków, 1973. 254 s.
11. Miroszewski K. Centralny Obóz Pracy Jaworzno (1945–1950), [w:] Obóz dwóch totalitaryzmów. Jaworzno 1943–1956, t. 1 / red. K. Miroszewski, Z. Woźniczka. Jaworzno, 2007. S. 29–43.
12. Никитин Д.И. Политика по привлечению рабочей силы на предприятия угольной промышленности Польши в 1940–1960-х гг. // Альманах современной науки и образования. 2016. № 10 (112). С. 50–53.
13. Грунь В.Д., Зайденварг В.Е., Килимник В.Г., Малышев А.Ю., Попов В.Н., Рожков А.А. История угледобычи в России / под общ. ред. Б.Ф. Братченко. М., 2003. 480 с.
14. ГАПК. Ф. Р-971.
15. Крутой пласт: шахтерская жизнь на фоне реструктуризации отрасли и общероссийских перемен / под ред. Л.А. Гордона, Э.В. Клопова, И.С. Кожуховского. М., 1999. 352 с.
16. Перспективы развития угольной промышленности СССР / под общ. ред. Б.Ф. Братченко. М., 1960. 435 с.
17. Российский государственный архив экономики. Ф. 14.
18. Российский государственный архив новейшей истории. Ф. 10.
19. Lisowski A. Górnictwo węgla kamiennego w Polsce. Efektywność. Rekonstrukcja. Zarządzanie. Katowice, 1996. 344 s.
20. Машковский В.П. Историография руководства КПСС угольной промышленностью страны в 1971–1985 гг. Кемерово, 1988. Рукопись. Депонирована ИНИОН. № 35502 от 09.09.1988.
21. Народное хозяйство СССР в 1975 г. М., 1976.
22. Кательников В.Д., Кобяков А.А. Уголь и шахтеры в государстве российском (экономический и социально-исторический аспекты). М., 2004. 392 с.
23. Jaros J. Zarys dziejów górnictwa węglowego. Kraków : PWN, 1975. 536 s.
24. Riley R., Tkocz M. Coal mining in Upper Silesia under communism and capitalism // European Urban and Regional Studies. 1998. Vol. 5 (3). P. 217–235.
25. Bialasiewicz L. Upper Silesia: Rebirth of a Regional Identity in Poland // Regional and Federal Studies. 2002. № 12. Part 2. P. 111–132.
26. Przybyłka A. Historyczne aspekty rozwoju zabezpieczeń socjalnych górników na Górnym Śląsku. Katowice : Wydawnictwo Uniwersytetu Ekonomicznego w Katowicach, 2011. 292 s.

Bakanov Sergey A. Chelyabinsk State University (Chelyabinsk, Russia). E-mail: bakanov-s@mail.ru; *Popov Aleksey A.* South Ural State University (Chelyabinsk, Russia). E-mail: aapopov@susu.ru

HOW THE MINERS BECAME „ARISTOCRATS”. SOCIAL EFFECTS OF COAL MINING IN THE USSR AND POLAND (1945–1970s).

Keywords: coal; miners; history of the USSR; history of Poland; Upper Silesia; socioeconomic policy.

One of the most remarkable processes in social sphere of the planned economy of the USSR and Poland was impressive growth of the miner's standard of living. The purpose of this article is to analyze the social effects of coal mining's development in the Soviet Union and Poland during 1945–1970s. The study is conducted on archive's materials (the Russian State Archives of Economics, the Russian State Archive of Modern History, the United State Archive of the Chelyabinsk Region, the State Archive of the Sverdlovsk region, the State Archive of Perm Region) and published statistical data. Special attention is paid to the similarity of the labor attraction models in selected countries. The authors identify three stages of development of social sphere of coal mining based on production growth rates, employee turnover and the real incomes of miners. The research provides data that both countries in the early post-war period widely used forced labor in coal mining. But the decrease of productivity led to transition from using of forced labor to use of civilian labor. The authors show that since the second half of the 1950s the improvement of incentives for miners in the USSR and Poland proceeded simultaneously. Remarkably that not only material, but also moral incentives were used (such as special honors and insignia for miners). The documents indicate that one of the reasons of the authorities' attention to the level of miner's standard of living at this period was the fear of social protests. The authors also draw attention to significant difference in the profitability of coal production of the USSR and Poland in late the 1960s and 1970s. Statistical data presents that after the increase in expenditures for wages, housing and social benefits for miners Polish mines remained profitable, whereas Soviet mines became unprofitable. The authors conclude that increase of the standard living of Polish miners was maintained due to compact mines location and lobbying abilities of industry management. But in the USSR, the miners kept a high standard of living due to subsidies provided by the “oil rent”. Because the value of coal production fell due to rising production costs of coal and transition of the energy sector to the use of oil and gas. The authors draw a conclusion that in the 1970s the high status of the miners becomes an important social marker in the planned economies of the USSR and Poland, but this status based on the inflated incomes. As a result, extremely high standard of living of miners was a reason of social dissatisfaction to the economic problems of the next decade.

REFERENCES

1. USSR. (1968) *Ugol'naya promyshlennost' SSSR za 50 let. Statisticheskii spravochnik* [Coal industry of the USSR for 50 years. A statistical reference book]. Moscow: [s.n.].
2. The United State Archive of the Chelyabinsk Region (OGACHO). Fund P-288. (In Russian).
3. The State Archives of Sverdlovsk Region (GASO). Fund R-2225. (In Russian).
4. The State Archives of Perm Krai (GAPK). Fund R-1151. (In Russian).
5. The United State Archive of the Chelyabinsk Region (OGACHO). Fund R-962. (In Russian).
6. Bikmetov, R.S. (2004) Ispol'zovanie truda zaklyuchennykh v ugol'noy promyshlennosti Kuzbassa (1930-e – nachalo 1950-kh) [The use of labor prisoners in the coal industry of Kuzbass (1930 – early 1950)]. *Vestnik Kuzbasskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta – Vestnik of Kuzbass State Technical University*. 6.2. pp. 91–98.
7. Bakanov, S.A. (2012) *Ugol'naya promyshlennost' Urala: zhiznennyi tsikl otrasli ot zarozhdeniya do upadka* [The coal industry in the Urals: The life cycle of the industry from inception to decline]. Chelyabinsk: Entsiklopediya.
8. Council of Ministers of the USSR. (1946) Postanovlenie Soveta Ministrov SSSR ot 25 avgusta 1946 g. "O povyshenii zarabotnoy platy i stroitel'stve zhilishch dlya rabochikh i inzhenerno-tekhnicheskikh rabotnikov predpriyatiy i stroek, raspolozhennykh na Urale, v Sibiri i na Dal'nem Vostoke" [Decree of the Council of Ministers of the USSR of August 25, 1946 "On raising wages and building dwellings for workers and engineers and technicians of enterprises and construction sites located in the Urals, Siberia and the Far East"]. In: *Biblioteka normativno pravovykh aktov Soyuz Sovetskikh Sotsialisticheskikh Respublik* [Collection of the USSR normative legal acts]. [Online] Available from: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4612.htm. (Accessed: 28th March 2017).
9. Popov, A.A. (2016) Coal "question" in Soviet-Polish relations (1945–1975). *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki – Bulletin of Moscow State Regional University. History and Political Sciences*. 2. pp. 43–50. (In Russian). DOI: 10.18384/2310-676X-2016-2-43-50
10. Jaros, J. (1973) *Historia górnictwa węglowego w Polsce Ludowej (1945–1970)* [History of coal mining in People's Poland (1945–1970)]. Warsaw-Krakow: PWN.
11. Miroszewski, K. (2007) Centralny Obóz Pracy Jaworzno (1945–1950) [Central Labor Camp Jaworzno (1945–1950)]. In: Miroszewski, K. & Woźniczka, Z. (eds) *Obóz dwóch totalitaryzmów. Jaworzno 1943–1956* [Camp of two totalitarianisms. Jaworzno 1943–1956]. Vol.1. Jaworzno: Muzeum Miasta Jaworzna. pp. 29–43.
12. Nikitin, D.I. (2016) Policy to attract labour force to enterprises of coal industry of Poland in the 1940–1960s. *Al'manakh sovremennoy nauki i obrazovaniya – Almanac of Modern Science and Education*. 10(112). pp. 50–53. (In Russian).
13. Grun, V.D., Seidenvarg, V.E., Kilimnik, V.G., Malyshev, A.Yu., Popov, V.N. & Rozhkov, A.A. (2003) *Istoriya ugledobychi v Rossii* [History of coal mining in Russia]. Moscow: VINITI.
14. The State Archives of Perm Krai (GAPK). Fund R-971.
15. Gordon, L.A., Klopov, E.V. & Kozhukhovskiy, I.S. (eds) (1999) *Krutoy plast: shakhterskaya zhizn' na fone restrukturalizatsii otrasli i obshcherossiyskikh peremen* [A steep layer: The miners' life against the background of industry restructuring and all-Russian changes]. Moscow: Kompleks-Progress.
16. Bratchenko, B.F. (ed.) (1960) *Perspektivy razvitiya ugol'noy promyshlennosti SSSR* [Prospects for the development of the coal industry of the USSR]. Moscow: Gosplanizdat.
17. The Russian State Archives of Economics (RGAE). Fund 14. (In Russian).
18. The Russian State Archives of Recent History (RGANI). Fund 10. (In Russian).
19. Lisowski, A. (1996) *Górnictwo węgla kamiennego w Polsce. Efektywność. Rekonstrukcja. Zarządzanie* [Hard coal mining in Poland. Efficiency. Reconstruction. Management]. Katowice.
20. Mashkovskiy, V.P. (1988) *Istoriografiya rukovodstva KPSS ugol'noy promyshlennost'yu strany v 1971–1985 gg.* [Historiography of the CPSU supervision over coal industry in 1971–1985]. Kemerovo. [Manuscript. INION. №35502 of September 9, 1988].
21. Central Statistics Committee. (1976) *Narodnoe khozyaystvo SSSR v 1975 g.* [The national economy of the USSR in 1975]. Moscow: Gosstatizdat TsSU.
22. Katalnikov, V.D. & Kobayakov, A.A. (2004) *Ugol' i shakhtery v gosudarstve rossiyskom (ekonomicheskii i sotsial'no-istoricheskiy aspekty)* [Coal and miners in Russia (economic and socio-historical aspects)]. Moscow: Suvenir. Ru.
23. Jaros, J. (1975) *Zarys dziejów górnictwa węglowego* [An outline of the history of coal mining]. Kraków: PWN.
24. Riley, R. & Tkocz, M. (1998) Coal mining in Upper Silesia under communism and capitalism. *European Urban and Regional Studies*. 5(3). pp. 217–235. DOI: 10.1177/096977649800500302
25. Bialasiewicz, L. (2002) Upper Silesia: Rebirth of a Regional Identity in Poland. *Regional and Federal Studies*. 12(2). pp. 111–132.
26. Przybyłka, A. (2011) *Historyczne aspekty rozwoju zabezpieczeń socjalnych górników na Górnym Śląsku* [Historical aspects of the development of social security for miners in Upper Silesia]. Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Ekonomicznego w Katowicach.

ПРОБЛЕМЫ ВСЕМИРНОЙ ИСТОРИИ

УДК 904

DOI 10.17223/19988613/47/13

В.М. Строгоцкий

К ИНТЕРПРЕТАЦИИ ТЕКСТА ФУКИДИДА О ПРИЧИНАХ И ПОВОДЕ ПЕЛОПОННЕСКОЙ ВОЙНЫ

Рассматриваются различные толкования сообщения Фукидида о причинах и поводе Пелопоннесской войны. На основе анализа различных переводов текста древнегреческого историка обозначена авторская точка зрения относительно истиннейшего повода Пелопоннесской войны – страх лакедемонян перед усилением военной мощи афинян, а также основных причин, побудивших обе враждующие стороны к развязыванию военных действий. Раскрыто своеобразие взаимоотношений понятий «повод» и «причина» в текстах Фукидида, жившего в эпоху расцвета древнегреческой философии, в период развития старшей софистики: повод – это сущность, а причина – это явление, т.е. сущность всегда является, раскрывается через причины. При этом установлена параллель между древнегреческим философским толкованием повода и причин как сущности и явлений у Фукидида и философией теории познания Канта как постижения в себе сущего.

Ключевые слова: Фукидид; Пелопоннесская война; лакедемоняне.

В центре внимания моего анализа будет сообщение Фукидида (Thuc. I. 23.5–6), вызвавшее дискуссию среди современных исследователей. Ф.Г. Мищенко дает адекватный перевод текста историка и следующим образом излагает его мысль: «Чтобы в будущем кто-нибудь не стал доискиваться, откуда у эллинов возникла такая война, я предварительно изложу распри и причины, вследствие которых мир был нарушен» [1].

Перевод Ф.Г. Мищенко почти идентичен тексту историка за исключением понятий *распри* и *причины*. Перевод же Г.А. Стратановского соответствует оригиналу [2]. Согласно Фукидиду (Thuc. I. 23.5), он сначала упоминает о *причинах*, а потом о *разногласиях*, заменив это слово выражением «жалобами с обеих сторон».

Английский переводчик Фукидида Ч.Ф. Смит дает перевод текста весьма свободный, используя часто различные синонимы для терминов, которые у греческого историка имеют вполне конкретное содержание. Особенно следует обратить внимание на выражение Фукидида, которое имеет важное значение для данного исследования об истиннейшем поводе Пелопоннесской войны. «*Истиннейший повод*», хотя на словах и «*наиболее скрытый*», по моему мнению, состоит в том, что афиняне своим усилением стали внушать опасение лакедемонянам и тем вынудили их начать войну. Ч.Ф. Смит дает свободную трактовку этого выражения: «The truest explanation although it has been the least often advanced, I believe to have been the growth of the Athenians to greatness, which brought fear to the Lacedaemonians and forced them to war» («Истинным объяснением, хотя оно и наименее выдвигаемо, я считаю укрепление величия афинян, которое принесло страх лакедемонянам и вынудило их к войне») [3].

Что же касается основных причин, приведших к нарушению мира и возникновению войны, о которых, по мнению Фукидида, афиняне и лакедемоняне говорили открыто, то они заключались в следующем. Первая при-

чина связана с распрями между Коринфом и Керкирой из-за Эпидамна и включением в них афинян. Афиняне заключили не полноценный союз с Эпидамном, а оборонительный (эпимахию), чтобы не нарушать тридцатилетний мир с пелопоннесцами (Thuc. I. 24–55). Но, говоря об этом, Фукидид вместе с тем замечает, что афиняне были убеждены, что война ведется с пелопоннесцами (Thuc. I. 44.2).

Другой причиной Пелопоннесской войны был спор между афинянами и пелопоннесцами из-за коринфской колонии Потидеи, которая после Саламинской битвы в 480 г. стала союзником Афин. Афиняне опасались, как бы потидеяне, подстрекаемые коринфянами и македонцами, не отложились от них и не увлекли за собой прочих афинских союзников на фракийском побережье. Поэтому они потребовали от потидеян срыть стены со стороны Палены, выдать заложников, отослать эпидемиургов, которых ежегодно присылали коринфяне, и впредь их не принимать (Thuc. I. 56–65).

По поводу интерпретации сообщения Фукидида (Thuc. I. 23.5–6) есть несколько точек зрения. Сент Круа защищал теорию о том, что Пелопоннесская война была результатом соперничества между Афинами и Коринфом [4. С. 214–220]. Эта теория строилась на основе коммерческих или экономических противоречий между Афинами и Коринфом. Так, Коквелл подчеркивает, что торговля и политика в Древней Греции были разделены [5. С. 20], дополнительно аргументируя свое утверждение указанием на статью Вулли [6]. Теория возникла вследствие убеждения, что Архидамова война была по существу войной коринфской, поскольку Коринф был развитым коммерческим полисом, но каких-либо доказательств соперничества между Афинами и Коринфом не было, например, в VI в. до Р.Х.

Согласно Геродоту, во время конфликта между Афинами и Эгиной коринфяне находились в большой дружбе с Афинами и предоставили им 20 кораблей для нака-

зания эгинцев за то, что они захватили священный афинский корабль со знатными афинянами и заключили их в оковы (Hdt. VII.89).

Казалось бы, в V в. могло иметь место соперничество, но, как сообщает Фукидид, в 440 г. коринфяне убедили пелопоннесцев не оказывать помощь самосцам, восстановили против афинян (Thuc. I. 40.5; 41.2), что также косвенно может указывать на отсутствие противоречий в это время между Афинами и Коринфом.

Вторая точка зрения, которую поддержал Сент Круа, заключается в том, что виновницей Пелопоннесской войны была Спарта, решившая разрушить афинское могущество [4].

Противоположный взгляд, отстаиваемый Бэдином, заключается в том, что Афины под руководством Перикла стремились развязать войну [7]. И, наконец, необходимо учитывать и взгляд самого Фукидида, согласно которому рост афинского могущества испугал Спарту и заставил ее предпринять войну (Thuc. I. 23.6).

Коквелл, анализируя эти мнения, высказал гипотезу о том, что Фукидид, характеризуя *причины* и *повод*, менял свое мнение [5]. Ссылаясь на статью А. Эндрюса [8], он считает, что текст I. 23.6, где говорится об *истиннейшем поводе*, вызвавшем войну, был написан Фукидидом значительно позже, чем текст I. 23.5, где он говорит о причинах Пелопоннесской войны. В связи с этим Коквелл пытается объяснить, почему текст I. 23.6 является дополнением, вставленным гораздо позже.

Выделяя два эти текста как написанные в разное время, Коквелл считает, что поскольку текст I. 23.6 был дополнением, написанным позже, то Фукидид, по его мнению, думал, что тот, кто интересовался причинами Пелопоннесской войны, был бы вполне удовлетворен чтением о событиях, связанных с Керкирой и Потидеей. Что же касается знакомства с более глубоким объяснением того, почему началась Пелопоннесская война, то, как считает Коквелл, Фукидид побуждает интересующихся обратиться к чтению экскурса о Пентеконтаэтии.

Итак, по мнению исследователя, высказывание Фукидида о начале Пелопоннесской войны менялось. Первоначально он рассматривал ее как Коринфскую войну и только позже пришел к истинному объяснению ее возникновения. В данном случае Коквелл развивает идею, кратко высказанную в упомянутой статье А. Эндрюса и получившую более обстоятельное рассмотрение в книге К.В. Форнары и Л. Дж. Сэмона [9].

Именно по этой причине Коквелл и противопоставляет два текста Фукидида I. 23.5 и I. 23.6, считая, что второй был добавлен вместе с экскурсом о Пентеконтаэтии после 404 г. до Р.Х.

Однако внимательное рассмотрение содержания и структуры первой книги сочинения Фукидида не дает оснований согласиться с этой точкой зрения. Главными проблемами содержания первой книги Фукидида являются рост противостояния между Спартой и Афинами, расширение и укрепление афинского могущества и обу-

словленное этим усиление страха лакедемонян перед Афинским морским союзом.

Историк кратко в первых 19 главах, описав древность в своей Археологии, а также охарактеризовав методы своего исследования и описания (Thuc. I. 20–22), затем в двух параграфах 23-й главы (Thuc. I. 23.5–6) сообщает, что сначала он охарактеризует *причины* и *распри*, вследствие которых мир был нарушен, а потом *истиннейший повод*, хотя на словах и *наиболее скрытый*, состоящий в том, что афиняне своим усилением стали внушать опасение лакедемонянам и остальным пелопоннесцам и тем самым вынудили их начать войну.

Завершая 23-ю главу первой книги, историк раскрывает *причины*, «о которых с обеих сторон *говорилось открыто* и которые привели к нарушению мира и возникновению войны». И далее Фукидид переходит к детальному описанию причин и распри, о которых уже говорилось (Thuc. I. 24.87). При этом важно отметить, что Фукидид строго придерживается своего плана и говорит только о *распрях* и *причинах*, не подменяя их *поводом*.

Переводчики, включая Ф.Г. Мищенко и Г.А. Стратановского, как раз этот принцип нарушают. Так, Ф.Г. Мищенко, завершая описание первой причины, приведшей к войне, пишет (Thuc. I. 55.2): «...следовательно, *первым поводом* к войне между коринфянами и афинянами послужило то, что афиняне, состоявшие в сговоре с коркирянами, сражались на море вместе с ними против коринфян» [1]. За ним следует и Г.А. Стратановский, называя *первую причину поводом* (Thuc. I.55.2) [2]. У Фукидида же речь идет о *первой причине*. Английский переводчик Ч.Ф. Смит использует в этом случае термин ground, который по своему значению ближе к понятию «повод», чем «причина» или «разногласие»: «And this was the first Ground which the Corinthians had for the War against Athenians, because they had fought with the Corcyreans against them in time of truce» (Это было первое основание, которое Коринфяне имели для войны с Афинянами, потому что они боролись с Коркирянами против них во время перемирия) [3].

Фукидид в этом случае использует термин «разногласия», «споры» (Thuc. I. 56.1). Английский переводчик Ч.Ф. Смит в данном случае передает более адекватно текст Фукидида, используя выражение «caused difference between the Athenians and the Peloponnesians» («вызвана различиями между афинянами и пелопоннесцами») [Ibid.].

Говоря об *истиннейшем поводе*, хотя *на словах и наиболее скрытом*, Фукидид подчеркивает, что он состоял в том, что афиняне своим усилением стали внушать опасение лакедемонянам и тем вынудили их начать войну (Thuc. I. 23.6).

Итак, в отличие от *причин*, *поводом*, приведшим к войне, Фукидид считал не речи союзников с той и другой стороны, которые *раскрывали сущность причин*, а *страх* лакедемонян, опасавшихся дальнейшего роста их могущества, о чем Фукидид и говорит в 88-й главе первой книги (Thuc. I.88).

Таким образом, основная мысль Фукидида, четко сформулированная в первой книге его истории, заключается в том, что, по его мнению, главными были не причины Пелопоннесской войны, о которых говорилось открыто, а истиннейший повод – страх лакедемонян перед растущим могуществом Афин. И Фукидид не подменяет причины поводом, а повод причинами.

Тем не менее переводчики, исследователи и авторы учебных пособий по истории Древней Греции нередко дают отличную от оригинала интерпретацию соответствующих мест у Фукидида.

Так, например, С.И. Соболевский пишет, что Фукидид, переходя к рассказу о причинах войны, делит их на официальные причины и причины скрытые, но истинные, которые заключались в том, что афиняне становились сильными и внушали страх спартамцам [10. С. 79]. Исследователь не проводит различия между поводом и причинами. Он говорит, что поводом к войне послужили события в Эпидалене и далее подчеркивает, что это было первое основание вражды коринфян и афинян. Затем поясняет, что второй причиной их раздора была Потидея. Содержание этого суждения отличается от мысли Фукидида, высказанной в 23-й главе первой книги.

А.И. Немировский также отмечает, что Фукидид, закончив введение и в двух главах (Thuc. I. 21–22) высказав свое отношение к задачам историка и целям исторического труда, в 23-й главе первой книги формулирует скрытую от поверхностного взгляда причину Пелопоннесской войны – усиление Афин, внушавшее страх лакедемонянам. В последующих главах (Thuc. I. 23–88) Фукидид обстоятельно излагает поводы войны. Как отмечает А.И. Немировский, «затем автор вновь возвращается к намеченной во введении причине Пелопоннесской войны и в связи с этим показывает рост могущества Афин после войны с персами (Thuc. I. 89–117)» [11. С. 57].

Составители учебных пособий также порой произвольно трактуют мысли Фукидида. Так, в учебнике «Очерки истории Древней Греции» К.М. Колобова и Л.М. Глускина отмечают, что Пелопоннесская война была вызвана рядом причин экономического и политического характера, способствовавших росту противоречий между Спартой и Афинами. Поводами к войне они называют те события, которые Фукидид как раз считал причинами [12. С. 210–213].

Термины «основание» («повод», «мотив») и «причины» («обвинения», «жалобы», «повод», «основания») Фукидид использует несколько раз в своем сочинении. Но он использует их чаще всего не как синонимы. На это отчасти указывает и его главная мысль о том, что о причинах войны или других событиях обычно говорят открыто, а повод чаще всего скрыт. Рассмотрим эти случаи.

В 118-й главе первой книги Фукидид, хотя и кратко, фактически излагает ту же мысль, которая была им высказана в 23-й главе (Thuc. I. 118.1). Говоря о керкирских, потидейских и прочих событиях, которые привели к возникновению повода к этой войне, Фукидид отмечает, что, хотя эти события и случились, война между спартамцами

и афинянами сразу не началась. Лакедемоняне, хотя и замечали укрепления афинского могущества, большей частью оставались спокойны потому, что и в предыдущее время не скоро, а только по необходимости решались они на войны, а также и потому, что их удерживали войны внутренние. Но так продолжалось до тех пор, пока могущество афинян не обозначилось ясно и они не стали затрагивать лакедемонских союзников. Тогда лакедемоняне решили со всей энергией объявить афинянам войну и, если можно, сокрушить их мощь (Thuc. I. 118.2).

В главе 133 первой книги Фукидид опять использует термин «повод». Речь идет о том, как спартанские эфоры раскрыли заговор Павсания на основании его переписки с персидским царем. Некий аргилец, посланник Павсания, обнаружив, что все предыдущие посланники не возвращались из Персии, испугался, что и его ожидает та же судьба и обо всем рассказал эфорам. По их совету он устроил помещение с двойной перегородкой, за которой спрятались эфоры, и пригласил для переговоров Павсания. Павсаний, когда пришел, стал спрашивать, по какому поводу он явился сюда в качестве молящего о защите. И в этом случае Фукидид использует термин «повод».

Ф.Г. Мищенко и А.Г. Стратановский не улавливают различия между поводом и причиной, которое имело место у Фукидида. Перевод Ф.Г. Мищенко и А.Г. Стратановского почти идентичен. Они используют при переводе этого сюжета понятие *причины*, так как Ф.Г. Мищенко использует причинный союз *зачем* (когда пришел к аргильцу Павсаний и стал спрашивать, *зачем* тот сюда явился...) [1]. А.Г. Стратановский употребляет понятие *причина* (когда Павсаний пришел в хижину и спросил аргильца о причине его моления о защите) [2]. Английский переводчик Ч.Ф. Смит также использует в этом случае понятие *причина* (reason) [3].

Я думаю, что Фукидид, употребляя термин *повод*, имел в виду, что для Павсания он был скрыт и неизвестен. Мне кажется, и в этом случае Фукидид употребил этот термин в том же значении, что и в 23-й главе первой книги.

Следующий случай употребления Фукидидом термина *повод* встречается в 141-й главе первой книги. Он применяет термин в речи Перикла, который, убеждая афинян «не уступать лакедемонянам ни по важному, ни по ничтожному поводу, сохраняя без страха по собственной воле то, которое мы приобрели». В данном случае Фукидид употребляет понятие *повод* в том же значении, которое встречалось выше.

Ф.Г. Мищенко употребляет термин во множественном числе, и у него он приобретает значение *причины* (...не уступать им (лакедемонянам) ни по важным, ни по ничтожным поводам) (Thuc. I. 141.1)) [1]. Перевод А.Г. Стратановского весьма далек от текста Фукидида («...не уступая ни при каких обстоятельствах и без страха отстаивая наше достояние») [2]. Ч.Ф. Смит также вместо фукидидовского термина *повод* употребляет английское слово *pretext* – предлог, отговорка [3].

В главе 146, завершающей первую книгу, Фукидид фактически подтверждает свою главную мысль, выска-

занную в 23-й главе. Он говорит, что такие причины и распри случились с обеих сторон перед весной, возникли непосредственно за событиями в Эпидамне и на Керкире. Спартанцы и афиняне посещали друг друга, правда, без глашатаев, но и не без подозрений, ведь все случившееся подрывало договор и служило поводом к войне. Переводчики вполне адекватно передают эту мысль Фукидида.

В 49-й главе второй книги Фукидид также использует термин **повод**. Характеризуя возникновение в Афинах эпидемии, Фукидид говорит, что у тех, кто до этого был здоров без всякого **повода**, вдруг появлялся сильный жар в голове... **Повод** и в этом случае используется Фукидидом для передачи чего-то скрытого, непонятного.

Переводчики Фукидида, не улавливая глубину его мыслей и отказавшись от понятия **повод**, вполне уместно используемый Фукидидом, не совсем удачно применили в этом случае понятие **причина**.

В 13-й главе третьей книги Фукидид также использует термины **причина и повод**, правда, **повод** он употребляет во множественном числе. Речь идет о митилениах, которые решили выйти из Афинского морского союза и вступить в Пелопоннесский союз. Причины, по которым митилениае стремились покинуть Афинский морской союз, как следует из речи митиленских послов, заключались в том, что митилениае разочаровались в Афинском союзе, потому что в нем союзники перестали быть автономными и были поработаны афинянами.

Послы говорили также о том, что, приняв Митилену в свой союз, пелопоннесцы присоединят к себе город, имеющий сильный флот, в котором теперь нуждаются.

Что касается **поводов**, о которых говорит Фукидид, то, по-видимому, употребляя этот термин во множественном числе, он имел в виду тот же смысл, что и в предыдущей 141-й главе первой книги, где, приводя речь Перикла, Фукидид отмечает, что тот убеждал афинян не уступать лакедемонянам ни по важным, ни по ничтожным **поводам**.

В 13-й главе главным или важным поводом Фукидид считал страх митилениае лишиться в Афинском морском союзе своей автономии и оказаться полностью во власти афинян, как это случилось со всеми остальными союзниками за исключением хиосцев. Возможно, менее важным поводом Фукидид считал, что присоединение митилениае к Пелопоннесскому союзу послужило бы примером и было бы **поводом** для других афинских союзников, прежде всего для хиоса, последнего члена Афинского морского союза, все еще сохранявшего свою автономию, перейти на сторону пелопоннесцев.

Еще раз Фукидид использует термин **повод** в шестой главе шестой книги. В этом случае историк рассуждает так же, как и в 23-й главе первой книги. Он говорит об истиннейшем **поводе**, который имели в виду афиняне, а именно подчинить своей власти весь народ Сицилии, т.е. эллинов и варваров, и который, безусловно, был скрыт, а в качестве благовидного предлога они открыто заявляли, что хотят оказать помощь своим родственникам и союз-

никам. Таким образом, благовидный предлог вполне соответствует понятию причин, о которых, как отмечает Фукидид, часто говорилось открыто.

Итак, в отличие от причин, поводом, приведшим к войне, Фукидид считал не речи союзников с той и другой стороны, которые раскрывали содержание причин и которые произносились открыто, а страх лакедемонян, опасавшихся дальнейшего роста могущества афинян, который, как подчеркивает Фукидид, несомненно, был скрыт.

Об этом Фукидид говорит в 88-й главе первой книги. В данном случае упомянутые в статье переводчики переводят это место у Фукидида идентично оригиналу. Согласно сообщению историка, лакедемоняне установили, что договоры нарушены и необходимо начать войну не столько под влиянием речей союзников, сколько из страха перед афинянами, опасаясь дальнейшего роста их могущества, они видели, что уже большая часть Эллады находится у них в подчинении.

Далее Фукидид раскрывает, как возникал этот страх, описывая обстоятельства, способствовавшие усилению афинян (Thuc. I.89). Эта часть истории Фукидида, начинающаяся с 88-й главы первой книги (Thuc. I.88–117), получила название в схолиях к Фукидиду «пятидесятилетие», где Фукидид рассказывает об образовании афинской морской державы.

В заключение необходимо отметить, почему Фукидид проводит принципиальное различие между поводом и причинами, в то время как переводчики и составители учебных пособий не придают этому особого значения, тем самым подменяют смысл терминов, используемых Фукидидом, и не учитывают своеобразия взаимоотношений между ними.

Фукидид жил в эпоху расцвета древнегреческой философии. Это было время развития старшей софистики. Мыслители придавали большое значение философскому содержанию терминов и понятий. Именно с этой точки зрения Фукидид и рассматривал понятия **повод и причины**. Он не случайно говорит, что «**истиннейший повод** был на словах наиболее скрытый, а о причинах же и распрах говорится открыто. Поэтому с философской точки зрения повод – это сущность, а причина – это явление. Сущность всегда является, т.е. раскрывается, через причины.

Древнегреческому философскому толкованию повода и причин как сущности и явлений более всего соответствует философия теории познания Канта, т.е. познания как постижения в себе сущего. В современной философии к толкованию повода и причин как сущности и явлений ближе всего суждения немецкого философа XX в. Николая Гартмана, принадлежавшего к Марбургской школе неокантианства, который считал, что сущность не может быть до конца познана [13–15]. Поэтому у Фукидида повод и характеризуется как наиболее скрытый.

Немецкий философ говорит о возможности познания явлений, т.е. конкретных фактов бытия, частично раскрывающих сущность. Это соответствует замечанию Фукидида о причинах, о которых говорилось открыто с обеих сторон. Поэтому современные переводчики «Ис-

тории» Фукидида, авторы учебников по истории Древней Греции и Рима, и интерпретаторы Фукидидовой истории Пелопоннесской войны, говоря о причинах и поводах Пелопоннесской войны, по меньшей мере, дают

неточное понимание текста Фукидида, смешивая понятия «повода» и «причин». Поэтому и точка зрения Г. Коквелла в его книге «Фукидид и Пелопоннесская война», опубликованной в 1997 г., является надуманной.

ЛИТЕРАТУРА

1. Фукидид. История / пер. Ф.Г. Мищенко : в 2 т. М., 1887–1888. Т. 1. Кн. 1–4. СХХХII, 516 с. Т. 2. Кн. 5–8. Указатель. 540 с., переизд. : в 2 т. СПб. : София, 1994. 588 с.
2. Фукидид. История / пер. и примеч. Г.А. Стратановского ; отв. ред. Я.М. Боровский (Серия «Литературные памятники»). Л. : Наука, 1981. 543 с.
3. Thucydides A. History of the Peloponnesian War with an English translation by Ch. F. Smith. Harvard, 1956. Vol. I, Book 1.
4. Croix G.E.V.M.de The Origins of the Peloponnesian War. London : Duckworth, 1972.
5. Cawkwell G. Thucydides and the Peloponnesian War. L. ; N.Y. : Routledge, 1997.
6. Wooley C.L. Excavation at Al Mina, Sueidia // Journal of Hellenic Studies, 1938. Vol. 58. P. 1–30.
7. Badian E. From Plataea to Potidaea. Studies in the History and Historiography of the Pentecontaetia. Baltimore ; L., 1993. P. 125–162.
8. Andrewes A. Thucydides on the Causes of the War // Classical Quarterly. 1959. Vol. 53 (n.s.9). P. 223–239.
9. Fornara C.W., Samons L.J. Athens from Cleisthenes to Pericles. Berkeley : University of California Press, 1991. 203 p.
10. Соболевский С.И. История греческой литературы. М. : Изд-во АН СССР, 1955. Т. 2. 310 с.
11. Немировский А.И. У истоков исторической мысли. Воронеж, 1979. 211 с.
12. Колобова К.М., Глушкина Л.М. Очерки истории Древней Греции. Л., 1958. 345 с.
13. Hartmann N. Die Anfänge Des Schichtungsgedankens in Der Alten Philosophie // Abhandlungen der Preussischen Akademie der Wissenschaften, Philosophisch-Historische Klasse. 1943. № 3. S. 1–31.
14. Hartmann N. Ziele Und Wege Der Kategorialanalyse // Zeitschrift für Philosophische Forschung. 1948. № 2. S. 499–536.
15. Gamp Rainer. Die Interkategoriale Relation Und Die Dialektische Methode in Der Philosophie Nicolai Hartmanns. Bonn : Bouvier, 1973.

Strogetsky Vladimir M. Nizhny Novgorod State Linguistic University named after N.A. Dobrolyubov (Nizhny Novgorod, Russia). E-mail: vstrog@rambler.ru

TO THE INTERPRETATION OF THE THUCYDIDES TEXT ON THE REASONS AND OCCASION OF THE PELOPONNESIAN WAR.

Keywords: Thucydides; Peloponnesian war; lakidemonyane.

The aim of the research is to investigate different interpretations of Thucydides message about the reasons an occasion of the Peloponnesian War. The author's point of view as to the true reason of the Peloponnesian War – fear of Lacedaimonians to amplification the Athenians, and the reasons known to both parties were indicated based on the analysis of ancient Greek historian texts translations by the Russian authors Stratanovskiy and Mishchenko, and English translator Smith. The first reason was the creation of a defensive alliance between Epidamnom and the Athenians sought not to break peace with Peloponnesians peace, that lasts thirty years and at the same time convinced of the inevitability of war with them. The second reason was the dispute between the Athenians and Peloponnesians because of the Corinthian colony Potidaea and concerns of the first that Potideyans could attract the other Athenian allies in the Thracian coast. Considering the different points of view, the author makes a clear conclusion that Thucydides first described the causes and feuds, due to which the world had been broken and only then verily occasion, which on the words was the most hidden and consisting in the fact that the Athenians began to instill fear for Lacedaemonians and the rest of the Peloponnesians by their amplification, and that forced them to start a war. The author once again clearly carries the idea according to which the fear of Lacedaemonians, who feared the power of the Athenians further strengthening is the occasion, witch as stressed by Thucydides, was doubtless hidden. This conclusion he made by of reasoning about utilization by Thucydide the term “occasion” and analyzing the various translators interpretations, witch inadequate substituting it by the concept of reason. In conclusion of the article, the author with the philosophy positions reveals the uniqueness of the relationship the concepts of “reason” and “occasion” in the texts by Thucydides, who lived in the heyday of ancient Greek philosophy, during the development of the older sophistry: occasion – is the essence, and the reason – is the phenomenon that is always the essence is revealed through reason. This establishes a parallel between the ancient Greek philosophical interpretation of the occasion and the reasons of both essence and phenomena by Thucydides and the of Kant's philosophy theory of knowledge as a comprehension of things.

REFERENCES

1. Thucydides. (1994) *Istoriya* [History]. Translated by F.G. Mishchenko. Vol. 1. St. Petersburg: Sofiya.
2. Thucydides. (1981) *Istoriya* [History]. Translated by G.A. Stratanovsky. Leningrad: Nauka.
3. Thucydides. (1956) *A History of the Peloponnesian War*. With an English translation by Ch.F. Smith. Vol. 1. Harvard.
4. Croix, G.E.V.M.de (1972) *The Origins of the Peloponnesian War*. London: Duckworth.
5. Cawkwell, G. (1997) *Thucydides and the Peloponnesian War*. London; New York: Routledge.
6. Wooley, C.L. (1938) Excavation at Al Mina, Sueidia. *Journal of Hellenic Studies*. 58. pp. 1–30. DOI: 10.2307/626431
7. Badian, E. (1993) *From Plataea to Potidaea. Studies in the History and Historiography of the Pentecontaetia*. Baltimore; London: JHU Press. pp. 125–162.
8. Andrewes, A. (1959) Thucydides on the Causes of the War. *Classical Quarterly*. 53(n.s.9). pp. 223–239. DOI: 10.1017/S0009838800041537
9. Fornara, C.W. & Samons, L.J. (1991) *Athens from Cleisthenes to Pericles*. Berkeley: University of California Press.
10. Sobleviskiy, S.I. (1955) *Istoriya grecheskoy literatury* [History of Greek literature]. Vol. 2. Moscow: USSR AS.
11. Nemirovskiy, A.I. (1979) *U istokov istoricheskoy mysli* [At the origins of historical thought]. Voronezh: Voronezh State University.
12. Kolobova, K.M. & Glushkina, L.M. (1958) *Ocherki istorii Drevney Gretsii* [Essays on the history of Ancient Greece]. Leningrad: Uchebno-pedagogicheskoe izdatel'stvo Ministerstva Prosveshcheniya RSFSR.
13. Hartmann, N. (1943) Die Anfänge Des Schichtungsgedankens in Der Alten Philosophie [The beginnings of stratification in the old philosophy]. *Abhandlungen der Preussischen Akademie der Wissenschaften, Philosophisch-Historische Klasse*. 3. pp. 1–31.
14. Hartmann, N. (1948) Ziele Und Wege Der Kategorialanalyse [Goals and ways of categorial analysis]. *Zeitschrift für Philosophische Forschung*. 2. pp. 499–536.
15. Gamp, R. (1973) *Die Interkategoriale Relation Und Die Dialektische Methode in Der Philosophie Nicolai Hartmanns* [The intercategoryal relation and the dialectical method in the philosophy of Nicolai Hartmann]. Bonn: Bouvier.

Н.Н. Наумов

СИГИЗМУНД ЛЮКСЕМБУРГСКИЙ И ИМПЕРСКАЯ АРИСТОКРАТИЯ НА ПЕРВОМ ЭТАПЕ ГУСИТСКИХ ВОЙН: ФРИДРИХ IV ВЕТТИН, МАРКГРАФ МЕЙСЕНСКИЙ

Рассмотрено взаимодействие германского короля Сигизмунда и Фридриха IV Веттина, маркграфа мейсенского, на первом этапе гуситского кризиса (1420–1422 гг.). Необходимость поиска новых средств для борьбы с гуситами вынудила короля привлечь своего вассала к длительной военной службе не на ленных, а на наёмных началах. В качестве платы «князю-кондотьеру» были заложены замки на границе с его доменом, что способствовало процессу территориального оформления княжеской власти и присвоения ею королевских прав и имущества на местах.

Ключевые слова: Сигизмунд Люксембургский; Священная Римская империя; Гуситские войны; королевская и княжеская власть; феодальная и наёмная служба.

Может ли внешний вызов способствовать консолидации политической элиты и модернизации социально-политических отношений в том или ином государстве? Этот общий вопрос можно поставить применительно к истории разных эпох. Предметом моего исследования являются взаимоотношения между Сигизмундом Люксембургским (1368–1437), королём венгерским и чешским, германским королём и императором с аристократией его земель в период Гуситских войн. Известно, что в 1420-х гг. многие чешские подданные взбунтовались против своего короля, который пожелал искоренить гуситскую ересь, распространившуюся в чешских землях. Как этот конфликт повлиял на взаимоотношения между королём и аристократией восточных земель Священной Римской империи (далее – Империя), непосредственно примыкавших к гуситской Чехии? На какой основе строилось взаимодействие королевской и княжеской власти? В настоящей статье эти вопросы будут рассмотрены на конкретном примере путём анализа королевских и княжеских грамот – писем и пожалований, в том числе неопубликованных, хранящихся в архивах Лейпцига и Вены¹. В качестве хронологических рамок работы выбран период первых двух неудачных походов против гуситов (1420–1422 гг.) – время, когда король стал осознавать необходимость модернизации имперских институтов.

Имперское собрание во Вратиславе. Открыто о своём намерении искоренить гуситскую ересь Сигизмунд заявил в январе 1420 г., созвав вассалов Империи во Вратиславе (нем. *Breslau*, пол. *Wrocław*). Следует заметить, что этому событию посвящена более чем скромная историография [1; 2. S. 97–123; 3. S. 23–30]. Особого внимания заслуживает анализ вратиславского рейхстага Сабиной Веферс, которая видит в нём «успех «консервативной» стратегии поведения» Сигизмунда. «Консервативность» действий короля, с точки зрения Веферс, проявилась в том, что он выступил в роли «оплота христианства», поддержав Немецкий Орден в споре с собственным союзником, польским королём Владиславом (Ягайло), некогда язычником. Это было сделано с целью мобилизации имперской элиты, в том

числе прежде недружественных королю рейнских курфюрстов, поддерживавших Орден, против еретиков-гуситов [4. S. 75–81]. Эта трактовка, в целом, представляется убедительной, но повёл ли Сигизмунд себя столь же «консервативно» во взаимодействии с восточными князьями Империи, в частности Фридрихом IV Веттином, маркграфом мейсенским?

В начале следует отметить, что на взаимоотношения Веттинов с Люксембургами непосредственно влияла «географическая близость» их владений к королевскому домену – Чешскому королевству. Этот фактор делал чешских королей и маркграфов мейсенских соперниками, стремившимися присоединить к своим наследным землям соседние имперские лены. Спорной территорией был Фогтланд (лат. *terra advocatorum*), часть которого Карл IV переподчинил чешской короне, в том числе бургграфство Дона; впоследствии, в 1402 г., Веттины захватили последнее у Карла Вацлава, воспользовавшись мятежом имперских курфюрстов и чешских панов против него [5. S. 46–50; 6. S. 55–56]. Это обстоятельство сыграет важную роль в последующем развитии событий.

Тем не менее подобное соседство заключало в себе и потенциал сотрудничества. Ведь король, по донесениям послов из Страсбурга от 21 января 1420 г., «собирался направиться из Вратислава в Прагу и наказать гуситов за их неверие» [7. S. 408]; поэтому владения Веттинов, непосредственно прилегавшие к Чешскому королевству, выступали бы в качестве естественного плацдарма против мятежников. В свою очередь, и маркграф Фридрих IV имел свой интерес, реализация которого зависела от воли Сигизмунда. С 1410 г. он находился в конфликте со своим братом Вильгельмом II по поводу раздела наследных владений их дяди Вильгельма I – одной трети Мейсенской марки [6. S. 32–33]. Этот спор мог быть легко разрешён в пользу того или иного брата королём, имеющим право подтверждения и закрепления владений. И хотя договор о разделе запрещал братьям «вступать в союзы с кем-либо без ведома и совета друг друга» [8. S. 161–162], оба брата – сначала Фридрих, потом и Виль-

гельм – по отдельности прибыли во Вратислав и попытались заручиться благосклонностью Сигизмунда.

Однако тот не пошёл им навстречу. Как упоминалось выше, в 1402 г. Веттины вторглись во владения его брата, чешского короля Вацлава, захватив бургграфство Дона. Поэтому, согласно донесению посла из Страсбурга, «союз не состоялся, так как богемские советники полагали, что король должен был бы вернуть себе все те земли, которые тот самый маркграф в своё время отвоевал у королевства Богемия; так же полагал и сам король, и потому маркграф мейсенский уехал оттуда безрезультатно» [7. S. 411]. Вероятно, Сигизмунд стремился сохранить диалог с верным ему чешским панством, а признание отторжения замков и территорий от Чехии определённо вызвало бы возмущение в этой среде. Приближённые к нему католические паны заботились не только об утверждении его власти в королевстве (в надежде на его благодарность), но и о том, чтобы имущества чешской короны жаловались исключительно чешской шляхте. Данный пример даёт основание не согласиться с вышеизложенной трактовкой С. Веферс: выступив в роли «оплота христианства» и открыто призвав к борьбе с ересью, король на самом деле не отошёл сразу и бесповоротно от прежде намеченного им курса – поиска компромисса с чешской шляхтой. Этому поспособствовал лишь последовавший летом 1420 г. открытый конфликт.

Первый поход против гуситов. Отказ Сигизмунда подтвердить маркграфам мейсенским их владения соответствовал требованию чешских панов, а именно: «чтобы иностранные лица не были допущены до кормлений, титулов или земских податей» в Чешском королевстве [9. S. 206–208]. Тем не менее иные события вратиславского рейхстага подталкивали чешскую элиту, а особенно гуситскую её часть, к мысли, что на самом деле король выбрал гораздо более жёсткую линию поведения и желает направиться в королевство с крестоносным войском. 1 марта 1420 г. папа Мартин V издал буллу о борьбе с ересью (*Omnium plasmatoris domini*), где подобные намерения были недвусмысленно высказаны [10. S. 17–18]. Перед всяким отдельным паном – католиком или же гуситом – встал вопрос, чью сторону взять: короля, который, вероятно, уже не будет столь уступчив, если вторгнется в Чехию во главе крестоносной армии, или же бунтующего пражского отребья, чтобы в союзе с тем отстоять свои панские свободы и притязания? Некоторые паны, как, например, Чекнек з Вартенберка, уже в апреле призвали к неподчинению королю. Роберт Новотный полагает, что подобное поведение было характерно для большей части чешской шляхты, действовавшей вне зависимости от своих религиозных убеждений [11. S. 145].

В этой ситуации маркграфы мейсенские получили новый шанс сблизиться с королём и добиться пожалования и подтверждения их владений как законно унаследованных в Империи (Мейсенская марка, ландграфство Тюрингия и др.), так и бургграфства Дона, захва-

ченного ими в Чешском королевстве в правление Вацлава. Вильгельм, брат Фридриха, столь же безрезультатно попытавшийся убедить короля на рейхстаге во Вратиславе, получил письмо от Сигизмунда (май 1420 г.). Король попросил его – «высокорожденного господина, брата и князя» – присоединиться с войском к походу на Кутную гору, добавив в конце: «...этим ты окажешь нам особенно любезную и приятную службу» [12. Fol. 206rv]. Эта формула была призвана убедить маркграфа в готовности короля к продолжению диалога, прерванного в феврале.

Братья Фридрих и Вильгельм не преминули воспользоваться этой возможностью и прибыли к королю, «сопровождаемые огромной свитой из рыцарства и знати» [13. S. 157]. Вероятно, это был наиболее заметный контингент в войске Сигизмунда; ведь и чешский хронист Бартошек з Драгониц, и королевский биограф Эберхард Виндеке, и сам король упоминают их в первую очередь, в то время как в поход отправились и более знатные и приближенные: Альбрехт Габсбург, герцог австрийский и зять короля, Альбрехт Виттенберг, курфюрст саксонский, Иоганн Виттельсбах, герцог баварский [14. S. 591; 15. S. 111]. Там же Сигизмунд торжественно наделил присутствовавших Веттинов всеми их ленами: «княжествами, землями и людьми, без всякого исключения» [16. Fol. 90v–91r]. Означает ли это, что маркграфам были пожалованы и их спорные владения – замки в Чешском королевстве? Я полагаю, что нет. Согласно тексту документа, пожалование состоялось «в силу настоящей грамоты, законным образом и полновластием римской (но не чешской! – Н.Н.) королевской власти» [Ibid. Fol. 91r].

Если Карл IV при заключении своих союзов с Веттинами подчёркивал свой статус как богемского курфюрста, то Сигизмунд вёл себя явно иначе. Естественно, он и в данном случае титуловал себя королём Чехии (пусть и не был пока коронован), но постарался избежать того, чтобы можно было подумать, будто бы он наделил Веттинов как чешский король. Поэтому если он и выразил им своё согласие, то не в письменной форме. Однако чехи заметили его сближение с мейсенскими маркграфами, о чём свидетельствует письмо пражских гуситов к Фридриху, «их любезному попечителю», на деле же – заклятому врагу: «...если бы ваша милость узнала, что этот самый король не раз клялся нас погубить, а теперь стал вашим другом, то берегитесь: если бы он не нуждался в вас против нас, то никогда бы не стал им» [17. Fol. 212v]. Это письмо не датировано; тем не менее можно с уверенностью предположить, что оно относится именно к июлю 1420 г., так как в тогдашней переписке между городскими советами Нюрнберга и Ульма упоминается «копия некоего письма, которое – как говорят – написали маркграфам мейсенским пражане» [8. S. 57]. На «дружбу» (ср.-в.-нем. *fruntschaft*), иначе говоря, неоформленный частный союз между королём и отдельным вассалом Империи, указывают и некоторые формулы рассматривае-

мого пожалования, подчёркивающие «значительную службу и исключительную верность, которую они (маркграфы. – Н.Н.) прежде с готовностью проявляли по отношению к нам и нашим предшественникам, ныне проявляют и в будущем могут и должны проявить» [16. Fol. 90v–91r]. Под «нынешней» службой в этой привилегии от 19 июля 1420 г. определённо подразумевалось деятельное участие маркграфов в чешской кампании, в частности в битве на Виткове, состоявшейся за четыре дня до этого.

Не только мятежники-гуситы, но и их посредники – верные католические паны – с крайним неудовольствием наблюдали сближение своего короля с Веттинами. Напряжённость отношений в окружении Сигизмунда наглядно демонстрирует эпизод, описанный его слугой Эберхардом Виндеке: «Заметьте, в войске пронесся слух, что некий богемец сказал королю: коли тот желает завладеть Прагой, пусть только разрешит напасть на маркграфа мейсенского, и тогда гуситы станут ему покорны». На это король ответил: «Не дай Бог! Уж лучше мы умрём» [15. S. 132]. Сигизмунд не допустил кровопролития. Но в остальном он вёл себя недостаточно решительно, так как стремился сохранить диалог с чешскими панами, которым не вполне доверял. По сообщению Виндеке, чехи обращались к королю с «лукавыми речами»: «Не захватывай город; так богемская корона никогда не будет в безопасности от немцев. Распусти войско, государь; мы, богемские господа, в течение месяца передадим Прагу в твою власть». Король вполне справедливо сомневался в искренности чехов: «Как я могу верить этому? Если я распущу войско, тогда вы не станете меня держаться» [Ibid. S. 111]. Видно, что Сигизмунд рассматривал войско имперских князей, в том числе маркграфов мейсенских, как инструмент политического давления на чешскую элиту, та же видела в иностранцах угрозу собственным властным притязаниям.

То, что король оказался склонен к переговорам с гуситами при посредничестве католических панов и без совета имперских князей, столь возмутило последних, что они оставили лагерь короля и убралась восвояси. В том числе и Фридрих, который на обратной дороге разграбил многие владения [18. S. 367]. Пусть тогда Сигизмунд больше следовал советам его недругов – чешских панов, но он всё же отметил храбрость мейсенского маркграфа в борьбе с еретиками и подтвердил его права владения, которые в средневековом обществе, по выражению М.А. Бойцова, «имели обыкновение выветриваться» [19. С. 111].

«**Денная и конная война**». Оставленный князьями Сигизмунд обнаружил, что его чешские союзники не выполнили обещанное, а осаждённые пражане перешли в наступление; в итоге ему пришлось спасаться бегством. Это поражение можно приписать не только недооценке им политической ситуации, но и отсутствию в Империи относительно развитых механизмов управления, в частности постоянной армии. Оказалось,

что 30-тысячное рыцарское войско не способно раздавить 9 тысяч, большую часть которых (5 000) составляли крестьяне [20. S. 119–123]! В этой ситуации Сигизмунд перешёл к иному способу ведения боевых действий: от кратковременных вторжений и осад к «войне денной и конной» (ср.-в.-нем. *teglichen und reyssigen kryge*) [15. S. 146], главной силой которой стал Фридрих Мейсенский, непосредственный сосед гуситов. Отметив его помощь при осаде Праги, король постановил компенсировать его текущие и будущие расходы в размере 30 000 рейнских гульденов «за службу <...> в течение шести месяцев <...> вместе с 500 воинами и таким же количеством лошадей» [16. Fol. 103r].

В качестве залога указаны подати от христиан и евреев, полагавшиеся королю. Хотя маркграф мейсенский, как и любой другой член Империи, был обязан предоставить королю по его повелению «помощь, совет и содействие», но в данном случае речь идёт уже не о ленной, а об иной форме службы, напоминающей кондотьерство. Это становится ясно, если сопоставить документ с вышеупомянутым письмом к маркграфу Вильгельму, брату Фридриха (май 1420 г.): «Мы **требуем** (выделено мной. – Н.Н.) от тебя с крайней настойчивостью и рвением, чтобы ты как можно скорее помог нам со своим войском против упомянутых виклефистов» [12. Fol. 206rv].

В качестве юридической силы данной, более ранней грамоты выступают повеление короля и обязательства его вассала; в то же время более поздний документ, в котором Сигизмунд «**пообещал и поклялся заплатить**» обозначенную сумму, представляет собой скорее договор двух равных сторон, условия которого (в том числе и возможные последствия от их несоблюдения) чётко прописаны. В 1422 г. в качестве платы за 1,5 года службы (90 000 гульденов) Фридрих получил не деньги, но замки Штольберг, Шёнек, Милау, Гаттендорф и Шпарнберг, находившиеся на границе между Мейсенской маркой и Чешским королевством [8. S. 121–125]. Этот пример позволяет предположить, что основным двигателем возникновения в Империи новых механизмов власти и управления, в данном случае некоего прототипа наёмной армии, была неспособность правителя побороть внешний вызов привычными средствами. Этот процесс шёл медленно, с почти незаметным результатом преодолевая инерцию поведения политической элиты. В то же время естественной предпосылкой этого нового для Империи типа службы были личные связи, пронизывающие средневековое общество как таковое.

Заключение. Отношения Сигизмунда с Фридрихом IV Веттином в 1420–1422-х гг. становились тем теснее, чем чётче король сознавал необходимость поиска новых средств для борьбы с гуситами. В качестве рубежа можно рассматривать период от краха первого похода против гуситов до конца 1420 г., когда Фридрих IV и его люди поступили к королю на «денную и конную службу». Препятствием к сближению короля и князя было панство, претендовавшее на то, чтобы пра-

витель жаловал имущества чешской короны исключительно чехам. Гуситские войны поставили королевскую власть в такую ситуацию, когда ей пришлось любой ценой модернизировать военный строй Империи, пусть эти изменения и не были коренными. Одним из нововведений было привлечение маркграфа Фридриха, имперского вассала, к длительной военной службе в

конце 1420–1422 гг. на наёмных началах. Содержание «князя-кондотьера» и его отряда потребовало от короля значительных затрат, которые могло покрыть лишь заложение королевского имущества в Империи, что в конечном счёте способствовало процессу территориального оформления княжеской власти и узурпации ею королевских прав и имущества на местах.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Автор хотел бы выразить признательность др. Петру Элбелу (Университет им. Т. Масарика, Брно) за возможность в ходе стажировки ознакомиться с электронными копиями регистра королевских грамот времён Сигизмунда, хранящегося в Австрийском государственном архиве (HHStA).

ЛИТЕРАТУРА

- Holtzmann R. Der Breslauer Reichstag von 1420 // *Schlesische Geschichtsblätter*. 1920. № 1. S. 1–9.
- Nowak Z.H. Międzynarodowe procesy polubowne jako narzędzie polityki Zygmunta Luksemburskiego w północnej i środkowowschodniej Europie (1412–24). Toruń, 1981. S. 97–123.
- Hoensch J.K. König / Kaiser Sigismund, der deutsche Orden und Polen-Litauen: Stationen einer problembeladenen Beziehung // *Zeitschrift für Ostforschung*. Jg. 46. 1997. S. 1–44.
- Wefers S. Das politische System Kaiser Sigmunds. Stuttgart, 1989.
- Ahrens H. Die Wettiner und Kaiser Karl IV. Ein Beitrag zur Geschichte der Wettinischen Politik in den Jahren 1364 bis 1379. Leipzig, 1895.
- Broesigke I. von. Friedrich der Streitbare, Markgraf von Meißen und Kurfürst von Sachsen. Düsseldorf, 1938.
- Deutsche Reichstagsakten unter Kaiser Sigmund. Abt. 1. 1410–1420 / Hrsg. von D. Kerler. München, 1877.
- Codex diplomaticus Saxoniae Regiae. Abt. B. Bd. 4. Urkunden der Markgrafen von Meissen und Landgrafen von Thüringen in den Jahren 1419–1428 / Bearb. von H. Ermisch und B. Reissig. Leipzig, 1941.
- Archiv český, čili staré písemné památky české a moravské / Vydal Fr. Palacký. D. 3. Praha, 1844.
- Urkundliche Beiträge zur Geschichte des Hussitenkrieges vom Jahre 1419 an / Hrsg. von F. Palacký. Bd. 1. Prag, 1873.
- Novotný R. Sociální, institucionální a konfesionální aspekty vývoje české šlechty v pozdním středověku. Praha, 2008.
- Лейпциг. Университетская библиотека. Universitätsbibliothek Leipzig (UL). Ms. 1091. Diplomatische Sammelhandschrift (lat. und dt.).
- Caro J. Liber cancellariae Stanislai Ciolek. Ein Formelbuch der polnischen Königskanzlei aus der Zeit der hussitischen Bewegung // *Archiv für österreichische Geschichte*. Bd. 52. 1875. S. 1–274.
- Kronika Bartoška z Drahonice // *Fontes rerum bohemicarum* / Vydal J. Goll. Vol. 5. S. 589–628.
- Windecke E. Denkwürdigkeiten zur Geschichte des Zeitalters Kaiser Sigmunds / Hrsg. W. Altmann. Berlin, 1893.
- Вена. Австрийский государственный архив. Hof-, Haus- und Staatsarchiv Wien (HHStA). Reichsregister Sigismund. Bd. G.
- Лейпциг. Университетская библиотека. Universitätsbibliothek Leipzig (UL). Ms. 766. Diplomatische Sammelhandschrift (lat. und dt.).
- Regensburg, Andreas von. Sämtliche Werke. München, 1903.
- Бойцов М.А. Германский император XIV века: инструменты реализации власти (к постановке проблемы) // *Власть и политическая культура в средневековой Европе*. М., 1992. С. 106–114.
- Čornej P. Bitva na Vítkově a zhroutení Zikmundovy křížové výpravy v létě 1420 // *Husitský Tábor*. Sv. 9. 1986–1987. S. 101–152.

Naumov Nikolay N. Moscow State University (Moscow, Russia). E-mail: nn-naumov@mail.ru

SIGISMUND OF LUXEMBURG AND THE ARISTOCRACY OF THE HOLY ROMAN EMPIRE ON THE FIRST STAGE OF THE HUSSITE WARS: FREDERICK IV OF WETTIN, MARGRAVE OF MEIßEN.

Keywords: Sigismund of Luxemburg; Holy Roman Empire; Hussite wars; royal and principal authority; feudal and mercenary service. The paper aims to study the interaction within the political elite of the Holy Roman Empire on the first stage of Hussite wars (1420–1422) as a factor of institutional development of Late Medieval German lands. The special attention is paid to the communication between King Sigismund (1368–1437) and Frederick IV of Wettin, margrave of Meißen, the German noble, who took the most active part in the conflict. Thereas, the main task was to reveal and explain the chronological milestones marking their relationship, while analyzing the royal and principal charters including unpublished archivalia from Wien and Leipzig. The first milestone was the Imperial Diet held in January 1420 in Vratislav. Margrave Frederick offered his military help to King Sigismund in exchange of recognition of some illegal achievements made previously in Bohemia by his family during the reign of Sigismund's brother Wenzel. However, the king denied this offer, not at least because of the pressure from his Bohemian counsellors. As Bohemian landlords, they did not want to see their political positions harmed and the Bohemian royal fiefs being granted to the foreigners. The second milestone was the failed military campaign against the Hussites (summer 1420). While the Bohemian loyalists left their lord in trouble, the margrave shew his bravery and found the king's favour. Seeing that the traditional tactics of sieges and temporary interventions did not work, Sigismund offered a military contract to Frederick, who was to fight against the Hussites with 500 knights for a term of 6 months in exchange of 30 000 Rhenish guilder. While every single Imperial noble was obliged to provide his lord with "help, advise and support" due to his own feudal oath, Frederick was serving for hire. The final conclusion drawn by the author is that such a "daily and mounted service" was a new phenomenon in the military history of the Holy Roman Empire that had not confronted any external challenge like the Hussite wars before; nevertheless, no far-going modernization of Empire's military system took place, one would rather speak about the principles of mercenary service emerged and applied for a short time. It was very costly for the royal authority to continue paying the hire and to establish a regular army. Thus, Frederick has been serving as a "mercenary prince" for 2 years. Finally, the king was unable to pay the additional costs with gold, so he recompensed the margrave for 18 months' service with several castles belonged to the Bohemian crown. Therefore, it has been the Hussite conflict that has helped the principal authority of Wettin family to expand and territorialize its domain at the cost of royal properties and regalia.

REFERENCES

1. Holtzmann, R. (1920) Der Breslauer Reichstag von 1420 [The Breslau Reichstag of 1420]. *Schlesische Geschichtsblätter*. 1. pp. 1–9.
2. Nowak, Z.H. (1981) *Międzynarodowe procesy polubowne jako narzędzie polityki Zygmunta Luksemburskiego w północnej i środkowowschodniej Europie (1412–24)* [International amicable processes as a tool of Sigismund the Luxembourg's policy in northern and central-eastern Europe (1412–24)]. Toruń. pp. 97–123.
3. Hoensch, J.K. (1997) König / Kaiser Sigismund, der deutsche Orden und Polen-Litauen: Stationen einer problembeladenen Beziehung [King / Emperor Sigismund, the German Order and Poland-Lithuania: Stations of a problematic relationship]. *Zeitschrift für Ostforschung*. 46. pp. 1–44.
4. Wefers, S. (1989) *Das politische System Kaiser Sigmunds* [The Political System of Emperor Sigmund]. Stuttgart: Steiner Franz Verlag.
5. Ahrens, H. (1895) *Die Wettiner und Kaiser Karl IV. Ein Beitrag zur Geschichte der Wettinischen Politik in den Jahren 1364 bis 1379* [The Wettinians and Emperor Charles IV. A contribution to the history of Wettin's policy in 1364 to 1379]. Leipzig: Verlag von Duncker & Humblot.
6. Broesigke, I. von. (1938) *Friedrich der Streitbare, Markgraf von Meißen und Kurfürst von Sachsen* [Frederick the Forlorn, Margrave of Meissen, and Elector of Saxony]. Düsseldorf: Nolte.
7. Kerler, D. (1877) *Deutsche Reichstagsakten unter Kaiser Sigmund* [German Reichstag acts under Emperor Sigmund]. Part 1. 1410–1420. Munich: Oldenbourg.
8. Ermisch, H. & Reissig, B. (1941) *Codex diplomaticus Saxoniae Regiae*. Vol. 4. Leipzig: Nabu Press.
9. Palacký, Fr. (1844) *Archiv český, čili staré písemné památky české a moravské* [The Czech Archive, or Old Czech and Moravian Monuments]. Prague: Královská česká společnost nauk.
10. Palacký, F. (1873) *Urkundliche Beiträge zur Geschichte des Hussitenkrieges vom Jahre 1419 an* [Documentary contributions to the history of the Hussite war from 1419]. Vol. 1. Prague: Biblio-Verlag.
11. Novotný, R. (2008) *Sociální, institucionální a konfesionální aspekty vývoje české šlechty v pozdním středověku* [Social, institutional and confessional aspects of the development of Czech nobility in the late Middle Ages]. Prague.
12. Leipzig University Library. (n.d.) Ms. 1091. *Diplomatic collection*. (In German).
13. Caro, J. (1875) *Liber cancellariae Stanislai Ciolek*. Ein Formelbuch der polnischen Königskanzlei aus der Zeit der hussitischen Bewegung [Liber cancellariae Stanislai Ciolek. A formula book of the Polish royal chancery from the time of the Hussite movement]. *Archiv für österreichische Geschichte*. 52. pp. 1–274.
14. Vydal, J. (n.d.) *Collection*. Vol. 5. pp. 589–628.
15. Windecke, E. (1893) *Denkwürdigkeiten zur Geschichte des Zeitalters Kaiser Sigmunds* [Memorabilia on the History of the Emperor Sigmund's Age]. Berlin: Gaertner.
16. The Austrian State Archive. (n.d.). *Hof-, Haus- und Staatsarchiv Wien (HHStA). Reichsregister Sigismund. Bd. G*. [Court, House and State Archives Vienna (HHStA). Register of Sigismund. Vol. G].
17. Leipzig University Library. (n.d.) Ms. 766. *Diplomatic collection*. (In German).
18. Regensburg, A. von. (1903) *Sämtliche Werke* [Collected Works]. Munich: [s.n.].
19. Boytsov, M.A. (1992) *Germanskiy imperator XIV veka: instrumenty realizatsii vlasti (k postanovke problemy)* [The German Emperor of the Fourteenth Century: Instruments for Implementing Power]. Gutnova, E.V. (ed.) *Vlast' i politicheskaya kul'tura v srednevekovoy Evrope* [Power and Political Culture in Medieval Europe]. Moscow: RAS. pp. 106–114.
20. Čornej, P. (1986–1987) *Bitva na Vítkově a zhroutení Zikmundovy křížové výpravy v létě 1420* [The Battle of Vitkov and the collapse of Sigmund's Crusade in the summer of 1420]. *Husitský Tábor*. 9. pp. 101–152.

ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ, ЭТНОГРАФИИ И СОЦИАЛЬНОЙ АНТРОПОЛОГИИ

УДК 902/904

DOI: 10.17223/19988613/47/15

Е.В. Водясов, О.В. Зайцева

ЧТО МОЖЕТ РАССКАЗАТЬ АРХЕОЛОГУ ЖЕЛЕЗНЫЙ ШЛАК?

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 16-36-00329 мол_а.

Рассматривается научный потенциал археологического шлака – одного из важнейших источников по реконструкции древних производств железа. В российской археологии практически отсутствуют комплексные программы исследования железных шлаков. Авторы приходят к выводу о необходимости определения типов шлаков, поскольку каждый тип связан с определенным циклом производства (железоплавильным и кузнечным). Показана важность индивидуальной фиксации шлаков и проведения геостатистических анализов. Обязательным этапом исследования является также проведение геохимических анализов, которые позволяют оценить качество получаемого железа и выявить рудную базу древней металлургии.

Ключевые слова: археометаллургия; археологический шлак; производство железа.

Мы хотим посвятить эту статью малоразработанной в российской археологии области – изучению древних железных шлаков. Несмотря на то что шлак является ценнейшим (а зачастую и единственным) источником по реконструкции железоделательных технологий, в российском археологическом сообществе, по всей видимости, так и не появилось осознание важности и информативности этого ресурса. Если в Европе и Северной Америке существуют сотни работ, посвященных всестороннему изучению древних и экспериментальных шлаков [1–26], то в отечественной науке счет идет на единицы [27–34]. Семь лет назад мы уже делали небольшой обзор этой проблемы [28], однако в свете приобретения новых знаний и практического опыта изучения железных шлаков считаем уместным вернуться к этому актуальному вопросу.

Скорее всего, повсеместное игнорирование железного шлака связано с простой неосведомленностью многих российских археологов касательно научного потенциала, скрытого в этом уникальном источнике. По этим причинам, опираясь на опыт зарубежных ученых и некоторые собственные наблюдения, мы считаем уместным познакомить читателя с основными научными знаниями, «зашифрованными» в археологическом шлаке.

Заранее скажем, что объем статьи не позволит рассмотреть все исследовательские методы и подходы (например, по одним геохимическим анализам можно написать целую книгу), поэтому акцент сделан на том минимуме, который, на наш взгляд, необходим для начального изучения шлаков.

К сожалению, в большинстве публикаций, где речь заходит о шлаках, мы можем найти выражения «на поселении найдены шлаки» и выводы «на поселении производили железо», и на этом исследование шлаков, как

правило, заканчивается. Выглядело бы абсурдным, если бы мы встретили в археологической статье следующий пассаж: «на поселении найдена керамика, значит, здесь были горшки». Однако касательно шлаков такой абсурд почему-то вполне «уместен». При описании памятников черной металлургии ученые часто не приводят важнейшие сведения: контекст обнаружения шлаков, методы полевой фиксации, общий вес и количество шлаков, морфология и типология шлаков, фотографии образцов, лабораторные анализы с дальнейшей расшифровкой данных и многие другие.

Остановимся на каждом из этапов исследования железных шлаков подробнее.

Шлак, являясь главным отходом металлургической деятельности, прямо указывает на то, что здесь существовало железоделательное и/или железообрабатывающее производство [21. Р. 251]. При этом роль шлака как индикатора местной черной металлургии намного выше, чем находки криц и железных изделий, поскольку последние всегда могли попасть на поселение в ходе обмена/покупки, тогда как завозить шлак просто бессмысленно.

Контекст обнаружения шлаков крайне важен, поскольку позволяет установить место концентрации древних производств и во многих случаях помогает их датировать. Шлаки, как правило, находятся вблизи металлургических горнов и производственных мастерских, но могут быть и сильно разнесены в пространстве в пределах памятника. Поэтому без четкого контекста невозможно соотнести отходы производства с определенным горизонтом обитания в случае многослойности памятника.

Необходимым условием также является попадание **всех** найденных шлаков в лабораторию для их взвешивания

вания и описания, а не в отвал, как это часто бывает. Если археологи выбрасывают не интересующие их фракции шлаков, естественно, уже невозможно оценить роль черной металлургии в хозяйстве, реконструировать тип используемых сыродутных горнов, подсчитать количество переработанной руды и полученного железа для каждого из объектов или поселения в целом, а также установить источники рудного сырья.

Идеальной представляется ситуация индивидуальной фиксации каждой фракции шлака, конечно, если количество отходов исчисляется десятками килограммов, а не сотнями или тысячами.

Приведем здесь характерный пример важности индивидуальной фиксации. При исследовании археологического памятника Усть-Полуй (г. Салехард) А.В. Гусевым в 2010–2015 гг. были найдены железные шлаки на разных участках. Все свидетельства металлургии были индивидуально отмечены на плане и положены в соответствующие пакеты с номерами. Уже в лабораторных условиях (через несколько лет) мы разделили массовый материал на железные шлаки и стенки сыродутного горна, и как раз благодаря индивидуальной фиксации удалось установить, что горн находился на краю древнего рва, а шлаки лежали по его склону и на дне [27]. Таким образом, выяснилось, что археометаллургический объект существовал синхронно со рвом, для которого получены дендрохронологические

даты, укладываемые в I в. до н.э. А если бы все шлаки, найденные на памятнике, были собраны в **один** пакет без индивидуальной фиксации, смогли бы мы получить те же выводы?

Весьма продуктивно также применение геостатистического анализа. Дело в том, что археологические горны по истечению длительного промежутка времени могут не сохраниться и представлять собой весьма аморфные скопления шлаков и фрагментов глиняных стенок, существенно перемешанных и «растасненных» в пространстве. Для выявления подобных объектов, на наш взгляд, необходим геостатистический анализ распределения шлака и других остатков металлургической деятельности в культурном слое [28]. При этом вес археологического шлака может варьироваться от нескольких граммов до нескольких килограммов и больше. Таким образом, для получения объективной картины пространственного распределения кроме индивидуальной фиксации нужно вводить еще один параметр – вес каждого образца.

Уже в лабораторных условиях с помощью специальных программ можно получить карту именно весового распределения шлака для уточнения локализации и концентрации древних производств. Геостатистический метод помог нам при изучении городища Шайтан-III, находящегося на юге Томской области (рис. 1).

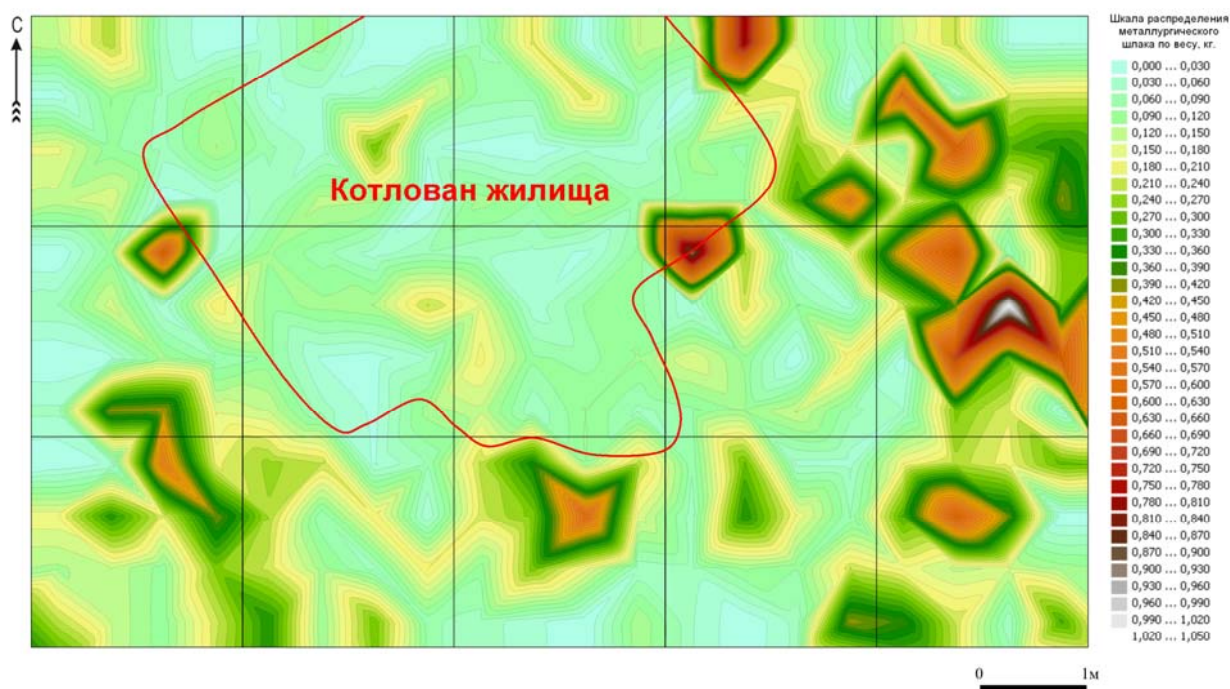

Рис. 1. Городище Шайтан-III. Распределение шлака в раскопе по весу

Из плана видно, что производство железа происходило в непосредственной близости от жилища, тогда как в самой постройке шлаки практически отсутствуют. По весовому распределению можно предположить, что горн находился в восточной части от жилища, где сосредоточено наибольшее количество железистых горновых шлаков.

Зная вес найденных шлаков, можно рассчитывать примерную интенсивность древних производств. Многочисленные археологические эксперименты показывают, что выход крицы составляет в среднем около 20–25% от веса загружаемой руды. Однако получаемая крица содержит большое количество шлаков, которые нуж-

но из неё удалить, поэтому выход железного бруска (заготовки) от веса крицы составляет около 30–35%. То есть выход железа от общего веса руды в одном горне оставляет в среднем всего 6–10% [26. Р. 394]. Выход шлаков (плавильных и кузнечных) может достигать 50–75% от веса руды. Экспериментальные плавки Питера Крюю дали следующий важный результат: чтобы получить железный брусок весом 0,5 кг, пригодный для дальнейшейковки, нужно за раз переплавить около 8 кг руды, что даст примерно 6 кг шлака [7].

Отдельная серьезная проблема в российской археометаллургии заключается в том, что ученые, публикуя материалы, помимо веса шлаков, ничего также не сообщают об их морфологии и типологии. Известно, что существует визуальное разделение шлаков на типы (рис. 2), каждый из которых отражает определенный цикл производства и/или обработки железа [13]. Другими словами, если на поселении найдены шлаки, из этого не обязательно следует, что население плавало железную руду и обладало технологиями железоплавильного процесса, поскольку во время кузнечных операций с крицами также образуются шлаки, и они в большинстве случаев отличны от плавильных шлаков.

Парадоксально, но во многих научных работах делаются бездоказательные выводы о характере древних производств и назначении металлургических площадок (кузни или плавильни) без анализов найденных шлаков. В этой связи стоит подробнее остановиться на теме типологии шлаков.

Все археологические шлаки можно разделить на два основных типа: **плавильные** и **кузнечные** [4; 14; 21. Р. 251–266]. Шлаки первого типа образуются непосредственно в ходе железоплавильного процесса и являются прямыми индикаторами железоделательного производства. Плавильные шлаки (smelting slags) делятся на два вида: *горновые* и *выпускные* (рис. 2). Горновые шлаки формируются в плавильной камере и часто представлены тремя основными подвидами: шлаковые блоки, донные шлаковые «лепешки», аморфные шлаки.

Шлаковые блоки (рис. 2, 2) могут весить от нескольких сотен граммов до десятков килограммов и более [21. Р. 259]. Такие шлаки образуются на дне сыродутного горна, на слое горячего угля, и свидетельствуют о том, что горн либо не имел канала для выпуска жидкого шлака, либо этот канал находился выше зоны формирования шлаковых конгломератов. Шлаковые блоки (slag blocks) являются важным источником, позволяющим реконструировать форму и размеры нижней части горна [Ibid.], а также рассчитать примерную производительность горна. К тому же нахождение шлакового блока на дне горна говорит о том, что после этой плавки объект был заброшен.

Другая частая разновидность горновых шлаков представлена донными шлаковыми «лепешками» (рис. 2, 1). В англоязычной литературе такие шлаки называются furnace bottoms [13. Р. 10, 14; 21. Fig. 71]. По своей «плоско-выпуклой» форме они похожи на

кузнечные шлаковые «лепешки», но значительно массивнее и крупнее, о чем пойдет речь ниже.

В ходе сыродутного процесса в плавильной камере образуются также аморфные шлаки характерной изрезанной формы с острыми краями и большим количеством пустот внутри (рис. 2, 3). Часто на таких шлаках видны «отпечатки» древесного угля и следы ржавчины вокруг [18. Fig. 6]. Добавим от себя, что отличительной особенностью этих шлаков является то, что ими легко порезаться.

Если древние мастера использовали технологию выпуска жидких шлаков из горна в процессе плавки, то рядом с металлургическим объектом, как правило в специальной шлаковой яме, будут встречаться выпускные текучие шлаки (tap slags). Они характеризуют особый тип сыродутного горна, отличающийся большей производительностью в отличие от горнов, работающих без шлаковывпуска [32. С. 102]. Образование таких шлаков происходит в высокотемпературной зоне и говорит о том, что температура в горне превышала 1100 °C [13. Р. 6]. Форма и размеры текучих шлаков могут варьироваться, но их объединяет гладкая волнистая поверхность (рис. 2, 4). Иногда встречаются длинные шлаковые сосульки, принявшие форму канала и остывшие в нем в процессе выпуска, поэтому существует возможность реконструировать форму и размеры шлаковывпускного канала. Если горновые шлаки находились не в жидком состоянии из-за особенностей воздухоудного процесса и были извлечены из горна, они быстро остывали и принимали форму аморфных лепешек небольшого размера, поскольку растекались рядом с горном, находясь в полужидкой фазе.

Отдельный тип представлен кузнечными шлаками (smithing slags) и связан с последующими операциями по проковке полученной продукции, т.е. не с железоплавильным, а с кузнечным циклом [15]. До сих пор актуальным остаётся высказывание известного ученого Радомира Плейнера о том, что археологи часто путают отходы железоделательного и железообрабатывающего производства [21. Р. 266]. Например, ученые могут назвать кузнечные шлаки «горновыми» и объявить, что на изученном поселении был центр производства железа, хотя на самом деле никакого железа в этом месте не производили, а лишь перековывали готовые крицы. Поэтому без определения видов шлаков не ясно, о каком действительно назначении археометаллургического объекта в публикациях идет речь. Внешний вид и размеры кузнечных шлаков существенно различаются и отражают конкретные этапы от первичной проковки губчатого железа рядом с кузнечным горном вплоть доковки готовых изделий на наковальне.

Дело в том, что из раскаленного губчатого железа сразу отковать железное изделие не получится. Горноватая крица содержит большое количество пустот и шлаковых включений, которые необходимо удалить посредством повторного (или даже многократного) нагрева крицы уже в кузнечном горне [Ibid. Р. 215]. На

этой стадии шлаки (рис. 2, 5–7) стекают на дно сыродутного горна и принимают характерную форму небольших округлых лепешек плоских с верхней стороны и выпуклых – с нижней [Ibid. Р. 256]. В англоязычной литературе такие шлаки называют *plano-convex bottoms*, или *smithing hearth bottoms* [13–15; 21. Р. 255].

Выше нами отмечалось, что существует проблема различия горновых и кузнечных шлаковых лепешек [4. Р. 87]. Несмотря на их внешнюю схожесть (плоско-выпуклые в разрезе) и близкий принцип образования (на дне горна), они отражают совершенно разные стадии черной металлургии.

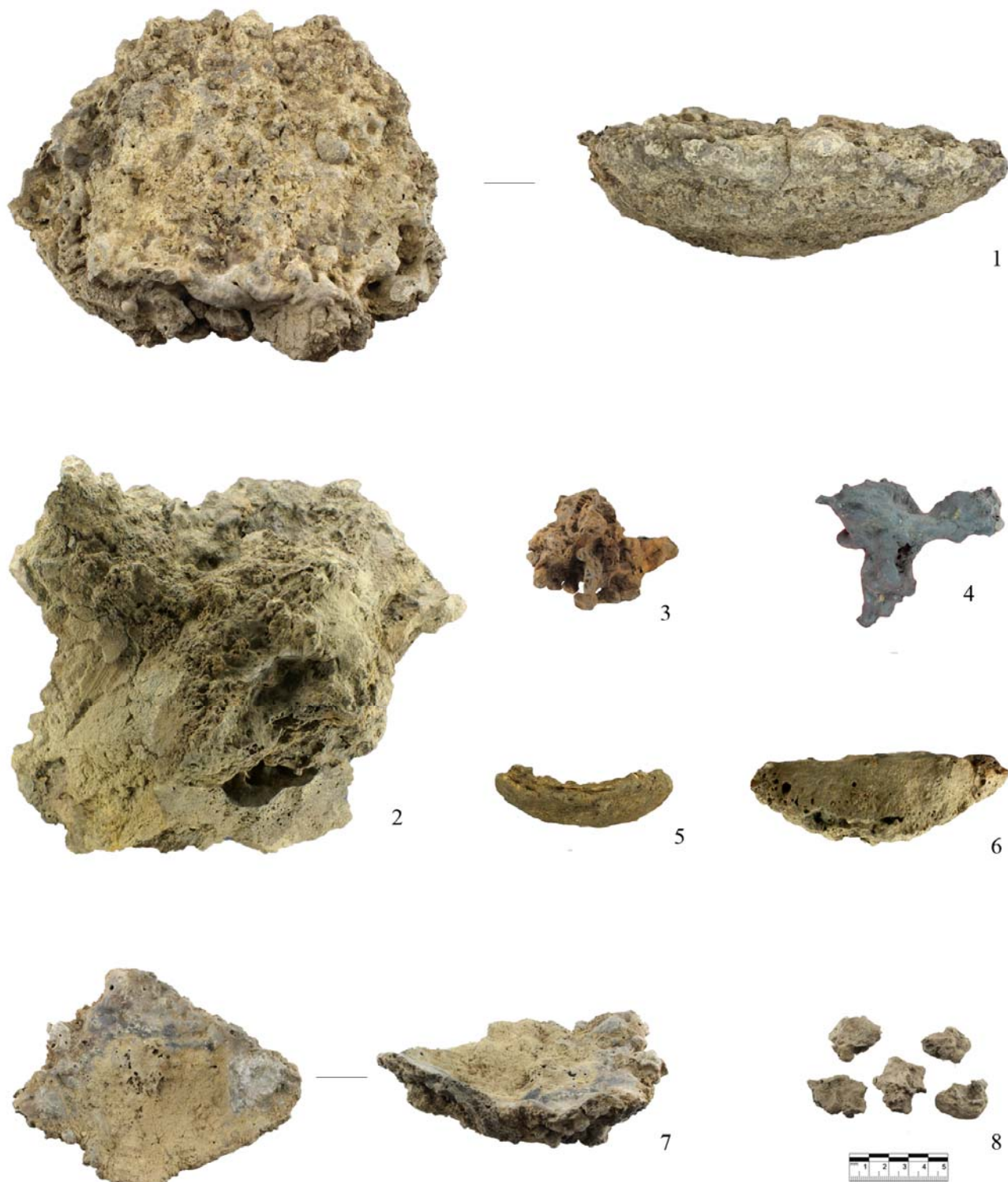

Рис. 2. Основные типы археологических шлаков:
1–4 – горновые, 5–8 – кузнечные. 1, 7, 8 – Усть-Полуй; 2, 5, 6 – городище Шайтан-III; 3, 4 – городище Шайтан-IV

В среднем горновые донные «лепешки» (рис. 2, 1) значительно тяжелее и крупнее по размеру, они часто весят больше килограмма, тогда как вес кузнечных «лепешек» в среднем составляет 300–400 г, диаметр в среднем около 10–15 см, а толщина редко превышает 5 см [13. Р. 15; 21. Р. 216–217]. Другой отличительной особенностью кузнечных шлаков этого типа является частое наличие впадины в верхней части лепешки (см. рис. 2, 7), образующейся из-за струи воздуха от дутья кузнечных мехов [13. Р. 11; 15]. Обычно впадина занимает половину верхней площади поверхности таких шлаков.

Имеются также отличия плавильных и кузнечных шлаков по химическому составу. Соотношение Fe/Si в кузнечных шлаках выше, чем в плавильных, а железо часто представлено в виде магнетита, что редко встречается в горновых и выпускных шлаках [4. Р. 88]. Шлаки, образованные при работе на наковальне, содержат больше мышьяка, никеля и кобальта [23]. Тем не менее стоит признать, что, глядя только на результаты геохимического анализа, однозначно определить тип шлака вряд ли удастся.

Другие кузнечные шлаки представлены мелкими фракциями размером 1–3 см (рис. 2, 8). Они часто расколоты или отбиты. Такие шлаки широко встречаются рядом с наковальней, где ковали крицу, от которой они отлетали в разные стороны. Эти шлаки пористы на сломе, и их плотность ниже, чем у горновых шлаков.

Отдельное внимание стоит уделить кузнечным микрошлакам (hammerscale) хотя бы по той причине, что в российской археометаллургии нами не встречено ни одной работы, посвященной этому виду шлаков. Как отмечал Джерри Макдоннелл, многие археологи ошибочно называют микрошлаки фрагментами коррозионного железа либо вообще игнорируют этот вид источника, не замечая его в раскопе [13. Р. 5–6]. Кузнечные микрошлаки имеют две разновидности. Первая представлена «хлопьями», внешне сильно напоминающими рыбу чешую, размером всего 1–3 мм [8; 15. Р. 2]. Такие шлаки образуются в процессе проковки крицы и изготовления железного предмета. Они отлетают от горячей заготовки и «впиваются» в землю, поэтому обнаружение таких шлаков в раскопе будет означать, что наковальня находилась в радиусе нескольких метров от наибольшей концентрации шлаковых «хлопьев». Проблема в том, что их очень трудно заметить в раскопе невооруженным глазом, тем не менее решение этой проблемы существует. «Хлопья», в отличие от всех других шлаков, описанных выше, очень хорошо магнитятся и могут быть собраны в поле с помощью обычного магнита.

Другой подвид микрошлаков представлен маленькими «шариками» таких же размеров, что и «хлопья». Их происхождение связано со сваркой уже готовых железных предметов [15. Р. 2], что было доказано в ходе археологических экспериментов [8].

Таким образом, микрошлаки являются важнейшим источником, а иногда надежным индикатором того, что мастера прошлого обладали технологией сварки. В отличие от других типов шлаков, которые могли быть перемещены в пространстве, концентрация микрошлаков помогает наиболее точно определить место, где находилась наковальня и работал кузнец.

Отдельный исследовательский блок связан с естественнонаучными анализами по изучению состава шлаков. Спектр лабораторных методов чрезвычайно велик [4. Р. 77; 17; 21. Р. 251–252; 22]. Здесь мы кратко остановимся только на основных лабораторных методах.

Известно, что на химический состав шлака оказывает влияние совокупность факторов: качество и состав железной руды, древесный уголь, размер плавильной камеры, сила подачи воздуха, технологические традиции, применение флюсов и многое другое. Поэтому шлаки могут значительно отличаться по составу не только на одном археологическом памятнике, но даже и в одном и том же горне [4. Р. 84].

Наиболее популярными методами определения химического и элементного состава шлака являются химические методы, а также спектральные и рентгенофлуоресцентные анализы. Зная состав археологического шлака, можно оценивать качество получаемой продукции. Рассмотрим кратко основные элементы и их свойства.

Главными компонентами в шлаках являются железо (Fe) и кремнезем (SiO_2). Эти компоненты есть во всех железных рудах без исключения и в ходе восстановительного процесса в железоплавильном горне частично переходят в шлак. Весовое количество вюстита (FeO) в плавильных шлаках может колебаться от 30 до 70%, гематита (Fe_2O_3) – от 0 до 15%, кремнезема (SiO_2) – от 15 до 40% [21. Р. 252].

Фосфор (P), содержащийся в руде и топливе, частью переходит в шлак, частью восстанавливается в железном изделии. По формуле [19; 21. Р. 265], зная количество фосфора в шлаке, можно подсчитать примерное содержание фосфора в железной продукции. $P(\text{металл}) = (0,12–0,35) \times P_2\text{O}_5(\text{шлак})$. Высокое содержание фосфора (выше 0,18–1%) увеличивает прочность стали и сопротивление коррозии, однако придает изделию значительную хладноломкость при низких температурах [21. Р. 265]. При этом чем сильнее подача воздуха кузнечными мехами и быстрее происходит расход топлива, тем меньше фосфора переходит в шлак и соответственно – больше в металл [23. Р. 79]. Похожим свойством, усиливающим прочность стали, обладает мышьяк (As). Даже в незначительных количествах в стали (до 0,05%) его эффект уже заметен [5. Р. 16].

На положительные свойства металла также влияет марганец (Mn), переходящий в шлак из руды. Являясь одним из самых важных и распространенных легирующих элементов, он увеличивает прочность изделия и

предел прочности на разрыв, а также влияет на снижение в стали вредной и пагубной серы [1. Р. 28].

Присутствие в шлаках натрия (Na) и калия (K) объясняется их переходом в шлак из топлива (древесного угля). Указанные элементы значительно увеличивают температуру плавления шлаков и оказывают влияние на весь ход сыродутного процесса [21. Р. 252].

Большинство шлаков содержит кальций (Ca). Этот элемент попадает в шлак из руды, а также из древесного угля и флюсов, если последние использовались. Необходимость использования флюсов для придания шлакам большей текучести и меньших потерь железа общеизвестна. Добавление флюсов, содержащих CaO (известь), помимо прочего, понижало в готовом железе количество вредной серы [Ibid. Р. 255]. Иногда, в случае использования древними металлургами флюсов, количество CaO в шлаках может достигать до 30% [Ibid.]. Долгое время ученые объясняли повышенное содержание в шлаках кальция добавлением флюсов, однако в ходе археологических экспериментов было доказано, что наибольшее влияние оказывает всё-таки древесный уголь [6; 26. Р. 399].

Алюминий (Al) попадает в шлаки из руды, топлива, а также из-за взаимодействия с глиняными стенками горна. При этом количество алюминия и калия в шлаках напрямую связано с нормой расхода топлива и силой дутья [23. Р. 79].

Не менее важной темой в археометаллургии является определение рудной базы древних производств. К сожалению, в российской науке этот вопрос также остается практически не разработанным. В литературе по черной металлургии не раз можно встретить таблицы с химическими анализами руд и шлаков, описание железорудных месторождений, сыродутных горнов и их типов, но доказательства использования конкретного рудного источника древними металлургами почему-то не приводятся [29, 34].

Так, в Западной Сибири известен всего один научный проект, направленный на поиск рудной базы средневековых металлургов Шайтанского археологического комплекса [31].

При этом именно археологические шлаки являются незаменимым помощником в установлении минерально-сырьевых ресурсов черной металлургии, потому что сами фракции железной руды на археологических памятниках встречаются не всегда. Это может быть связано с заготовкой руды на специальных вынесенных площадках. Тема важна еще и потому, что география расселения древних и средневековых высокотехнологичных обществ напрямую зависела от местонахождения железной руды.

Проблема идентификации рудной базы напрямую связана с вопросом – как именно по анализу руд и шлаков соотнести остатки производства железа с известными в регионе рудными месторождениями?

Естественно, будет неверным просто сравнить количество каждого элемента в руде и шлаке, потому что

их содержания будут всегда отличаться. Например, если в шлаках среднее содержание фосфора или кальция 2%, это не означает, что в используемой руде оно будет таким же.

Для решения подобной научной задачи следует обратить внимание на марганец. Экспериментальные исследования показывают, что в среднем количество марганца в шлаках в два раза выше, чем в используемой руде [23. Р. 79].

Не менее важен мышьяк. Количество мышьяка в железном изделии может шестикратно превосходить среднее количество мышьяка, содержащегося в руде [Ibid.]. Этот нюанс является важным инструментом по идентификации рудной базы древней металлургии. Приведем пример. Если на одном и том же поселении найдены железные предметы со средним содержанием мышьяка 0,01–0,03% и железные руды с содержанием мышьяка 1%, то, вероятнее всего, железные изделия были либо изготовлены из другого типа руд, либо попали на поселение из других регионов.

Наиболее важно, что в руде существуют трудно-восстановимые элементы, которые практически в полном виде переходят в шлак. К важнейшим элементам относятся: титан (Ti), молибден (Mo), ванадий (V), хром (Cr), марганец (Mn), стронций (Sr), барий (Ba). Указанные элементы являются главнейшим индикатором для установления минерально-сырьевых источников в ходе сравнительного анализа элементов руд и шлаков [33. С. 118]. Однако, как говорилось выше, сравнивать надо не каждый элемент по отдельности, а соотношение в парах или группах отдельно для руд и шлаков. Наиболее эффективными являются следующие соотношения: Fe/Ti, Mn/Ti, Mg/Mn, Al/Mn [2; 23]. Последнее соотношение (Al/Mn) применительно лишь в случаях, когда во время плавки использовалось мало глины, так как часть алюминия переходит в шлак из глиняных стенок горна [23. Р. 81]. Соотношение других элементов (таких, как фосфор, кальций, калий) может и не дать четких выводов, поскольку на их количество в шлаках помимо руды оказывают влияние качество и количество топлива, а также сила дутья.

Завершая обзор основного научного потенциала, скрытого в металлургических шлаках, мы бы хотели кратко озвучить основные рекомендации при начальном изучении этого важного источника.

1) Необходимо сохранять все найденные в раскопе шлаки для их первичного описания и взвешивания в камеральных условиях. Это поможет установить интенсивность древних производств и рассчитать примерное количество полученного металла.

2) Необходима индивидуальная фиксация шлаков и других свидетельств черной металлургии. Без этой методики невозможно узнать контекст залегания шлаков, концентрацию производств на изучаемом памятнике и соотнести шлаки с определенным горизонтом обитания в случае многослойности поселения.

3) Необходима типология шлаков для каждого исследуемого археометаллургического объекта. Она поможет выявить его назначение (железоплавильный или кузнечный горн), а также в некоторых случаях воссоздать конструктивные особенности теплотехнического сооружения и используемые мастерами технологии. Без проведения типологии и публикации основных ти-

пов шлаков все выводы о характере производств будут бездоказательны.

4) Необходимо изучение химического состава шлаков. Только благодаря геохимическим методам появляется возможность узнать качество получаемой продукции, реконструировать протекавшие в горне процессы, а также выявить рудную базу древней металлургии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Borovský T., Kijac J., Buľko I. B., Domovec M., Havran J. The influence of slag composition on the distribution of manganese between slag and metal in the electric furnace // *Acta Metallurgica Slovaca*. 2012. Vol. 18, No. 1. P. 28–33.
2. Charlton M.F., Crew P., Rehren T., Shennan S.J. Measuring variation in iron smelting slags: an empirical evaluation of group-identification procedures // *The World of Iron*. London : Archetype Publications, 2013. P. 421–430.
3. Cleere H. Twenty years of bloomery studies in Britain // *Archaeometallurgy of iron*. Prague, 1989. P. 191–213.
4. Clough R.E. Iron: aspects of the industry during the Iron Age and Romano-British periods. Doctoral thesis, University of London, 1986. 303 p.
5. Crew P., Salter C.J. Currency Bars with Welded Tips // *Bloomery Ironmaking during 2000 years: Seminar in Budalen*. Volume III. Trondheim : University of Trondheim, 1991. P. 11–30.
6. Crew P. CaO enhancement in slags: the influence of fluxing or fuel ash? // *Early Ironworking in Europe II conference*, Plas Tan y Bwlch. 2007. P. 50–52.
7. Crew P. Twenty-five years of bloomery experiments: perspectives and prospects // *Accidental and Experimental Archaeometallurgy*, HMS Occasional Publication No. 7. London, 2013. P. 27–54.
8. Dungworth D., Wilkes R. An investigation of hammerscale // *Research Department Report*. Series no 26, 2007. 36 p.
9. Freestone I.C. Melting points and viscosities of ancient slags : a contribution to the discussion // *The journal of the historical metallurgy society*. Oxford, 1988. Vol. 22. P. 49–52.
10. Gömöri Janos. The Hungarian bloomeries // *Archaeometallurgy of iron 1967–1987*. Prague, 1989. P. 125–138.
11. Hedges R.E.M., Salter C.J. Source determination of iron currency bars through analysis of the slag inclusion // *Archaeometry*. Oxford. Vol. 21. Part 2. P. 161–177.
12. Ingoglia C., Triscari M., Sabatino G. Archaeometallurgy in Messina: Iron slag from a dig at block P, laboratory analyses and interpretation // *Mediterranean Archaeology and Archaeometry*. 2008. Vol. 8, No. 1. P. 49–60.
13. McDonnell J.G. Smelting and smithing slags. Ancient monuments laboratory. Report 3970, 1982. 17 p.
14. McDonnell J.G. Tap slags and hearth bottoms or how to identify slags // *Current archaeology*. 1983. No. 86. P. 81–83.
15. McDonnell J.G. A model for the formation of smithing slags // *Materiały archeologiczne XXVI*. Kraków, 1991. P. 23–28.
16. Miller D., Boeyens J., Kusel M. Metallurgical analyses of slags, ores and metal artefacts from archaeological sites in the north-west province and northern Transvaal // *South African archaeological bulletin*. Cape Town, 1995. Vol. 50. P. 39–46.
17. Mortimer C. Chemical analysis of metalwork and metalworking debris. The historical Metallurgy society: Archaeological datasheet № 12. 1995. URL: <http://www.hist-met.org/datasheets.html>, free (accessed date: 19.02.2017).
18. Paynter S., Blakelock E., Hatton G. Bloomery iron smelting – experimentation and archaeology // *Plas Tan y Bwlch*. Snowdonia National park. Research report series 25. 2012. 52 p.
19. Piaskowski J. Correlation between the phosphorus content in iron ore or slag and that in bloomery iron // *Archaeologia Polona*. Wrocław ; Warszawa ; Krakow, 1965. Vol. VIII. P. 83–103.
20. Piaskowski J. Classification of the strictures of slag inclusions in early objects made of bloomery iron // *Archaeologia Polona*. Wrocław ; Warszawa ; Krakow ; Gdansk, 1976. Vol. XVII. P. 139–149.
21. Pleiner R. Iron in Archaeology: The European Bloomery Smelters. Archeologický ústav AVČR, 2000. 400 p.
22. Rosenqvist Anna M. Report on chemical and mineralogical analyses of Norwegian ores, slags and iron // *Berichte und Mitteilungen zur Urgeschichte, Frühgeschichte und Mittelalterarchäologie*. 1983. Band 40. P. 129–137.
23. Serneels V., Crew P. Ore-slag relationships from experimentally smelted bog-iron ore // *Early Ironworking in Europe, archaeology and experiment*. International Conference Plas Tan y Bwlch. 1997. P. 78–82.
24. Sperr G. Comparative studies in early iron slags // *Bergund Huttenmannische Monatshefte* (124). 1979. P. 79–84.
25. Tylecote R.F. Metallurgy in archaeology. London : Edward Arnold (Publishers) LTD, 1962. 387 p.
26. Wang Q., Crew P. Three ores, three irons, three knives // *The World of Iron*. London : Archetype Publications, 2013. P. 393–401.
27. Водясов Е.В., Гусев А.В. Древнейшие свидетельства освоения человеком железа в Нижнем Приобье (по материалам раскопок Усть-Полюя в 2010–2012 гг.) // *Вестник археологии, антропологии и этнографии*. 2016. № 4 (35). С. 58–68.
28. Водясов Е.В., Зайцева О.В. Металлургический шлак как археологический источник: проблемы и перспективы изучения // *Культура как система в историческом контексте: Опыт Западно-Сибирских археолого-этнографических совещаний : материалы XV Междунар. Зап.-Сиб. археол.-этнограф. конф.* Томск : Аграф-Пресс, 2010. С. 400–403.
29. Зиняков Н.М. История черной металлургии и кузнечного ремесла древнего Алтая. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1988. 276 с.
30. Кожевников Н.О. Шлаки и другие материальные свидетельства древней металлургии железа // *Известия Лаборатории древних технологий ИрГТУ*. Иркутск, 2004. Вып. 2. С. 188–192.
31. Коноваленко С.И., Асочакова Е.М., Барсуков Е.В., Зайцева О.В. Вещественный состав шлаков и руд железнотопливного производства на территории Шайтанского комплекса средневековых археологических памятников в Томском Приобье // *Минералогия техногенеза*–2010. Миасс : ИМин УрО РАН, 2010. С. 196–206.
32. Наумов А.Н. Черная металлургия и железообработка на сельских памятниках Куликова поля в конце XII – третьей четверти XIV вв. Тула : Гос. музей-заповедник «Куликово поле», 2008. 255 с.
33. Рындин Н.В. Результаты петрографического и спектрального исследования руды и шлаков с поселения Оймак // *Археология Северной и Центральной Азии*. Новосибирск : Наука, 1975. С. 114–118.
34. Сунчугашев Я.И. Древняя металлургия Хакасии (эпоха железа). Новосибирск : Наука, 1979. 191 с.

Vodyasov Eugene V. Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: vodiasov_ev@mail.ru; Zaitceva Olga V. Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: snori76@mail.ru

WHAT CAN IRON SLAG TELL AN ARCHAEOLOGIST?

Keywords: Archaeometallurgy; archaeological slag; ironmaking.

The article is devoted to the archaeological iron slag. One of the most serious problems in Russian archaeometallurgy is that iron slags have been ignored by Russian archaeologists as a source of information. Russian researchers are too ready to draw conclusions about the function of the furnace (smelting or smithing), but the lack of knowledge about slag typology leads to confusing smelting and smithing waste, so many conclusions are no proof. Most Russian articles don't contain the essential data such as: archaeological context, amount and weight of discovered slags, typology of slags, chemical composition etc. Unfortunately, many slags are thrown out in the field and are not included in the archaeological assemblage. For these reasons, purpose of the article is describe basic scientific knowledges which are "encrypted" in the archaeological slag. During the work the authors came to the following conclusions. Firstly, iron slags can be treated as reliable indicators of existing of iron smelting or smithing process on archaeological site. Slags prove ironmaking much better, than finds of iron artifacts or even blooms, because both iron tools and blooms theoretically could be imported while importing of slag on settlement is unlikely and senselessly. Secondly, the investigation of slag always begins in the field, therefore individual documentation of archaeometallurgical residues is preferred, because it helps identify the concentration of iron production on the site and date remains in some cases. Thirdly, the amount and weight of the discovered slags is also important, because it allows to determine the intensity of ironmaking and reconstruction the role of iron production in economy of ancient and medieval people. Fourthly, the slag typology plays an important role in the study of ancient metallurgy. There are different types of slag. Each of them represents a certain stage of iron production cycle (smelting and smithing). In some cases morphology of smelting slag can help in the reconstruction of the shapes and dimensions of destroyed furnaces and also can indicate a type of furnace, for example, slag blocks and tap slags are formed in different types of furnaces. Some slags allows to know about smithing operation. Thus, spheroid hammer scale can indicate welding technologies, and biggest concentration of hammer scale flakes in excavation area provide us with information on the exact location of the anvil. Finally, chemical and mineralogical composition may reflect a quality of produced iron and indicate iron ore source for ancient and medieval metallurgists.

REFERENCES

1. Borovský, T., Kijac, J., Buko, B., Domovec, M. & Havran, J. (2012) The influence of slag composition on the distribution of manganese between slag and metal in the electric furnace. *Acta Metallurgica Slovaca*. 18(1). pp. 28–33.
2. Charlton, M.F., Crew, P., Rehren, T. & Shennan, S.J. (2013) Measuring variation in iron smelting slags: an empirical evaluation of group-identification procedures. In: Humphris, J. & Rehren, T. (ed.) *The World of Iron*. London: Archetype Publications. pp. 421–430.
3. Cleere, H. (1989) Twenty years of bloomery studies in Britain. In: Hošek, J., Cleere, H. & Mihok, K. (eds) *Archaeometallurgy of iron*. Prague: Institute of Archaeology. pp. 191–213.
4. Clough, R.E. (1986) *Iron: aspects of the industry during the Iron Age and Romano-British periods*. Doc. Thesis. University of London.
5. Crew, P. & Salter, C.J. (1991) Currency Bars with Welded Tips. In: Espelund, A. (ed.) *Bloomery Ironmaking during 2000 years: Seminar in Budalen*. Vol. III. Trondheim: University of Trondheim. pp. 11–30.
6. Crew, P. (2007) CaO enhancement in slags: the influence of fluxing or fuel ash? In: Crew, P. (ed.) *Early Ironworking in Europe II conference*. Plas Tan y Bwlch. pp. 50–52.
7. Crew, P. (2013) Twenty-five years of bloomery experiments: perspectives and prospects. *Accidental and Experimental Archaeometallurgy, HMS Occasional Publication*. 7. pp. 27–54.
8. Dungworth, D. & Wilkes, R. (2007) An investigation of hammer scale. *Research Department Report*. 26.
9. Freestone, I.C. (1988) Melting points and viscosities of ancient slags : a contribution to the discussion. *The Journal of the Historical Metallurgy Society*. 22. pp. 49–52.
10. Gömöri, J. (1989) The Hungarian bloomeries. In: Pleiner, R. (ed.) *Archaeometallurgy of iron 1967–1987*. Prague: Archeologický ústav ČSAV. pp. 125–138.
11. Hedges, R.E.M. & Salter, C.J. (1979) Source determination of iron currency bars through analysis of the slag inclusion. *Archaeometry*. 21(2). pp. 161–177.
12. Ingoglia, C., Triscari, M. & Sabatino, G. (2008) Archaeometallurgy in Messina: Iron slag from a dig at block P, laboratory analyses and interpretation. *Mediterranean Archaeology and Archaeometry*. 8(1). pp. 49–60.
13. McDonnell, J.G. (1982) Smelting and smithing slags. *Ancient monuments laboratory*. 3970.
14. McDonnell, J.G. (1983) Tap slags and hearth bottoms or how to identify slags. *Current Archaeology*. 86. pp. 81–83.
15. McDonnell, J.G. (1991) A model for the formation of smithing slags. *Materiały archeologiczne XXVI*. Krakow. pp. 23–28.
16. Miller, D., Boeyens, J. & Kusel, M. (1995) Metallurgical analyses of slags, ores and metal artefacts from archaeological sites in the north-west province and northern Transvaal. *South African Archaeological Bulletin*. 50. pp. 39–46. DOI: 10.2307/3889273
17. Mortimer, C. (1995) Chemical analysis of metalwork and metalworking debris. *The Historical Metallurgy Society: Archaeological datasheet*. 12. [Online] Available from: <http://www.hist-met.org/datasheets.html>. (Accessed: 19th February 2017).
18. Paynter, S., Blakelock, E. & Hatton, G. (2012) Bloomery iron smelting – experimentation and archaeology. In: Paynter, S. (ed.) *Plas Tan y Bwlch. Snowdonia National park*. 25.
19. Piaskowski, J. (1965) Correlation between the phosphorus content in iron ore or slag and that in bloomery iron. *Archaeologia Polona*. 8. pp. 83–103.
20. Piaskowski, J. (1976) Classification of the structures of slag inclusions in early objects made of bloomery iron. *Archaeologia Polona*. 17. pp. 139–149.
21. Pleiner, R. (2000) *Iron in Archaeology: The European Bloomery Smelters*. Archeologický ústav AVČR, 2000.
22. Rosenqvist, A.M. (1983) Report on chemical and mineralogical analyses of Norwegian ores, slags and iron. *Berichte und Mitteilungen zur Urgeschichte, Frühgeschichte und Mittelalterarchäologie*. 40. pp. 129–137.
23. Serneels, V. & Crew, P. (1997) Ore-slag relationships from experimentally smelted bog-iron ore. *Early Ironworking in Europe, archaeology and experiment*. International Conference. Plas Tan y Bwlch. pp. 78–82.
24. Sperl, G. (1979) Comparative studies in early iron slags. *Bergund Huttenmannische Monatshefte*. 124. pp. 79–84.
25. Tylecote, R.F. (1962) *Metallurgy in archaeology*. London: Edward Arnold (Publishers) LTD.
26. Wang, Q. & Crew, P. (2013) Three ores, three irons, three knives. In: Humphris, J. & Rehren, T. (eds) *The World of Iron*. London: Archetype Publications. pp. 393–401.

27. Vodyasov, E.V. & Gusev, A.V. (2016) The earliest evidence of iron metallurgy in the Lower Ob region (a case study of Ust-Polui excavations in 2010–2012). *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii – Bulletin of Archeology, Anthropology and Ethnography*. 4(35). pp. 58–68. (In Russian).
28. Vodyasov, E.V. & Zaytseva, O.V. (2010) [Metallurgical slag as an archaeological source: Problems and prospects for studying]. *Kul'tura kak sistema v istoricheskom kontekste: Opyt Zapadno-Sibirskikh arkheologo-etnograficheskikh soveshchaniy* [Culture as a system in the historical context: Experience of the West Siberian archaeological and ethnographic meetings]. Proc. of the 15th International West Siberian Archeological and Ethnographical Conference. Tomsk: Agraf-Press. pp. 400–403. (In Russian).
29. Zinyakov, N.M. (1988) *Istoriya chernoy metallurgii i kuznechnogo remesla drevnego Altaya* [The history of ferrous metallurgy and blacksmith craft of the ancient Altai]. Tomsk: Tomsk State University.
30. Kozhevnikov, N.O. (2004) Shlaki i drugie material'nye svidetel'stva drevney metallurgii zheleza [Slag and other material evidence of ancient iron metallurgy]. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologiy IrGTU*. 2. pp. 188–192.
31. Konovalenko, S.I., Asochakova, E.M., Barsukov, E.V. & Zaytseva, O.V. (2010) Veshchestvennyy sostav shlakov i rud zhelezodelatel'nogo proizvodstva na territorii Shaytanskogo kompleksa srednevekovykh arkheologicheskikh pamyatnikov v Tomskom Priob'e [Material composition of slag and iron ore production in the Shaitan complex of medieval archaeological sites in the Tomsk Ob area]. In: Potapov, S. (ed.) *Mineralogiya tekhnogeneza-2010* [Mineralogy of Technogenesis-2010]. Miass: RAS. pp. 196–206.
32. Naumov, A.N. (2008) *Chernaya metallurgiya i zhelezoobrabotka na sel'skikh pamyatnikakh Kulikova polya v kontse XII – tret'ey chetverti XIV vv.* [Ferrous metallurgy and iron processing on rural monuments of the Kulikovo field in the late 12th – third quarter of the 14th centuries]. Tula: Kulikovo pole.
33. Ryndina, N.V. (1975) Rezul'taty petrograficheskogo i spektral'nogo issledovaniya rudy i shlakov s poseleniya Oymak [Results of petrographic and spectral investigation of ore and slag from Oimak settlement]. In: Okladnikov, A.P. & Derevyanko, A.P. (eds) *Arkheologiya Severnoy i Tsentral'noy Azii* [Archeology of North and Central Asia]. Novosibirsk: Nauka. pp. 114–118.
34. Sunchugashev, Ya.I. (1979) *Drevnyaya metallurgiya Khakasii (epokha zheleza)* [Ancient metallurgy of Khakassia (Iron Age)]. Novosibirsk: Nauka.

УДК 398.34(477.87)

DOI: 10.17223/19988613/47/16

Н.М. Войтович

НАРОДНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ УКРАИНЦЕВ КАРПАТ О СВЯЗИ ДОМАШНЕГО СКОТА С ПЕРСОНАЖАМИ «НИЗШЕЙ» МИФОЛОГИИ

Статья базируется на анализе полевых этнографических материалов, собранных автором на территории Украинских Карпат, а именно – Бойковщине. Рассмотрены мифологические представления карпатских горцев о демонологических персонажах, основанных на образах домашнего скота. Исследованы магические способы защиты скота в традициях украинцев Карпат, включая превентивные; акцентировано внимание на демонологических представлениях горцев о тесной связи домашнего скота с домашними духами (лаской, домовой змеей, духом-обогатителем); изучены формы защиты скота от вредных действий ведьмы, «нечистых» покойников и других персонажей народной демонологии.

Ключевые слова: домашние духи; домашний скот; «нечистые» покойники; народная демонология; украинцы Карпат.

Анализ представлений украинцев о домашнем скоте, учитывая значение последних в хозяйственной жизни и обрядовом комплексе, безусловно, должен быть приоритетным в этнологической науке. Ведь домашние животные были не только тягловой силой и основой питания, но и играли определяющую роль во многих обрядах семейного и календарного цикла. Об актуальности различных аспектов этой проблемы в отраслях этнологии, археологии, языковедения, фольклористики свидетельствует значительное количество монографий, очерков, статей [1–7].

В данном исследовании сосредоточено внимание на мифологическом аспекте, и его цель – анализ демонологических представлений украинцев Карпат о непосредственной взаимосвязи образов домашнего скота с основными персонажами «низшей» мифологии – домашними духами. Акцентируется внимание на характеристике традиционных магических способов защиты домашнего скота на основе собранных автором материалов на Бойковщине.

Давние верования славян сохранили сведения о том, что мифологические персонажи, в частности домашние духи, охраняли домашних животных и способствовали удачному их разведению [8. С. 153]. В фольклоре Бойковщины *ласка* считалась одним из представителей домашних духов. В большинстве случаев прослеживается отчётливая связь образа *ласки* с хозяйством, в частности со скотиной: «Ласочка связана с добротой, чтобы худоба была / *Ласочка зв'язана з добротою, би худоба ся вела*» (Здесь и далее в цитатах авторские орфография и пунктуация сохранены.) [9. Арк. 2]. Исследователь гуцульской народной культуры А. Онищук ещё в начале XX в. зафиксировал подобные примеры: «Эсть такие подласички, которых нельзя убивать, потому что это счастье для того хозяина, у которого они есть / *Є такі підласички, шо їх не годит сі убивати, бо то щіске того, де они є*» [10. С. 22]. А «когда на них корова наступит, они кусают и корова погибает / *як їх корова примнякає, в'на тоги кусат і уже та корова*

здихає. Ліку не є» [11. С. 492]. Изредка на Бойковщине *ласке* приписывают функцию, характерную для *домового* на Полесье, а именно – заплетание гривы коню (кстати, такая функция оценивалась положительно): «У кобилицы сплетены косы – говорили, что ласица сплела. Это хорошо. Каждая корова имеет свою ласицу, как человек ангела-хранителя / *Кобила сплетена в косах – то казали, шо ласиці сплели. То добре було, файно. Кожда корова має свою ласицю, як людина ангела-хоронителя*» [12. Арк. 7]. Существует даже запрет убивать *ласку*, ведь бойки верили, что это может привести к гибели животных [13. Арк. 14]. Население Полесья было убеждено, что держать скотину необходимо той масти, которая есть у *ласки*: для этого в Чистый Четверг шли в хлев с освященной свечой, дабы увидеть *ласку* [4. С. 229].

Украинские же горцы считали укус *ласки* слишком опасным для домашней скотины [Там же. С. 203]. В частности, гуцулы верили, что скоту вредят *ласки*, которых посылают ведьмы [14. С. 205]. В таких случаях бойки применяли апотропейные превентивные меры: «На Сочельник брали иглу и что-то шили, чтобы ласка не навредила корове / *Брали іглу і на Святий Вичір щось шили, би ласка не споганила корову*» [15. Арк. 2]; «Огонь когда горит, то о ней не надо вспоминать, и тогда не будет вредить / *Як огинь у хаті горит, то за ню не треба згадувати, і тоді не буде шкодити*» [Там же. Арк. 9].

Кроме *ласки*, функцию оберега домашних животных и выразительной связи с ними приписывают и другим типам мифологических персонажей – *домашним ужам* и *змеям*. Распространены рассказы респондентов о том, что человек вынужден продать корову вместе с *ужом*, иначе она не даст больше молока, или о том, что *уж* идет вслед за проданной буренкой: «Моя бабушка пошла покупать корову. Та, которая продала, шла за коровой. Кинула *ужа* и он эту корову ссал – тот червяк, а шум изо рта летит. *Ужа* дети убили и корова погибла, потому что она его родила – такой был рож-

денный уж / *Моя баба пішла купувати корову. Та, що продала ту корову, йшла за коровов зо кільометер. Витягнула з кошіля вужа і він ту корову сцав – тот червак, аж шум з писка летит. Того вужа бахури вбили і корова згинула, бо в'на його вродила – такий був вроджений вуж»* [13. Арк. 5]; «У неї був гад, как колесо, на печке. И змеи были возле дома. Её муж когда убил одного гада, то как только корову выпустили у траву, то двумя передними ногами зашла и сдохла / *В неї був гадище звитий у колесі на печи. І гади в неї були довкола хижі. Її газда вбив одного гада, то лиш як корову випустили у команицю (траву), то лиш двома перенними ногами зайшла та здохла»* [16. Арк. 16]. Такие сказания свидетельствуют о том, что змея, уж наделены чертами покровителей скота.

Отчетливо убеждаемся, что карпатская демонологическая традиция строго запрещает каким-либо образом вредить *домашним ужам* и *змеям*, ни в коем случае не убивать их. Это наглядно иллюстрирует гуцульский материал [17. С. 159] и бойковский: «Змею, как встретишь, надо покормить ее, дать ей молока. Иногда она живет возле дома или в хлеве. И если ей не вредить, то и жильцам дома будет хорошо / *Гадину як здіблеш, то найліпше погодувати її, дати їй молока і поводитися з нею добре. Часом вона замешкає на обійстю або в стайні, то як там їй не роблять кривди, то такому чоловікові все ведеся дуже добре»* [18. С. 173]. Украинские горцы считают, что *домовая змея* или *уж* «*живе в кожій хаті в мурі – то є охорона*», а их смерть непременно приведёт к гибели всего скота [11. С. 492]. У славян зафиксированы поверья о том, что *домовая змея* пьет молоко или ест молочную кашу вместе с ребенком из одной тарелки. К тому же у подобных случаях существовал запрет отгонять или убивать *змею*, потому что в хозяйстве все станет ущербным [19. Арк. 7].

В традиционных мировоззренческих представлениях бойков сохранены даже реликты почтения *домашней змее*, которая живет на печке и приносит счастье, о чем свидетельствует следующий сюжет: «Пришла я к тётке в гости. А в доме возле печки стояла тарелка, где тётка налила молоко. Я смотрю, а там такие три змеи с красными глазами. Тётка говорит: «Я должна их кормить – иначе корова сдохнет» / *Прийшла я до тітки в гості. А в хаті коло печи валівчатко стояло за ширмов, то тітка туду налила молока. Я ся дивлю, а там такі три змії з пультатими червоними очима. А тітка каже: "То я мушу їх годувати, бо би корови поздыхали"*» [20. Арк. 21].

На Бойковщине известно, что прерогативой так называемого духа-обогатителя – *годованца*, *хованца* – является его связь с домашней скотиной, ее охрана, содействие ее размножению и лучшей функциональной способности: «Черт корову охраняет, помогает косить / *Дідько корови пильнував, помагав косити...*» [19. Арк. 3]; «*Помагає ярувати (вспахивать) – поганяє волів*» [21. С. 87]. Респонденты также утверждают, что «годованца кто-то выращивал для скотины – чтобы пас ху-

добу / *годованця хтось кохав для худоби – би пас худобу»* [19. Арк. 11]; «Хозяйка выпускает корову – так он (годованец) пасет ее до полуночи / *[Господиня] випускає корову пасти – то він (годованец) їй пасе до півночи»* [15. Арк. 2]. Это подтверждается и гуцульским материалом: «...скотину он (годованец) любит, как искренний пастух, значит, не может он быть злым духом / *...маржину він любить, як щирий пастух, то не може він бути злим духом»* [22. С. 69]. Причем этнофоры считают, что *годованец* ухаживает за лошастью, коровой (выпасает, кормит), а мучит только ту скотину, которая не нравится.

Украинские горцы убеждены, что пастухи для того, «чтобы отара в жару не разбегалась / *щоби їм череда під час спеки не розбігалася*», выводят со *зноска* (аномального куриного яйца без желтка или с двумя желтками) *домового слугу* [23. С. 22]. На Полесье для охраны скота от нападения волков пастух целое лето носит с собой основу, которая не влезает в *бердо* (деталь ткацкого верстата, что напоминает гребень в рамке), и выходит обратно, чтобы и волк, явившись, уходил и не вредил скотине [4. С. 149]. У южных славян, в частности сербов, похожими особенностями наделены *вилы*, ведь именно эти демонические персонажи помогают пастухам и охраняют стадо от диких зверей [24. С. 11].

Важно отметить, что, несмотря на очевидный приоритет опекунских функций домашних духов над скотом, у славян также существуют поверья о способности этих персонажей навредить скотине («Как не вынести на чердак есть (годованцу), то вся скотина за решёткой была / *Як не винесли на стріху їсти (годованцу), то вся худоба за драбинами була»* [9. Арк. 2]; поэтому не меняли конфигурацию чердака, поскольку «три теленка сдохнут / *три телиці здохне*» [13. Арк. 2]. Однако *хатний дух* вредит только тогда, когда человек не соблюдает конкретных требований в отношении содержания домашнего скота и выбора его масти, т.е. не исполняет свои обязательства перед ним. Если же хозяин не разочаровывает *годованца*, то «он заботится о хозяйстве / *дідьки піклуються про господарство»* [25. С. 47].

К обязательным требованиям относят и «кормление» *хатного духа*. Значение в ритуалах «кормления» имеет первый кусок, порция и т.д. Отдавая первую часть всего на пожертвование, человек этим признавал первенство, доминирующую роль домашнего божества и таким образом был уверен в успешном ведении домашнего хозяйства.

Для украинского горца XIX – начала XX в. приплод домашнего скота был событием такого же значения, как и рождение ребенка. Даже больше – потому что если появление на свет ребенка в многодетной семье могло быть иногда нежеланным, то новому телёнку, поросёнку были рады всегда. Полевой материал свидетельствует, что карпатские украинцы придерживались различных превентивных магических способов содействия удачному приплоду скотины: «Солому на Степана (9 января) утром собирали и несли к стайне – стели-

ли корове, чтобы легко отелялась / *Солому на Стефана досвіта збирали, як колядники вийдуть, і до стодоли – потім стелят корові, 'би легко телілася*» [26. Арк. 4]; «Шнурком с ног покойника связывают корову, которая первый раз отеляется, чтобы она не била ногами / *Шнурком з ніг покійника, котра корова перше телятко родит, обв'язують – аби вона не билася ногами*» [13. Арк. 20].

Можно только предположить, каким несчастьем для хозяина было рождение животного с внешними уродствами. Это формировало иррациональные представления о так называемых «нечистых» животных (аналогию можно провести с рождением «испорченного» ребенка – *одмины*): «Корова, конь, вол, кот могли быть упырями. Такую нечистую корову называют маликоватой. Она имеет два сердца, сем ребер, не плодит телят. Как сдохнет, то за ней погибают семь коров / *Корови, коні, воли, коти могли бути упирями. Такі нечисті корови називають маликоватими, які мають два серця, сім ребер. Така нечиста корова не плодить телят, не доїться добре. Як згине, то по ній гине сім корів*» [27. С. 163]. В этнографических источниках зафиксированы даже реликты их поминания у белорусов, когда во время поминального обеда еду подавали не на стол, а под стол [28. С. 531].

Бойки и русины также верили, что домашний скот, как и человека, можно сглазить «нечистым» взглядом (в большинстве случаев это могла быть *босурканя*, которая «как посмотрит на корову, то у нее внутри заgrimит, как в туче черной / *як подивиться на корову – лиш у корови гуркотит, як у хмарі чорній*») [12. Арк. 5]. Могут навредить «нечистые» покойники, поэтому «при встрече с таким человеком (у которого были «нечистые» глаза) на дороге волов обязательно перепрягали / *при зустрічі з такою людиною на дорозі волів обов'язково перепрягали*» [29. С. 355], а когда «везли «нечистого» покойника, то на коне наизнанку хомут должен быть / *везли 'го коньом, [то] на коню на руби*

(наизнанку) *хомут має тоді бути*» [16. Арк. 15]. Вероятно, выворачивание хомута, как и выворачивание одежды, символически отождествляло скот с *нечистой силой* вообще и одновременно охраняло от нее, так как «свои своих» не тронут [30. С. 466]. Считалось, что таких «не хороших на глаза» людей ожидала тяжёлая расплата уже после смерти: «как умрет такой знахарь, то лицо его становится подобным скотине / *як умре такий охварь, то робиться, як худоба: коров'яче лице в нього стає*» [15. Арк. 5].

Нанести ущерб хозяйству и «забрать» с собой скотину может и гость, которого не приняли по всем правилам этикета [31. С. 533]. Ведь гость воспринимается как носитель судьбы, как воплощение неземных сил, которые могут влиять на все сферы человеческой жизни. Правда, бойки знают и способ обеспечения защиты от незваных пришельцев: «Корова как идет с паши и у нее во рту трава, то надо зашить эту траву в скатерть. Если будут гости приходить, то не будут ничего хотеть есть / *Як корова йде з паши і в неї в роті трава, то треба взяти ту траву, зашити в скатертину. То як будуть гості приходити, то не будуть нічого хотіти їсти*» [9. Арк. 6].

Таким образом, население Украинских Карпат верило, что для приплода скота, здоровья скотины и благосостояния в хозяйстве нужны благосклонность и оберег от умерших предков, души которых были воплощены в образах домашних духов разных типов – *домашней змеи, ужа, ласки, духа-обогатителя*.

Содействие в успешном ведении домашнего хозяйства зависело от соблюдения человеком требований и обязательств в отношении содержания домашнего скота и выбора его масти перед домашними духами, ритуального «кормления» последних.

Кроме рациональных, население Украинских Карпат применяло разнообразные магические средства для охраны домашних животных от вредных действий ведьмы, «нечистого» покойника, незваного гостя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гладкий М. Традиційне скотарство Середнього Полісся другої половини XIX – першої третини XX ст. (Історико-етнологічне дослідження). Дрогобич, 2007. 198 с.
2. Глушко М. Віл у різдвяно-новорічній обрядовості українців: Реконструкція первісного образу та історичного змісту // Вісник Львівського університету. Серія історична. Львів, 2000. Вип. 35–36. С. 399–425.
3. Глушко М. Генезис тваринного запрягу в Україні (Культурно-історична проблема). Львів, 2003. 444 с.
4. Гура А.В. Символика животных в славянской народной традиции. М., 1997. 910 с.
5. Журавлев А.Ф. Домашний скот в поверьях и магии восточных славян. Этнографические и этнолингвистические очерки. М., 1994. 256 с.
6. Пастух Н. Символіка тварин в українському фольклорі: зозуля. Львів, 2013. 224 с.
7. Тиводар М. Традиційне скотарство Українських Карпат другої половини XIX – першої половини XX ст. (Історико-етнологічне дослідження). Ужгород, 1994. 559 с.
8. Виноградова Л.Н., Левкиевская Е.Е. Духи домашние // Славянские древности : этнолингвистический словарь : в 5 т. / под общ. ред. Н.И. Толстого. М., 1999. Т. 2: Д–К (Крошки). С. 153–155.
9. Архів Львівського національного університету імені Івана Франка. Ф. 119. Оп. 17. Спр. 208-Е (Польові етнографічні матеріали до теми «Народна демонологія Бойківщини», зафіксовані у Старосамбірському р-ні Львівської обл.).
10. Онищук А. Матеріали до гуцульської демонології. Записані у Зелениці Надвірнянського повіта, 1907–1908 // Матеріали до української етнології. Львів, 1909. Т. XI. С. 1–139.
11. Толстая М.Н. Из материалов карпатских экспедиций // Восточнославянский этнолингвистический сборник. Исследования и материалы. М., 2001. С. 477–495.
12. Архів Львівського національного університету імені Івана Франка. Ф. 119. Оп. 17. Спр. 215-Е (Польові етнографічні матеріали до теми «Народна демонологія Бойківщини», зафіксовані у Рожнятівському р-ні Івано-Франківської обл.).

13. Архів Львівського національного університету імені Івана Франка. Ф. 119. Оп. 17. Спр. 214-Е (Польові етнографічні матеріали до теми «Народна демонологія Бойківщини», зафіксовані у Богородчанському р-ні Івано-Франківської обл.).
14. Кайндль Р.Ф. Гуцули: їх життя, звичаї та народні перекази / [пер. з нім. (за вид. 1884 р.) З.Ф. Пенюк; післямова О. М. Масана]. Чернівці, 2000. 208 с.
15. Архів Львівського національного університету імені Івана Франка. Ф. 119. Оп. 17. Спр. 211-Е (Польові етнографічні матеріали до теми «Народна демонологія Бойківщини», зафіксовані у Долинському р-ні Івано-Франківської обл.).
16. Архів Львівського національного університету імені Івана Франка. Ф. 119. Оп. 17. Спр. 210-Е (Польові етнографічні матеріали до теми «Народна демонологія Бойківщини», зафіксовані у Міжгірському р-ні Закарпатської обл.).
17. Гнатюк В. Знадоба до української демонології // Етнографічний збірник. Львів, 1912. Т. XXXIV. 280 с.
18. Франко І. Людові вірування на Підгір'ю // Етнографічний збірник. Львів, 1898. Т. V. С. 160–218.
19. Архів Львівського національного університету імені Івана Франка. Ф. 119. Оп. 17. Спр. 207-Е (Польові етнографічні матеріали до теми «Народна демонологія Бойківщини», зафіксовані у Сколівському р-ні Львівської обл.).
20. Архів Львівського національного університету імені Івана Франка. Ф. 119. Оп. 17. Спр. 209-Е (Польові етнографічні матеріали до теми «Народна демонологія Бойківщини», зафіксовані у Турківському р-ні Львівської обл.).
21. Falkowski J., Pasznyi B. Na pograniczu łemkowsko-bojkowskiem: Zarys etnograficzny. Lwów, 1935. 128 s.
22. Вінценз С. На високій полонині (правда старовіку). Львів, 1997. 452 с.
23. Скорик М. Бойківські писанки // Літопис Бойківщини. Самбір, 1934. № 4. С. 20–28.
24. Белова О.В. Круг // Славянские древности : этнолингвист. словарь : в 5 т. / под общ. ред. Н.И. Толстого. М., 2004. Т. 3: К(Круг)–П(Перепелка). С. 11–12.
25. Срезневский И. Дополнения и замечания // Семеновский К. Замечания о праздниках у малороссиан. Харьков, 1843. С. 45–57.
26. Архів Львівського національного університету імені Івана Франка. Ф. 119. Оп. 17. Спр. 216-Е (Польові етнографічні матеріали до теми «Народна демонологія Бойківщини», зафіксовані у Сколівському р-ні Львівської обл.).
27. Лепкий Д. Домашні звірята в деяких людських верованнях // Ватра: Літературний Збірник. Стрий, 1887. С. 161–166.
28. Дашкевич В.Я. До питання про заложені тварин в уявленнях українського народу // Українці: народні вірування, повір'я, демонологія. Київ, 1991. С. 527–539.
29. Жизнь верховинского земледельца // Свет. Унгар, 1870. Ч. 44. С. 354–355.
30. Толстой Н.И. Выворачивание одежды // Славянские древности : этнолингвист. словарь : в 5 т. / под общ. ред. Н.И. Толстого. М., 1995. Т. 1: А–Г. С. 465–466.
31. Агапкина Т.А., Невская Л.Г. Гость // Славянские древности : этнолингвист. словарь : в 5 т. / под общ. ред. Н.И. Толстого. М., 1995. Т. 1: А–Г. С. 531–533.

Voitovych Nadiia M. Lviv National University of Veterinary Medicine and Biotechnologies named after S. Gzhytskyj (Lviv, Ukraine). E-mail: wojtovych@ukr.net

TRADITIONAL BELIEFS HELD BY THE UKRAINIANS WHO LIVED IN THE CARPATHIANS CONCERNING THE LINK BETWEEN LIVESTOCK AND CHARACTERS OF "LOWER" MYTHOLOGY.

Keywords: livestock; domestic spirits; "unclean" dead; folk demonology; Ukrainian people who lived in the Carpathians.

Given the fact that domestic animals were not only beasts of burden and the basic source of food, but also played a decisive role in numerous family rituals and calendar cycle rites, the analysis of Ukrainian beliefs about livestock should be a priority in ethnological science. Different aspects of this problem have been covered by the researchers in the fields of ethnology, archaeology, linguistics and folk studies – they devoted a sufficient number of books, essays and articles to the problem in question. However, mythological aspect that constitutes the main problem of the given article remains underexplored. Therefore, the aim of this paper is to analyze the beliefs of Ukrainian people who lived in the Carpathians concerning the direct link between livestock and main characters of "lower" mythology. In order to achieve the goals, the author sets the task to explore the peculiarities of the way the Ukrainians who lived in the Carpathians applied traditional magical methods to protect livestock, including preventative measures; to focus on the demonological views of Ukrainian mountaineers, who clearly associated livestock with domestic spirits – namely, weasel, home snake and spirit of enrichment; to analyze the main methods of protecting livestock from harmful influence of witches, "unclean" dead, and other characters of traditional Ukrainian demonology. Resources. Although some materials for writing the article were collected using ethnological literature on the given subject, as well as ethnographic information recorded by the ethnographers in the 19th – early 20th century, the research is mainly based on the ethnographic materials collected by the author herself during her field trips to the Ukrainian Carpathians, namely Boykivshchyna region, which she undertook between 2003 and 2008. At present, these materials are stored in the archive of Lviv National Ivan Franko University. Conclusion. The indigenous population of the Ukrainian Carpathians believed that for successful animal breeding, health and well-being of the livestock it was necessary to gain goodwill and guardianship of their deceased ancestors, whose souls were embodied in the images of the domestic spirits of different kinds, e.g. home snake, adder, weasel and spirit of enrichment. Assistance in running the household successfully depended on people conforming to the requirements and rules, set by domestic spirits, concerning keeping livestock and selecting their coat colour, as well as on ritual "feeding" of the spirits in question. In addition to the rational methods, the Ukrainians who lived in the Carpathians used to apply a variety of magical methods to protect domestic animals from harmful influence of the witch, "unclean" dead or the intruder.

REFERENCES

1. Gladkiy, M. (2007) *Traditsiynе skotarstvo Seredn'ogo Polissya drugoi polovini XIX – pershoi tretini XX st. (Istoriko-etnologichne doslidzhennya)* [Traditional domestick livestock breeding in Middle Polissya in the second half of the 19th – early 20th centuries. (Historical and ethnological research)]. Drogobych: [s.n.].
2. Glushko, M. (2000) Vil u rizdvanyano-novorichnyi obryadovosti ukraintsiv: Rekonstruktsiya pervisnogo obrazu ta istorichnogo zmistu [The Ox in Christmas and New Year Ukrainian rituals: Reconstruction of the original image and historical content]. *Visnik L'viv's'kogo universitetu. Seriya istorichna – Bulletin of Lviv University. History.* 35-36. pp. 399–425.
3. Glushko, M. (2003) *Genезis tvarinnogo zapryagu v Ukraїni (Kul'turno-istorichna problema)* [Genesis of animal harness in Ukraine (A cultural-historical problem)]. Lviv: Lviv State University.
4. Gura, A.V. (1997) *Simvolika zhivotnykh v slavyanskoy narodnoy traditsii* [Animal symbolism in the Slavic folk tradition]. Moscow: Indrik.

5. Zhuravlev, A.F. (1994) *Domashniy skot v pover'yakh i magii vostochnykh slavyan. Etnograficheskie i etnolingvisticheskie ocherki* [Livestock in the beliefs and magic ritual of Eastern Slavs. Ethnographic and ethnolinguistic essays]. Moscow: Indrik.
6. Pastukh, N. (2013) *Simvolika tvarin v ukrains'komu fol'klori: zozulya* [Animal symbolism in Ukrainian folklore: A cuckoo]. Lviv: Ukrainian National Academy of Sciences.
7. Tivodar, M. (1994) *Traditsiynе skotarstvo Ukrains'kikh Karpat drugoi polovini XIX – pershoi polovini XX st. (Istoriko-etnologichne doslidzhennya)* [Traditional livestock breeding in Ukrainian Carpathians in the second half of 19th – early 20th centuries. (Historical and ethnological research)]. Uzhgorod: Karpati.
8. Vinogradova, L.N. & Levkievskaya, E.E. (1999) Dukhi domashnie [Home spirits]. In: Tolstoy, N.I. (ed.) *Slavyanskіe drevnosti: Etnolingvisticheskiy slovar' v 5-ti tomakh* [Slavic antiquities: The Ethnolinguistic Dictionary in 5 vols]. Vol. 2. Moscow: Institute for Slavic Studies RAS. pp. 153–155.
9. The Archives of Lviv National Ivan Franko University. Fund 119. List 17. File 208-E. (In Ukrainian).
10. Onishchuk, A. (1909) Materiiali do gutsul's'koi demonol'ogii. Zapisani u Zelenitsi Nadvirnyans'kogo povita, 1907–1908 [Materials on the Hutsul demonology. Recorded in Zelenytsy, Nadvirna Uyezd, 1907–1908]. In: *Materiyali do ukrains'koi etnol'orii* [Materials to Ukrainian Ethnology]. Vol. 9. Lviv: Drukarnya Naukovogo tovaristva im. T. Shevchenka. pp. 1–139.
11. Tolstaya, M.N. (2001) Iz materialov karpatskikh ekspeditsiy [From the materials of the Carpathian expeditions]. In: Plotnikova, A.A. (ed.) *Vostochnoslavianskiy etnolingvisticheskiy sbornik. Issledovaniya i materialy* [East Slavic ethnolinguistic collection. Research and materials]. Moscow: RAS. pp. 477–495.
12. The Archives of Lviv National Ivan Franko University. Fund 119. List 17. File 215-E. (In Ukrainian).
13. The Archives of Lviv National Ivan Franko University. Fund 119. List 17. File 214-E. (In Ukrainian).
14. Kayndl, R.F. (2000) *Gutsuli: ikh zhittya, zvychai ta narodni perekazi* [Guzuls: their life, customs and folk stories]. Translated from German by Z F. Penyuk. Chernivtsi: [s.n.].
15. The Archives of Lviv National Ivan Franko University. Fund 119. List 17. File 211-E. (In Ukrainian).
16. The Archives of Lviv National Ivan Franko University. Fund 119. List 17. File 210-E. (In Ukrainian).
17. Gnatyuk, V. (1912) Znadobi do ukrains'koi demonol'orii. In: *Etnografichnyi zbirk* [Ethnographic Collection]. Vol. 34. Lviv: Naukovo tovaristvo im. Shevchenka.
18. Franko, I. (1898) Lyudovi viruvannya na Pidgiryu. In: *Etnografichnyi zbirk* [Ethnographic Collection]. Vol. 5. Lviv: Naukovo tovaristvo im. Shevchenka. pp. 160–218.
19. The Archives of Lviv National Ivan Franko University. Fund 119. List 17. File 207-E. (In Ukrainian).
20. The Archives of Lviv National Ivan Franko University. Fund 119. List 17. File 209-E. (In Ukrainian).
21. Falkowski, J. & Pasznyi, B. (1935) *Na pograniczu lemowsko-bojkowskiem: Zarys etnograficzny* [On the Lemko-Boyko border: An ethnographic outline]. Lviv: Towarzystwo Ludoznawcze we Lwowie.
22. Vintsenz, S. (1997) *Na visokiy polonini (pravda staroviku)* [On high meadow]. Lviv: Chervona Kalina.
23. Skorik, M. (1934) Boykivs'ki pisanki [Boyko painted eggs]. *Litopis Boykivshchiny. Sambir*. 4. pp. 20–28.
24. Belova, O.V. (2004) Krug [Circle]. In: Tolstoy, N.I. (ed.) *Slavyanskіe drevnosti: Etnolingvisticheskiy slovar' v 5-ti tomakh* [Slavic antiquities: Ethnolinguistic dictionary in 5 vols]. Vol. 3. Moscow: Institute for Slavic Studies RAS. pp. 11–12.
25. Sreznevskiy, I. (1843) Dopolneniya i zamechaniya [Additions and remarks]. In: Sementovskiy, K. *Zamechaniya o prazdnikakh u malorossiyan* [Remarks on holidays for the Little Russians]. Kharkov: [s.n.]. pp. 45–57.
26. The Archives of Lviv National Ivan Franko University. Fund 119. List 17. File 216-E. (In Ukrainian).
27. Lepkiy, D. (1887) Domashni zviryata v deyakikh lyudovikh verovanyakh [Domestic animals in people's beliefs]. In: *Vatra: Literaturniy Zbornik* [Vatra: Literary Collection]. pp. 161–166.
28. Dashkevich, V.Ya. (1991) Do pitannya pro zalozhnikh tvarin v uyavlennyakh ukrains'kogo narodu [On representations of animals in Ukrainian beliefs]. In: Ponomaryov, A.P., Kosmina, T.V. & Boryak, O.O. *Ukrainsi: narodni viruvannya, povir'ya, demonologiya* [The Ukrainian's beliefs and demonology]. Kyiv: Lybid'. pp. 527–539.
29. Anon. (1870) Zhizn' verkhovinskago zemledel'tsa [The life of Verkhovynsky farmers]. *Svet. Ungvar*. 44. pp. 354–355.
30. Tolstoy, N.I. (1995) Vyvorachivanie odezhdy [Eversion of clothing]. In: Tolstoy, N.I. (ed.) *Slavyanskіe drevnosti: Etnolingvisticheskiy slovar' v 5-ti tomakh* [Slavic antiquities: Ethnolinguistic dictionary in 5 vols]. Vol. 1. Moscow: Institute for Slavic Studies RAS. pp. 465–466.
31. Agapkina, T.A. & Nevskaya, L.G. (1995) Gost' [Visitor]. In: Tolstoy, N.I. (ed.) *Slavyanskіe drevnosti: Etnolingvisticheskiy slovar' v 5-ti tomakh* [Slavic antiquities: Ethnolinguistic dictionary in 5 vols]. Vol. 1. Moscow: Institute for Slavic Studies RAS. pp. 531–533.

А.В. Скиперских

**ИСТОРИЯ РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ В МЕМОРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ:
ПОЛИТИЧЕСКОЕ КОНСТРУИРОВАНИЕ**

Представляется взгляд на практики работы с культурной памятью в современной российской провинции. В условиях постепенного ухудшения социально-экономической конъюнктуры именно провинция оказывается наиболее уязвимым пространством с точки зрения социальной и политической стабильности. Провинциальные политические элиты начинают испытывать дефицит смыслов, что в итоге сказывается на их легитимности. Отсюда кажется объяснимой попытка обращения власти к нарративам, позволяющим обеспечить широкий общественный консенсус. Подобные нарративы присутствуют в истории России и СССР, что моментально способствует их актуализации в новых практиках коммеморации. Автор убеждён, что правильно сконструированное мемориальное пространство может наделить правящую элиту дополнительными возможностями для политической легитимации.

Ключевые слова: власть; культурная память; культура; легитимация; провинция.

В последнее время в политическом дискурсе становится заметным тренд на изучение практики работы с памятью. Мемориальная культура всё чаще выступает объектом исследования, представляя интерес для политической науки. Становится очевидным, что политической и культурной памятью может обладать не только отдельно взятый человек. Общество также может иметь определённую память, вокруг которой могут конструироваться политические практики. Безусловно, политическая память как память о событиях, связанных с политическим процессом, способствующая формированию устойчивого отношения к тем или иным фактам, может значительно способствовать легитимации политической власти, находящейся в постоянном поиске новых источников и смыслов, подпитывающих её тело.

Политическая память обладает различными формами жизни, что подтверждается в работах зарубежных и российских исследователей.

Так, П. Бурдье разделял *объективированную память и габитус*. К объективированной памяти следует отнести объекты материальной культуры (вещи, машины, здания). Габитус имеет непосредственное социальное измерение, включая в себя вкус, привычки, существующие отношения и иерархии [1. С. 272].

Субъекту оставляется право выбирать, каким образом и как ему взаимодействовать с формами памяти. М. Хальбвакс здесь говорит о *внешней* памяти (исторической и социальной), противопоставляя её *внутренней* (автобиографической и индивидуальной) [2. С. 8–27]. Обе формы памяти постоянно взаимодействуют, то гармонически соотносясь друг с другом, то, наоборот, порождая причудливые диссонансы.

А. Эткинд говорит о *твёрдой* и *мягкой* памяти. Твёрдая память – то, что выступает хранителем информации. Мягкая память – идеология, мифы, смыслы. Разумеется, и твёрдая, и мягкая память оказываются зависимыми от политической конъюнктуры. Преимущество твёрдой памяти в том, что она объективируется

в зримо наличных объектах, концентрирующих в себе прошлое. «Возводя памятники, государство запечатлевает свои представления о самом себе в том виде, как они складывались на протяжении истории, и так конструирует собственное величие», – считает А. Эткинд [3. С. 225].

Нужно понимать, что в целях оптимизации управления политическая власть может быть весьма заинтересована в том, чтобы отдельно взятый человек рассуждал в интересах самой власти. Акценты на практиках работы с прошлым, меняющихся в интересах самой власти интерфейс, окружающий индивида, в последнее время становятся всё более заметными. Власть стремится способствовать максимальному погружению индивида в искусственно конструируемую реальность, представляющую собой странный коллаж из фактов и концептов. Подобное конструирование «сверху», безусловно, имеет свои издержки и порождает справедливые вопросы, потому как вокруг каждая мемориальная доска изначально обладает определённой дискурсивностью. Рядом с каждым объектом памяти восстают полузабытые герои, по замечанию К. Паустовского, «вновь оживая в тех местах, где, может быть, эхо до сих пор хранит их голоса» [4. С. 406].

В данной статье автор акцентирует своё внимание на том, как осуществляются практики работы с памятью в российской провинции. В качестве примера отдельно взятого политического локуса автором взят г. Елец Липецкой области с населением 100 тыс. человек. Исследовательский фокус обращён на особенности практик коммеморации и их содержание – мемориальные доски, установленные на тех или иных городских объектах и по-своему рассказывающие историю самого города. Безусловно, данная история излагается самой властью и не таит в себе каких-либо деструктивных последствий для неё. Другое дело, что увеличение количества мемориальных досок приводит к их странно-му комбинированию и, равно как и сосуществование в

рамках одного политического локуса различных взглядов и оценок одного и того же исторического факта, ставит власть в не совсем удобное положение. Так память проявляет свои «температурные» свойства, меняясь от *горячей* памяти – к *холодной* памяти [5].

Елецкий кейс: объекты мемориальной культуры и политика муниципалитета. Из официального ответа администрации г. Ельца на запрос автора следует, что на момент обращения (август 2016 г.) в городе было установлено 106 мемориальных досок. Процесс установки мемориальных досок в Ельце продолжается вплоть до настоящего времени. Администрация г. Ельца, как правило, привязывает установку к каким-либо праздничным датам, насыщая тем самым культурное пространство новыми формами памяти.

Нужно понимать, что «память всегда испытывает дефицит пространства» [Там же. С. 176]. Это заставляет память намеренно проникать во все сферы общественной жизни, что превращает её в важный ресурс власти.

Любая инициатива, касающаяся преобразования городского пространства, нуждается в санкции власти. Власть показывает заинтересованность в процессах коммеморации, но по тем правилам, что диктует она сама. Поэтому процесс появления мемориальных досок в г. Ельце оказывается прерогативой городской администрации. Так, в ст. 33 Устава городского округа Елец, определяющей компетенцию органов местного самоуправления, как раз говорится о том, что именно местная власть отвечает за установку памятников, мемориальных досок и иных памятных знаков [6].

Отсюда все 106 мемориальных досок, установленных в Ельце, должны в идеале являться свидетельством неустанного внимания городской власти к проблемам сохранения культурной памяти. Данное установление можно принять за основу только с определёнными натяжками. Безусловно, процесс коммеморации связан и с рядом серьёзных ограничений. К сожалению, процесс коммеморации в рамках Ельца не может избежать политической обусловленности. Это во многом объясняет странное утрачивание ряда мемориальных досок, связанных с памятью, отношение к которой постепенно перестаёт связываться с широким общественным консенсусом. Местная власть в определённых случаях демонстрирует какую-то непонятную терпимость к утрачиванию мест памяти, невольно способствуя их забвению и стиранию с мемориальной карты городского культурного пространства.

Информация, предоставленная администрацией г. Ельца, потребовала проверки. Удостовериться в наличии мемориальных досок было не так уж и сложно, учитывая небольшие размеры самого города и высокую концентрацию культурной памяти в городском центре. Нас интересовало фактическое количество мемориальных досок, сохранившихся на городских поверхностях. Простой подсчёт выявил наличие 95 мемориальных досок на начало 2017 г. Судьба остальных 11

остаётся неизвестной. Истории утрачивания мемориальных досок могут иметь как политические, так и иные смыслы, но отсутствие более или менее конкретной реакции городской власти настораживает.

Нужно понимать, что мемориальные доски в культурном пространстве Ельца не появились одновременно, они отмечают результат работы с памятью ещё и в период советской власти. По этому поводу, на наш взгляд, достаточно убедительно высказалась А. Ассман, когда отметила, что «высокое и низкое насаждается насильственным путём» [5. С. 184].

Акценты коммеморации и елецкий культурный текст. С определённой долей условности установленные в Ельце мемориальные доски можно представить в нескольких группах. Акценты практик коммеморации останавливаются на 6 сюжетах: революция 1917 г., Великая Отечественная война, афганская и чеченская кампании, культурное наследие знаменитостей, инициативы благодарных потомков и репрессии. Отмеченные сюжеты, безусловно, не выглядят равнозначными, если исходить из количественных характеристик коммеморации и стремления городской власти максимально представить факт установки доски в информационном пространстве Ельца. Как раз данные различия и позволяют нам сделать вывод о том, что власть может быть заинтересована в расширении некоторых сюжетов коммеморации, поскольку видит в них определённый легитимационный потенциал.

Акценты политики коммеморации в значительной степени связаны с особенностями исторического и культурного прошлого города – власть исходит из существующих мифов, которых как раз и может быть достаточно для формирования отношения к прошлому.

Революция и мемориальная культура в Ельце. В Ельце не остаются без внимания события революции 1917 г. Советское прошлое – по-прежнему достаточно сильный нарратив, влияющий на топонимические политики. Советский культурный текст практически не подвергается критическому переосмыслению. Этому можно найти объяснение, потому как в течение довольно долгого периода времени (уже в период демократизации) власть и в Липецкой области, и в Ельце принадлежала элите, симпатизировавшей КПРФ.

Истоки подобных симпатий, возможно, следует искать в особых культурных кодах. В частности, революционные события 1917 г. положили начало политическому строительству в самом Ельце. Вплоть до середины 1918 г. существовала Елецкая советская республика, эмитировавшая собственные бумажные деньги и почтовые марки. Новая политическая элита встречалась с В.И. Лениным, одобрявшим опыт ельчан в новом институциональном и политическом строительстве [7. С. 73].

Даже в период демократизации «левые» ориентации политической элиты обращали на себя внимание. Так, в 1990-х гг. в городе всё ещё существовали бесплатные общественный транспорт и таксофоны. Левые и даже анархические смыслы до сих пор так или иначе прояв-

ляют себя и в новой политической реальности, когда любые проекты, связывающиеся с инициативами власти, встречают определённое сопротивление.

Приведённые в качестве примера исторические факты, в принципе, объясняют присутствие «революционного» сегмента в мемориальной культуре. Доля данного мемориального сегмента составляет 5,5% (5 мемориальных досок). Нужно понимать, что постепенно данная доля существенно снижается за счёт других акцентов политики памяти. Ротация политической элиты в Ельце привела к власти людей, для которых советское прошлое не выглядит авторитетным, что во многом объясняет их устранение от попыток по-новому «рассказать» в Ельце советскую историю. В определённой степени способствует этому и федеральный тренд. Российская власть до конца не выработала отношения к событиям 1917 г., что оставляет эту тему за скобками политики памяти. Есть ощущение, что не предвидится активизации городской власти в «твёрдой» коммеморации и накануне столетия революции 1917 г. и она будет ограничиваться «мягкими» формами – лекториями, конференциями, круглыми столами.

Великая Отечественная война в объектах мемориальной культуры в Ельце. Самым важным событием, обращающим на себя внимание городской власти, является Великая Отечественная война. Сюжеты, связанные с героическими событиями 1941–1945 гг., являются наиболее популярными в практиках фиксации их мемориальными досками. Нужно отметить, что власть продолжает использовать героическую энергию в интересах собственной политической легитимации, что во многом объясняет её особенное усердие в показательных открытиях памятных досок и в новой культурной и политической реальности.

На наш взгляд, существуют три важные причины высокого внимания городской власти к теме Великой Отечественной войны.

Во-первых, это непосредственное положение Ельца в период Великой Отечественной войны, который в течение долгого времени, несмотря на удачную Елецкую операцию как часть победы советских войск под Москвой, продолжал оставаться прифронтовым городом с большим количеством военной и штабной инфраструктуры. Кстати, данные обстоятельства зачастую и фиксируются мемориальными досками. Достаточно популярное содержание ряда мемориальных досок, относящихся к периоду Великой Отечественной войны, как раз свидетельствует о нахождении в период военных действий в том или ином здании штаба той или иной дивизии или армии.

Во-вторых, Елец является городом воинской славы, что, безусловно, позиционирует его в тесной связи с мемориальной культурой войны.

В-третьих, нельзя не понимать, что городская власть пытается улавливать федеральные тренды, в рамках которых память о Великой Отечественной войне выступает важным сюжетом, с помощью которо-

го пытается позиционироваться современная российская власть.

Отсюда 49 мемориальных досок из 95 обнаруженных нами связаны с темой Великой Отечественной войны (52% мемориальных досок Ельца). Нужно отметить, что многие мемориальные доски (порядка 20) были установлены именно за последние годы, свидетельствуя об увеличении интереса власти к данной теме. Всплеск интереса отмечается в преддверии 70-летия победы советского народа в Великой Отечественной войне. В частности, акция «Бессмертный полк», имеющая значительную информационную поддержку на федеральном уровне, осуществляется и в Ельце. В городе 9 мая проходит военный парад. Необходимо отметить, что к патриотическим акциям подключается большая часть населения Ельца, подтверждая тем самым, что тема Великой Отечественной войны является ситуацией, обеспечивающей широкий общественный консенсус.

Новая героиня в культурном тексте Ельца. Безусловно, память о Великой Отечественной войне постепенно остывает, превращаясь в холодную память и всё более отдаляясь от рационального объяснения. Воспоминания о войне, контролируемые властью, не всегда согласуются с личной и семейной памятью. Именно об этой опасности и говорила А. Ассман, когда высказывалась о неизбежном недовольстве мемориальной культурой, стандарты которой едва ли не в одностороннем порядке задаются правящей элитой [5].

Конструируя политику памяти в отношении более или менее «горячих» событий, городская администрация действует в большей степени объективно. Возникающая необходимость постоянной патриотической подпитки городской общественности во многом разрешается с помощью апелляции к недавнему прошлому, в котором обнаруживаются как героические события, так и сами герои. В качестве примера можно привести афганскую и чеченскую кампании, память о которых фиксируется в городском культурном пространстве с помощью ряда мемориальных досок. На начало 2017 г. в городе установлено 9 мемориальных досок (9% от общего количества).

Данный сюжет мемориальной культуры имеет свои особенности. Как правило, сами доски устанавливаются на зданиях образовательных учреждений во время торжественных линеек. В данных мероприятиях заметно присутствие городской власти в специфической политической хореографии самого действия. В принципе, это вписывается в общую логику коммеморации, когда мемориальная культура определяется «сверху» и через постоянное, методическое демонстрирование. Как уже отмечалось выше, нет сомнений и необходимости апелляции к «горячей» памяти, позволяющей соотносить её с собственным опытом. Установка мемориальных досок героям афганской и чеченской кампаний призвана более эффективно заполнить героический и символический вакуум.

Культурное наследие знаменитостей. Ещё одним акцентом политики памяти в Ельце является культурное наследие знаменитых людей, чьё творчество было так или иначе связано с данным городом. Ряд мемориальных досок устанавливает связь тех или иных объектов городской архитектуры с авторитетными именами. На начало 2017 г. удалось убедиться в наличии 24 подобных мемориальных досок (около 25%).

Имена, прославившие Елец, безусловно, имеют разную известность. Некоторые из них обладают высокой узнаваемостью в рамках России (И. Бунин, М. Пришвин, Т. Хренников), другие же определённым образом ограничены своими культурными продуктами информационным локусом самого Ельца (врачи, руководители предприятий и строительных организаций и т.д.).

Становление и развитие структур информационного общества значительно корректирует культурную политику таких городов, как Елец. Узнаваемость города в федеральном контексте как раз может достигаться за счёт его ассоциирования с известными именами. Понимание культурных и экономических эффектов данных ассоциаций позволило связать ряд городских объектов с именами знаменитостей. Довольно популярным трендом это стало для образовательных учреждений. Так, классический университет, образовавшийся в Ельце из педагогического института, заявил о своей связи с именем нобелевского лауреата И. Бунина, училище искусств – с именем Т. Хренникова, детская школа искусств – с именем Л. Соколовой.

Постиндустриальный период 1990–2000-х гг. значительно подорвал елецкую промышленность. В городе в массовом порядке останавливаются некогда крупные предприятия. Мощности и пространства предприятий используются в ином назначении, в городе постепенно назревает необходимость дискуссий, связанных с джентрификацией, предполагающей жилую застройку на месте промышленной. Для городской власти становится очевидным, что необходимо использовать возможности постиндустриального времени, пытаясь сделать акцент на развитии в Ельце притягательного досугово-пространства. Региональная и городская власть периодически заявляют о достижениях, связанных с туристическо-рекреационным кластером «Елец». В рамках данного исследования не ставится задача исследовать реальные эффекты и достижения городской власти в туристическом строительстве. Тем не менее является очевидным, что именно уникальный культурный ландшафт Ельца и фактор знаменитостей выступают важными точками притяжения, вокруг которых происходит мифотворчество.

Инициативы потомков и культурная память. Не все инициативы по установке мемориальных досок в Ельце целиком и полностью принадлежат городской власти. В практиках коммеморации, направленных на фиксацию памяти своих предков, могут участвовать и благодарные потомки. Как правило, в данном случае мемориальные доски устанавливаются на тех зданиях,

которые в определённые исторические периоды были связаны с жизнью и деятельностью их родственников. Показательно, что наиболее заметным периодом является история до 1917 г. На начало 2017 г. в Ельце усилиями потомков было установлено 5 мемориальных досок (5,6%). Есть ощущение, что городская власть не препятствует подобным практикам. Наоборот, она заинтересована в ещё более тщательной разработке культурного ландшафта Ельца с помощью заинтересованных лиц, к тому же берущих на себя все расходы.

Репрессии и елецкий культурный текст. Может сложиться ощущение, что исторический и политический процесс в Ельце разворачивался более или менее органично и спокойно. Городская власть, в принципе, заинтересована в представлении елецкой истории как неизбежной смены политических режимов и элит, всякий раз приводящей к перманентным компромиссам политических акторов. Безусловно, подобная интерпретация выглядела бы чересчур идеалистично.

Развитие политического процесса всегда связывается с реальными издержками как для культуры в целом, так и для отдельного её носителя в частности. Мемориальная культура в Ельце делает осторожную попытку сопоставления героической и трагической памяти. Героическое позиционирование государства в различных формах на тех или иных этапах собственного становления и развития не могло не связываться с репрессивным давлением на отдельно взятого человека. В этом смысле, наверное, заслуживают уважения инициативы негосударственных структур, позволившие зафиксировать культурную память сопротивления системе.

На 2017 г. в Ельце установлены две мемориальные доски, вписывающиеся в сюжет памяти о репрессиях (2,1% от общего количества мемориальных досок). Обе доски установлены на храмах г. Ельца, что во многом раскрывает субъекта данных инициатив. Заметим, что городская власть несколько дистанцируется от этого, потому как чётко взвешивает имиджевые потери в случае каких-либо дискуссий по поводу трагических страниц советской истории, преемницей которой она себя периодически позиционирует. Такая осторожная тактика власти в конечном счёте сказывается на дальнейших шансах её легитимации. «Преступления против человеческих прав, не ставшие предметом публичного признания и осуждения, – медленный яд», – считает Чеслав Милош [8. С. 227]. Администрация г. Ельца в практиках коммеморации выбирает именно такой способ позиционирования. Замалчивание преступления становится тактикой правящего класса, позволяющей удерживать власть в перспективе.

Утраченные доски: способы забвения. Как уже отмечалось, судя из официального ответа городской администрации, в г. Ельце установлены 106 мемориальных досок. Данное исследование позволило убедиться в наличии 95 из них. Какова же судьба остальных 11? Каким образом они выпадали из культурного пространства Ельца? Существуют ли какие-то схожие

сценарии забвения культурной и исторической памяти? Продолжает ли общество хранить утраченную память вопреки политике городской администрации? Безусловно, вопросов здесь больше, чем ответов.

Забвение может быть связано с заметным снижением активности гражданских акторов, пытавшихся производить собственные практики коммеморации. Снижение активности можно рассматривать как в контексте их политики в целом, так и в отношении сохранения собственных текстов в частности. В Ельце есть пример установки мемориальной доски Михаилу Стаховичу на бывшем здании Елецкого земства в 2005 г. Информация об открытии мемориальной доски указывает, что «мероприятия были организованы Липецким региональным отделением «Союза правых сил» (председатель – О.Д. Дячкин) при поддержке фондов «Открытая Россия» и «Русское либеральное наследие» [9].

В настоящий момент судьба мемориальной доски остаётся невыясненной. Само здание, некогда принадлежавшее муниципалитету, всячески «навязывается» в собственность успешным елецким предпринимателям. Отсутствие интереса к данному особняку привело к тому, что здание сегодня находится в плачевном состоянии. В случае мемориальной доски М. Стаховича следует отметить, что её судьбу предопределяет состояние городской инфраструктуры и отдельных объектов, которые, казалось бы, должны являться лицом города в свете его туристических перспектив.

Есть ещё один пример того, как плачевное состояние здания сокращает культурную память, обедняя тем самым культурный ландшафт Ельца. Такова история школы № 6, вместе со своим постепенным исчезновением увлекательной в небытие героический текст. Сложно предположить, когда исчезла установленная ещё в 1967 г. мемориальная доска народному учителю А.Н. Сафоновой, стоявшей у истоков советского образования в г. Ельце. Правда, в данном случае достаточно показательным, что городская общественность до сих пор хранит память об известном педагоге. В одном из номеров городской газеты «Красное знамя» появилась информация о «елецкой героине» А.Н. Сафоновой и о «сохранившейся мемориальной доске в её честь» на здании бывшей школы № 6 [10. С. 2].

Спустя неделю редакцию «поправили» внимательные читатели. Недоумение бывшего коллектива школы № 6, вернее одного из учителей, участвовавших в 1967 г. в открытии мемориальной доски, понять можно. Автор письма в редакцию замечает, что доска была снята ещё в 2004 г., а само «здание заброшено, двор зарос бурьяном. От мемориальной доски остались только следы – отверстия от креплений! То есть единственное место в Ельце, напрямую связанное с именем А.Н. Сафоновой, позабыто-позаброшено» [11. С. 3].

Наряду с данным случаем, ставшим достоянием местных СМИ, есть и пример мемориальной доски, установленной на стене Троицкого монастыря в честь коммунаров, сопротивлявшихся конному корпусу гене-

рала К. Мамонтова в августе 1919 г. Надпись на мемориальной доске гласила: «Здесь, у стен Троицкого монастыря, 31 августа 1919 года коммунары, защищая город, героически отражали атаки мамонтовских банд». В 2009 г. активисты городского комитета КПРФ обнаружили пропажу мемориальной доски, взамен которой была установлена новая. Правда, её посыл был уже совершенно другим: «Здесь, у стен Троицкого монастыря, 31 августа 1919 года силами православного белогвардейского генерала Мамонтова за кощунство, насилие и вандализм были расстреляны коммунары». Новая интерпретация истории Ельца была моментально устранена. Впрочем, вопреки обещанию городской власти сохранить status quo и восстановить мемориальную доску, память коммунаров до сих пор не является зафиксированной [12].

Есть и примеры полного утрачивания мемориальных досок, а вместе с этим культурной и исторической памяти, в случае с частными домовладениями. Нужно понимать, что многое зависит и от городской власти, и от самих домовладельцев. Городская администрация, в принципе, в духе soft power может реально способствовать сохранению памяти. Некоторые исследователи подтверждают подобную способность администрации муниципалитетов, замечая, что на примере «городской застройки или реставрации памятников... не исключены воздействия властей на жителей города с целью принятия такой версии прошлого, которая устраивает городские власти» [13. С. 43]. Но есть и обратные примеры, когда власть отпускает ситуацию, вместе с которой пропадает и указание на некий культурный и исторический опыт. Так, в результате сноса частного домовладения на перекрёстке ул. Вити Орлова и Профинтерна под многоэтажную застройку оказалась утраченной мемориальная доска, представлявшая топонимический экскурс по елецкой героике.

Периодизация памяти: елецкий кейс. В практиках работы с памятью на примере г. Ельца можно найти и определённые закономерности. Практически всегда установка мемориальных досок соответствует политической конъюнктуре – городская администрация прекрасно понимает новые тенденции героизации и культурной политики. На наш взгляд, в практиках работы с памятью на примере г. Ельца можно выделить три этапа.

Первый этап – практики работы с памятью до 1991 г., когда доминирует советский культурный нарратив. Память о революции 1917 г. удачно синхронизируется с памятью о подвиге советского народа в Великой Отечественной войне. Советская история является цельной. В информационном пространстве отсутствуют поводы, заставляющие сомневаться в истинности представленных властью акцентов.

Второй этап – с 1991 по 2014 г. – связан с активностью потомков ельчан, независимых краеведов и хранителей городской памяти. В этот период становятся популярными воспоминания о Российской империи и о Ельце

как купеческом городе. Частично меняется городская топография. Не случайно событийные мероприятия, целью которых является создание определённого исторического и культурного бэкграунда Ельца, конструируют Елец имперского периода. Советская история является популярной в меньшей степени, память о революционных событиях 1917 г. постепенно размывается.

Третий этап – с 2014 г. по настоящий момент. Условно можно назвать его патриотическим, поскольку он совпадает по времени с крымской повесткой и усилением самозначительности россиян на фоне роста президентского рейтинга. Городская администрация улавливает федеральные тренды и чутко следует инструкциям «сверху». Самым важным акцентом мемориальной культуры является Победа в Великой Отечественной войне, где вместо «советского» используется «российское». Необходимость в легитимационной энергии заставляет власть подключаться к подобным важным и судьбоносным событиям, тем более что Елец имеет статус города воинской славы. Власть позиционирует себя преемницей героического прошлого. Отсюда довольно серьёзное внимание к различным фор-

мам мемориальной культуры, фиксирующим память о Великой Отечественной войне. В городе проводятся акция «Бессмертный полк», военные парады и другие патриотические мероприятия, во время которых власть соблюдает «торжественную хореографию» [5]. Показательно, что начиная с 2014 г. в Ельце существенно увеличилось количество мемориальных досок, посвящённых героическому подвигу ельчан (около 20, что составляет почти 1/5 часть всех мемориальных досок г. Ельца). Открытие каждой новой мемориальной доски становится сюжетом для городских СМИ. Взятый массив мемориальных досок показывает их «горячую» температуру.

Таким образом, следует отметить, что елецкий культурный текст находится в постоянном развитии, прирастающая практиками и формами культурной и исторической памяти. Опыт практик коммеморации на примере г. Ельца показывает, что культурное пространство фокусирует на себе интересы не только городской власти как системного политического актора, но и других акторов, инициативы которых позволяют разнообразить акценты культурной политики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бурдые П. Социология политики. М. : SocioLogos, 1993. 336 с.
2. Хальвбакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3 (40–41). С. 8–27.
3. Эткинд А. Кривое горе. Память о непогребённых. М. : Новое лит. обозрение, 2016. 328 с.
4. Паустовский К. Собрание сочинений в восьми томах. М. : Худ. лит., 1970. Т. 8. 448 с.
5. Ассман А. Новое недовольство материальной культурой. М. : Новое лит. обозрение, 2016. 232 с.
6. Устав городского округа города Ельца. URL: <https://elets-adm.ru/documents/ustav-goroda> (дата обращения: 20.01.2017).
7. Скиперских А.В. Политический протест в современной российской провинции: структура, динамика, перформансы (на примере Липецкой области). Липецк : Гравис, 2013. 204 с.
8. Горбаневская Н. Мой Милош. М. : Новое изд-во, 2012. 440 с.
9. Стахович Михаил Александрович (1861–1923). URL: http://www.rusliberal.ru/10_09_2005.php (дата обращения: 20.01.2017).
10. Елецкая героиня // Красное знамя (Елец). 2016. № 193–194 (14 июля). С. 2.
11. Потеряли память... // Красное знамя (Елец). 2016. № 197 (21 июля). С. 3.
12. В Ельце меняют мемориальные доски на стене бывшего монастыря. URL: <http://gorod48.ru/news/18422> (дата обращения: 20.01.2017).
13. Романовская Е.В. Морис Хальвбакс. Культурные контексты памяти // Известия Саратовского государственного университета. Сер. Филология. Психология. Педагогика. 2010. Т. 10, вып. 3. С. 39–44.

Skiperskikh Aleksandr V. National Research University (Perm, Russia). E-mail: pisatels@mail.ru

HISTORY OF THE RUSSIAN PROVINCE IN THE MEMORIAL CULTURE: POLITICAL CONSTRUCTION.

Keywords: power; memory culture; culture; legitimation; province.

In this study, the author shows how the construction of memorial culture in the modern Russian province is made. The aim of the study is to mark the dependence of the memorial culture from political context. The aim of the study involves the following tasks: 1) to study the causes of the authorities' attention to the problem of cultural memory; 2) to define the accents of politics of memory; 3) to determine the trends of memory culture in Russian province. The research is based on the works by M. Halbwachs, N. Hartmann, P. Bourdieu et al. The author pays attention to the texts of modern researchers of memory culture, like A. Assmann and A. Etkind. The continuity of history and its unity are the basis for the stability of power. The Russian government understands this, and tries to construct a cultural and political space, where historical facts supplement each other. The author shows how the memorial space in Yelets Lipetsk region can be constructed in the new cultural policy conditions. The author finds the 6 plots in which plaques concentrated historical and cultural memory. The author uses case-study method. Each of 6 plots shows us what accents can be found in politics of memory. The city is famous for its revolutionary past, famous countrymen of art and culture that have received international recognition and a number of other heroic practices of importance both for the state and the region. Many famous people lived and worked in Yelets (I. Binin, M. Prishvin, V. Rozanov, T. Khrennikov). There is no doubt that the most popular plot is connected with the Great Patriotic War. Installation of memorial plaques in Yelets has its own logic, reflecting the specific stages of political development in the USSR and modern Russia. The cultural policy of public authorities must promote unity. This problem is solved by looking at the social consensus in campaigns like "Immortal regiment". The ruling elite in the Russian political municipalities use memory for strengthening the political position. But everything may look not so optimistic. Active politics of memory is a very dangerous shift in the cultural sphere from the problems of social and economic sphere. At the same time, the city government listens to the federal trends. This underscores the opportunistic selectivity of modern politicians and calling into question the tactics and strategy of the Russian ruling class.

REFERENCES

1. Bourdieu, P. (1993) *Sotsiologiya politiki* [Sociology of Politics]. Translated from French. Moscow: SocioLogos.
2. Halbwachs, M. (2005) Kollektivnaya i istoricheskaya pamyat' [Collective and historical memory]. *Neprikosnovennyi zapas*. 2–3(40–41). pp. 8–27.
3. Etkind, A. (2016) *Krivoie gore. Pamyat' o nepogrebennykh* [The Wry Grief. Memory of the unburied]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
4. Paustovskiy, K. (1970) *Sobranie sochineniy v vos'mi tomakh* [Collected Works in 8 vols]. Vol. 8. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
5. Assman, A. (2016) *Novoe nedovol'stvo material'noy kul'turoy* [New dissatisfaction with material culture]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
6. Yelets City Administration. (n.d.) *Ustav gorodskogo okruga El'tsa* [Charter of Yelets urban district]. [Online] Available from: <https://elets-adm.ru/documents/ustav-goroda>. (Accessed: 20th January 2017).
7. Skiperskikh, A.V. (2013) *Politicheskii protest v sovremennoy rossiyskoy provintsii: struktura, dinamika, performansy (na primere Lipetskoy oblasti)* [Political protest in modern Russian province: Structure, dynamics, performances (a case study of Lipetsk region)]. Lipetsk: Gravis.
8. Gorbanevskaya, N. (2012) *Moy Milosh* [My Milos]. Moscow: Novoe izdatel'stvo.
9. Russian Liberal Heritage Fund. (2005) *Stakhovich Mikhail Aleksandrovich (1861–1923)* [Stakhovich Mikhail Alexandrovich (1861–1923)]. [Online] Available from: http://www.rusliberal.ru/10_09_2005.php. (Accessed: 20th January 2017).
10. Anon. (2016) “Eletsкая героиня” [A Heroine of Yelets]. *Krasnoe znamya (Elets)*. 14th July. pp. 2.
11. Anon. (2016) “Poteryali pamyat' . . .” [Lost Memory . . .]. *Krasnoe znamya (Elets)*. 21st July. pp. 3.
12. Anon. (n.d.) *V El'tse menyayut memorial'nye doski na stene byvshego monastyrja* [In Yelets, memorial plaques are changed on the wall of the former monastery]. [Online] Available from: <http://gorod48.ru/news/18422>. (Accessed: 20th January 2017).
13. Romanovskaya, E.V. (2010) Moris Khal'vbaks. Kul'turnye konteksty pamyati [Maurice Halbwachs. Cultural contexts of memory]. *Izvestiya Saratovskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika – Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*. 10(3). pp. 39–44.

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ И МЕТОДОЛОГИИ ИСТОРИИ

УДК 94(003):323(430)

DOI: 10.17223/19988613/47/18

С.Н. Синегубов, С.П. Шилов

РОССИЙСКИЕ ИЗДАНИЯ 1914–1917 гг. О ГЕРМАНИИ: ПОЛИТИКА И АНАЛИТИКА

Проанализированы наиболее значимые, «знаковые» публицистические работы отечественных и зарубежных «переводных» авторов по истории Германии, вышедшие в России в период Первой мировой войны. Показана основная проблематика изданий. Выявлено соотношение в работах так называемых политических и аналитических составляющих. Определена их соответствующая корреляция по мере того, как война подходила к концу, что дало основание разделить исследуемую литературу на две условные группы, в каждой из которых также была осуществлена собственная классификация. Раскрыта значимость изученных трудов для дальнейших изысканий по германской истории.

Ключевые слова: российская публицистика; история Германии; Первая мировая война.

Кайзеровская Германия с момента образования в 1871 г. по причине ее постоянно растущей роли в европейской и мировой политике стабильно приковывала к себе внимание не только российских государственных деятелей, но и исследователей, а также публицистов. Следует признать, что российская германистика была одной из самых «продвинутых» в Европе в годы, предшествовавшие Первой мировой войне. В 1914–1917 гг. «немецкая тема» в России в силу политико-военных обстоятельств стала еще более актуальной. Именно в эти годы сформировался достаточно большой пласт изданий по истории Германии, требующих анализа, оценки их научной ценности. Не секрет, что в кризисные периоды, к которым, несомненно, относится и военное время, на свет появляется много конъюнктурных политико-идеологических работ. Они достаточно быстро утрачивают свою значимость в связи с изменением ситуации. Напротив, аналитически содержательные сочинения сохраняют свою весомость и по прошествии десятилетий. Поэтому представляется необходимым провести своеобразное препарирование российских изданий по истории Германии, увидевших свет в 1914–1917 гг., и дать им оценку с точки зрения соотношения в них политики и аналитики.

Кроме того, их изучение позволяет охарактеризовать изменение отношения авторов работ к читательской аудитории по сравнению с предвоенным временем, когда пропагандистский акцент в такого рода изданиях не являлся доминирующим. Германия как страна и немцы в целом тогда воспринимались уважительно-корректно. В качестве иллюстрации данного тезиса можно привести, например, шестнадцатистраничный очерк под названием «Германия», выпущенный в 1914 г. издательством «Родное слово» [1]. Он был рас-

считан на самого непритязательного книгочеловека и давал информационно сжатое, но довольно насыщенное, по сравнению с другими подобными изданиями [2], историко-географическое и военно-политическое описание немецкого государства. При этом исторической составляющей отдавалось небольшое предпочтение, что, несомненно, служило благородному делу «просвещения народных масс» по части истории Германии. Даже у большевистских авторов, «клеивших всех и вся», до начала войны проявлялась почтительность к немецкому рабочему классу, который как никакой другой, как писал В. Майский, был проникнут «подлинным духом марксизма» и являлся образцом для рабочих других стран [3. С. 47].

В 1914–1917 гг. в России была издана не одна сотня книг, брошюр, статей, в которых так или иначе говорилось о кайзеровской Германии. В рамках небольшой статьи невозможно дать им исчерпывающую характеристику, поэтому авторы ограничились теми изданиями, которые были представлены в главном книгохранилище дореволюционного российского государства – Императорской Публичной библиотеке. В нее отправлялись все-таки «знаковые» труды, выпускавшиеся в Петрограде, Москве и ряде других крупных городов Российской империи. При их анализе, наряду с другими научно-историческими методами, широко применялся метод количественного и качественного контент-анализа. С его помощью было оценено соотношение политико-идеологического и аналитического материала не только с количественной точки зрения, но и с качественной, содержательно-смысловой, что находило отражение и в заключительной части любого проанализированного издания, где представлялись общие выводы исследования.

Начавшаяся официально 1 августа 1914 г. война между кайзеровской Германией и Россией неизбежно должна была повлиять на изменение имиджевых довоенных представлений обывателей о противоположной стороне. В сознание среднестатистического немца или россиянина нужно было срочно имплантировать образ врага, против которого надо было идти воевать. Причем не просто воевать, а воевать неистово, осознавая правоту собственного дела. Несомненно, что свою лепту в трансформацию мышления внесла публицистика, которая, используя доступную по форме речь, понятные образы, могла обращаться к достаточно широкой грамотной аудитории, убеждая ее в тех или иных идеях. Подобный опыт переформатирования народного понимания у немцев и русских в предвоенные годы был разным. Достаточно вспомнить успешную практику военно-морского ведомства А. Тирпица по превращению подданных II рейха из противников или нейтрально настроенных в чуть ли не самых ярких поборников строительства нового германского флота. Пожалуй, ни одна страна мира не могла похвастаться такими блестящими результатами, достигнутыми в рекордно короткие сроки [4. С. 8–14]. Понятно, что Россия находилась в иных политических, военных и социальных условиях, и у нее не было необходимости в такой острой форме напрягать «народный дух». Однако война 1914 г. требовала от российских властей «просвещать» читающую публику относительно истории Германии и давать ей пищу для размышлений.

Подогреваемые «ура-патриотическими» настроениями в российском обществе, особенно в первые два года «великой войны», авторы публикуемых работ выдерживали их преимущественно в политизированном духе. Как правило, это выражалось в резком разоблачении агрессивных планов кайзеровской Германии, что должно было особым образом подчеркнуть несправедливость войны немцев и, напротив, справедливость и правоту действий русских по защите своего Отечества. Написанные в таком духе труды образовали довольно большой пласт в российской публицистической историографии по германской тематике. Однако было бы неправильным все издания «обличительного жанра» сваливать, что называется, в одну кучу. Среди них тоже существовала определенная градация.

К первой условной группе относились работы, написанные российскими подданными. Их точный подсчет очень затруднителен, поскольку они издавались не только в Петрограде и Москве, но и далеко за их пределами, что называется, «до самых до окраин». Однако о них можно составить представление, проанализировав издания, хранящиеся в лучшем книжном хранилище страны – Императорской Публичной библиотеке. Характерной особенностью этих трудов было то, что в них очень популярно, доступно объяснялось, чего добивалась Германия, воюя с державами Антанты, и предопределялся бесславный крах ее далеко идущих планов. Причем подобного рода публи-

кации были политически актуальны на всех этапах войны – от 1914 до 1917 г.

Для сравнения можно взять работы Н.Я. Яковцова, Н. Гринякина и В. Кашкарова, увидевшие свет в 1914 г. Антинемецкая пафосность брошюр вполне объяснима. Страна и если не весь народ, то, во всяком случае, большая его часть испытывали подъем и эйфорию от начавшейся войны с германцами. Вильгельма II называли не иначе как «прусским Наполеоном» или «тираном Европы» [5. С. 11], тем самым лишняя раз акцентируя внимание на необходимости объединения всего «русского мира» на борьбу против коварного и опасного врага. В противном случае Россию ожидала бы незавидная судьба, вплоть до угрозы лишиться всех своих европейских владений [6. С. 12]. Вместе с тем немцы, начав войну против русских, как считали российские авторы, в действительности подписали сами себе смертный приговор [7].

Однако даже по прошествии нескольких лет, когда очевидным образом стали проявляться признаки усталости от военного противостояния, «обличительность» в публикуемых трудах не исчезла. Так, А. Зинковец, публикуя свои наблюдения о рассуждениях русских людей по поводу немцев и императора Вильгельма II, отмечал свободу мысли первых и, наоборот, забитость вторых. Иначе как, говорил он далее, можно слушать и восхищаться бредовыми речами кайзера о его особой богоизбранности и наместнической функции на Земле. Объяснение этому может быть только одно – немцы сейчас находятся в состоянии «нравственного регресса, отупения мысли» [8. С. 4]. Ему вторил С.Г. Лозинский, который объяснял, почему германская нация в едином порыве поддержала свою власть в стремлении к войне. Все дело, как полагал автор, в традиции. Вся история молодой Германской империи «материально и духовно связана с политикой насилия и грабежей...», а население, воспитанное в милитаристском духе и привыкшее к дисциплине и строгой организованности, не могло не содействовать всему этому [9. С. 18].

О том, что немцы являются нацией завоевателей, убедительно свидетельствовала специально сделанная подборка документов и высказываний, опубликованных в 1915 г. под названием «Так говорит Германия». Среди них немало и таких, которые раскрывали лживость немецких политиков, обосновывавших не только воинственный настрой своего государства, но и жестокость действий армии. Особенно «впечатляющими» выглядели речи кайзера Вильгельма II, который позиционировал себя чуть ли не единственным борцом за мир в Европе. Он, как это показывало издание, противостоял «коварным планам» Великобритании, Франции и России, якобы стремившихся уничтожить Германию [10. С. 84–85].

В качестве наглядного материала, дополнительно подтверждающего захватнические проекты правителей II рейха, в 1917 г. в России издали карту-план под названием «Чего хочет Германия?». Она была состав-

лена на основе высказываний известных немецких писателей, политических деятелей, т.е. людей, выражавших «мысли и чаяния немецкого народа» [11]. Нет никаких сомнений в том, что увиденное произвело впечатление на российского обывателя, потому что красным цветом, обозначающим будущие владения германского государства в случае его победы в войне, были закрашены вся Южная Америка, Куба, 2/3 Африки, большая часть Ближнего Востока, весь Китай, большие и малые острова в Тихом и Индийском океанах и, наконец, вся Северная, Центральная, Восточная и часть Западной Европы (за исключением Испании, Португалии и большей части Франции). Единственным успокоением для «шокированной» российской публики, хотя и относительным, могла послужить историческая ретроспектива В.А. Рубана, представленная им в 1916 г. [12]. Он доказывал, что немцы еще с «доисторических времен» периодически пытались установить свое владычество в мире, но ничего у них не получалось и, как убеждал автор своих читателей, не получится никогда.

В другую группу «обличительной» литературы вошли работы иностранных авторов, переведенные на русский язык. Вполне закономерно, что основу ее составили сочинения французов, англичан, голландцев и других представителей европейских наций, наиболее «пострадавших» от предвоенной политики кайзеровской Германии и ожидавших для себя самых катастрофических последствий в случае победы немцев в мировой войне. В этом отношении примечательной является работа под названием «Германия и война». Ее костяк составили статьи французского философа, члена французской академии Э. Бутру. Он предал огласке в 1914 и 1916 гг. в «Revue des Deux Mondes» свои философские размышления о разразившейся в Европе войне и немцах. Последним он давал уничижительные характеристики, используя, например, такие выражения: «Немец не стремится быть любимым: он предпочитает, чтобы его ненавидели, лишь бы боялись. Он ничего не имеет против, чтобы быть окруженным врагами; он испытывает чувство удовлетворения от того, что в сердце самой империи некоторые из поглощенных провинций не перестают протестовать против насилия, которое было совершено над ними. “Я” выделяется лишь путем противодействия. Немцу необходимы враги, чтобы поддерживать в том состоянии напряжения и борьбы, которые являются необходимым условием силы...» [13. С. 11].

Целую серию статей антинемецкого характера в «Русском архиве» опубликовал в годы Первой мировой войны «полуфранцуз, полурусский», как иногда его называли, известный ученый-археолог, историк, этнограф, культуролог барон Ж. де Бай. Он приехал в Россию по своим профессиональным делам в июле 1914 г. и оказался в своеобразной «вынужденной эмиграции» по причине начавшихся военных действий. Именно в этот затянувшийся «русский период» Ж. де Бай собрал уникальную коллекцию по истории Первой ми-

ровой войны и опубликовал работы, посвященные исторической миссии России в борьбе против германского агрессора, разоблачению действий германского правительства, кайзера Вильгельма II [14. С. 350–381; 15. С. 86–105; 16. С. 330–357; 17. С. 208–243; 18. С. 18–43; 19. С. 164–191].

В отличие от французских ученых, писавших о Германии нередко эмоционально-возбужденно, англичанин Крэмб спокойно и обстоятельно, если учитывать, что речь идет о материалах его лекций 1913 г., пытался определить культурно-исторические корни главного возможного военного противостояния – Англии и Германии. Являясь профессором Queens College в Лондоне, он много лет посвятил изучению немецкой истории и литературы. На основе собственных изысканий он пришел к выводу, что ярко выраженная в немецком обществе вражда к Англии обусловлена не просто завистью к престижу и преимуществам Британии, а тем, что она является препятствием для достижения «великого национального идеала», ради которого немцы готовы были не только работать, но если надо, то и сражаться [20. С. 95]. Поэтому перспектива большой войны рассматривалась Крэмбом в 1913 г. вполне реальной и, что самое главное, очень близкой.

Тему немецкого самосознания поднимал в своей работе голландец В.Я. фан дер Флит. Его сочинение было написано еще в 1909 г., но опубликовано в Петрограде в 1915 г., поскольку соответствовало общему антигерманскому настроению в российском обществе, в том числе и по вопросу о виновнике войны. Автор, разбираясь в причинах особой агрессивности немцев как нации, отмечал сильное воздействие на такое состояние националистических организаций. К наиболее значимым он относил «Всенемецкое движение» (Пангерманский союз). Сформированное в 1890 г. оно, по мнению В.Я. фан дер Флита, «является рупором современных немецких националистических течений и их знаменателем. Не разделяя утопических теорий идейного пангерманизма, считающегося с расовым родством немцев и скандинавских и англо-саксонских народностей, всенемецкое движение становится на более реальную почву и стремится главным образом к образованию сильного национально-немецкого оплота в Средней Европе и к привлечению рассеянных во всех частях света немецких элементов к одной общей национальной задаче» [21. С. 6]. Исходя из факта поддержки официальными властями Пангерманского союза, автор делал вывод о неизбежности скорой европейской войны по вине немцев с многочисленными человеческими жертвами.

Однако еще более убедительными в обоснованности тезиса об особой агрессивности Германии должны были выглядеть «изобличительные» сочинения самих немцев, которые отнюдь не выглядели сиротливо на фоне других иностранных публикаций в России. Здесь следует отметить «писание» обер-лейтенанта немецкой армии Г. Фробениуса, которое под несколько разными

названиями издавалось в 1914 и 1915 гг., но смысл оно имело один и тот же – Германская империя, начав войну, вступила в свой роковой час, решающий момент судьбы [22]. Не менее эмоционально, несмотря на почти трехсотстраничный объем, написана книга другого немца – Р. Греллинга. Однако пафосность несколько не мешала автору последовательно и достаточно убедительно раскрыть путь, которым шла Германия к войне. Автор привел интересные исторические факты, на основе которых он сформулировал 15 пунктов обвинения немецким властям, развязавшим войну в Европе [23. С. 167–168].

Особое место среди переводной иностранной литературы занимала книга бывшего рейхсканцлера Б. Бюлова «Державная Германия». Она стала достоянием общественности в 1915 г. Это солидное издание, насчитывающее более двухсот страниц. В нем аналитическая и политическая составляющие очень тесно переплетены. Однако последняя все-таки доминирует, что видно из представленных автором умозаключений. Если ограничиться только рассмотрением внешней политики немецкого государства в интерпретации Б. Бюлова, то можно отметить, что в целом она оценивается как триумфальная, поскольку за короткий промежуток времени Германия стала мировой державой в том числе благодаря быстрому развитию своего военно-морского флота. Его строительство вызвало сильное напряжение в отношениях с Англией, поэтому неудивительно, что автор уделял первостепенное внимание именно характеристике германо-британских отношений. Если не вдаваться в детали, так, как это делал отставной рейхсканцлер, то можно его устами сказать, что немцы уже были в том состоянии, когда они «могут заставить британцев считаться с их интересами», как это, например, проявилось в остром конфликте 1911 г. (Второй марокканский кризис). Вдумчивому читателю из книги становится ясным, что высший слой Германии через Б. Бюлова давал понять всему миру, что Германия готова к самым решительным действиям, чтобы обеспечить себе «место под солнцем», и она «...всегда стремится к достижению более великих целей...» [24. С. 239].

Другой большой пласт работ по истории Германии, изданных в России в годы Первой мировой войны, формируют сочинения, в которых соотношение между политикой и аналитикой несколько иное, чем в рассмотренной выше серии: аналитика в них преобладает. Одной из злободневных тем, рассматриваемых в тот период в российской публицистике, было изучение причин, по которым немцы превратились, как тогда говорили, в народ-рагуни с присущими для него такими качествами, как самоуверенность, грубость, наглость, развязность, бессердечность, высокомерие, пренебрежительное отношение ко всему чужому, воинственность. А.К. Дживелегов в работе «Немецкая культура и война» исследовал исторические корни преобразования немцев из «пасынков судьбы», каковыми они

были в XVIII и первой половине XIX в., в ее повелителей со второй половины XIX столетия. Причиной такой метаморфозы, как считал автор, стали победоносные войны Пруссии над Австрией и Францией. «А следовавшие вслед за войной успехи на экономическом поприще, – успехи, которым немец был обязан огромной трудоспособности и настоящему гению порядка, – вскружили ему голову еще больше. Он возомнил себя царем мира» [25. С. 58]. Чтобы удержать достигнутые позиции и еще более их укрепить, продолжал А.К. Дживелегов, немцы стали вооружаться и создали в Европе «кошмарную атмосферу милитаризма». Военщина стала составной и неотъемлемой частью жизни немецкого общества.

Однако печальным и для Германии, и для всех остальных стран стало то, что изменились мышление, культура в широком понимании этого слова не только обывателя, бюргера, но и лучшей части немецкой нации – научной, творческой интеллигенции. Об этом свидетельствовала книга под названием «Две культуры». В ней характеризовался так называемый «Манифест 93-х», подписанный известными германскими учеными, юристами, богословами, деятелями искусства, выступившими в защиту внешней агрессивной политики своего родного немецкого государства. Однако если в 1914 г., когда об этом воззвании стало впервые известно из информационных сообщений [26], его подробное содержание не раскрывалось, то в 1916 г. оно стало доступно публике. Теперь россияне могли наглядно убедиться в национализме немецких подписантов. В качестве примера можно привести заявление известного берлинского профессора А. Лассона, последователя философского учения Гегеля, о том, что «мы (немцы. – С.С., С.Ш.) морально и интеллектуально выше всех, мы не знаем себе подобных. Это верно и по отношению к нашим организациям и нашим учреждениям» [27. С. 77].

В.В. Чичибабина и И.В. Мусиенко попытались объяснить истоки этого «духа превосходства» у немцев. Они не без оснований считали, что значимый вклад в его формирование вносили воспитание и образование. Так, В.В. Чичибабина в общем обзоре политической, социальной, экономической истории Германии дала интересные зарисовки немецкой школьной системы. При этом автор отмечала, что иностранцев поражала не только обязательность обучения для всех детей, но и необычайная дисциплинированность во всех типах школ с нестандартным привитием обучающимся особой любви к родине и убеждения в том, «что интересы родины – Германии – должны стоять выше всего» [28. С. 25].

Однако внешняя строгость по отношению к учащимся далеко не всегда способствовала формированию положительных морально-нравственных качеств подданных германского государства. На этот аспект обратил внимание И.В. Мусиенко и констатировал, что по нравственным качествам немецкий народ «теперь не тот, что был в 1871 г.». Быстрый рост промышленно-

сти, торговли внес в общество разврат, распушенность, резкое падение религиозности, «грубость и животный эгоизм, а иногда и продажность — основной интерес простого народа. Вот почему им нужна ложь, грабежи, надо их поить эфиром и алкоголем пред сражением, где они смело идут в бой, когда численное превосходство на их стороне» [29. С. 30].

Правда, наблюдения, сделанные Н.Е. Румянцевым, когда он был в Германии в качестве гражданского военнопленного, несколько расходились с этими нелестными оценками. Представленные в его книге материалы интересны зарисовками из быта немцев во время войны, характеристиками отношений между людьми, властью и обществом. В целом автор положительно говорил о мобилизованном немецком обществе, о том, как оно худо-бедно, но справлялось с тяготами войны, в том числе и благодаря помощи со стороны государственных структур. Любовь немцев к своему государству, писал Н.Е. Румянцев, «бесконечно усиливает силу сопротивления коалиции европейских государств...» [30. С. 40]. В заключение он подчеркивал, что нашим российским властям есть чему поучиться у немцев в плане объединения общества перед внешним врагом и заботы государства о своих подданных.

Особую группу в российской литературе военного времени по истории Германии составляют работы, посвященные немецкому рабочему классу, разным аспектам его бытия, борьбы за свои экономические и политические права. Наиболее плодотворно на этой ниве поработали такие известные большевистские деятели, публицисты, как М. Лурье (Ю. Ларин), Г. Зиновьев, В. Майский. Их работы характеризуются фундаментальностью подхода к изучаемым вопросам, глубиной их проработки. Правда, в них, по сравнению с сочинениями довоенного времени, появляется больше критических нот. Говоря о положении рабочих Германии в 1914–1917 гг., М. Лурье фиксировал отсутствие какого-либо «бургфрида» в стране, т.е. классового перемирия, о котором громогласно заявил кайзер Вильгельм II в начале войны. С фактами в руках автор доказывал, что рост цен на продовольствие, инфляция значительно перекрывали рост заработной платы трудящихся. В ответ на такие действия властей волна стачек в Германии только росла, и страну после войны, как предсказывал автор, ожидают «громкие столкновения между трудом и капиталом» [31. С. 11].

В. Майский при характеристике германского рабочего класса отмечал его мелкобуржуазность. Она проявлялась в домашнем быте, наличии цеховых предрассудков, особом отношении к религии и т.д. Вместе с тем автор подчеркивал и особую, по-настоящему пролетарскую солидарность немецких рабочих в деле борьбы за классовые интересы [32. С. 12–13, 18]. Достойны внимания и суждения В. Майского об институте вожизма в социал-демократической партии, о том, как у немцев налажена работа по возвращению собственных политических лидеров. Наиболее критиче-

ской работой из так называемой «рабочей серии» российских публикаций является труд Г.Е. Зиновьева «Корни оборончества». В нем определяются причины оппортунизма в немецком социалистическом движении. На основе анализа событий 1871–1914 гг. автор пришел к заключению, что три фактора серьезным и негативным образом повлияли на германское рабочее движение и лучшую его часть — социал-демократическую партию: так называемые мелкобуржуазные попутчики, которые большим потоком хлынули в партию, разочаровавшись в буржуазных политических объединениях, рабочая бюрократия в лице оплачиваемых чиновников от партии и профсоюзов и рабочая аристократия. В результате действия указанных сил, констатирует автор, германский ревизионизм превратился в социал-шовинизм, пособника преступной внешней политики властей [33. С. 57–59].

Подводя итог краткому анализу российской публицистической литературы периода Первой мировой войны, посвященной истории Германии, можно сформулировать несколько выводов. Все издания этого жанра в зависимости от содержания материала и представленных выводов условно подразделяются на два вида — политические и аналитические. Так называемые «политические сочинения» доминировали в общем потоке изданий в первые два года войны, когда в российском обществе еще чувствовалось воодушевление, сильны были патриотические настроения. Эта группа литературы конвенционально включает в себя труды отечественных и зарубежных авторов, переведенных на русский язык по причине соответствия их официальной пророссийской трактовке причин мировой войны и определения ее главного виновника. В целом все работы посвящены разоблачению грабительских, агрессивных намерений кайзеровской Германии, возложению на нее ответственности за развязывание «мировой бойни». При этом нужно отметить, что, несмотря на доминирование политической составляющей, в них имеются и интересные наблюдения, ценные для современного исследователя истории кайзеровской Германии. Речь идет, например, о планах II рейха в войне, характеристике личности кайзера Вильгельма II, истоках, причинах воинственности «германского духа» в предвоенное время, особенностях взаимоотношений Германии с ведущими европейскими державами, прежде всего Великобританией.

Ко второму виду литературы по истории Германии относятся книги, где аналитика все-таки преобладала над политическим компонентом. В них ставились и рассматривались серьезные, конкретно исторические и даже философские проблемы — метаморфозы германской культуры (в широком и узком понимании этого слова), превратившейся одномоментно из идеала в предмет осуждения и обличения, изменения в германском рабочем классе, изучения причин, по которым он, будучи образцом «марксистского духа», вдруг перешел на позиции социал-шовинизма.

Несомненным достоинством всех рассмотренных работ является то, что они, пусть и в разной степени, содержат интереснейший фактический материал, который может быть использован в дальнейших исследованиях по отмеченным проблемам. Следует также констатировать, что даже в так называемых «политических сочинениях», не говоря уже об аналитических, прослеживается уважительное отношение к читательской аудитории. Работы были адресованы ее достаточно

образованной части. Их авторы даже в порыве «праведного негодования» стремились придерживаться реальных исторических фактов. Другое дело, что на их интерпретацию, несомненно, влияла политико-военная конъюнктура.

Наконец, рассмотренные издания могут служить определенной иллюстрацией изменения общественного мнения российского общества на отрезке времени 1914–1917 гг., инверсии читательских предпочтений по истории Германии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Германия. М. : Родное слово, 1914. 16 с.
2. Волжинский Г.И. Беседы с нижними чинами о ближайшей нашей соседке Германии. СПб., 1911.
3. Майский В. Как организованы рабочие в Германии. СПб. : Накануне, 1914. 48 с.
4. Синегубов С.Н., Шилов С.П. Военно-морская идея Германии в пропагандистской литературе конца XIX – начала XX вв. // Вестник Тюменского государственного университета. 2004. № 1. С. 8–14.
5. Гринякин Н.М. Мировая война за мир и свободу: религиозные размышления о настоящей войне. Пг. : В.М. Скворцов, 1914. 24 с.
6. Кашкаров В. На пороге великих событий (замыслы Германии и задачи России). М. : Тип. т-ва И.Д. Сытина, 1914. 79 с.
7. Якобсов Н.Я. Гибель немцев. Пг. : Тип. Манасевича, 1914. 8 с.
8. Зинковец А. «Германия, Германия выше всех...» Так ли? М. : Тип. акц. о-ва «Моск. изд-во», 1916. 8 с.
9. Лозинский С.Г. Воинствующая Германия. Петроград : Отечество, 1917. 20 с.
10. Так говорит Германия. Подлинные немецкие документы и изречения в германских замыслах и поступках. Пг. : Печатный труд, 1915. 136 с.
11. Чего хочет Германия. Ее планы о всемирном владычестве, выдвинутые выдающимися представителями политической мысли, указаны на прилагаемой красной краской и цифрами: сост. по заявлениям писателей и гос. людей. Пг. : Демократическая Россия, 1917.
12. Рубан В.А. Немцы со времен доисторических до наших дней. Могут ли они быть владыками мира. Харьков : Тип. «Печатник», 1916. 21 с.
13. Германия и война : сб. ст. выдающихся французских писателей / пер. с франц. М. Крит. Пг. : Т-во В.А. Березовский, 1917. 156 с.
14. Де Бай Ж. Размышления француза в его втором отечестве // Русский архив. 1914. Кн. 3, вып. 11. С. 350–381.
15. Де Бай Ж. Пруссификация Германии, ее история, цели, средства // Русский архив. 1915. Кн. 1, вып. 1. С. 86–105.
16. Де Бай Ж. Дело Вильгельма II // Русский архив. 1915. Кн. 1, вып. 2. С. 330–357.
17. Де Бай Ж. Мировой германский вопрос // Русский архив. 1915. Кн. 2, вып. 6. С. 208–243.
18. Де Бай Ж. Нравоучения войны // Русский архив. 1915. Кн. 3, вып. 9–10. С. 18–43.
19. Де Бай Ж. Освобождение или рабство. Их мировое владычество или упадок // Русский архив. 1916. Кн. 2, вып. 5–6. С. 164–191.
20. Крэмб. Германия и Англия : пер. с англ. Изд. 2-е. М. : Кн-во писателей в Москве, 1917. 120 с.
21. Флит В.Я. Всенемецкое движение как фактор Европейской войны. Пг. : Изд-во М-ва иностр. дел, 1915.
22. Фробениус Г. Решающий момент судьбы Германской империи. Пг. : Тип. т-ва «Грамотность», 1914. 71 с.
23. Греллинг Р. Обвиняю : сост. Германцем : перевод с нового французского издания, вполне поверенного и исправленного. Пг. : Н.П. Калбасников, 1917. 298 с.
24. Бюлов Б. Державная Германия. Обзор политических и государственных стремлений Германии за последнее десятилетие. Пг. ; М. : Освобождение, 1915. 239 с.
25. Дживелегов А.К. Немецкая культура и война. М. : Т-во И.Н. Кушнарев и К°, 1917. 63 с.
26. К культурному миру. Воззвание немецких ученых в защиту Германии. Пг. : Тип. Б.М. Вольфа, 1914. 3 с.
27. Две культуры. Пг. : Изд-во Б.С. Бычковского, 1916. 169 с.
28. Чичибабина В.В. Германия. М. : Печать т-ва И.Н. Кушнарев и К°, 1917. 44 с.
29. Мусиенко И.В. Германия перед войной (личные наблюдения). Одесса : Тип. С.Н. Скарлато, 1915. 36 с.
30. Румянцев Н.Е. Как живет Германия во время войны и чем она сильна (по личным воспоминаниям гражданского военнопленного). М. : Задруга, 1917. 45 с.
31. Ларин Ю. Стачки, дороговизна и заработки в Германии. Пг. : Социалист, 1917. 16 с.
32. Майский В. По рабочей Германии. Пг. : Центр. изд-во П.С.Р., 1917. 149 с.
33. Зиновьев Г.Е. Корни оборончества. Пг. : Петроград. Совет рабочих и солдатских депутатов, 1917. 62 с.

Sinegubov Stanislav N. The branch of Tyumen State University in the town Ishim (Ishim, Russia). E-mail: globus_75@inbox.ru ; *Shilov Sergey P.* The branch of Tyumen State University in the town Ishim (Ishim, Russia). E-mail: sshilov@mail.ru

THE RUSSIAN PERIODICALS OF 1914–1917 ABOUT GERMANY: POLITICS AND RESEARCH.

Keywords: Russian journalism; the history of Germany; the First World War.

During the World War I, for obvious reasons, the German theme was one of the “hot topics” for Russian journalism. It became the subject of a lot of works of various degrees of fundamentality – from small brochures to books of a few hundred pages. The analysis of the correlation of political and analytical elements makes it possible to trace the transformation of the “German problem” in the period from 1914 to 1917, to determine the most urgent issues, which the authors of so-called political and analytical publications drew attention to, to assess the significance of the information presented in these works for studies carried out by modern Russian Germanists. The analysis showed that the “political writings” dominated the general flow of publications in the first two years of the war, when Russian society still felt inspiration and patriotic sentiments were strong. This group of works included both the books by Russian and foreign authors. The latter were translated into Russian, as they corresponded to the official pro-Russian interpretation of the causes of the world war and the definition of its main culprit. These works were mainly devoted to exposing the predatory, aggressive intentions of Kaiser Germany. Due to the researchers it was responsible for unleashing the “world massacre”. Despite the dominance of the political component in these works, they provide interesting facts and observations that are of value to modern researchers of the history of Kaiser Germany. We are talking, for example, about the plans of the Second Reich in the war, the characterization of the personality of Kaiser Wilhelm II,

the sources, the reasons for the belligerence of the “German spirit” in the pre-war period, the peculiarities of Germany's relations with the leading European powers and, above all, with Great Britain. The second type of literature on the history of Germany formed books, where analytical elements prevailed over the political component. They dealt with serious, specifically historical and even philosophical problems – the metamorphosis of the German culture (in the broad and narrow sense of the word), which turned from moment to moment into an object of condemnation and denunciation, changes in the German working class, the study of the reasons for which it, being a model of “the Marxist spirit” suddenly switched to the positions of social chauvinism. One of the characteristic features of all the studies reviewed is that they, albeit to varying degrees, contain interesting factual material that can be used in further research on the problems noted. In addition, even in “political writings”, not to mention analytical ones, there is a respectful attitude toward the reader. The works were addressed to quite a well-educated part of readers. Their authors, even in the rush of “righteous indignation”, sought to adhere to real historical facts.

REFERENCES

1. Anon. (1914) *Germaniya* [Germany]. Moscow: Rodnoe slovo.
2. Volzhinskiy, G.I. (1911) *Besedy s nizhnimi chinami o blizhayshey nashey sosedke Germanii* [Conversations with the lower ranks about our closest neighbor Germany]. St. Petersburg: Imp. Uch[-shcha] glukhonykh.
3. Mayskiy, V. (1914) *Kak organizovany rabochie v Germanii* [How the workers are organised in Germany]. St. Petersburg: Nakanune.
4. Sineguзов, S.N. & Shilov, S.P. (2004) Voenno-morskaya ideya Germanii v propagandistskoy literature kontsa XIX – nachala XX vv. [The naval idea of Germany in the propaganda literature of the late 19th – early 20th centuries]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta*. 1. pp. 8–14.
5. Grinyakin, N.M. (1914) *Mirovaya vojna za mir i svobodu: relig. razmyshleniya o nastoyashchey voyne* [World War II for Peace and Freedom: Religion. Thinking about a real war]. Petrograd: V.M. Skvortsov.
6. Kashkarov, V. (1914) *Na poroge velikikh sobyitiy (zamyshly Germanii i zadachi Rossii)* [On the threshold of great events (the plans of Germany and the tasks of Russia)]. Moscow: I.D. Sytin.
7. Yakobsov, N.Ya. (1914) *Gibel' nemtsev* [The death of the Germans]. Petrograd: Manasevich.
8. Zinkovets, A. (1916) “*Germaniya, Germaniya vyshe vsekh... Tak li?*” [Germany, Germany is above all... Is it so?]. Moscow: Mosk. Izd-vo.
9. Lozinskiy, S.G. (1917) *Voinstvuyushchaya Germaniya* [Militant Germany]. Petrograd: Otechestvo.
10. Anon. (1915) *Tak govorit Germaniya. Podlinnye nemetskie dokumenty i izrecheniya v germanskikh zamyslakh i postupkakh* [That's what Germany says. Genuine German documents and sayings on German intentions and deeds]. Petrograd: Pechatnyy trud.
11. Anon. (1917) *Chego khochet Germaniya. Ee plany o vsemirnom vladychestve, vydayutye vydavushchimisya predstavitel'yami politicheskoy mysli, ukazany na prilagaemoy krasnoy kraskoy i tsiframi. Sost. po zayavleniyam pisateley i gos. lyudey* [What Germany wants. Its plans for world domination, put forward by prominent representatives of political thought, are indicated with red paint and figures]. Petrograd: Demokraticeskaya Rossiya.
12. Ruban, V.A. (1916) *Nemtsy so vremen doistoricheskikh do nashikh dney. Mogut li oni byt' vlad'yami mira* [The Germans from the prehistoric time to our days. Can they be the lords of the world]. Kharkov: Pechatnik.
13. Krit, M. (ed.) (1917) *Germaniya i vojna* [Germany and the war]. Translated from French. Moscow: Krit; Petrograd: T-vo V.A. Berezovskiy.
14. De Bai, J. (1914) Razmyshleniya frantsuza v ego vtorom otechestve [Reflections of a Frenchman on his second homeland]. *Russkiy arkhiv*. 3(11). pp. 350–381.
15. De Bai, J. (1915a) Prussifikatsiya Germanii, ee istoriya, tseli, sredstva [Prussification of Germany, its history, objectives, means]. *Russkiy arkhiv*. 1(1). pp. 86–105.
16. De Bai, J. (1915b) Delo Vil'gel'ma II [The Case of Wilhelm II]. *Russkiy arkhiv*. 1(2). pp. 330–357.
17. De Bai, J. (1915c) Mirovoy germanskiy vopros [World German Problem]. *Russkiy arkhiv*. 2(6). pp. 208–243.
18. De Bai, J. (1915d) Nravoucheniya voyny [Morality of War]. *Russkiy arkhiv*. 3(9–10). pp. 18–43.
19. De Bai, J. (1916) Osvobozhdenie ili rabstvo. Ikh mirovoe vladychestvo ili upadok [Liberation or slavery. Their world domination or decline]. *Russkiy arkhiv*. 2(5–6). pp. 164–191.
20. Cramb. (1917) *Germaniya i Angliya* [Germany and England]. Translated from English. 2nd ed. Moscow: Kn-vo pisateley v Moskve.
21. Flit, V.Ya. (1915) *Vsenemetskoe dvizhenie kak faktor Evropeyskoy voyny* [All-German movement as a factor of the European war]. Petrograd: Ministry of Foreign Affairs.
22. Frobenius, G. (1914) *Reshayushchiy moment sud'by Germanskoy imperii* [The decisive moment of the fate of the German Empire]. Petrograd: Gramotnost'.
23. Grelling, R. (1917) *Obvinyayu. Sost. Germantsem* [I blame. Written by a German]. Petrograd: N.P. Kalbasnikov.
24. Byulov, B. (1915) *Derzhavnaya Germaniya. Obzor politicheskikh i gosudarstvennykh stremleniy Germanii za poslednee desyatiletie* [Sovereign Germany. Review of political and state aspirations of Germany over the past decade]. Petrograd; Moscow: Osvobozhdenie.
25. Dzhivelegov, A.K. (1917) *Nemetskaya kul'tura i vojna* [German culture and war]. Moscow: I.N. Kushnarev i Ko.
26. Anon. (1914) *K kul'turnomu miru. Vozzvanie nemetskikh uchenykh v zashchitu Germanii* [To the cultural world. Appeal of German scientists in defense of Germany]. Petrograd: B.M. Volf.
27. Wundt, W. (1916) *Dve kul'tury* [Two cultures]. Petrograd: B.S. Bychkovsky.
28. Chichibabina, V.V. (1917) *Germaniya* [Germany]. Moscow: I.N. Kushnarev i Ko.
29. Musienko, I.V. (1915) *Germaniya pered voynoy (Lichnye nablyudeniya)* [Germany before the war (Personal observation)]. Odessa: S.N. Skarlato.
30. Rumyantsev, N.E. (1917) *Kak zhivet Germaniya vo vremena voyny i chem ona sil'na (Po lichnym vospominaniyam grazhdanskogo voennoplennogo)* [How Germany lives during the war and how strong it is (According to the personal memories of a civilian prisoner of war)]. Moscow: Zadruga.
31. Larin, Yu. (1917) *Stachki, dorogovizna i zarabotki v Germanii* [Strikes, high prices and earnings in Germany]. Petrograd: Sotsialist.
32. Mayskiy, V. (1917) *Po rabochey Germanii* [On the workers' Germany]. Petrograd: Tsentr. Iz-vo P.S.R.
33. Zinoviev, G.E. (1917) *Korni oboronchestva* [The roots of defensism]. Petrograd: Petrograd. Sov. rabochikh i soldatskikh deputatov.

УДК 261.7

DOI: 10.17223/19988613/47/19

Я.С. Мариненко, В.М. Мучник, О.В. Хазанов

КАЗУС PUSSY RIOT КАК ОТРАЖЕНИЕ ПРОЦЕССА АРХАИЗАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ

Объектом анализа послужил так называемый казус Pussy Riot и его соотношение с традиционной православной культурой. Христианская традиция глубоко перформативна, и панк-молебен девушек-феминисток отразил наложение нескольких пластов перформативности: традиционно православного, оппозиционно-модернистского и властного. Делается вывод о причине острой реакции власти и общественности, последовавшей за акцией «Богородица, Путина прогони!», а именно – публичность вторжения группы в сакральное пространство как на физическом уровне, через выступление на амвоне храма, так и вербально – через послыл, прозвучавший в тексте панк-молебна. Отмечается, что казус Pussy Riot стал важным триггером, обозначившим начавшийся с третьим президентским сроком Путина процесс архаизации общественного дискурса.

Ключевые слова: архаизация; перформанс; молебен; Pussy Riot; сакральное.

Пять лет прошло с того момента, когда на амвон Храма Христа Спасителя (ХХС) вошли дамы в неестественном для православного храма облачении и исполнили молебен, содержание которого далеко выходило за рамки традиционно православной литургии. Оценки рассматриваемой акции различны – от восторга до отвращения, от стремления подарить девушкам все премии мира до желания закидать их камнями. Есть и оценка судебного приговора: трем участницам Pussy Riot Хамовнический суд Москвы дал два года колонии общего режима по статье «Хулиганство по мотивам религиозной ненависти».

За этим решением последовали бурная реакция общества, дискуссия в СМИ и социальных сетях и, что немаловажно отметить, жесткая реакция власти, в частности президента нашего государства (прогнать которого девушки просили Богородицу в своем панк-молебне). Вот что говорил в интервью В.В. Путин после оглашения приговора участницам Pussy Riot: «На самом деле правильно, что их арестовали, и правильно сделали, что суд у нас такое решение принял. Потому что нельзя подрывать основы морали, нравственности, разрушать страну. Мы с чем останемся тогда?» Они «докатали до суда, а суд залепил им двучечку. Я здесь ни при чем. Они этого хотели, они это получили» [1].

Таким образом, девушки-участницы акции были осуждены на два года тюремного заключения, а сам казус по масштабу своего влияния на общественное сознание россиян превзошел все предшествовавшие ему схожие представления.

По прошествии некоторого времени каким образом можно оценить столь очевидно выбивающийся из общего ряда по произведенному им эффекту перформанс? Что такого произошло 21 февраля 2012 г. в стенах Храма Христа Спасителя, что в одночасье сделало известную лишь в достаточно узких культурных и оппозиционных кругах групп Pussy Riot всемирно известной?

Причин тому можно назвать много. Мы попытаемся взглянуть на эту проблему глазами историков. И в ка-

честве базовой предпосылки для анализа выдвинем тезис о драматичном столкновении в сакральном пространстве, каковым в глазах многих верующих и российской власти выступает Храм Христа Спасителя, трех моделей перформативности – традиционно православной, властной и оппозиционно-модернистской.

Под **перформативностью** в данном контексте следует понимать явление, при котором с помощью ритуалов и художественных жестов пространство выводится из состояния обыденности и у участников процесса создается ощущение причастности, коммуникации с сакральным.

Традиционная христианская культура (как и любая другая религиозная культура) глубоко перформативна. В широком смысле под понятием «перформанс» мы понимаем «выступление, исполнение, игру» (буквальный перевод) [2]. Согласно версии В. Турчина, перформанс – это «события, действия, процессы, где художник использует свое тело и тело своих коллег, костюмы, вещи и окружение, придавая каждой позе, жесту, положению в пространстве, контактам с предметами и средой символично-ритуальный характер» [3. С. 229]. Соответственно, православную литургию можно позиционировать как перформанс, где в роли «художника» выступает священнослужитель.

Опыт сакрального в процессе литургии формируется через определенным образом выстроенное действие, проводимое в рамках определенных ритуалов, заключенных в определенном, тоже сакрализованном, пространстве. Причем обратить внимание следует на то, что пространство сакрализуется непосредственно самими ритуалами, поскольку руководство ХХС предоставляет возможность использовать комплекс храма не только по его прямому назначению, т.е. для совершения богослужений. Это, в частности, послужило причиной выбора участниц рассматриваемой группы в качестве плацдарма для своей акции.

Российский религиозный деятель Андрей Кураев в 2012 г. относительно актов коммерции в Храме Христа

Спасителя пояснял, что данное здание представляет собой несколько уровней: «...непосредственно храм, в котором проводятся богослужения, а за его пределами – огромное количество различных помещений хозяйственного типа: гараж, трапезные залы и т.д. Кроме этого, хозяином всего этого комплекса является московская мэрия, а не патриархат, и распорядитель – некий общественный фонд Храма Христа Спасителя, в котором у Церкви нет решающего голоса. В этом комплексе есть возможность снимать помещения за деньги, и уже арендующая сторона будет отвечать за то, что там будет происходить. Церковь отчасти в этом заинтересована, так как большинство акций, которые там проходят, – хорошие. Однако в некоторых случаях арендаторы не соблюдают чувство веры. И тогда там уже происходит нечто, скорее напоминающее оргии, и это печально» [4].

В то же время в данном храме систематически проводятся богослужения, которые в наиболее важные для РПЦ религиозные праздники даже транслируются по федеральному каналу. И, соответственно, пространство главного храма страны сакрализуется с помощью проведения религиозных ритуалов, что помогает «снимать» проблему использования ХХС для иных целей.

С вторжением Pussy Riot с панк-молебном на амвон ХХС произошло наложение одного перформанса на другой. Точнее – на другие. В глазах всех участников и многих внешних наблюдателей это было сознательное разрушение сакрального в ортодоксальном его варианте и попытка заместить его новым способом сакрализации. Или – десакрализовать сакральное.

В сложившемся российском варианте «симфонии» власти и церкви перформанс в ХХС бил фактически по обоим институтам в глазах их официальных представителей. Месседж панк-молебна вторгся не только в перформанс церкви, но и в перформанс власти.

Это был вызов власти (и лично Путину) в достаточной, как выяснилось впоследствии, эффективной форме, поскольку власть Путина в России весьма сакрализована. Сам Владимир Владимирович придает ритуалу чрезвычайно большое значение, причем в этом ритуале важно отсутствие «посторонних», тех, кого он не желает допускать в создаваемое им «сакральное пространство» своей власти. Великолепный пример тому – проезд инаугурационного кортежа по пустой Москве в мае 2012 г.

Таким образом, одной из причин столь болезненной и острой реакции, последовавшей за панк-молебном Pussy Riot «Богородица, Путина прогони!», стало **публичное** вторжение феминисток в сакральное пространство Путина, что вызвало нескрываемый гнев.

Важно также отметить, что казус Pussy Riot стал важным триггером, обозначившим начавшийся с третьим президентским сроком Путина процесс архаизации общественного дискурса. То, что обвинительное заключение по делу содержало ссылки на решения Трульского (VII в.) и Лаодикийского (IV в.) соборов,

выглядело, конечно, как абсурдная деталь, дававшая повод для злых шуток. Однако по сути это было лишь одним из маячков глубинного и достаточно серьезного процесса архаизации общественного сознания, определенно набравшего силу в России за последние годы. Он проявляется по-разному: это и постоянные апелляции власти к «духовным скрепам», и поиски ею все новых «сакральных мест», и законы об «оскорблении чувств», которые уже дают работу судам, и «мироточение» разнообразных неживых объектов, которое становится предметом общественного обсуждения, и вытеснение в нынешнем дискурсе власти разговоров о реформах концептом «славного прошлого». Признаков архаизации много. И неверно рассматривать ее только как манипулятивную стратегию власти. Как кажется, речь идет о серьезном срыве общественного сознания, реагирующего таким образом на стресс постсоветского транзита. Явление, впрочем, не специфически постсоветское, а универсальное в условиях исторических кризисов. Примечательно, что и в этом смысле панк-молебен Pussy Riot сумел угодить в важную и болезненную точку и ярко обнажить наметившуюся тенденцию общественного сознания.

Обычно понятие «перформанс» напрямую ассоциируется с жестами современного искусства и воспринимается как культурный феномен. Однако очевидно, что явление перформативности не уникально, в какой-то мере традиционно и применимо по отношению ко многим аспектам нашей действительности: т.е. перформативны не только акционизм, но и религия, и государственная власть. В казусе Pussy Riot эти поля перформативности наложились друг на друга.

Следует обратить внимание также на то, что христианский перформатив содержит в себе иногда скрытые, но очень часто эксплицитные императивные коннотации, что парадоксальным образом сближает его с уходящим в архаику магическим действием [5]. И уже поэтому перформанс PR для верующего человека выглядит как «акт магического заклинания», произнесенного в рамках «сакрального пространства», обладающий по своим последствиям «мощнейшим воздействием на Высшую Реальность».

Девушки пришли в конкретное место, которое можно рассматривать как символ слияния государственной и церковной власти, и исполнили не что иное, как молебен. В этом молебне они также изложили вполне конкретный «месседж» – просьбу прогнать на тот момент еще не избранного на новый срок президента. Очень мало подобных акций имели настолько масштабный общественный резонанс. Перформанс Pussy Riot был совершен в некотором смысле «в нужное время и в нужном месте», срезонировав, во-первых, с перформативной православной культурой, а во-вторых – с образом концентрированной «сакральной власти» в стране, не менее трепетно относящейся к перформативным ритуалам своей презентации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Путин о Pussy Riot: «Суд залепил им двучечку. Я здесь ни при чем». URL: http://newizv.ru/news/society/07-10-2012/170998-putin-o-pussy-riot-sud-zalepil-im-dvushechku-ja-zdes-ni-pri-chem.html?format=html&slug_for_redirect=lenta%2F2012-10-07%2F170998-putin-o-pussy-riot-sud-zalepil-im-dvushechku-ja-zdes-ni-pri-chem (дата обращения: 31.03.2017).
2. Перформанс / Живопись. Краткий словарь терминов. URL: <http://www.bibliotekar.ru/slovarZhivopis/145.htm> (дата обращения: 31.03.2017).
3. Турчин В.С. По лабиринтам авангарда. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1993.
4. Отец Андрей о коммерции в Храме Христа Спасителя. URL: <http://www.youtube.com/watch?v=WYs4a3RPykk> (дата обращения: 31.03.2017).
5. Прилуцкий А.М. Проявления перформативности в религиозных и суеверных ритуальных текстах. URL: <https://m.cyberleninka.ru/article/n/proyavleniya-performativnosti-v-religioznyh-i-suevernyh-ritualnyh-tekstah> (дата обращения: 31.03.2017).

Marinenko Yana S. Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: janemarin@mail.ru; Muchnik Victor M. Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: victor@tv2.tomsk.ru; Khazanov Oleg V. Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: klio1@yandex.ru

THE CASE OF PUSSEY RIOT AS A REFLECTION OF THE PROCESS OF ARCHAIZATION OF RUSSIAN PUBLIC CONSCIOUSNESS.

Keywords: archaization; performance; prayer; Pussy Riot; sacredness.

The aim of the submitted article – to reveal the reasons and manifestations of process of archaization in the Russian public consciousness which was reflected in an example of reaction to an incident of Pussy Riot. One of problematic questions on which authors give the answer in this research sounds as follows. What occurred on February 21, 2012 in the Cathedral of Christ the Saviour what instantly made the Pussy Riot band world famous (though initially it was known only in narrow cultural and oppositional societies)? For the solution of the problem the authors marked the following tasks. It is necessary to define features of elements of desacralization in the stock “The Virgin Mary, Banish Putin!”. For this it is important to allocate performativity models which dramatically “faced” within an incident of Pussy Riot by means of a punk prayer of feminist girls. Also it is necessary to pay attention to features of formation of sacral space directly in the main temple of the country where an incident occurred on February 21. The reflection on concrete examples of process of an archaization of the Russian public discourse, taken the brightest and radical forms with the third presidential term of V.V. Putin will become one of the main tasks of this article. The punk prayer of Pussy Riot and reaction of the government, church and society became the source base for the study. During the conducted research authors came to a conclusion about dramatic collision in sacral space as which in the opinion of many believers and the Russian power the Cathedral of Christ the Saviour, three models of a performativity – traditionally Orthodox, domineering and opposition-modern. Obviously, the message of a punk prayer interfered not only in a performance of church, but also in a performance of the power. Authors note that the incident of Pussy Riot became of as the important trigger which designated the process of an archaization of a public discourse which began with the third presidential term of Putin. The authors provide specific examples of trends archaism, which is reflected in the Russian society. That is: a constant appeal to the authorities to “spiritual scrapie” and the quest for the all-new “sacred places”. The laws on “insult the feelings” (which give the work of the courts). “The myrrh-streaming” diverse inanimate objects which becomes a subject of public discussion. The substitution in modern discourse the power of talk about reform, explaining that the concept of the “great glorious past”. In this case we are talking about serious disruption of public consciousness that reacts this way to stress the post-Soviet transit. The authors note that the phenomenon is not specifically post-Soviet, because it is universal in terms of the historical crises. And interestingly, in this sense punk-prayer Pussy Riot was able to get in an important and painful point and to show clearly the trend of public consciousness.

REFERENCES

1. Putin, V.V. (2012) *Putin o Pussy Riot: “Sud zalepil im dvushechku. Ya zdes' ni pri chem”* [“The judge gave them two year imprisonment. I have nothing to do with it”]. [Online] Available from: http://newizv.ru/news/society/07-10-2012/170998-putin-o-pussy-riot-sud-zalepil-im-dvushechku-ja-zdes-ni-pri-chem.html?format=html&slug_for_redirect=lenta%2F2012-10-07%2F170998-putin-o-pussy-riot-sud-zalepil-im-dvushechku-ja-zdes-ni-pri-chem. (Accessed: 31st March 2017).
2. Bibliotekar. ru. (n.d.) *Zhivopis'. Kratkiy slovar' terminov* [Painting. A brief glossary of terms]. [Online] Available from: <http://www.bibliotekar.ru/slovarZhivopis/145.htm>. (Accessed: 31st March 2017).
3. Turchin, V.S. (1993) *Po labirintam avangarda* [In the labyrinths of the avant-garde]. Moscow: Moscow State University.
4. Youtube.com. (n.d.) *Otets Andrey o kommersii v Khrame Khrista Spasitelya* [Father Andrew on commerce in the Cathedral of Christ the Savior]. [Online] Available from: <http://www.youtube.com/watch?v=WYs4a3RPykk>. (Accessed: 31st March 2017).
5. Prilutskiy, A.M. (n.d.) *Proyavleniya performativnosti v religioznykh i suevernykh ritual'nykh tekstakh* [Performativity in religious and superstitious ritual texts]. [Online] Available from: <https://m.cyberleninka.ru/article/n/proyavleniya-performativnosti-v-religioznyh-i-suevernyh-ritualnyh-tekstah>. (Accessed: 31st March 2017).

РЕЦЕНЗИИ И НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

УДК 94(47)

DOI: 10.17223/19988613/47/20

В.П. Бойко

РЕЦЕНЗИЯ : КОМЛЕВА Е.В. ИЗ НАСЛЕДИЯ КРАСНОЯРСКИХ КУПЦОВ ЛАРИОНОВЫХ. ВЫП. 1 : ПИСЬМА КОНЦА XVIII – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX в. НОВОСИБИРСК : АКАДЕМИЗДАТ, 2016. 324 с.

Отрадно, что к числу опубликованных источников личного происхождения по истории сибирского купечества добавилась книга, составленная известным новосибирским исследователем Е.В. Комлевой. Широкому кругу профессиональных историков и любителей-краеведов стал доступен еще один ценный документ об историческом прошлом Сибири в целом и сибирском купечестве в частности. Перед читателем предстает картина мира, написанная с помощью информации из десятков деловых и частных писем, и прорисовывается непростая ситуация, в которой приходилось действовать сибирским предпринимателям. Много внимания в них уделяется и самой коммерческой деятельности, благодаря которой через упорный и систематический труд формировались даже небольшие купеческие капиталы. Процесс обогащения предстает не как счастливый случай и не как преступление, но как процесс преодоления различных препятствий, когда обстоятельства складываются не в пользу предпринимателя, когда капитал рос «не благодаря», а «вопреки» окружающей обстановке.

Книга Е.В. Комлевой состоит из трех частей. В первой части помещен пространный очерк о главном объекте исследования – П.Ф. Ларионове, его происхождении, семье, хозяйстве и образе жизни, наследниках и о размере оставленного им наследия не только в виде капиталов и недвижимости, но и в виде деловой и частной переписки (С. 3–103). Во второй части содержится деловая переписка Ларионовых, преимущественно письма от П.Ф. Ларионова (в черновиках и копиях) и к нему (С. 104–258). В третьей части опубликованы семейные письма из коллекции Ларионовых, расположенные в хронологическом порядке (С. 259–299). В целом структура и содержание книги дает цельное представление об изучаемом объекте как со стороны характеристики личных качеств купца Ларионова, так и со стороны характеристики сибирского купечества в целом, его социально-психологических черт и ментальных качеств. Книгу украсили многочисленные иллюстрации видов сибирских городов, современные фотографии памятников архитектуры Красноярска, ксерокопии писем, деловых счетов и списков товаров,

которые представлены в хорошей сохранности и легко читаются современными исследователями. Завершается публикация писем 1828 г., что дает надежду увидеть продолжение рецензируемой книги. Об этом говорит и ее подзаголовок: «Вып. 1: Письма конца XVIII – первой трети XIX в.». Будем с нетерпением ждать продолжение издания этого ценного и уникального памятника старины, который чудом сохранился в Красноярском краеведческом музее, хотя сами дарители, потомки купцов Ларионовых, в 1921 г. были арестованы (С. 92) и, вероятно, сгинули без следа в недрах советского ГУЛАГа.

Читатель не сразу поймет, что вынесенная на обложку фотография каменных ворот и фигурной каменной стены с облупившейся штукатуркой и выглядывающей из-под нее добротной каменной кладкой, является частью родовой усадьбы купцов Ларионовых, чудом сохранившейся с начала XIX в. до наших дней по ул. Благовещенской (ул. Ленина, 3) в самом центре Красноярска (С. 44). Другие сибирские города такие постройки во множестве потеряли, причем они исчезли не только от ветхости, но и от злого умысла и глупости местных властей. Например, в Томске в начале 1970-х гг. в центре города взорвали старинный Гостинный двор, в то время как в Тобольске и Красноярске там мудро (или вынужденно) разместили местные архивы, где многим историкам старшего и среднего поколения посчастливилось работать, пользуясь услугами неизменно скромных и эрудированных служителей этих архивов. Возможно, и в других городах Сибири сохранили памятники архитектуры подобным образом, но их насчитываются единицы, в то время как количество уничтоженных и утерянных памятников исчисляется сотнями и, может быть, тысячами объектов. Самое страшное, что процесс уничтожения продолжается и в наши дни, когда возможности их сохранения и реставрации значительно шире, чем были прежде.

К числу изданных в последнее время купеческих мемуаров следует, вероятно, отнести и «Записки» купца С.Ф. Хромова, которые кроме описания жизни и подвигов обожаемого автором записок старца Федора Кузьмича содержат немало оригинальных сведений о

предпринимательстве и образе жизни купца средней руки, описывают его мировоззрение, круг чтения, жилье, питание, поездки по Сибири и городам России, включая столичный Петербург, болезни мужчин и женщин того времени и способы их излечения и многое другое, что делает «Краткое жизнеописание великого старца Феодора Козьмича. Из записок купца Семена Феофановича Хромова» (Томск : Изд-во ТГАСУ, 2015. 252 с.) весьма ценным источником. Другое дело, что скудость средств, отпускаемых ныне на гуманитарные науки, позволили издать эту книгу ничтожным тиражом, хотя спрос на нее среди читающей публики довольно высокий. Имя известного в Томске и Барнауле протоиерея Созонта Куртукова не раз встречается в переписке красноярских купцов Ларионовых. Но это имя есть и в других письмах и записках сибирских жителей, в частности в «Записках» томского чиновника А.М. Горохова, отца знаменитого томского чиновника и золотопромышленника Философа Горохова, которые уже подготовлены к печати и, надеюсь, в скором времени выйдут в свет.

В заключение отметим исключительно высокую эрудированность автора рецензируемой книги в сибирской истории, в родословной многих купеческих родов, в истоках возникновения и пополнения их купеческих капиталов. Благодарю Е.В. Комлеву за существенное уточнение времени смерти крупнейшего томского купца П.Ф. Шумилова, почерпнутое из письма томского старожила М.И. Быкова, отправленного в Красноярск П.Ф. Ларионову в ноябре 1814 г. (С. 59, 139). Следует признать, что выводы во вступительной статье Е.В. Комлевой перекликаются с выводами, сделанными большинством историков сибирского купечества в своих трудах, несмотря на то что некоторые из них вполне самостоятельны и оригинальны, хотя и требуют дальнейшей разработки. К их числу я отнесу следующие сведения: религиозное мироощущение пронизывало все стороны жизни нескольких поколений купцов; наблюдалась трогательная забота не только о своих родственниках, но и о хороших знакомых; публикация новых документов «в совокупности расширяет существующие представления об истории повседневности дореформенного сибирского города» (С. 62).

Boyko Vladimir P. Tomsk State University of Architecture and Building (Tomsk, Russia). E-mail: vpbojko@yandex.ru

REVIEW: KOMLEVA E.V. FROM THE LEGACY OF KRASNOYARSK MERCHANTS LARIONOV. ISSUE. 1: LETTERS FROM THE END OF THE XVIII – THE FIRST THIRD OF THE XIXTH CENTURY. NOVOSIBIRSK : AKADEMIZDAT, 2016. 324 p.

УДК 316.3(571.1/.5)

DOI: 10.17223/19988613/47/21

Т.А. Гончарова, М.П. Чёрная

РЕЦЕНЗИЯ : КУЧИНСКИЙ А. СИБИРЬ: 400 ЛЕТ ПОЛЬСКОЙ ДИАСПОРЫ. ССЫЛКИ, МУЧЕНИЧЕСТВО И ЗАСЛУГИ ПОЛЯКОВ В ОСВОЕНИИ СИБИРИ. ИСТОРИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ. АНТОЛОГИЯ. М. : МИК, 2015. 736 с.

В 1993 г. в Польше вышла в свет монография А. Кучиньского «Четыреста лет польской диаспоры» (*Syberia. Czteryście lat polskiej diaspory. Antologia historyczno-kulturowa. Wrocław-Warszawa-Kraków, 1993*), став заметным явлением не только в польской, но и в российской историографии. Работа дважды переиздавалась – в 2007 и 2015 гг. (*Kuczyński Antoni. Syberia. 400 lat polskiej diaspory. Zesłania, martyrologia i sukces cywilizacyjny Polaków. Rys historyczny, antologia. Kraków : Kubajak, 2007. 544 s.; Kuczyński A. Syberia. 400 lat polskiej diaspory. Wrocław : Kubajak, 2015. 694 s.*). Третье издание отличается от двух первых не только объемом, но и жанровой многоплановостью [1. С. 116].

Долгие годы научной жизни А. Кучиньского связаны с темой поляков в Сибири. Антоний Кучиньский сам испытал гнёт репрессивной машины будучи на долгие годы отлучённым от научной работы. Поэтому всё, им написанное, вызывает доверие и признательность [2].

В 2015 г. монография А. Кучиньского вышла на русском языке (*Сибирь: 400 лет польской диаспоры. Ссылки, мученичество и заслуги поляков в освоении Сибири. Исторические очерки. Антология. М. : МИК, 2015. 736 с.*), что стало долгожданным событием не только для научного сообщества, но и для сибирской Полонии.

Во вводной части поднимается широкий круг вопросов, обращение к которым важно для понимания авторского замысла. В частности, представлены современная историография по российской Полонии (С. 18–19), размышления об этнической идентичности поляков. Автор ставит сложную задачу показать двойственную роль Сибири в истории поляков, с одной стороны, ставшей местом ссылки, с другой – местом самореализации, а для кого-то и новой родиной.

В первой части «Четыреста лет польской диаспоры. Судьбы ссыльных» автор прослеживает процесс формирования польской диаспоры в Сибири с XVI по XX в., обращаясь к истории польских общин в разных сибирских городах и к истории отдельных польских семей. На разном историческом фоне перед читателем предстают образы служилых людей, ссыльных, добровольных переселенцев, депортированных.

Уже в первой части А. Кучиньский подчеркивает ценность мемуаров польских ссыльных, акцентируя внимание на том, что они лишены тенденциозных искажений, достоверны и честны (С. 132). Хотя чуть позже

об одном из воспоминаний автор скажет: «Эти слова... не совсем справедливы» (С. 145).

Обращаясь к XVI–XVII вв., когда первые волны поляков, плененных в ходе польско-русских войн, докатываются до Сибири, автор подчеркивает, что «литвины», как тогда называли пленных поляков, вписались в историю открытия и экономического освоения края. Более высокий уровень культуры и развития помог многим выдвинуться и стать во главе стрелецко-казачьей массы, занять различные административные и военные должности, получить дворянство, попав в число «боярских детей», наконец, получить высший пост, став воеводой, например П. Хмелевский – воевода Енисейска, Вындомский – воевода Илимска. При том что ссыльные совершали групповые и индивидуальные побег, бунты и заговоры, как, например, раскрытый томский заговор 1634 г., в Сибири всегда оставались поляки, даже после указов, позволявших вернуться на родину. Те, кто освоился на новой земле, трудом и сметливостью обеспечил себя, «челом били, чтобы им позволено было остаться на царской службе». Многие после разрешения вернуться в родные края остались навсегда в «приемной» отчизне и абсолютно обрусели, а в наследство от дедов и прадедов сохранились только польские фамилии и смутные воспоминания о предке – «польском герое». «Таких потомков поляков и польских фамилий множество, и в Сибири их везде можно встретить» (С. 38–99). Вот и предок одного из авторов настоящей рецензии А. Водзинский – участник январского восстания 1863 г., память о котором передавалась в семье из поколения в поколение.

Отдельные сюжеты довольно скромны по объему, что, однако, не умаляет их значения, поскольку автор ставит задачу для дальнейших научных изысканий. Например, это касается роли поляков в российской армии: «Следует надеяться, что эта проблематика... еще долго будет привлекать внимание исследователей» (С. 158). Нельзя не отметить, что российские ученые, в частности Р.В. Оплаканская, активно разрабатывают это направление.

Во второй части «Антологии» собраны воспоминания поляков о Сибири с конца XVIII до середины XX в. 29 воспоминаний людей разного происхождения, образования (священнослужители, ученые, врачи, рабочие), в судьбе которых Сибирь оставила неизгладимый след. В жанровом отношении воспоминания весьма разнообразны: письма Ю. Калиновского (С. 358–378), полевые этнографические дневники Б. Дыбовского (С. 322–340) и

Б. Пилсудского (С. 467–481). Воспоминания литератора и путешественника Л. Немоёвского наполнены яркими художественными образами (С. 378–393), не говоря уже о сибирских новеллах А. Шиманского (С. 447–459).

В воспоминаниях содержатся не только сведения, относящиеся непосредственно к самой ссылке, но и богатейший материал по истории и этнографии Сибири. Как ранее отметили специалисты, достоинством авторского замысла является популяризация богатого мемурного наследия «польских сибиряков» [1. С. 116–117].

Третья часть «Спасти от забвения. Вклад поляков в освоение и развитие Сибири. Воспоминания и биографии» посвящена полякам, в судьбе которых Сибирь стала местом приложения их знаний, умений, творческой энергии. Среди сибирских городов автор выбирает Томск для более детального представления. Затрагивается история появления поляков в городе. В центре внимания оказались известные в Томске имена: Оржешко, Зеленецкий. Страницы монографии пестрят не только именами, а судьбами: поляки обзаводились семьями, получали образование, строили, преподавали, лечили, управляли, занимались бизнесом. По сути, автор показывает, как они обретали еще одну идентичность – региональную – томиши. Таким образом, Томск становится призмой, сквозь которую формируется представление о поляках и в других сибирских городах.

Как настоящий поляк А. Кучинский верит в национальное возрождение сибирских поляков и, приводя численность на 1989 г., подчеркивает, что данные не отражают реальной численности польской диаспоры (С. 629). С сожалением стоит констатировать, что ожидаемого усиления этнического самосознания не произошло и снижение численности поляков в томском регионе продолжается.

Сменив географический принцип на профессиональный, автор выделяет отдельные сферы, выявляя роль поляков в строительстве Транссибирской магистрали, медицине, сельском хозяйстве, промышленности, обра-

зовании, искусстве, литературе и т.д. Особо отмечены достижения в научной сфере, где автор обратился к известным исследователям Якутии, Сахалина, бассейна Амура – Э. Пекарскому, В. Серошевскому, Б. Пилсудскому.

В монографии А. Кучинскому, с одной стороны, удалось представить некий коллективный портрет сибирских поляков, с другой – внимание к деталям биографий позволило увидеть многообразие судеб.

В завершении дан общий обзор польских организаций, действующих в Сибири, а также представлены современные аспекты сотрудничества, прежде всего в научной сфере.

Монография богата иллюстративным материалом – карты, фотографии, выдержки из различных документов, снабжена именным указателем. Особо следует отметить вклад редактора русскоязычного издания книги И.В. Обуховой-Зелинской, заслуга которой не только в научной и литературной обработке текста, но и в большой организационной подготовке, благодаря чему третье издание увидело свет.

Многоплановость представленной монографии является ее безусловным достоинством. Самое важное, что Сибирь предстает неразрывной частью истории Польши, связанной не только с мученическим путем ссыльных, но и с участием поляков в развитии экономики и культуры в регионе. Как написано в предисловии профессором А. Стельмаховским, книга А. Кучинского знакомит польскую общественность с обширным и безмерно интересным краем и прежде всего – с живущими здесь людьми, она позволяет отрешиться от стереотипного взгляда на Сибирь как край ужаса. Действительно, «без знания корней образ Сибири был бы неполон и не понят до конца» (С. 9–11). Монография заполняет некоторые лакуны в исторической картине и отражает участие в сибирской жизни поляков, которые, совместно с другими народами, и прежде всего русским, трудились над преобразованием и развитием Сибири.

ЛИТЕРАТУРА

1. Недзельюк Т.Г. Kuczyński A. Syberia. 400 lat polskiej diaspory. Wrocław : Kubajak, 2015. 694 s. // Гуманитарные науки в Сибири. 2015. № 4. С. 116–117.
2. Латышев В.М. Antoni Kuczyński. Syberia. 400 lat polskiej diaspory. Zesłania, martyrologia i sukces cywilizacyjny Polaków. Rys historyczny antologia. Kraków : Kubajak, 2007. 544 s. URL: <http://www.icrap.org/ru/latyshev12-2.html> (дата обращения: 05.12.2016).

Goncharova Tatyana A. Tomsk State Pedagogical University (Tomsk, Russia). E-mail: gta.76@mail.ru; Chernaya Mariya P. Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: mariakreml@mail.ru

REVIEW : KUTCHINSKY A. SIBERIA: 400 YEARS OF THE POLISH DIASPORA. EXILES, MARTYRDOM THE MERITS OF THE POLES IN THE DEVELOPMENT OF SIBERIA. HISTORICAL ESSAYS. ANTHOLOGY. MOSCOW, 2015. 736 p.

REFERENCES

1. Nedzelyuk, T.G. (2015) Kuczyński, A. Syberia. 400 lat polskiej diaspory. Wrocław: Wydawnictwo "Kubajak", 2015. 694 s. [Kuczyński A. Siberia. 400 years of Polish Diaspora. Wrocław: Wydawnictwo "Kubajak", 2015. 694 p.]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri – Humanitarian Sciences in Siberia*. 4. pp. 116–117.
2. Latyshev, V.M. (2007) Antoni Kuczyński. Syberia. 400 lat polskiej diaspory. Zesłania, martyrologia i sukces cywilizacyjny Polaków. Rys historyczny antologia. Kraków: wydawnictwo "Kubajak", 2007. 544 s. [Antoni Kuczynski. Siberia. 400 years of Polish Diaspora. Posts, martyrdom and civilization success of Poles. Historical Anthology. Krakow: Kubajak, 2007. 544 p.]. [Online] Available from: <http://www.icrap.org/ru/latyshev12-2.html>. (Accessed: 5th December 2016).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АНДРЕЕНКОВ Сергей Николаевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора аграрной истории Института истории Сибирского отделения Российской академии наук (г. Новосибирск). E-mail: andreenkov_sn@mail.ru

АРХАНГЕЛЬСКАЯ Лариса Васильевна, соискатель кафедры истории России исторического факультета Уральского федерального университета (г. Екатеринбург). E-mail: arhangellar@gmail.com

БАКАНОВ Сергей Алексеевич, доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории России и зарубежных стран Челябинского государственного университета. E-mail: bakanov-s@mail.ru

БОЙКО Владимир Петрович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России и политологии Томского государственного архитектурно-строительного университета. E-mail: vpbojko@yandex.ru

ВАСИЛЬЕВА Светлана Анатольевна, кандидат исторических наук, доцент, заместитель начальника кафедры философии и истории Академии права и управления Федеральной службы исполнения наказаний (г. Рязань). E-mail: Vasi-svetlana@yandex.ru

ВОДЯСОВ Евгений Вячеславович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник лаборатории социально-антропологических исследований Томского государственного университета. E-mail: vodiasov_ev@mail.ru

ВОЙТОВИЧ Надежда Николаевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Украины и экономической теории Львовского национального университета ветеринарной медицины и биотехнологий им. С.З. Гжицкого (Украина). E-mail: wojtovych@ukr.net

ГОНЧАРОВА Татьяна Александровна, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры всеобщей истории Томского государственного педагогического университета. E-mail: gta.76@mail.ru

ЗАЙЦЕВА Ольга Викторовна, кандидат исторических наук, заведующий лабораторией междисциплинарных археологических исследований «Артефакт» Томского государственного университета. E-mail: snogi76@mail.ru

КИРИЛЛОВ Алексей Константинович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора истории второй половины XVI – начала XX в. Института истории Сибирского отделения Российской академии наук; доцент кафедры отечественной истории Новосибирского государственного университета. E-mail: alkir.nsk@gmail.com

МАНЬКОВА Ирина Леонидовна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник сектора методологии и историографии Института истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук (г. Екатеринбург). E-mail: ilman.08@mail.ru

МАРИНЕНКО Яна Сергеевна, аспирантка кафедры истории Древнего мира, Средних веков и методологии истории исторического факультета Томского государственного университета. E-mail: janemarin@mail.ru

МУЧНИК Виктор Моисеевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Древнего мира, Средних веков и методологии истории Томского государственного университета. E-mail: victor@tv2.tomsk.ru

НАУМОВ Николай Николаевич, аспирант кафедры истории Средних веков исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. E-mail: nn-naumov@mail.ru

ПАНОВА Алёна Евгеньевна, учитель истории и обществознания МКОУ «Кочковская средняя школа» (Новосибирская обл.). E-mail: aphina-08@mail.ru

ПЕРОВА Марина Андреевна, аспирантка исторического факультета Курганского государственного университета. E-mail: perova_marina91@mail.ru

ПЕТИН Дмитрий Игоревич, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Омского государственного технического университета; главный архивист Исторического архива Омской области. E-mail: dimario86@rambler.ru

ПЕТРИКОВ Константин Александрович, аспирант кафедры истории России до начала XIX века исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. E-mail: konpetrk@gmail.com

ПОПОВ Алексей Алексеевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений и зарубежного регионоведения Южно-Уральского государственного университета (г. Челябинск). E-mail: aaporov@susu.ru

ПОТАПОВА Наталья Анатольевна, аспирантка гуманитарного института Новосибирского государственного университета. E-mail: skna17talya@mail.ru.

РУМЯНЦЕВ Петр Петрович, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Томского государственного университета. E-mail: petroom@mail.ru

СИНЕГУБОВ Станислав Николаевич, доктор исторических наук, профессор кафедры истории, социально-экономических и общественных дисциплин Ишимского педагогического института (филиал Тюменского государственного университета). E-mail: globus_75@inbox.ru

СКИПЕРСКИХ Александр Владимирович, доктор политических наук, профессор кафедры гуманитарных дисциплин Научно-исследовательского университета «Высшая школа экономики» (г. Пермь). E-mail: pisatels@mail.ru

СМОКОТИН Станислав Владимирович, соискатель кафедры истории России и политологии Томского государственного архитектурно-строительного университета. E-mail: smokwa@sibmail.com

СТРОГЕЦКИЙ Владимир Михайлович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории, регионоведения и журналистики Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. E-mail: vstrog@rambler.ru

ТАРАСОВ Олег Александрович, кандидат исторических наук, доцент, заместитель начальника кафедры философии и истории Академии права и управления Федеральной службы исполнения наказаний (г. Рязань). E-mail: socratia@yandex.ru

ХАЗАНОВ Олег Владимирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Древнего мира, Средних веков и методологии истории Томского государственного университета. E-mail: klio1@yandex.ru

ЧЁРНАЯ Мария Петровна, доктор исторических наук, заведующая лабораторией археолого-этнографических исследований Западной Сибири, профессор кафедры археологии и исторического краеведения Томского государственного университета. E-mail: mariakreml@mail.ru

ЧЕРНОВ Анатолий Константинович, студент четвертого курса исторического факультета Томского государственного университета. E-mail: anatolij.chernov.1995@mail.ru

ШИЛОВ Сергей Павлович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории, социально-экономических и общественных дисциплин Ишимского педагогического института (филиал Тюменского государственного университета). E-mail: sshilov@mail.ru

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА. ИСТОРИЯ

Научный журнал

2017 № 47

Председатель редакционного совета – Э.В. Галажинский

Главный редактор – В.П. Зиновьев

Ответственный секретарь – П.П. Румянцев

Подписано к печати 21.06.2017 г. Формат 60х84¹/₈. Бумага белая писчая. Гарнитура Times New Roman.

Цифровая печать. Усл. печ. л. 16,7. Тираж 60 экз. Заказ № 2613. Цена свободная.

Дата выхода в свет 04.07.2017 г.

Редактор – К.В. Полькина

Корректор – Н.А. Афанасьева

Оригинал-макет К.В. Полькиной

Дизайн обложки Л.Д. Кривцовой

Редакторы-переводчики – Н.А. Глущенко, В.Н. Скок

Журнал отпечатан на полиграфическом оборудовании

Издательского Дома Томского государственного университета

634050, г. Томск, Ленина, 36

Телефон 8+(382-2)–53-15-28

Учредитель – Томский государственный университет

Периодичность издания шесть номеров в год. Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию.

Ознакомиться с полнотекстовой версией журнала и требованиями к оформлению материалов можно на сайте: <http://journals.tsu.ru/history>

Founder – Tomsk State University

Tomsk State University Journal of History is issued six times per year. The Journal uses double-blind peer review of all articles.

Full-text versions of the issues are available on the website of the Journal: <http://journals.tsu.ru/history>.

The instruction for authors on paper submission is on the website of the Journal: <http://journals.tsu.ru/history>. Free price

ISSN 1998-8613, e-ISSN 2311-2387

Адрес издателя и редакции:

634050, г. Томск, пр. Ленина, 36,
Томский государственный университет»,
редакция журнала «Вестник ТГУ. История»
Телефон 8(382-2)–52-96-67
Факс 8(382-2)–52-98-46
Ответственный секретарь – П.П. Румянцев
E-mail: petroom@mail.ru

Editorial Office and Publisher Office address:

TSU Journal Editorial Board, Tomsk State University
34 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050
Tel: 8(382-2)–52-96-67
Fax: 8(382-2)–52-98-46
Executive Editor: Peter Rumyantsev
E-mail: petroom@mail.ru

Издательство:

634050, г. Томск, пр. Ленина, 36,
Томский государственный университет,
Издательский Дом ТГУ
Телефон 8(382-2)–52-96-75
E-mail: rio.tsu@mail.ru

Publisher:

Publishing House of Tomsk State University,
36 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050
Tel: 8(382-2)–52-96-75
E-mail: rio.tsu@mail.ru